

CONAN™

КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ

Северо-Запад®

Ремисс КЭНН

КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1997

УДК 820 (73)
ББК 84 (7США)
К 63

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

К 63 **Конан и битва бессмертных: Роман и повести.** —
СПб., «Северо-Запад», 1997. — 464 с.
ISBN 5-7906-0028-X.

В сборник вошли роман К. Стайла «Дань с жемчужных островов», повести Д. Мак-Грегора «Битва бессмертных» и Т. Доннелла «Змеиный эликсир».

К 8200000000

ББК 84 (7США)

© Обложка. К. Kelly, 1991
© Составление и подготовка текста, серийное
оформление обложки и форзаца.
«Северо-Запад», 1997

ISBN 5-7906-0028-X

Пролог

Среди темно-голубых вод моря Вилайет, игравших и переливавшихся под лучами жаркого летнего солнца, раскинулись Жемчужные острова. Казалось, боги, несколько тысячелетий назад обрушившие на неразумных людей свой гнев и превратившие некогда населенные земли в бескрайние водные просторы, вдруг опомнились, сменили гнев на милость и создали эту благословенную твердь. Словно зализывая давние раны, морские волны мягко касались песчаных берегов. Легкий ветер играл в кронах сильных, крепких деревьев, обильно покрывавших пологие горные склоны. Всего тут хватало для спокойной, сытой, размеренной жизни: плодородная земля щедро делилась своими плодами, горы не прятали ни железа, ни меди, ни олова, леса поставляли превосходную древесину, море давало рыбу и, самое главное, жемчуг.

Нигде во всем мире было не сыскать перлов прекраснее. И молочно-белые, и нежно-розовые, словно небо на ранней зорьке, и голубые, как прозрачная вода в горных ручьях, и желто-золотистые, напоминающие солнечный свет, и темно-синие, похожие на сердитую грозную тучу, и черные, как безлунная ночь, зеленые, красные — только у берегов Жемчужного Архипелага можно было отыскать такие сокровища. Говорили, что в далеком Кхитае тоже добывают жемчуг. Но там он встречался лишь белый да изредка слегка розоватый, и, кроме того, очень редко он бывал правильной круглой формы. Нет, определенно, в миг, когда

боги создавали эти острова, их сердца были полны любовью к несчастным детям своим, которые порой сами не ведают, что творят.

Конечно, и на Жемчужных островах цветы цветут и земля плодоносит не круглый год. Иногда Светоносный Митра не достаивает этот край своим взглядом. Случаются и страшные дни, когда ветры становятся злыми и колючими, а море вздыбливает волны, словно грозит всему живому десятками огромных кулаков. И болезням, и смертям не заказана сюда дорога, и нищие и калеки ходят по этой земле, но все же это хорошее место. Воздух тут теплый и влажный, хотя дожди выпадают редко, зимний ветер не слишком жесток. Обилие чистых ручьев, добрая почва, крепкие, здоровые леса — что еще надо человеку, умеющему трудиться, чтобы не жаловаться на судьбу?

А местные земледельцы, ремесленники и ловцы жемчуга — аки, как их тут называли, умели и любили работать. Труд аки, правда, был и наиболее тяжел, и наиболее опасен. В море водились прожорливые хищники, злобные огромные спруты и очень странные существа, которых аки считали морскими демонами. По виду демоны почти ничем не отличались от раковин, в нежно-розовой плоти которых вырастали чудесные жемчужины, разве что были немного покрупней, но тот, кому хоть раз в жизни приходилось спускаться глубоко под воду, подтвердит, насколько обманчивым становится там зрение. Стоило неосторожному или неопытному ныряльщику приблизиться к морскому демону, как тот мгновенно смыкал тяжелые челюсти, напоминая створки обыкновенных раковин, и несчастный оказывался в ловушке. Ему оставался лишь один выход — расстаться с ногой или рукой, оставив ее кровожадному чудовищу, но зато спасти свою душу. Пожалевшие свою брэнную плоть, как рассказывали бывалые аки, были обречены бродить по дну морскому, пугая подводных обитателей и невыразимо страдая оттого, что их души никогда не воссоединятся с душами близких им людей.

И все же ремесло аки, хоть и такое опасное, постоянно привлекало все новых и новых юношей и девушек. Ловец

жемчуга должен был обладать незаурядной силой, иметь прекрасные легкие, чтобы набранного в них воздуха хватало на долгое пребывание под водой, а также очень зоркие глаза, чтобы не тащить наверх всякий мусор, а определить ценность жемчужины еще на глубине и чтобы не стать жертвой демонов. Несмотря на все это, девушек среди аки было гораздо больше, чем мужчин. К тому же за тот короткий срок, что был отпущен аки для активного труда, многие из них успевали нажить кое-какое состояние, которого хватало на то, чтобы построить небольшой аккуратный домик, обзавестись семьей и позволить себе заниматься чем-нибудь для души. Видимо, поэтому женщины и стремились в море, ибо другой возможности заработать деньги и обрести самостоятельность у них не было. О том же, что короткий срок обычно отпущен аки не только для работы, но и для жизни, старался не думать никто. Главное — вовремя остановиться, чтобы морские боги и демоны не успели выпить все жизненные соки смельчака.

Не думала о печальном и Аделла, собиравшаяся ранним теплым утром выйти в море. Солнце уже поднялось над водной гладью и окрасило мелкий прибрежный песок в светло-золотистый с легким оттенком розового цвет. Ветра почти не было, и крошечные лазурные волны, лениво плескавшиеся в небольшой удобной бухточке, слегка поглаживали пологий берег. Вдвоем с Хакканом, вызвавшимся сопровождать девушку, они легко оттолкнули лодку от берега, и Хаккан сел на весла. Наиболее осторожные аки, не стремившиеся побыстрее расстаться с жизнью, никогда не отправлялись в море поодиночке. Кроме того, гребля отнимала немало сил, а ловцу жемчуга они всегда были необходимы ничуть не менее, чем запас воздуха в легких.

Хаккан был очень удобным спутником. Бывший аки, доживший до преклонного возраста, он всегда мог дать дельный совет, поделиться опытом, рассказать что-нибудь интересное. Кроме того, он был нежадным и всегда довольствовался самой малой долей от добычи. Да это и неудивительно, ибо старик так и не обзавелся семьей, а много ли ему одному было надо?

— Хорошая вода сегодня. Теплая и прозрачная, — сказала молодая ныряльщица, поглаживая рукой волну.

Однако старик не поддержал разговор, а лишь молча кивнул и сильнее налег на весла. Какое-то время они плыли в тишине, нарушаемой лишь плеском воды, взбудораженной веслом. Когда лодка отошла от берега довольно далеко, Хаккан остановился, перегнулся через борт и долго смотрел вниз, словно мог увидеть самое дно. Потом он покачал головой, сделал еще несколько сильных гребков и только после этого втащил весла в лодку.

— Здесь? — спросила Аделла. — Ты уверен?

— Болтай поменьше, — сурово ответил старик. — Силы тебе еще пригодятся. Не трать их понапрасну.

Хорошенькая аки улыбнулась, покивала головой и начала готовиться к прыжку в воду. Она подняла со дна лодки два увесистых камня, старательно обвязала каждый из них прочной веревкой, подергала ее, проверяя, насколько надежны узлы, а затем прикрепила другой конец веревки к щиколоткам. Теперь к каждой ноге был привязан увесистый груз, который не даст всплыть раньше времени. После этого Аделла скинула легкое платье, оставшись в тонкой набедренной повязке, не стеснявшей движений, и повязала на талию узкий кожаный пояс. К поясу она привесила сетчатую сумку и маленький, но очень острый нож в ножнах. В руку девушка взяла другой нож, побольше, и поднялась со скамьи.

— Ну, старик, пожелай мне успеха, — слегка дрогнувшим от волнения голосом попросила она и поставила изящную босую ступню на бортик лодки.

— Не спеши, — остановил ее Хаккан. — Дай-ка мне взглянуть, все ли в порядке. — Он внимательно осмотрел аки, подергал пояс, проверил, крепки ли ячейки в сетке, и только после этого улыбнулся: — Ступай. Да хранят тебя боги от беды.

Аделла глубоко вдохнула, набрав полную грудь воздуха, и решительно шагнула вниз. Тяжелые камни тут же потянули ее ко дну. Она не ошиблась: вода в это утро действительно была теплой, нежной и на удивление про-

зрачной. Совсем еще юная, но уже достаточно опытная ныряльщица снова как в первый раз ощутила восторг от ощущения полета. Ей казалось, что она плавно парит в небе и, стоит раскинуть руки, они превратятся в крылья, уносящие ее в безбрежную даль. Это и правда был полет, но полет вниз, ко дну морскому, скрывавшему множество своих тайн.

Вода быстро меняла цвет, становясь все более темной. Нежно-лазорева на поверхности, она теперь больше напоминала роскошный, сверкающий отполированными гранями сапфир. Мелкие рыбки, любопытные, как малые дети, подплывали к Аделле и внимательно смотрели на нее большими выпученными глазами. Любуясь ими, девушка снова и снова изумлялась их необычной красоте. Перламутровые, голубые, желтые, полосатые, пятнистые — такого разнообразия красок ей никогда не приходилось видеть на земле. Аки не удержалась и протянула руку, чтобы погладить одну из рыбок, подплывших к ней слишком близко, но подводная красавица отшатнулась и, едва заметно махнув хвостиком, исчезла.

Глубже, глубже... До дна оставалось совсем немного, и Аделла подняла над головой руки, чтобы ускорить свой полет. Длинные волосы струились у нее над головой, из рта время от времени вырывались вереницы мелких пузырьков, однако воздуха в легких оставалось еще много. Сердце застучало сильнее, но это было, скорее, от переполнявшей душу аки радости, которую она испытывала каждый раз, когда попадала в подводное царство.

Вдруг ноги Аделлы коснулись твердой почвы — она достигла дна. Здесь было гораздо прохладнее, чем наверху, однако холода девушка не чувствовала. Откуда-то далеко сверху лился мягкий рассеянный свет, словно это светила бледная луна, скрывшаяся за неплотным облаком. Босые ступни аки слегка погружались в мягкий песок, но это несколько не мешало ей идти. Сделав несколько шагов, Аделла увидела небольшую подводную скалу, густо покрытую все время шевелившимися водорослями, а возле нее — довольно крупную раковину. Створки ее были плотно сжа-

ты, но опыт подсказал девушке, что раковина не пустая. Аккуратно подняв находку, она положила ее в сетку.

Еще пара шагов — и снова зоркие глаза рассмотрели желанную добычу. Потом еще одну, еще... Скоро уже шесть раковин лежали в сетке, приятно оттягивая ее. Вот это удача! Аделла засмеялась бы от восторга, если бы могла. И тут она почувствовала, что запас воздуха почти истощился. Странно, но она совсем не думала об этом. Быстрым и точным движением аки перерезала веревки, крепившие к ее ногам камни, прижала руки к бокам и быстро, словно стрела, выпущенная умелым и сильным воином, устремилась вверх, прорезая воду, распугивая стайки рыб.

Вода становилась все светлее и светлее, призрачный свет сменился ослепительным сиянием, и, пробив последний слой, Аделла вынырнула на поверхность совсем неподалеку от лодки. Она с наслаждением вдохнула теплый воздух и, резко взмахивая руками, поплыла вперед. Еще через пару мгновений она уже достигла борта и, уцепившись за протянутую Хакканом руку, забралась внутрь.

Тяжело дыша, аки показала своему спутнику сетку, затем, распустив завязки, вывалила ее содержимое на дно лодки. Старик довольно хмыкнул и принялся помогать Аделле раскрывать створки раковин. В пульсирующей нежно-розовой мякоти первой же раковины оказалась чудесная нежно-голубая жемчужина, во второй — белая. Довольная ныряльщица счастливо рассмеялась, но тут же нахмурилась: третья и четвертая раковины были пустыми. Но зато пятая и шестая!... В пятой лежало истинное сокровище, редчайшее чудо — черная жемчужина, крупная, идеально круглая, а содержимое последней раковины восхитило Аделлу так, что она не удержалась и завопила от счастья. В шестой раковине скрывались две темно-синие жемчужины. Две! Это была удивительная удача, знак, который все аки расценивали как особую милость морских божеств.

— Ты посмотри, старик! — захлебываясь от восторга, вскричала девушка. — Ты посмотри!

Хаккан держал добычу на раскрытой ладони и любовался ее потрясающей красотой.

— Нет, я буду нырять снова! — воскликнула Аделла. — Это благоприятный знак!

— Будешь, будешь, — кивнул Хаккан. — Но позже. Отдохни как следует.

— Как они великолепны! — не унималась аки.

— Да... — протянул старик. — А сколько с ними связанных удивительных историй...

Аделла затихла, понимая, что сейчас может услышать один из необыкновенных рассказов, которыми славился Хаккан.

— Таких удивительных, что не сразу и поверишь, что такое вообще могло случиться, — добавил он и замолчал.

Аделла тоже не произносила ни слова, боясь, что старик передумает и не расскажет ей ничего. Но бывший ловец жемчуга задумался так глубоко, что его юная спутница в конце концов не выдержала:

— Может, ты расскажешь...

Хаккан внимательно посмотрел на нее и усмехнулся.

— Слышала ли ты когда-нибудь о Конане? — неожиданно спросил он.

— О Конане-киммерийце? — удивилась Аделла. — Да кто же о нем не слышал? Но при чем тут жемчуг?

Не обращая внимания на ее вопросы, старик снова улыбнулся, долго смотрел вдаль и наконец заговорил:

— Это было очень давно. С тех пор прошло более двух десятков лет. Ты тогда и на свет-то не появилась, а я, глупый искатель приключений, хоть и знал о Жемчужных островах, но не бывал еще тут ни разу...

Глава первая

Конан стоял на вершине облепленного водорослями громадного валуна, о который со страшным грохотом бились высокие волны, распадавшиеся от удара на тысячи крохотных брызг. Они сверкали и искрились в лучах солнца, медленно поднимавшегося над морем, и в их волшебном сиянии валун выглядел огромным призраком, вынырнувшим из морских глубин. Только что киммериец пережил одно из самых удивительных приключений в своей жизни, настолько походившее на кошмарный сон, что Конан сам себе и то верил с трудом. Он понимал, что если и расскажет кому-либо обо всем случившемся, то очень и очень не скоро, ибо любой слушатель, конечно же, обвинит его в сумасшествии.

Вскинув над головой согнутую в локте руку, чтобы отражавшиеся от воды солнечные лучи не били по глазам, варвар пристально вглядывался в горизонт, где плавно покачивался на волнах едва доступный взору корабль. Он медленно приближался, и вскоре стало ясно, что это галера. «Ильбарс», на котором плыл Конан, попал в бурю и разбился об эти скалы, но киммериец надеялся, что две другие галеры, сопровождавшие погибшее судно, спаслись и теперь разыскивают тех, кто остался в живых. Галера подошла еще ближе, еще... Так и есть. «Ксапур»! Слава всем Светлым богам! Он снова спасен. Жизнь продолжается.

С галеры заметили человека, стоявшего на камне, и до Конана донеслись отголоски восторженных криков. Несколь-

ко воинов сотни Синих Тюрбанов, находившихся на борту, вздели над головами руки и что-то радостно вопили, потрясая оружием. Конан замахал руками в ответ, ловко, словно ящерица, спустился по почти отвесному склону, прыгнул в воду и поплыл навстречу галере.

Вскоре он уже поднимался на борт, стряхивая с длинных волос соленые брызги и счастливо улыбаясь, глядя в знакомые приветливые лица. Окружившую его толпу раздвинул широкоплечий коренастый мужчина с пронзительными темно-кариими глазами. Он положил на плечи Конана тяжелые сильные руки, мощные мускулы которых вполне могли поспорить с великолепными мускулами киммерийца, и, явно предчувствуя ответ, спросил:

— А где остальные?

Варвар показал на обломки «Ильбарса», разбросанные по скалам:

— На дне.

— И Кер Вардан?

Конан молча кивнул, понимая, насколько Салиду, кормчему «Ксапура», тяжело слышать о гибели друга, и искренне разделяя его горе.

— Глазам своим не верю! Тебя и Драконьи Челюсти не пережевали! — послышалось из толпы, и к варвару шагнул Талаи — сотник Синих Тюрбанов. Он окинул киммерийца долгим взглядом, а затем вздохнул: — Что ж, хоть один жив, и то ладно. — Потом улыбнулся и добавил: — Один-то один, зато какой!

Конана теребили, тормошили, расспрашивали. Сотня Синих Тюрбанов, славившаяся удивительной сплоченностью, направлялась в Шандарат на трех разных галерах, которые, попав в жуткую бурю, потеряли друг друга из вида. «Ильбарс», как только что выяснили те, кто плыл на «Ксапуре», погиб, а о судьбе «Ветра Акиты» пока ничего было не известно, поэтому-то воины и спешили выяснить, что ведомо киммерийцу, чтобы знать наверняка, справлять по своим друзьям тризну или надеяться, что боги смиловались над ними. Конан долго рассказывал о гибели своей галеры, но в конце концов рассердился и рывкнул:

— Хорошо же вы встречаете того, кто одной ногой ступил на Серые Равнины! А где увесистый кусок мяса и выпивка?

— Как где? — отозвался один из воинов. — В каюте.

— Так чего же мы ждем? — воскликнул варвар и поспешил вниз по трапу туда, где ему было приготовлено обильное угощение, о котором давно тосковала его бездонная утроба.

Буйное пиршество длилось долго, пока наконец все не уснуло, кто прямо на столе, лицом в луже пролитого вина, кто под лавкой, кто под столом. На всей галере не выпил ни капли лишь кормчий. Это был закаленный морской волк, свято соблюдавший правила, которые подсказал ему солидный опыт мореплавания. Команда и гребцы получили свою долю угощения, но весьма скудную. Сыты они, конечно, были, но зато нисколько не кривя душой вполне могли бы пожаловаться на жажду. Однако никто не роптал, прекрасно зная, что, стоит достичь порта, и они наверстают упущенное с лихвой.

Утром следующего дня кормчий Салид, обладавший не менее острым зрением, чем Конан, заметил на горизонте мачту.

Ко всеобщему ликованию, это оказалась «Акита», которую ураган отнес к Жемчужным островам. Теперь она, как и «Ксапур», шла на поиски пропавшего «Ильбарса». «Акита» начала приближаться, и когда расстояние между галерами сократилось настолько, что между бортами уже можно было перебросить доску, на палубу «Ксапура» прыгнули несколько человек. Среди них выделялся могучий рослый кушит, на черном лице которого сияла ослепительно белая улыбка. Он кинулся к Конану и с силой сжал киммерийца в объятиях. Окажись мускулы варвара хоть чуточку не такими крепкими, его кости превратились бы в груды мельчайших обломков. Но Конан лишь радостно рассмеялся и похлопал огромной ладонью по широкой спине давнего приятеля.

— Юма! Как хорошо снова видеть тебя, черный мерзавец! — возопил Конан.

— Мне тоже приятно посмотреть в твою нахальную рожу, — тут же отозвался кушит. — Я уже начал опасаться, что ты переселился на дно!

— И не надейся. Мне еще по земле ходить не надоело.

— А остальные? — вдруг став серьезным, спросил Юма.

— Остальным повезло меньше, — тоже серьезно ответил Конан. — Все погибли.

— А как же ты выкрутился?

— Я попозже расскажу тебе. — Киммериец помолчал немного и добавил: — Если поверишь.

— С небес спустилась волоокая красotka и, прижав тебя к пышной груди, бережно отнесла на вершину скалы? — захохотал кушит, к которому снова вернулось хорошее настроение. Он вообще редко пребывал в дурном расположении духа, а сейчас радость от того, что друг жив и здоров, просто переполняла его.

— С небес-то с небес, только не красotka. — Конан нахмурился. — Ну да ладно, все потом.

— У вас еще будет время поболтать, — вмешался Талаи, стоявший рядом и с улыбкой наблюдавший за дружеской перепалкой. — А сейчас пора отправляться в путь. Мы и так потеряли много времени. Нас ждут дела.

Люди с «Акиты» вернулись обратно, и обе галеры медленно направились к Шандарату, куда и лежал изначально их путь. Как ни тяжела была утрата, поручение блистательного Илдиза Туранского все же надлежало выполнить до конца, а для этого вполне достаточно и двух галер.

Солнце уже миновало середину небосклона и начало медленно катиться к горизонту, когда впереди показались очертания шандаратской гавани. Справа и слева от нее высились две башни. Одну из них Конан узнал сразу же — маяк, а вот вторая появилась тут, видимо, уже после его памятного посещения этого города. Однако долго рассуждать, для чего она предназначена, киммерийцу не пришлось. Стоило галерам подойти к прибрежным водам, как с башни раздался удар гонга, а следом за ним, чуть позже, — еще один. Талаи, заметив недоуменный взгляд варвара, пояснил, что, когда к гавани приближается галера, на сторожевой

башне бьют в гонг один раз, если подходит торговое судно — два, пиратское — три. Галеры на пристани встречали отряд городской стражи, торговцев — сборщики даней и купцы, а к пиратам выходили особо доверенные люди, которые вели с ними переговоры.

Кормчие «Ксапура» и «Ветра Акиты», а также сотник Синих Тюрбанов переговаривали с начальником стражи, и вскоре воины Илдиза Туранского и несколько человек из команд галер уже ступили на берег и поспешили к городским воротам. Впереди еще был целый вечер, суливший отдых и развлечения.

Великолепный, блистательный Шандарат встретил их шумом, гоном, сутолокой и разноголосицей. Совсем неподалеку от Южных ворот, почти у самой городской стены, гудел пестрый базар, один из многих в этом богатом торговом городе. Всюду: и под навесами из соломенных циновок, и в палатках из разнообразнейших тканей, и прямо под открытым небом — шла бойкая купля-продажа. Гудели и визжали голоса торгующихся, взмахивали руки в роскошных шелках и простых полотняных одеяниях, звенели монеты... Хлопали двери многочисленных харчевен, впускающая жаждущих и выпуская пьяных и сытых.

Среди всей этой столь милой сердцу Конана суеты под оглушительный грохот больших и маленьких барабанов, нестерпимый рев медных труб и нескончаемый визг разнообразнейших дудочек показывали свое удивительное искусство фокусники, шуты, заклинатели змей, танцовщицы, канатоходцы, пытаясь привлечь к себе внимание и хоть что-то заработать на хлеб, а если повезет, то и на мясо, вино и ночлег.

Конан невольно задержал шаг, залюбовавшись тем, как виртуозно работает заклинатель змей. Высокий сухоощавый темнолицый старик, похожий на вендийца, сидел, поджав под себя ноги, на ветхой циновке и с полужакрытыми глазами, приложив к тонким губам тростниковую свирель, играл тягучую жалобную мелодию. Полностью покорные звукам свирели, перед стариком раскачивались, почти стоя на хвостах, две сонные змеи. Заклинатель на мгновение

оторвал свирель от губ, и обе ядовитые гадины тут же пробудились и грозно зашипели, раскрыв огромные капюшоны с замысловатым рисунком, на котором отчетливо выделялись два круга. Но вот мелодия зазвучала снова, и обе твари, порождения Сета, покорно улеглись каждая в свою корзину. Не переставая играть, старик с трудом поднялся на ноги и плотно закрыл корзины тяжелыми крышками. Только после этого его свирель замолчала, и на смену музыке из корзин послышалось злое шипение, переходящее в тонкий свист, от которого кровь леденела в жилах.

Киммериец бросил заклинателю мелкую монету и хотел было порасспрашивать старика о его необычном ремесле, как откуда-то сверху донеслась барабанная дробь. Конан поднял голову, и увиденное заставило его позабыть обо всем на свете.

На невообразимой высоте по едва различимому глазом тонкому канату плавно скользил маленький человечек, державший в руках длинный шест. Он был одет лишь в ярко-желтые шаровары из какой-то легкой материи, которые нещадно трепал ветер. К талии смельчака был прикреплен маленький барабан, и канатоходец не только подпрыгивал, кувырчался, высоко подбрасывал шест и снова ловил его, но еще и умудрялся бить одной рукой в барабан.

— Вот бы так научиться! — восхищенно шепнул Юма, дергая Конана за рукав. — Представляешь, куда мы с тобой могли бы забраться?

Киммериец лишь усмехнулся в ответ и повернулся туда, откуда послышался новый, необычный звук. Возле яркого высокого шатра из красного, синего и зеленого шелка собралась горстка зевак, ожидающих какого-то представления. Они окружили невысокий, но очень большой барабан, который только что выкатили два кхитайца. Третий держал в руках странный предмет, похожий на узкую тыкву, и с силой дул в него, извлекая из этого музыкального инструмента дребезжащий, ноющий звук, напоминавший зудение осы. От этого звука у Конана заныли его вполне

здоровые зубы, но киммериец продолжал смотреть, надеясь увидеть что-нибудь необычное.

Его ожидание оказалось не напрасным. Полог шатра откинулся, и оттуда выбежала маленькая танцовщица. Ей было не больше пятнадцати лет. Миловидное личико с золотистой кожей, обрамленное иссиня-черными тяжелыми волосами, казалось еще прелестнее из-за застывшего на нем притворного испуга. Гибкую фигурку окутывали полосы разноцветного шелка, игравшего и причудливо переливавшегося в вечерних лучах солнца. Метнув на зрителей быстрый взгляд черных, слегка раскосых глаз, девушка легко вспрыгнула на барабан, слегка ударив в него босыми пятками.

Музыкант задул в свой инструмент еще сильнее, и противный звук стал громче. Маленькая танцовщица склонила голову набок, прислушиваясь, и вдруг, прижав ладони к щекам, начала беспокойно оглядываться, словно искала злую осу, летавшую где-то совсем близко. Вот назойливое насекомое попыталось напасть на девушку, и она начала отбиваться: тело ее изгибалось, руки взлетали, как две золотистые птицы, маленькие ножки часто-часто били в барабан, все громче гудевший под крохотными ступнями. Танцовщица падала на колени, вскакивала, снова падала, уже на живот, перекатывалась на спину и опять поднималась. Руки непрерывно мелькали, стараясь найти в складках одежды привязчивую осу и все разматывая и разматывая шелка.

Вот девушка уже обнажилась до пояса, и восхищенным взорам открылась юная упругая грудь, но тут хитрое насекомое залетело снизу. Плясунья завертелась с бешеной скоростью, разноцветные полосы вихрем взлетели вверх и тут же опали, оставив девушку обнаженной. Вдруг она вскрикнула, выгнулась дугой, запрокинув голову, и замерла. По телу, словно выточенному из драгоценного камня, прошла судорога: оса все же настигла бедняжку.

Зрители восторженно заревели, а юная красавица упорхнула в шатер. Конан, опалевший от увиденного, шагнул за ней следом, но чья-то рука удержала его.

— Остынь, приятель,— понимающе улыбнувшись, сказал Талаи.— Нас ждут дела.

Киммериец, тяжело вздохнув, согласился с сотником, и они двинулись дальше. Яркие краски, одуряющие запахи, разнообразнейшие звуки, которыми изобиловали базарные площади Шандарата, вскоре вытеснили из его души соблазнительный образ кхитайки, и когда Конан подходил к дверям харчевни «Приют странника», он уже не думал о красавице.

— Располагайтесь,— велел своим воинам Талаи, переговорив с хозяином харчевни,— а я отправляюсь во дворец Апарата, чтобы доложить о нашем прибытии. Затем будем ждать, когда владыка позовет нас. Так что, по крайней мере, до утра все свободны. Не тратьте все жалованье в один вечер. Кто знает, сколько мы еще пробудем здесь.

Он, как и все остальные, прекрасно понимал, что Апарат вряд ли заставит долго ждать людей, прибывших от Илдиза Туранского. Но даже вассал мог потомить слуг своего господина день-другой. Впрочем, кто как, а Конан не спешил в обратный путь, ибо знал толк во всевозможных утехах и умел ценить отдых, столь редко выпадавший ему.

Глава вторая

Воспользовавшись неожиданно выпавшей возможностью отдохнуть, расслабиться и развлечься, Конан немедленно отправился побродить по городу. В свое прошлое пребывание здесь он так и не рассмотрел Шандарат как следует, ибо сначала просто отъедался и отсыпался, не выходя из харчевни, а затем, после удачной вылазки в меняльную лавку Хеолота Дастры, богатейшего шандаратского ростовщика, был вынужден перебраться на городскую свалку, чтобы стражи порядка не могли разыскать его. Со свалки же он напрямик направился в поместье Неджеса, который тогда был советником Ашарата. Киммериец даже не подозревал, что задумал обобрать не простого толстосума, а сильного стигийского мага, способного раздавить его, как муху, одним пальцем.

Вспомнив, чем могло закончиться для него это приключение, не помоги ему старый верный дух Шеймис и воин Митры Фарал, варвар поморщился, словно у него разом заболели все зубы. Да, он был молод, глуп и чрезмерно самонадеян. С тех пор прошло около семи лет, за которые Конан успел многому научиться. Нет, он не стал намного более осторожным или менее самоуверенным, но зато изрядно поумнел, да и воинского опыта и мастерства у него заметно прибавилось, а кроме того, он в совершенстве овладел ремеслом вора и контрабандиста.

Он по-прежнему был молод, красив дикой, грубой мужской красотой, но черты юного необузданного хищника

надежно скрыл хоть и весьма тонкий, но довольно прочный налет цивилизации, окружавшей его в последние годы. Теперь он не дал бы так дешево купить себя и не ринулся бы в очередную авантюру сломя голову, не прикинув шансов на успех. Во всяком случае, он так думал.

Посетив несколько небольших трактирчиков, в каждом из которых он выпивал по паре кружек терпкого красного вина, закусывая их то свежей сочной рыбой, то солидным куском в меру прожаренного мяса, Конан наконец-то более-менее удовлетворил свою ненасытную утробу, и душа его возжаждала зрелищ. Он жестом подозвал хозяина харчевни, и тот мгновенно очутился возле его стола.

— Чего-нибудь еще? — спросил он, ощупывая опытным взглядом кошельки, висевший на поясе киммерийца.

— Нет. Хочу задать тебе пару вопросов, — сыто улыбаясь, ответил Конан.

Хозяин заметно поскущел, но тем не менее весь его вид по-прежнему выражал готовность услужить посетителю.

— Мне бы хотелось посмотреть что-нибудь эдакое... Такое, чего нет в других местах...

Конан сам не знал, чего ему хочется, и потому выражал свои мысли весьма невразумительно. Однако трактирщик понял его и радостно закивал головой, так что его жирные щеки быстро закачались из стороны в сторону.

— Ты когда-нибудь бывал в Шандарате? — спросил он.

— Нет, — соврал Конан, вовсе не желая делиться с трактирщиком своими воспоминаниями.

— Но ты слышал хотя бы о мастафах?

Еще бы не слышал! Не только слышал, но и видел и даже сам чуть не стал для них сытным обедом. Эта стигийская гадина, обворовать которую киммериец так и не сумел, поймала его, связав заклинанием неподвижности и вышвырнула, словно пададь, на Обглоданный остров, где, кроме голых камней и своры дряхлых, но все еще достаточно свирепых мастафов, ничего не было. И не оказавшись рядом Шеймис, который разбудил в псах такую ярость, что они пожрали друг друга, не сидел бы Конан сейчас в этой харчевне.

— Сторожевые псы? — изображая изумление, спросил киммериец. — Что в них интересного?

— Если бы только сторожевые, — начал пояснять трактирщик. — Их разводят только в нашем городе, ибо справиться с целой сворой этих кровожадных тварей могут лишь очень и очень немногие. Вырастив до определенного возраста, псов обучают. Кто-то из них становится сторожами, и надо сказать, что те, кто покупает их для охраны, могут спать спокойно с открытой дверью. Но чаще мастафов натаскивают для боев. Боевая собака стоит очень дорого, ведь она может принести хозяину немалую прибыль, если победит. Но несмотря на высокую цену, их охотно покупают. Раз в неделю устраиваются бои. Чтобы посмотреть на них, надо заплатить серебряную монету, но, уверяю тебя, оно того стоит.

— Ладно, не тужи! — вскричал Конан. — Куда мне идти?

— Неподалеку от Южных ворот, откуда идет Туранская дорога, есть небольшой амфитеатр. Он построен специально для собачьих боев. Если хочешь увидеть это, поторопись. Бои идут до захода солнца.

Конан поблагодарил трактирщика, бросил ему мелкую монету, которую тот поймал с неожиданной для такого увальня ловкостью, и поспешил к выходу. Ему не надо было спрашивать, куда идти, ибо он прекрасно помнил, как добраться до Южных ворот, ведь именно близ Туранской дороги находилось когда-то поместье Неджеса, и киммериец не раз побывал возле него.

Жирный трактирщик не обманул, и вскоре Конан увидел амфитеатр. В центре его располагалась площадка, посыпанная плотно утрамбованным морским песком, которую окружала высокая и, по-видимому, прочная решетка из толстых металлических прутьев. От площадки двумя полукругами вверх расходились ряды скамеек. Один проход между скамьями предназначался для зрителей, по другому выпускали псов, каждый раз поднимая для этого тяжелую решетку с зубьями.

Бросив человеку, стоявшему возле входа, серебряную монету, киммериец бесцеремонно отодвинул нескольких

зевак и не без труда освободил себе местечко поближе к площадке. Кто-то попытался было возражать, но, взглянув на увесистые кулаки Конана и на лицо, украшенное боевыми шрамами, тут же замолчал. Варвар уселся поудобнее и приготовился к небывалому зрелищу.

Он пришел как раз вовремя. Только что закончился очередной поединок, с площадки унесли изодранный в клочья труп неудачника, а победитель застыл в грозной позе, исподлобья поглядывая на решетку, откуда должен был появиться следующий противник. Это был роскошный зверь, и даже Конан, отнюдь не питавший к мастафам добрых чувств, не мог не восхититься им. Весь облик огромного, мощного кобеля дышал силой. Под ярко-рыжей лоснящейся шкурой бугрились мышцы, крупная лобастая голова была слегка опущена, резко очерченные ноздри подрагивали, улавливая множество возбуждающих запахов, из слегка приоткрытой пасти по мясистым брылям стекала слюна, толстый тяжелый хвост, слегка загнутый кверху, был прижат к отставленной назад задней лапе.

Раздался противный скрежещущий звук, и решетка медленно поднялась. На площадку ленивой трусцой выбежал крупный светло-палевый мастаф, но стоило ему увидеть противника, как шерсть за загривке палевого поднялась, и он с глухим рычанием бросился на рыжего. Одно неуловимое движение, и рыжий отскочил в сторону. Ослепительно белые клыки его противника сомкнулись, но его добычей оказался воздух. Не дав врагу опомниться, рыжий прыгнул и тут же располосовал палевому шею. Тот взвизгнул и замотал головой, разбрызгивая ярко-алую кровь, однако не оставил попыток растерзать рыжего, снова стремительно бросился к нему и толкнул широкой грудью, очевидно намереваясь сбить его с ног. Попытка не удалась. Рыжий вновь ускользнул от него, успев при этом выдрать из бока палевого солидный кусок плоти.

Зрители вопили, размахивали руками, били кулаками по скамьям и плечам соседей, на что те совершенно не обращали внимания, увлеченные кровавым зрелищем. Конан, дрожа от восторга и возбуждения, сжав стальные кулаки, не

отрывал жадного взгляда от рыжего пса. Он всей душой желал великолепному зверю победы, и она пришла даже раньше, чем на то рассчитывала улюлюкающая толпа.

Рыжий в длинном прыжке повалил палевого на мокрый от крови песок, впился издыхающему противнику в горло и изо всех сил замотал головой так, что во все стороны полетели клочки мяса, шкуры и шерсти. Несчастный бил лапами по воздуху, но вскоре, издав длинный вой, удивительно напоминавший человеческий стон, затих. Рыжий выплюнул добычу и, сделав несколько шагов в сторону, сел и принялся зализывать незначительные раны, которые успел нанести ему враг.

Толпа взорвалась оглушительными криками. Кто-то орал от восторга, кто-то сыпал проклятиями, и только равнодушных в амфитеатре не было. Возле одной из скамеек, стоявшей совсем близко к проходу, откуда выпускали собак, шел ожесточенный спор. Люди кричали так громко, что Конан невольно заинтересовался и обратился к своему соседу:

— Что там происходит?

Щуплый низкорослый человечек, напоминающий невероятную помесь крысы и обглоданного кота, с готовностью откликнулся:

— Ты здесь впервые, приятель?

Киммериец окинул недомерка взглядом и досадливо поморщился, однако кивнул:

— Да. Я вообще впервые в Шандарате.

— Тогда сейчас все объясню. На тех скамьях обычно сидят владельцы собак. По правилам боев, установленным давным-давно и никогда не нарушаемым, пес должен участвовать не более чем в трех поединках. Вообще-то справедливое требование. Так вот, это был третий бой рыжего. Скорее всего, его хозяйка отказывается снова выставлять пса сегодня, а хозяин палевого, у которого есть еще несколько собак, наверное, настаивает на четвертом поединке...

— Хозяйка? — не скрывая своего изумления, перебил своего собеседника Конан.

— Сразу видно, что ты чужак в нашем городе, — усмехнулся щуплый. — Иначе ты знал бы, кто такая прекрасная Амарис.

Конан вытянул шею и попытался разглядеть таинственную хозяйку роскошного бойцового пса, который привел киммерийца в такой восторг. Спор у скамьи владельцев собак утих, люди разошлись, и варвар наконец увидел эту женщину. Высокая, стройная, прекрасно сложенная, она резко поднялась со своего места и решительно направилась вниз, на площадку. Великолепные темно-каштановые волосы, отливавшие на солнце старой медью, были уложены в несложную прическу, служившую, по всей вероятности, не для красоты, а для удобства. Гибкую фигуру, в каждом движении которой чувствовалась уверенность и сила, плотно облегал костюм из мягкой серой кожи: узкие брюки, заправленные в высокие сапоги, и короткая куртка без застежки, из-под которой выглядывала ярко-зеленая шелковая блузка. В правой руке, облаченной в перчатку, Амарис держала сложенный пополам маленький хлыст, которым нервно постукивала по голенищу сапога. Стремительная, как порыв ветра, она быстро спустилась вниз и подошла к рыжему мастафу.

Остановившись в нескольких шагах от зверя, женщина пристально взглянула на него и что-то сказала. Пес повернул к хозяйке тяжелую голову с черной, словно одетой в маску, мордой и медленно, как бы нехотя, подошел, вильнул хвостом и сел возле ее ног. Амарис положила руку на голову собаки, слегка потрепала ее, почесала за ухом и снова что-то проговорила. Пес поднялся на ноги и не спеша потрусил к выходу. Женщина удовлетворенно кивнула и вернулась на свою скамью.

Конан не отрываясь глядел на красавицу. Его любезное сердце стучало в горле, щеки заливал безумный жар, а тело колотил озноб. Хороша! Необыкновенно хороша! Ему еще никогда в жизни не приходилось встречать женщин, в которых грация, изящество и потрясающая женственность так блестяще сочетались бы с силой, уверенностью, волей и смелостью, причем сила эта, скорее, была

внутренней, скрытой и от этого еще более притягательной. Он до такой степени размышлял, обдумывая, как бы подбросить к Амарису поближе, что не услышал гонга, возвестившего о начале следующего боя, и пришел в себя только тогда, когда сосед подергал его за рукав:

— Садись! Представление продолжается.

На площадку выпустили двух следующих бойцов. Один из них, темно-серый с черными рваными полосами, как у тигра, сразу привлек внимание Конана. Ростом и силой серый явно не уступал рыжему, но если тот запугивал противника грозным рычанием, то этот дрался молча, лишь скаля белоснежные клыки в жуткой улыбке. Второй, шоколадно-коричневый, был ниже ростом, но значительно более тяжелым и мускулистым. Оба не торопились начинать драку, а, застыв как вкопанные, стояли друг против друга, присматриваясь и примериваясь.

Зрители тоже замерли и, затаив дыхание, ждали начала поединка. Наконец кто-то не выдержал и громко засвистел, и тогда вся толпа заверещала и заулюлюкала, подбадривая собак, призывая их уничтожить друг друга. Шоколадный повернул голову к зрителям, приветливо махнул хвостом, приняв на мгновение добродушнейший вид, и вдруг, зарывшись, бросился в середину круга. В тот же миг серый напал на него. В красивом легком прыжке он настиг врага, кусил его в бок и моментально отскочил. Сумел ли он нанести серьезную рану, не мог сказать никто, ибо на темно-коричневой шкуре кровь была почти незаметна.

Шоколадный взвизгнул и попытался догнать серого, но тот, изогнувшись, словно пантера, вильнул в сторону, а его соперник едва успел остановиться возле самой решетки. Зрители, сидевшие в первом ряду, отшатнулись. Не обращая на них внимания, коричневый снова погнался за серым, но тот вдруг резко встал и так щелкнул челюстью, что этот звук слышали даже на задних рядах. Из шеи коричневого брызнула кровь, но он, похоже, даже не заметил этого. Оттолкнувшись от земли лапами, он кинулся на врага, рассчитывая ударить его в плечо и опрокинуть. Серый не сумел устоять на ногах, и острые зубы оставили глубокую отметину на его

шелковистой шерсти. Рассвирепев, он, все так же не издавая ни звука, рванулся вперед и, опрокинув противника, начал рвать его зубами. Какое-то время по площадке катался рычащий и визжащий комок, от которого во все стороны летели клочья мяса и брызги крови. Казалось, коричневому мастафу пришел конец, однако жажда жизни, видимо, была в нем настолько сильна, что он все-таки вывернулся, отбежал в сторону и замер, тяжело дыша и роняя на песок капли розовой слюны. Его темная шерсть превратилась в ярко-алую, толстый тяжелый хвост был поджат, пес припадал на все четыре лапы, но сдаваться не собирался.

Позволив себе короткую передышку, собаки снова сцепились. Теперь их атаки стали недолгими. Оба наносили сопернику небольшие раны и снова расходились. Казалось, и один, и второй пытаются взять врага измором. Небольшой рост шоколадного мешал серому перегрызть ему горло, но серый не оставлял попыток добиться успеха. Наконец он изловчился и вонзил зубы в ненавистную плоть. Однако он слегка промахнулся. Сомкнись зубы чуть выше, и коричневый перестал бы существовать, но хватка приплась низко, ближе к груди, и поэтому не была смертельной.

Шоколадный мастаф пробовал освободиться, сбросить с себя противника. Он метался из стороны в сторону, кружился, прыгал, вилял, обезумев от боли. Серый держал его намертво, и, лишь когда у бедняги совсем не осталось сил и он тяжело рухнул на влажный песок, едва дыша, серый, осторожно передвигая челюсти, словно прожевывая коричневую шкуру, добрался до горла, резко перевернул врага на спину, на мгновение завис над ним и со страшным хрустом перекусил хребет. Толпа взревела, а победитель, выплюнув труп побежденного, застыл возле него, словно памятник силе, мужеству и упорству.

Публика топала ногами, свистела, орала, размахивала руками. Какая-то женщина, досадливо отмахнувшись от своего спутника, который пытался ее образумить, вскочила на скамью и запрыгала, воздев руки над головой, и Конан невольно втянул голову в плечи, чтобы не получить удар каблуком. Замок великолепного браслета, украшавшего ее

точенную руку, не выдержал, с едва слышным щелчком раскрылся, и золотая безделушка, осыпанная крупными сапфирами, сверкнула в воздухе. Киммериец поднял руку, чтобы поймать украшение, но браслет, стукнувшись о поставленную ладонь, описал крутую дугу и мягко шлепнулся на песчаную площадку прямо перед носом мастафа.

— Идиот криворукий, — прошипела сквозь зубы дама, мгновенно переставшая прыгать и орать. — За один такой камень на тебе надо всю жизнь воду возить.

Конан почувствовал, как краска ярости бросилась ему в лицо. Он резко выпрямился, смерил богатую фурию презрительным взглядом и прыгнул вперед, перемахнув разом несколько рядов скамеек. В следующее мгновение он уже оказался возле решетки и ловко, словно огромная ящерица, вскарабкался на нее. Толпа замерла. Казалось, никто даже не осмеливается дышать, глядя, как этот могучий воин добровольно лезет в пасть чудовищу. Пес поднял голову и с удивлением смотрел на смельчака, словно раздумывая, разорвать его сразу или сначала немного поиграть с неразумным.

Киммериец ничего не замечал: ни молчания зрителей, ни пристального взгляда собаки. Оскорбление, нанесенное ему, было столь велико, что он просто не мог не достать браслет и не швырнуть его надменной красотке. Он быстро спустился вниз и спрыгнул на мокрый от крови песок. Мастаф сделал несколько шагов и сел рядом с блестящей игрушкой, искоса поглядывая на человека. Бойцовых собак, в отличие от сторожевых псов, не натаскивали на людей, и потому животное пребывало в некоторой растерянности.

Никто, кроме хозяйки, никогда не приближался к нему ближе чем на пятьдесят шагов. От всех людей, которых ему когда-либо приходилось видеть достаточно близко, исходил явно ощутимый запах страха, и стоило собаке оскалить зубы, как запах исчезал вместе с человеком, его распространявшим. От этого наглеца пахло мясом, вином, потом — чем угодно, только не ужасом. Более того, от него веяло первобытной силой и звериной яростью, но ярость была направлена вовсе не на собаку.

Человек решительно приближался, явно собираясь отнять игрушку, и пес на всякий случай положил на нее лапу. Это никак не отразилось на поведении странного чужака. Мастаф склонил голову набок, придвинул браслет поближе и слегка рыкнул. Человек на мгновение остановился, но тут же снова двинулся вперед. Пес зарычал громче. Шерсть на его загривке встала дыбом. Другой бы давно понял, кому принадлежит игрушка, и отвязался бы, но этот нахал подходил все ближе и ближе. Мастаф поднялся и грозно прижал хвост к задней лапе, что означало боевую стойку, но человек, словно не понимая, какая опасность ему грозит, вытянул вперед руку и тихо, но твердо приказал:

— Отдай.

Глубоко вырезанные ноздри влажного черного носа зашевелились, обнюхивая протянутую руку. Может, хоть чуть-чуть незнакомец боится? Ничего подобного. Как это странно!

— Отдай! — решительно повторил человек и подошел совсем близко.

Зверь глухо ворчал, но даже не пытался нападать, сам себе удивляясь. Человек присел на корточки и, глядя в глаза собаке, коснулся браслета. Какое-то время они смотрели друг на друга, ярко-синие глаза против темно-карих, и пес уступил! Он опустил голову и, не переставая ворчать, отошел в сторону.

Конан поднял украшение, крепко зажал его в кулаке и, не задерживаясь больше ни на миг, отпрыгнул к решетке. Не успел мастаф опомниться, как киммериец был уже на самом верху. Встрепенувшись, словно сбрасывая с себя оцепенение, зверь бросился вслед за непрошеным гостем, но было уже поздно. Конан быстро спустился вниз и, подойдя к замершей от ужаса хозяйке драгоценности, швырнул ей на колени браслет.

— Не скакала бы, как обезьяна, не потеряла бы игрушку, — процедил он, едва сдерживая ярость.

Женщина задохнулась от возмущения, но не нашла слов, чтобы осадить нахала. Она повернулась к своему спутнику, ища у него поддержки и защиты, но тот, мгновенно оценив силу и решительность противника, сделал вид, что никогда

прежде не встречал эту женщину и оказался рядом с ней совершенно случайно. Бедняжке ничего не оставалось, как встать и гордо направиться к выходу.

Насмешливо глядя ей вслед, Конан вдруг почувствовал, что кто-то не сводит с него глаз. Он резко обернулся и встретился взглядом с прекрасной Амарис. Ее яркие губы приоткрылись, в желто-зеленых, как у дикой кошки, глазах светился откровенный интерес. Киммериец улыбнулся ей и совсем было собрался подойти, но Амарис отвернулась, что-то сказала стоявшему рядом мужчине и быстро удалилась.

Трижды прозвенел гонг, и зрители, разочарованно гудя, начали расходиться. Поднялся и сосед Конана.

— Что это значит? — спросил у него варвар.

— Бои окончены. Поздно уже.

Конан взглянул на небо. Солнце уже почти скрылось за горизонтом, и на город медленно опустились сумерки. Еще немного — и станет совсем темно.

— А завтра? — повернулся Конан к проходившему мимо мужчине.

— Что завтра? — удивился тот.

— Завтра бои будут?

— Скорее всего, да. Они обычно начинаются после полудня, когда жара спадает. Придешь — увидишь.

— А если их не будет?

— Придешь в другой раз, — пожал плечами неразговорчивый мужчина и поспешил прочь, видимо, чтобы попасть домой до наступления полной темноты.

Тяжело вздохнув, киммериец поплелся к выходу. Перед его глазами стояла Амарис, и он на многое согласился бы, чтобы сегодняшнюю ночь провести не в харчевне, а в объятиях этой роскошной женщины, тем более что до утра он был совершенно свободен. А может, попытаться отыскать ее? Если она держит знаменитых бойцовых псов, то, наверное, любой прохожий укажет, где ее дом. Конан расправил плечи и решительно зашагал вперед, подгоняемый надеждой, которая с каждым шагом становилась все сильнее и сильнее.

Глава третья

Шелковистые кудри цвета старой меди струились, словно полноводная река, омывая белоснежные плечи, ниспадали на пышную, жаждавшую ласки грудь, касались упругих бедер. Желто-зеленые глаза, полные томной неги, смотрели ласково и нежно, маленький розовый язычок быстро-быстро пробегал по влажным губам. Она была полна истомы, его красавица, ее ненасытное тело манило и требовало все новых и новых ласк. Она стонала и извивалась, звала и заворачивала.

— Конан, иди ко мне... — Легкая рука тихо погладила его по щеке, коснулась плеча и слегка потрясла его. — Что же ты медлишь, Конан?.. Конан...

— Конан! Задери тебя сотня демонов! Ты что, собираешься проспать всю жизнь?!

Киммериец с трудом открыл глаза. На него смотрела улыбающаяся рожа Юмы. Кушит изо всех сил тряс приятеля за плечо, и, похоже, занимался этим уже давно.

— Кром! Что тебе надо от меня, бесхвостая обезьяна? — злобно пробормотал Конан.

— Клянусь ядовитыми зубами Дамбаллаха! Солнце уже прошло половину небосвода! Что тебя так вчера утомило? Не успел войти в город, как уже облюбовал себе красотку?

Конан с удовольствием бы врезал ногой по этой морде, расплывшейся в белозубой улыбке. Но, в конце концов, жизнерадостный, никогда не унывающий кушит вовсе не виноват в том, что вчера все получилось так глупо. Ким-

мериец без труда отыскал дом Амарис, даже не дом, а роскошную усадьбу. Для этого, правда, ему пришлось выйти за пределы города, ибо она жила, как и большинство шандаратских богачей, в южном предместье.

Прекрасный дом из розового камня стоял между Туранской дорогой и побережьем, ближе к морю, утопая в зелени окружавшего его фруктового сада. Невысокая металлическая ограда не остановила бы варвара, но псы... Когда Конан узнал, что Амарис — хозяйка бойцовых собак, он решил, что она содержит двух-трех, ну, может, пять, пусть даже десять животных, но на самом деле оказалось, что их сотни.

Неподалеку от дома располагались псарни, похожие на солдатские казармы. Из подслушанных разговоров киммериец выяснил, что в каждом помещении содержится не меньше двадцати собак, от молодняка до матерых, прекрасно обученных зверей. Только Амарис разводила и продавала мастафов. Больше никто в городе этим не занимался, ибо промысел, хоть и давал огромные доходы, был связан с немалым риском и требовал особых умений и навыков.

Нечего и говорить, какие песики охраняли по ночам покой своей хозяйки и сколько их бродило по двору. Похоже, в этот дом приходили только по приглашению. Ко всему прочему, пока Конан кружил возле поместья, с каждой минутой все отчетливее понимая, что ночевать ему сегодня все-таки придется в харчевне, городские ворота благополучно закрылись до утра. Варвар даже не пытался договориться со стражниками, ибо они имели строгий приказ никому и ни при каких обстоятельствах ночью ворота не открывать. Киммерийцу ничего не оставалось, как вспомнить свою воровскую юность и пробираться назад тайком.

Строители, которым было поручено воздвигнуть городские стены, потрудились на славу, честно отработав каждую полученную ими монету. Ровные, почти идеально гладкие камни были подогнаны друг к другу так тщательно, что любой сразу же отказался бы от мысли преодолеть укрепление. Любой, но не киммериец. Для него, выросшего среди неприступных гор, даже самые крошечные неровности в

стене заменяли удобную лестницу. Побродив вдоль стены и в кровь ободрав руки и плечи о колючий кустарник, вплотную примыкавший к ней, он все-таки обнаружил место, где вполне можно было забраться наверх. Со стороны Турана шандаратский владыка не ожидал особой опасности, и поэтому за южной стеной следили не так пристально, как за северной, откуда в любую минуту могли подойти гирканские орды.

Внимательно присмотревшись, Конан заметил, что некоторые камни потрескались от времени, а раствор, скреплявший их, разохся и кое-где совсем выкрошился. Подпрыгнув и уцепившись за более-менее крупную выбоину, варвар легко подтянулся на сильных руках, и вскоре его нога нащупала удобную щель, оттолкнувшись от которой можно было лезть дальше. Не производя ни малейшего шороха, ни разу не сорвавшись, словно на его руках и ногах вдруг выросли присоски, Конан благополучно поднялся наверх, но тут же был вынужден броситься ничком на холодные камни и прижаться к ним всем телом, чтобы укрыться от глаз дозорных, несколько раз за ночь обходивших городскую стену.

То ли природные инстинкты, которые не смогла вытравить из него цивилизация, то ли полученные за время обучения и промысла в воровском городе Шадизаре навыки, то ли удача, так часто сопутствовавшая киммерийцу, то ли все это вместе взятое в конце концов сделало свое дело, и Конан благополучно достиг харчевни, не избежав, правда, одной-двух мелких стычек. Неудачливые грабители ушли ни с чем, а варвар все-таки добрался до своей постели и тут же провалился в глубокий сон, из объятий которого его так нещадно вырвал Юма.

— Ты разбудил меня, чтобы сообщить, что солнце уже поднялось? — уже менее злобно спросил Конан кушита.

— Талаи сказал, что Ашарат примет его сегодня вечером. Ты пойдешь с ним, так что времени на развлечения у тебя осталось не так много.

Конан тут же вскочил с постели, быстро умылся, воспользовавшись кувшином с водой и тазиком, приготовлен-

ными услужливым хозяином харчевни, и спустился вниз. Усевшись за отдельно стоявший стол, он жестом подозвал женщину, разносившую угощение, и заказал небольшой кувшин вина, головку сыра и несколько свежеспеченных хлебцев. Кое-как утолив первый голод, он бросил на стол монету и поспешил прочь.

Купит не обманул его. День был в полном разгаре, и, когда Конан ступил на базарную площадь, его окружила гудевшая, кричавшая и непрерывно двигавшаяся многоголосая и разноцветная толпа. Шум стоял невообразимый. Кричали все: купцы, на все лады расхваливавшие свой товар, погонщики, водоносы, брадобреи, предлагавшие каждому свои услуги, сомнительного вида врачеватели, предсказатели и гадалщики. От множества красок рябило в глазах. Яркие халаты, пестрые тюрбаны, полосатые попоны, ковры с замысловатыми рисунками — все это блесело и играло в ослепительных лучах полуденного солнца.

Киммериец старался не обращать ни на кого внимания, торопясь к Южным воротам, к амфитеатру, где, наверное, уже начались собачьи бои. Вот он миновал гончарный ряд, в котором громко звенели чаши, чашечки и кувшины под ударами тонких палочек. Это мастера-горшечники показывали возможным покупателям высокое качество своего товара. Если кто-то проходил, не оглядываясь, мастера без зазрения совести хватали его за руку, кушак, полу халата, уговаривая при этом остановиться, послушать звонкую песню кувшина или посмотреть на его великолепную отделку.

Чуть далее демонстрировали свое искусство чеканщики. На ярко блестящих медных пластинках крошечными острыми и тупыми молоточками они выбивали сложнейшие рисунки, создавая прямо на глазах зевак потрясающие узоры. Даже не взглянув в их сторону, Конан прибавил шаг и вскоре попал в ювелирные ряды. И здесь мастера творили у всех на виду. Они плавил серебро в переносных горнах, вытягивали серебряную и золотую проволоку, которую тут же свивали в изящные браслеты или тяжелые серьги, шлифовали камни. Тонкая пыль от шлифовальных кругов

взвивалась в воздух, напоенный ароматами благовоний, духов, розового масла, пряностей. Этот благоухающий шлейф тянулся от рядов, где продавали духи и приправы. Дальше шли ковровые ряды, шелковые, оружейные, и казалось, не будет им конца.

Одуревший от всевозможных запахов, полуоглохший от непрекращающихся криков, киммериец все же благополучно миновал базарную площадь и через несколько минут очутился возле амфитеатра. Подходя к входу, он достал серебряную монету и собрался расплатиться, но старик, собирающий деньги, остановил его.

— Не ты ли вчера достал с площадки браслет? — сощурив выцветшие от старости глаза, спросил он Конана.

— Я. А тебе что за дело?

— Тебя приказали пропустить бесплатно, — нисколько не обиделся на грубость старик.

— Кто приказал? — удивился Конан.

— А кто тут еще может приказывать? — вопросом на вопрос ответил старик. — Хозяйка. Амарис. Сегодня ты будешь ее гостем.

— Амарис? — еще сильнее удивился киммериец. — Но ведь она не знает меня.

— Она знает и видит больше, чем ты думаешь, — нахмурился старик. — Долго ты еще собираешься тут стоять? Или передумал заходить?

— Вовсе нет.

— Тогда торопись. Тебе оставлено место в гостевом ряду. Это возле выхода, откуда выпускают собак.

Не чуя под собой ног от радости, Конан помчался вперед. Еще вчера он не знал, как подойти к красавице, а сегодня она сама зовет его!

Ее он увидел сразу. На сей раз на Амарис было надето темно-зеленое длинное платье, плотно облегающее точеную фигуру. Разрез сбоку, начинавшийся от бедра, приоткрывал стройную ногу в высоком сапоге из мягкой кожи со шнуровкой. При виде жемчужно-белой кожи, выделявшейся на фоне темного бархата, Конан замер, почувствовав, что у него пересохло во рту, а сердце забилося у самого горла. Да, эта

женщина, сидевшая на простой скамье, словно богиня на бриллиантовом троне, была достойна восхищения.

Восторженный взгляд могучего варвара не остался незамеченным, и Амарис, едва заметно улыбнувшись, поманила его рукой. С послушанием, достойным прилежного школяра, киммериец поспешил на зов.

— Кто ты? — Желто-зеленые глаза с интересом рассматривали резкие черты лица Конана, пробегали по бугристым мускулам, и в этих глазах явно светилось одобрение.

— Конан. Солдат армии Илдиза Туранского. Сотня Синих Тюрбанов.

— Синих Тюрбанов? — тихо смеясь, переспросила Амарис. — Скорее, синих глаз. Ты не похож на туранца.

— Я киммериец.

— Киммериец? — приподняла тонкую бровь красавица. — Я ничего не знаю об этой стране.

— Это далеко на Севере.

— Дальше Нордхейма?

— Нет, — покачал головой Конан. — Ближе. Между Нордхеймом и Пограничным Королевством.

— И все твои соотечественники такие синеглазые и сильные? — лукаво сощурившись, поинтересовалась Амарис.

— Большинство. Киммерия — страна храбрых воинов и красивых женщин.

— Интересно... Ты расскажешь мне о своей родине?

— О, это будет долгий рассказ, — усмехнулся варвар, мысленно скидывая с покатых плеч зеленый бархат. — Может, отложим его до вечера?

— До вечера? — задумалась Амарис и вдруг, что-то вспомнив, тряхнула головой. — Нет, сегодняшний вечер у меня занят.

— Кром! — воскликнул киммериец. — Совсем забыл, что и у меня тоже. Мы с моим сотником, Талаи, должны быть на приеме у Ашарата. Мне скоро придется уходить.

— Что ж, — притворно вздохнула красавица, — иди.

— Пообещай, что мы еще встретимся, — попросил Конан.

— Мы обязательно встретимся, — улыбнулась Амарис. — И даже раньше, чем ты думаешь.

Киммериец поднялся, положил ладонь на рукоять меча, с которым никогда не расставался, и склонил голову, как это делали туранские воины, выражая собеседнику крайнее почтение. Затем он резко развернулся и зашагал к выходу. Оглянись он хоть на миг, недвусмысленное выражение прекрасных желто-зеленых глаз, вполне возможно, заставило бы его вернуться. Но он не оглядывался, ибо, как ни любил Конан женщин и как ни была соблазнительна Амарис, варвар прежде всего был воином, и его чувство долга всегда оказывалось сильнее иных чувств. Сотня Синих Тюрбанов прибыла в Шандарат с поручением от Илдиза Туранского, и вечером должна состояться встреча, во время которой киммерийцу и его сотнику надлежит это поручение выполнить.

Когда край ослепительного Ока Митры коснулся морской глади, окрасив ее в нежно-розовые тона, Конан и Талаи, облаченные в парадную форму, стояли у ворот дворца шандаратского владыки. Дворец мудрого и опытного правителя из славного рода Ратридов располагался на невысоком холме в южной части города. Это было грандиозное и вместе с тем изящное здание с высокой башней, в которой, по слухам, находились любимые покои владыки, его спальня и залы для отдыха, роскошно украшенные и обставленные с тонким вкусом. В башню, однако, допускали только самых приближенных и особо доверенных, и, как киммерийцу ни хотелось хоть бы одним глазком взглянуть на знаменитую коллекцию оружия, которую Ашарат собирал всю жизнь, он понимал, что об этом не стоит даже и думать. Дальше тронного зала, где обычно устраивались большие приемы, их с Талаи вряд ли пустят.

Судя по оживлению, царившему возле дворца, то и дело прибывавшим роскошным паланкинам и легким богатым каретам, сегодня владыка Шандарата проводил как раз очень большой прием. Тронный зал был полон гостей, но не обилие красивых женщин и блестящих нарядов поразило киммерийца, а то, с каким тонким вкусом и умом был обставлен зал. Он был велик и просторен, в стенах на одинаковом расстоянии друг от друга светились узкие зеркала,

над которыми в веерных подсвечниках горели витые свечи. Их было настолько много, что весь громадный зал сиял теплыми золотистыми тонами. Освещение было продумано так ловко, что легкий ореол окружал толпу гостей блеском, который украшал и выделял каждого, превращая даже самую простенькую женщину в неопишемую красавицу, придавая всем благородство и необычайную изысканность. Весь свет и блеск были направлены в середину зала и на трон, а ближе к стенам четкие контуры предметов постепенно расплывались, и едва уловимое мерцание, походившее на легкий туман в лунном свете, струилось и плыло к потолку.

Противоположная от парадного входа стена была целиком зеркальной. Возле нее на возвышении стоял белый трон с высокой спинкой, которую венчал изящный золотой кораблик. На трон с продуманной небрежностью была накинута пурпурная мантия, ниспадавшая мягкими складками к его подножию. Возле него стоял владыка Ашарат в наряде из серебристой ткани, напоминавшем металлические доспехи. Седую благородную голову украшал тонкий обруч из белого металла, украшенный замысловатым узором из синего и голубого жемчуга. Хотя владыке уже давно минуло шестьдесят, подтянутое мускулистое тело и лицо, которое пощадила старость, говорили о том, что он полон сил и здоровья и пока не собирается передавать трон Илкасу, сыну своей сестры. Умные, пронизательные глаза внимательно смотрели на гостей, и каждого входящего в зал владыка встречал легкой улыбкой и едва заметным кивком, однако при этом всем казалось, что Ашарат рад видеть именно его.

Конан и Талаи, приблизившись к трону, положили ладони на рукояти мечей и почтительно склонили головы, ожидая, когда владыка заговорит первым, и он не заставил их долго ждать.

— Я рад приветствовать доблестных воинов моего господина, Илдиза Туранского, — бархатным глубоким голосом проговорил Ашарат.

— В твой блистательный город нас привело поручение туранского властителя, — ответил Талаи, — мы...

Но владыка не дал ему продолжить.

— Дела — чуть позже, — улыбнулся он, и сотнику ничего не оставалось делать, как согласиться.

Гости продолжали прибывать. Когда все приглашенные засвидетельствовали свое почтение владыке Шандарата, молчаливые слуги внесли резные столики на тонких изогнутых ножках, уставленные бутылками с напитками и хрустальными вазами с фруктами. Ашарат поднял руку, еще раз приветствуя собравшихся, и спустился с возвышения. Торжественная часть приема была закончена.

— Следуйте за мной, — обратился владыка к Талаи и Конану и решительно шагал к широкой мраморной лестнице, ведущей из тронного зала в башню.

Они поднялись в просторный зал, не менее великолепный, чем тронный. На полу лежал мягкий пушистый ковер с четким геометрическим рисунком. Потолок был расписан рукой настолько талантливого художника, что казалось, люди и животные, изображенные в сценах битв и охоты, просто замерли на миг и вот-вот оживут. На однотонных стенах висели доспехи разных времен и народов и всевозможное оружие.

Его было так много, что Конан чуть не забыл, зачем пришел во дворец. Ему, избравшему ратное дело своим ремеслом, было тут на что посмотреть. Он даже остановился, но Талаи дернул своего спутника за руку и ожег его свирепым взглядом. Ашарат заметил эту секундную сценку, но ничего не сказал, а лишь едва заметно улыбнулся и, подойдя к стене, нажал на яркий рубин, вделанный в рукоять одного из кинжалов. Часть стены отодвинулась, и открылся проход в небольшую комнату, куда владыка жестом пригласил туранских воинов.

Это оказался тайный кабинет Ашарата. Вдоль стен на полках, идущих от пола до потолка, стояли многочисленные книги в кожаных переплетах, посредине возвышался массивный стол, а возле него были расставлены удобные мягкие кресла.

— Присаживайтесь, — пригласил владыка и указал на кресла. — Теперь мы можем поговорить о делах.

— Приближается срок уплаты дани с Жемчужных островов, — решительно начал Талаи.

— Так, — кивнул Апарат. — Я никогда не забываю об этом.

— Илдиз Туранский, — как будто не замечая слов Апарата, продолжил сотник, — послал нас известить тебя, что отныне намерен отказаться от твоего посредничества и будет присылать за данью на Архипелаг свои боевые корабли.

— Но дань уже собрана, — возразил Апарат, — и подготовлена к отправке. Через два дня судно с жемчугом должно покинуть шандаратскую гавань.

— Мы прибыли на двух галерах, — сказал Талаи. — Илдиз велел нам забрать дань и доставить ему.

— Долг вассала — подчиняться приказам своего господина, — ответил владыка. — Но я считаю решение Илдиза Туранского неразумным. Ему невыгодно самому собирать дань.

— Почему? — удивился сотник. — Наши корабли уже здесь. Просто обратно мы поплывем с грузом.

— И не довезете его, — продолжил владыка фразу Талаи.

— Ты сомневаешься в нашей честности?! — воскликнул Конан, забыв, что разговаривает с правителем города, в котором сейчас находится.

— Нисколько, — улыбнулся Апарат. — Позвольте напомнить вам, друзья мои, что на море Вилайет полным-полно пиратов. Нисколько не умаляя ваших достоинств и будучи уверенным в доблести туранских воинов, я все же смею утверждать, что двум военным галерам не справиться с пиратами, которые знают, каков груз этих галер. Ставка слишком высока. Перлам с Жемчужных островов цены нет.

— Но ты-то многие годы переправляешь в Туран жемчуг, и ни разу не было случая, чтобы пираты позарились на него, — возразил Талаи.

— Придется приоткрыть вам некоторые секреты, — вздохнул Апарат.

И он рассказал вот что. Шандарат, будучи самым северным крупным портом на Вилайете, основную часть доходов получал от торговли. Красное Братство, безраздельно властвовавшее на море, естественно, развитию торговых отношений сильно мешало, ибо купцы, прекрасно

знавшие о беспощадности и алчности пиратов, предпочитали передвигаться по суше. Когда угроза опустошения городской казны стала реальностью, правитель города решил на вполне оправданный и довольно разумный шаг. Он договорился с обеими сторонами. Теперь у Шандарата были заключены договоры и с купцами, и с пиратами. Те и другие платили городу дань, за что торговцам обещалась безопасность, а пиратам было дозволено спокойно обирать те корабли, на мачтах которых не висел вымпел, выданный в Шандарате. Мореплавание, став гораздо более спокойным и надежным делом, восстановилось, купцы хлынули на богатые рынки северного порта, а пираты в крайних случаях могли рассчитывать на поддержку сильного владыки.

Все, казалось бы, утряслось, однако дань, собираемая с Жемчужных островов, по-прежнему оставалась слишком лакомым кусочком, чтобы можно было рассчитывать на честное слово членов Красного Братства. Тогда изворотливый ум Апарата подсказал ему блестящий выход из сложного положения. О том, когда и на каком судне повезут дань туранскому правителю, теперь знали только три человека: сам Апарат, его доверенное лицо и капитан корабля. Доверенные лица часто менялись по выбору владыки, и потому узнать заранее их имена было невозможно. Назначенный Апаратом человек присматривал подходящий, по его мнению, парусник и извещал капитана, что жемчуг привезут на борт. Однако к этому дню на судне не должно было оставаться ни одного человека, кроме доверенного. Он сам прятал сокровище, иногда в одном месте, а иногда и распределяя по всему кораблю. Перлы могли находиться где угодно, вплоть до обшивки.

По вполне понятным причинам, при такой постановке дела вычислить драгоценный парусник никто не мог. Не стали бы ведь пираты разбирать каждое судно по доскам в надежде, что правильно выбрали цель!

— Это гениально! — воскликнул Талаи, выслушав Апарата. — Но мне кажется, что против хорошо вооруженных воинов Илдиза пираты вряд ли сумеют устоять.

— Возможно, — кивнул владыка. — Но только в том случае, если корабль с жемчугом будет сопровождать целая флотилия. Теперь прикинь, во что обойдется туранскому правителю доставка груза, и ты будешь вынужден согласиться, что его решение было необдуманным. А кроме того, — он окинул долгим изучающим взглядом Конана, — я могу предложить твоему воину отправиться в Туран на торговом паруснике, который повезет перлы, на «Длани Митры». Пусть он сам убедится, насколько такой способ доставки дани надежен и безопасен.

— А почему только одному воину? — поинтересовался сотник.

— Чтобы не вызывать лишнего интереса к обычному торговцу, — пояснил Апарат.

— Где спрятан груз? — спросил киммериец.

— А этого, — рассмеялся владыка, — не знаю даже я. Доверенный человек все делает сам. Только вот его имя для вас, друзья мои, останется неизвестным. — Он повернулся к Конану: — Сумеешь определить, кто это, значит, я в чем-то просчитался, а нет — значит, перевозка дани останется прежней. Что скажете?

— Все настолько разумно, владыка, — ответил за двоих Талаи, — что нам нечего возразить. Я со своими людьми завтра же отбуду в Туран, чтобы доложить Илдизу о нашей беседе. А тебя, — он взглянул на варвара, — ждем двумя днями позже.

— Да будет так, — провозгласил Апарат, поднимаясь из кресла. — Все вопросы решены? Если да, предлагаю вам вернуться к гостям и отдохнуть. Вас ждут хорошее вино и приятная беседа с красивыми женщинами и неглупыми мужчинами.

Талаи и Конан спустились вниз по той же мраморной лестнице, по обеим сторонам которой в молчании застыли телохранители владыки, готовые в любой миг поразить любого, кто осмелится покуситься на жизнь господина. «Незавидная работенка, — подумал киммериец, проходя мимо них. — Стой тут, как деревянная кукла, и глазом лишний раз не моргни. Их, наверное, дрессируют, как хороших сторожевых псов». С этой мыслью он вошел в тронный зал и сам замер,

словно каменное изваяние: прямо перед ним стояла Амарис, державшая в изящной ладони высокий бокал с вином темно-рубинового цвета. Казалось, вино она выбрала под стать своему наряду. На красавице было надето строгое платье из тяжелого темно-красного бархата с глубоким декольте. В маленьких ушках висели длинные золотые серьги с мелкими рубинами, а длинную шею охватывала широкая бархотка, к середине которой был подвешен крупный драгоценный камень со сложной огранкой, отбрасывавший розовые блики на белоснежную кожу. Третий раз встречал варвар эту женщину, снова и снова удивляясь, какой разной и всегда невыразимо великолепной умела она быть.

— Ты удивлен? — улыбаясь, подошла к нему Амарис. — А я ведь говорила, что мы скоро встретимся. Я стараюсь не пропускать приемов во дворце.

— Мне бы хотелось встретиться с тобой в менее людном месте, — быстро оправившись от изумления, нахально ответил Конан.

— К сожалению, это вряд ли возможно. Через два дня я навсегда покину Шандарат.

— Почему? Мне казалось, тебе тут неплохо живется.

— Неплохо, — ответила Амарис. — Но я хочу пожить в Туране.

— Со своими собачками?

— Конечно. Они мне как дети. Куда же я без них?

— Ты отправляешься по суше? — поинтересовался Конан, настроение которого заметно ухудшилось.

— Нет, морем. Я договорилась с капитаном «Длани Митры», и он любезно согласился взять на борт мой необычный груз.

— «Длани Митры»?! — чуть не подпрыгнул киммериец. — Какое потрясающее совпадение! Я тоже возвращаюсь в Туран на этом корабле.

— Прекрасно! — рассмеялась Амарис. — В таком случае у нас впереди еще много времени для бесед.

Глава четвертая

День отплытия выдался хмурым, серым и безрадостным. Небо закрыли густые облака, словно Животворящий Митра не желал благословлять это морское путешествие. Однако ветер был умеренным, море достаточно спокойным, и потому «Длань Митры» не собиралась оставаться в гавани. Когда Конан вошел на причал, погрузка товаров уже заканчивалась, носильщики лениво подносили последние мешки и сундуки, и лишь пара купцов наблюдала за их работой, тогда как остальные торговцы уже поднялись на палубу. Паруса еще были убраны, и корабль тихо покачивался на ленивых прибрежных волнах.

Киммериец легко взбежал по трапу и, разыскав кормчего, представился ему. Кормчий Арам кивнул и указал на корму:

— Твоя каюта там, возле каюты нашей богатой пассажирки, Амарис.

— Она уже здесь? — поинтересовался Конан.

— Нет, — покачал головой Арам. — Женщины редко приходят куда бы то ни было вовремя, так что, скорее всего, придется ее ждать.

Однако он ошибся. Словно в ответ на его нелестные слова о женщинах на причале показались носильщики, катившие на двух тяжелых платформах клетки с собаками, а следом за ними — хозяйка псов, ведущая на короткой сворке еще пятерых зверей. На всех животных были наде-ты массивные металлические ошейники с шипами наружу,

с которых на цепочках толщиной в палец свисали медные нагрудники, а на собаках, которых вела Амарис, — еще и прочные кожаные намордники. По знаку прелестной ручки, затянутой в замшевую перчатку, носильщики затащили клетки на палубу и осторожно спустили их в трюм. По бледным лицам, на которых выступил обильный пот, легко было догадаться, что несчастные до смерти боятся мастафов. Однако их опасения оказались напрасными: ни один зверь даже не рыкнул. Вообще псы в клетках казались не то сонными, не то больными, чего нельзя было сказать о их вольных собратьях, которые, впрочем, тоже притихли, стояло Амарис что-то тихо сказать им.

Поднявшись на борт, она обратилась к кормчему:

— Арам, приготовил ли ты для меня каюту, как мы договаривались?

— Конечно, прекрасная, — поспешно ответил тот. — Но ты ничего не говорила о том, что не все собаки поедут в трюме.

— Эти останутся со мной. Они слишком ценны, чтобы я могла перепоручить их кому бы то ни было.

— Но... — начал кормчий.

— Никаких «но», — перебила его Амарис. — Я ручаюсь своим именем, что эти собаки не причинят никому вреда и ни на миг не покинут моей каюты. А кроме того, — улыбнулась она, — за них ты получишь дополнительную плату.

Кормчий поспешил откланяться, а Амарис повернулась к Конану, словно только что заметила его:

— Рада тебя видеть, Конан из Киммерии. Какую каюту предложил тебе этот мошенник?

— Возле твоей, — ответил варвар, краем глаза следивший за псами, которые, в свою очередь, не сводили глаз с него.

— Хорошо, — кивнула Амарис. — А теперь я, пожалуй, пойду к себе и устрою поудобнее моих песиков, а то они нервничают.

Конан тоже поспешил в свою каюту и с удовольствием вытянулся на койке, прислушиваясь к происходящему на палубе. Он услышал, как Арам начал громким голосом отдавать команды, раздался треск разворачивающихся па-

русов, судно вздрогнуло и плавно отошло от причала. Путешествие, обещавшее быть вполне приятным, началось.

Киммериец, которому довольно быстро надоело валяться на койке, вышел на палубу. Свежий морской ветер, сильно надувая белые паруса, быстро гнал корабль на юг, и берег вскоре скрылся из виду. Облака немного поределели, и сквозь них изредка стали пробиваться узкие лучики солнца. Парусник летел вперед, выбивая на лазурной глади пенные узоры, и так же стремительно летело время, полное новых для Конана впечатлений, так как бывать в море ему приходилось нечасто. Незаметно подкрался вечер.

Конан лихорадочно обдумывал, как напроситься в гости к Амарис или завлечь ее в свою каюту, и с досадой отбрасывал все свои планы. Ему не хотелось идти напролом, ибо путешествие предстояло долгое и времени на обхаживание красавицы у варвара было предостаточно. Он с головой ушел в свои мысли, как кто-то легко тронул его за рукав. Обернувшись, варвар увидел стоявшего за его спиной матроса.

— Чего тебе от меня надо? — рявкнул киммериец, раздосадованный тем, что ему помешали думать.

— Кормчий приглашает тебя на ужин в свою каюту, — едва не заикаясь от испуга, ответил матрос.

— На ужин? — переспросил Конан, внезапно почувствовав, что и в самом деле проголодался. — Так чего же ты медлишь? Веди меня.

К величайшей радости варвара, войдя в каюту Арама, он сразу же увидел Амарис.

Ужин был богатым и обильным, кормчий оказался занятным собеседником, но больше всего в застольных разговорах Конану понравилось то, что Арам пригласил его и Амарис обедать и ужинать до конца путешествия. Это заметно улучшило настроение киммерийца. К тому же он неоднократно ловил на себе заинтересованный взгляд желто-зеленых глаз и к концу ужина нисколько не сомневался, что ночь проведет не в одиночестве.

Каково же было его изумление и разочарование, когда капризная красавица наотрез отказалась разделить с ним ложе.

— Не думай, киммериец, что я не вижу твоих достоинств, — с легкой улыбкой сказала она. — Но у меня есть свои принципы, и я никогда от них не отступаю.

— Если принципы мешают жить, их надо менять, — заявил Конан.

— Ты так же упрям, как мой первый муж, — рассмеялась Амарис. — Или все северяне одинаковы? Он был из Нордхейма.

— Первый? — опалело уставился на нее киммериец. — Сколько же их у тебя было?

— Пять, — ответила красавица и почему-то отвела взгляд.

— Пять?! Кром! И куда они подевались?

— Последний раз я овдовела чуть больше года назад, — вздохнула Амарис, по-прежнему не поднимая на Конана глаз.

— А первый? — зачем-то поинтересовался варвар.

— Первый? Около шести лет. — Она наконец-то взглянула на вытянувшееся лицо киммерийца, и печальная улыбка чуть тронула уголки ее губ. — Да, около шести, — повторила она. — Оллеб был славным малым и чем-то походил на тебя. Хочешь, я расскажу о нем?

— Расскажи. Это, наверное, интересно.

— Гораздо интереснее, чем ты думаешь. Слушай.

* * *

Удивительной была судьба Оллеба. Он родился и вырос в суровом Ванахейме, в краю, где живут жестокие воины, сильные женщины и мрачные колдуны. Но Оллеб не любил оружия и потому воином не стал. С малых лет он выходил с отцом в море добывать рыбу и морских животных, и этот промысел стал смыслом его жизни. Оллеб был смел и ловок, его совсем не напрасно считали лучшим рыбаком в округе.

В тот год, когда началась эта невероятная история, ему едва минуло восемнадцать. Это был рослый, статный юноша с густыми золотисто-рыжими волосами, серо-стальными глазами, смотрящими на мир весело и беззаботно, и яркими обветренными щеками, на которых только-только наметились первые признаки бороды.

Близилось к концу короткое северное лето, все чаще хмурилось небо, из низких туч то и дело принимался лить дождь. Рыбаки ворчали, поглядывая то вверх, то вдаль, где холодные волны с силой ударяли в прибрежные камни, но выйти в море не решались. Никто не осмелился бы назвать их трусами, но уж слишком часто лодки не возвращались обратно, и мужчины, которых и так в селении оставалось немного, предпочитали безрассудству умеренную осторожность.

Наконец Имир, Ледяной Гигант, повелитель бурь, пожалел своих детей, что с ним бывало нечасто, и однажды небо прояснилось, а беспокойные волны перестали биться о скалы и покорно улеглись, нежно полизывая холодные камни. Десять рыбаков, быстро собрав снасти и кое-какую еду в дорогу, уселись в две лодки и оттолкнули их от берега. Лодки у них были плохонькие, но в этом рыбацком селении никто их мастерить не умел, да и особо не из чего было.

И так приходилось идти на поклон к соседям, жившим южнее, ближе к лесам. Те требовали за свой товар непомерно высокую плату, но торговаться не имело смысла, ибо других продавцов все равно не было.

Не напрасно рыбаки недоверчиво относились к милостям Имира. Море хоть и было спокойным, но оказалось совершенно пустым. Все дальше и дальше уходили лодки от берега, но сети по-прежнему не приносили ни одной рыбешки. Достигнув маленьких каменистых островов, лежащих далеко на западе от родного берега, но так и не поймав ничего, рыбаки решили было возвращаться, но их остановил Оллеб.

— Легко же вы сдались! Может, лучше поменяем штаны на юбки и будем сидеть дома? — насмешливо воскликнул он. — Море большое. Не нашли рыбы здесь, надо идти на север.

— Оллеб прав, — кивнул старый седой рыбак. — Не можем ведь мы оставить голодными женщин, стариков и детей.

С ними согласились все остальные и, поставив паруса, повернули к северу. Сначала им повезло. Закинув сеть на

новом месте, рыбаки из лодки, в которой плыл Оллеб, сразу же вытащили пять крупных, жирных рыб. На радостях устроили пир и с удовольствием съели первый улов. Но первый улов оказался последним. Больше море не дало им ничего. Снова рыбаки собрались поворачивать назад, и снова Оллеб уговорил всех не делать этого.

Они уходили все дальше и дальше от родного дома, надеясь, что удача все же вернется к ним. Но, похоже, своим упрямством рыбаки рассердили Имира, своего жестокого бога.

Поднялся сильный ветер, волны заходили ходуном, то и дело окатывая отчаянных смельчаков ледяной водой и грозя опрокинуть утлое суденышко.

— Заходим в бухту! — крикнул Оллеб. — Переждем непогоду.

Его спутники попытались подвести свою лодку ближе к берегу, но не тут-то было. Ветер играл ею, словно щепкой, волны трепали ветхие борта, которые жалобно скрипели и стонали под натиском бури. Пришлось выйти в открытое море, чтобы не разбиться о скалы. Но и это не помогло. Лодка, не желая вставать к волне носом, резко развернулась, черпнула бортом воды и опрокинулась. Рыбаки оказались в бушующем море на перевернутой лодке.

Держались они долго, но, когда день подошел к концу, холод и усталость сделали свое дело. Один за другим разжимали мужчины окоченевшие пальцы, и море проглатывало людей, как ненасытное чудовище. Наконец Оллеб остался один. Собрав последние силы, он кое-как забрался на лодку, сел на нее верхом и вцепился в киль мертвой хваткой. Он слышал голоса рыбаков из второй лодки, но в творившемся вокруг кошмаре ничего не видел.

Сильный порыв ветра толкнул его в спину, еще и еще. Волны подняли лодку, закружили и куда-то понесли. Этот безумный бег длился всю ночь, а на рассвете, когда первые лучи солнца едва пробились из-за туч, суденышко вдруг ударилось обо что-то твердое, а Оллеб, перевернувшись через голову, полетел вперед и, еще не веря своему счастью, рухнул в снег. Лодку прибило к берегу!

Однако радовался он рано. За спиной было темно-серое море, а впереди, справа и слева — бесконечные снега. Но он решил не стоять на месте, ожидая, когда превратится в глыбу льда, а, с трудом переставляя окоченевшие ноги, упрямо побрел вперед. Сколько он шел, Оллеб не знал, но Имир все же сжалился над ним: вдали, чуть слева, полуослепшие глаза рыбака разглядели тоненькую струйку дыма. Там был чей-то дом. А дом означал жизнь. Уже почти теряя сознание, юноша доплелся до большой, покрытой снегом землянки и упал на порог.

Когда молодой рыбак открыл глаза, он увидел, что лежит на мягкой шкуре полярного волка, а над ним склонился старик, такой дряхлый, что казалось, он видел сотворение мира.

— Очнулся, — сказал старик кому-то. — Неси питье. Выживет.

С этими словами он отошел в сторону, а к ложу Оллеба приблизилась старуха, не менее древняя, чем ее муж. В сухих жилистых руках она держала плошку, от которой исходил чудесный аромат горячего травяного отвара.

— Можешь сесть? — ласково спросила она, и Оллеб слабо покачал головой, ибо понимал, что не может даже пошевелиться.

Старуха поставила плошку и с силой, которую в ней нельзя было даже подозревать, усадила юношу на постели. Затем она вновь взяла питье и поднесла к губам больного.

— Пей! — коротко приказала старуха.

Оллеб безропотно подчинился и сделал первый глоток. По телу разлилось приятное тепло. После второго глотка он уже смог сам держать плошку, а допив отвар до конца, вдруг почувствовал, что силы вернулись к нему. Отдав молчаливо ждущей хозяйке плошку, юноша сел на своем ложе, опустил ноги на пол и огляделся.

В дальнем углу, закутавшись в шубу из серебристых лисиц, сидел старик-хозяин и не мигая смотрел на слегка отодвинутый полог, закрывавший вход в землянку. У входа вились большие серебряные мухи, то вылетая за порог, то возвращаясь обратно.

— Опять один олень куда-то запропастился, — вдруг громко сказал старик и быстро-быстро что-то забормотал под нос.

Оллеб решил, что хозяин совсем свихнулся от старости, ведь никаких оленей поблизости и в помине не было, но позже, пожив несколько дней в землянке, понял, как сильно ошибался. Старик оказался колдуном. Он видел все на таком расстоянии, что обычный человек и представить себе не мог, и потому его стадо всегда паслось очень далеко, там, где могло отыскать под снегом мох и остатки травы. Если же снега выпадало слишком много, колдун посылал навстречу стаду ветры, чтобы они унесли лишний покров и обнажили землю. Так же он поступал и тогда, когда оленям пора было возвращаться. Только в этом случае ветры служили ему погонщиками. Не боялся старик ни волков, ни медведей, так как умел заговаривать их и не пускать ни к оленям, ни к землянке.

Он очень многое умел, но тогда, в первый день пребывания у него, Оллеб ничего об этом не знал. Почувствовав себя вполне здоровым, он вышел за порог и направился к берегу, чтобы отыскать лодку и посмотреть, можно ли на ней вернуться домой. Свое суденышко он нашел быстро. Вытащив лодку на сушу, юноша обошел несколько раз вокруг нее, снова и снова удивляясь, как эта жалкая посуда вообще может держаться на плаву. Вот бы смастерить настоящую, надежную лодку! Нос сделать острым, поднять его повыше, бока округлить, чтобы волна не могла ее опрокинуть! Нечего и думать пускаться в плавание одному на этом старом корыте. И Оллеб задумал построить новую лодку.

Дни шли. Дело не продвинулось ни на волосок. Юноша каждое утро уходил на берег моря, сидел там и мечтал о новом судне, но почему-то ничего даже не пытался предпринять. Вечерами он беседовал со старухой, которая вскоре привязалась к нему как к родному сыну, и слушал нескончаемое бормотание старика, к которому так привык, что вскоре перестал его замечать.

Однажды вечером Оллеб, возвращаясь к землянке, увидел старуху, вышедшую ему навстречу.

— Я хочу поговорить с тобой, сынок,— сказала она.
— А почему не в доме? — удивился юноша.
— В доме нельзя. Муж не должен слышать мои слова. Скажи, ты очень хочешь вернуться домой?

— Очень,— вздохнул Оллеб.
— А может, останешься? Когда-то и у меня был сын, но много лет назад, повздорив с отцом, он ушел из дома, и с тех пор я даже не знаю, жив ли он. Ты стал бы мне сыном.— Старуха умоляюще взглянула на рыбака.

— Нет, мать, не могу,— твердо ответил он.— Пойми, что и мои родители сейчас не знают, где я. И у них тоже нет другого сына.

— Как мне ни жаль,— опечалилась старуха,— но не могу не согласиться с тобой. Тогда слушай. Мой муж — не простой колдун. Он колдун злой. Бормотание, которое ты все время слышишь, — заклинания против твоей новой лодки. Хорошему судну не страшна стихия, и тогда старик не сможет держать в страхе рыбаков и брать их жизни, которыми питается его сила.

— Что же мне делать? — воскликнул Оллеб.

— Сама не знаю,— пожала плечами старуха.— Но ты не отчаивайся. Что-нибудь придумаем. Да, я совсем забыла! Память совсем как решето стала. Серебряные мужи — волшебные. Не вставай между ними и стариком.

Наутро рыбак услышал, как колдун ворочается, поднимаясь со своей любимой теплой золой, и, притворившись спящим, стал наблюдать за стариком. Тот с криканием встал, подошел к выходу из землянки, откинул полог и замер на пороге. Затем он поднял руки и начал чертить в воздухе волшебные знаки, которые вспыхивали огнем и тут же гасли. Когда исчез последний знак, из-под полы лисьей шубы вылетели несколько мух, покружились возле головы старика и разлетелись в разные стороны. Оллеб вспомнил, что однажды видел такую муху. Она появилась в прошлом году в их селении, укусила старого Матте, а через несколько дней тот умер. Значит, колдун рассылает всюду смерть? Как же противостоять этому порождению зла?

Дни и ночи юноша думал о том, как ему дальше быть, но ничего так и не сумел придумать. Однажды вечером старуха поведала ему, что раз в год неподалеку от Валгаллы, где обитает сам Имир, в ледяной пещере собираются колдуны и ведьмы. Скоро этот день наступит, а значит, старик должен покинуть землянку. Вне дома он пробудет не меньше недели, ведь колдуны и ведьмы будут рассказывать друг другу о своих делах, а потом те, кто за прошедший год нашел учеников, представят их собравшимся и проведут обряд посвящения. Пока старика не будет дома, Оллеб сможет бежать.

Через день колдун поднялся на рассвете и, выбрав самую большую плошку, принялся готовить в ней отвратительно пахнущее зелье. Он долго бросал и в плошку, и в огонь корешки, травы, кусочки чьей-то засушенной плоти, все время что-то приговаривая. Затем он снял плошку с огня, залпом выпил зелье и, затаив скрипучим голосом заунывную песню, начал кружиться на месте. Он пел все громче и кружился все быстрее и быстрее, пока вдруг не раздался громкий хлопок и там, где только что находился колдун, не взвилась тоненькая струйка смердящего дыма.

Со всех ног пустился Оллеб на берег, едва успев проститься со старухой. Он понимал, что плыть в старой лодке опасно, но другой у него все равно не было, и юноша старался об этом не думать. Прибежав к морю, он кинулся к лодке и хотел было перевернуть ее и столкнуть в воду, но стоило ему лишь протянуть к ней руки, как лодка прямо на глазах начала разваливаться. Доски трещали и ломались, словно невидимая рука с ожесточением опускала на них топор.

Оллеб догадался, что даже издалека колдун держит его и ни за что не собирается отпускать. Юноша без сил опустился на землю и завыл, словно волк, потерявший свою стаю. Он качался из стороны в сторону и выл, выл и качался, и казалось, рассудок вот-вот покинет его, как со стороны моря донесся голос:

— Хочешь, я отвезу тебя домой?

От неожиданности Оллеб вздрогнул, замолчал и обернулся на голос. У самого берега, где еще несколько мгно-

лений назад ничего не было, плавно покачивалась на волнах длинная изящная лодка с приподнятым носом и округлыми просмоленными боками. В ней сидел незнакомец, одетый в шубу мехом внутрь и в лохматую шапку, закрывавшую его лицо.

— Так отвезти тебя? — снова спросил он.

— Ты еще спрашиваешь! — вскричал рыбак и прыгнул в лодку.

Незнакомец поднял парус, Оллеб встал у руля. Лодка медленно отчалила от берега и поплыла, все быстрее и быстрее, словно ее влекла неведомая сила. Но стоило им отдалиться от берега на приличное расстояние, как на море начала подниматься буря. Небо потемнело, задул сильный ветер, вздыбились крутые волны. Однако лодка продолжала нестись вперед, словно вокруг было не бушующее море, а тихое лесное озеро. Она легко рассекала огромные волны и все скользила и скользила вперед, как рыба в родной стихии.

От непрерывного воя ветра звенело в ушах, вода заливала лицо, небо и море слились в черную, ежесекундно угрожающую смертью бездну, и Оллеб уже не надеялся увидеть землю, когда вдруг снова услышал голос незнакомца.

— Вот ты и дома.

И, словно кто-то зажег свечу в темной комнате, рыбак отчетливо увидел родной берег, покосившийся причал, маленькие домики с плотно закрытыми дверями и окнами. Стоило ему шагнуть на причал, как буря утихла, а призрачная лодка исчезла. Юноша бегом бросился к лодочному сараю, стоявшему у самой воды, заперся изнутри, схватил кусок угля и принялся рисовать на стене чудо-лодку, боясь забыть хотя бы маленькую деталь.

Много дней и ночей провел Оллеб в сарае, снова и снова переделывая чертежи необыкновенной лодки, пока наконец не решил, что пора приступать к строительству. Его родные свыклись с чудачествами юноши, да и что им еще оставалось? Ведь оттуда, почти из самой Валгаллы, еще не возвращался никто, а он не только пришел живым и здоровым, но и приобрел какое-то новое знание.

Всю зиму Оллеб строил лодку, тщательно подбирая каждую досочку. Зимний день короток, и юноша часто засиживался за полночь, спал урывками тут же, на куче древесных опилок, сожалел о времени, потраченном на сон. Он почти ничего не ел и страшно исхудал, но глаза его светились счастьем, когда он смотрел на почти готовое детище.

И вот настал день, когда лодка была почти готова. Оставалось лишь поставить уключины и вырезать весла с большими, слегка изогнутыми лопастями, и можно спускать лодку на воду. Одуревший от радости, сидел Оллеб, не сводя глаз с крутобокой красавицы, остро пахнувшей свежеработанным деревом. Он гладил выпуклые борта шершавой ладонью, бормотал что-то ласковое и нежное, словно перед ним стояло не рыбацкое суденышко, а любимая женщина.

Вдруг дверь сарая распахнулась, словно в нее ударил сильный порыв ветра, и внутрь влетела большая серебряная муха. Она покружила возле юноши, оцепеневшего от ужаса, потом с противным стуком шлепнулась на борт лодки и поползла по нему. Там, где ее мохнатые лапки касались дерева, начинали проступать черные полосы и появлялись мелкие трещины. Скоро вся лодка покрылась тонкой сеткой трещин, словно огромный паук оплел ее черной паутиной, и стоило Оллебу слегка дотронуться до своего изделия, как оно осыпалось под его рукой, обратившись в кучку легкой трухи.

Юноша закричал, словно вражеская стрела пронзила его грудь.

— Не кричи так громко, — послышалось у него за спиной. — Я уже тут. Ведь это меня ты звал?

Оллеб обернулся. Возле двери стоял колдун, все так же зябко кутаясь в лисью шубу. Юноша схватил топор и кинул его, метя в ненавистное лицо. Тяжелое лезвие угодило прямо в лоб, прошло сквозь него и вонзилось в стену сарая. Оллеб ожидал, что сейчас брызнет кровь и колдун грузно осядет на пол, но ничего подобного не произошло. Лицо старика задрожало, словно водная гладь, потревоженная тяжелым

камнем, по нему пробежали волны, но они быстро успокоились, и старик захохотал.

— Исчезни, демон! — завопил юноша. — Оставь меня в покое!

Старик продолжал хохотать. Его смех становился все более громким и пронзительным, от него закладывало уши, кружилась голова и темнело в глазах. Когда Оллеб вновь обрел способность видеть и слышать, колдун уже не смеялся. Он пристально взглянул в лицо юноше и приказал:

— Смотри.

Не веря своим глазам, Оллеб с изумлением поглядел по сторонам. На месте его старого лодочного сарая стояло совершенно новое строение, больше напоминающее крытую верфь, а на воде плавно покачивалась роскошная восьмивесельная лодка.

— Что все это значит? — оторопело уставившись на море, спросил юноша.

— Ты упрям, сынок, — ответил старик. — Мне это нравится, вот я и решил тебе помочь.

— Дождаться от тебя помощи труднее, чем от Имира ласки, — огрызнулся рыбак.

— Не будь неблагодарным, сынок, — покачал головой колдун. — А кто тебя привез домой?

— Так это был ты? — Оллеб чуть не задохнулся. — А...

— Не задавай лишних вопросов, — сурово прервал его старик. — Ты хочешь строить новые лодки?

— Что ты за это потребуешь? — недоверчиво покосился на него юноша.

— А ты еще и не глуп, — усмехнулся колдун. — Хорошо. Очень хорошо. Я многого не попрошу. Ты теперь будешь строить совершенные, прекрасные лодки. Отбоя от желающих купить их не будет. Можешь назначать любую цену, никто не откажется. Но каждая шестая лодка — моя.

— Я должен отгонять тебе их или ты сам будешь за ними являться?

— Сам, сам, — захихикал старик. — Я даже буду помогать тебе их доводить до ума. Правда, вряд ли ты меня

увидишь. Чуть-чуть старания, и моя лодочка больше не увидит берега.

— Ты хочешь сказать...

— Я уже сказал, — оборвал его на полуслове колдун.

— Уходи! — крикнул Оллеб. — Я никогда не приму твои условия!

— Примешь. Не буду тебя торопить. Надумаешь — возьми в руки инструменты и позови меня.

С этими словами старик исчез, а Оллеб вышел на берег и долго смотрел туда, где всего несколько мгновений назад гордо покачивалась на волнах восьмивесельная красавица. «Как далеко в море можно уходить на такой лодке, не боясь ни бурь, ни штормов! — думал он. — Сколько жизней сумеет она спасти! А сколько жизней унесет каждая шестая лодка?.. Но ведь старика можно обмануть. Я буду тщательно проверять все лодки, прежде чем они выйдут в море. Неужели я не замечу изъяна?»

Он решительно тряхнул головой, вернулся в сарай, взял в руки инструменты и мысленно окликнул старика: «Я согласен, кровожадная нежить». И тут же работа пошла как по маслу. Доски словно сами изгибались под рукой и ладились друг к другу. Вскоре была готова первая лодка, вторая... Шестую Оллеб внимательно осмотрел, простучал молотком, несколько раз обмерил и, убедившись, что она идеальна, счастливо рассмеялся.

Вскоре он сбился со счета, но так как проверял по несколько раз каждую лодку, то не стал особо волноваться по этому поводу. Он строил по две лодки в год, покупателей было хоть отбавляй, и скоро Оллеб настолько разбогател, что уже мог нанять помощников. Все думали, что теперь дело пойдет еще быстрее, но мастер не мог позволить себе торопиться, ибо помнил слова колдуна. Все лодки, которые он делал, по-прежнему казались ему безупречными, богатство его росло, число заказчиков тоже, и Оллеб уверовал, что сумел перехитрить старика, тем более что тот не давал о себе знать, словно и вовсе забыл о сделке.

Однажды мастер построил совершенно необычную лодку — десятивесельный бот. Лодка получилась такой вели-

коленной, что Оллеб решил подарить ее отцу, которого любил больше всего на свете. Отец долго отказывался принять такой роскошный подарок, но в конце концов уступил просьбам сына, видя, как искренне того огорчает отказ.

На следующий же день отец, собрав своих лучших друзей, вышел в море на новом боте. К вечеру они не вернулись, но Оллеба это несколько не беспокоило, ведь рыбаки часто проводили вне дома по несколько дней. Ночью он спал спокойно, но на рассвете его разбудил тихий шорох, будто кто-то царапался в дверь, но не мог открыть ее.

— Пошли все вон! — крикнул Оллеб. — Утром приходите. Совсем одурели, ни днем, ни ночью покоя нет, — пробормотал он, переворачиваясь на другой бок и собираясь снова заснуть.

Однако непрошенные гости не ушли. Дверь медленно отворилась, и в комнату, ступая совершенно бесшумно, вошел отец Оллеба, а следом за ним — его друзья. Все они были бледны до синевы, лица их искажали мученические гримасы, а с одежды на пол тонкими струйками стекала вода. Все они не проронили ни звука, но их молчание оказалось красноречивей любых слов.

Оллеб сразу все понял. Он понял, почему не вернулся бот, понял, что колдун ничего не забыл и забирал, как и договаривались, каждую шестую лодку, понял, сколько смертей лежит на его совести и что всей его жизни не хватит, чтобы искупить свою безмерную вину.

Едва дождавшись утра, Оллеб кинулся к верфи и уничтожил все готовые и строившиеся лодки. Он ломал их, крушил, рубил топором с такой яростью, что никто не решился даже попытаться остановить его. Когда от последней лодки осталась лишь груда искореженных досок, Оллеб вернулся в дом, вынул из сундуков и раздал все свои богатства, после чего вскинул на плечо тощий дорожный мешок с запасом еды и поспешил прочь от родного селения.

Он шел, ни от кого не таясь и не разбирая дороги, мечтая лишь о том, чтобы смерть поскорее нашла его. Но гибель обходила несчастного стороной, а ноги уносили его все дальше и дальше на юг. Только однажды, уже в Ким-

мерии, колдун настиг его. Оллеб сидел на берегу маленькой лесной речки и, задумавшись, глядел на полупрозрачную голубую воду. Сам не понимая, что делает, он взял в руки нож, отковырнул кусок коры от стоявшего рядом дерева и начал вырезать маленькую лодочку. Доделав игрушку до конца, он хотел было пустить ее по реке, но стоило ему встать и протянуть руку к воде, как лодка вспыхнула и глаза Оллеба обожгло горячим дымом. И тут же откуда-то сверху послышался громкий хохот.

Когда слезы на нестерпимо болевших глазах высохли, Оллеб взглянул наверх и увидел над собой призрачное лицо колдуна.

— Ты предал меня, — грозно нахмурившись, произнес тот. — Ты отнял у меня души рыбаков. Но не радуйся. Я еще приду за твоей душой, и ты пожалеешь, что осмелился спорить со мной. Стоит тебе ступить в воду, которая хотя бы покроет твои колени, ты мой. Но даже если ты погибнешь на суше, тебе все равно не избежать наказания. Любая вода, будь то влага из сосуда обмывальщика покойников или дождь, пролившийся на твой труп в лесу, приведет твою душу ко мне.

Не успел Оллеб опомниться, как призрак задрожал и исчез. Понурился, согнувшись под тяжестью своих мрачных дум, несчастный ванир поплелся дальше. Сначала он боялся даже умываться, но вскоре понял, что, пока жив, такая вода ему не страшна. Но это не успокоило его, ибо днем и ночью в его ушах звучали слова старика.

Постепенно он свыкся с этим вечным страхом, его боль, скорбь по погибшим и чувство вины несколько притупились, но он продолжал идти и идти вперед, стремясь попасть в такие края, где ничто не напомнит ему о далекой заснеженной родине. Он честно зарабатывал себе кусок хлеба, не отказываясь ни от какой работы, но нигде подолгу не задерживался, ибо все еще часто встречал людей, которые, взглянув на его золотисто-рыжие волосы, интересовались, не из Ванахейма ли он.

Оллеб побывал в Пограничном Королевстве, Немедии, Коринфии, Заморе и в конце концов добрался до Турана и

уже оттуда попал в блистательный город Шандарат. Первые несколько дней он даже не пытался пройти через городские ворота. Он стоял как вкопанный возле верфей и зачарованно следил за тем, как под ловкими руками мастеров возникают никогда не виданные им прежде корабли: то сильные, мощные, стовесельные галеры, то легкие, быстрые парусники, способные нести множество людей и товаров. Каким было бы счастьем работать с этими мастерами! Но проклятие колдуна не позволяло Оллебу даже близко подходить к каким бы то ни было лодкам. Как знать, не начнет ли он снова забирать каждое шестое судно? Пусть отсюда далеко до Ванахейма, но Оллеб не мог больше рисковать жизнями десятков даже незнакомых ему людей.

В конце концов на него обратили внимание, и однажды к нему подошел чуть сгорбленный седоволосый мужчина, от которого так замечательно пахло свежесобранной древесиной и смолой. Внимательно посмотрев на Оллеба, он спросил:

— Откуда ты такой взялся? Я никогда прежде не встречал столь рыжих людей, словно сам Митра провел рукой по их волосам.

— Я пришел издалека, — обрадовался Оллеб тому, что здесь, видимо, и слыхом не слыхивали о его соплеменниках. — С севера.

— Что ты здесь делаешь? — поинтересовался седой мужчина. — Тебе нравятся лодки? У нас всегда найдется работа для хороших рук. Что ты умеешь?

Оллеб вспыхнул, сердце его затрепетало, но он был вынужден солгать:

— Боюсь, не смогу вам пригодиться. — И добавил первое, что пришло ему в голову: — Я умею ухаживать за животными.

— А... — разочарованно протянул его собеседник. — Тогда тебе надо идти в город. Я слышал, прекрасная Амарис искала работника.

— Амарис? Кто это? — спросил Оллеб.

— Она разводит собак. Их так много, что ей время от времени требуются помощники. Попробуй счастья.

И Оллеб попытал счастья. Едва он взглянул на Амарис, как понял, что не сможет прожить и дня, не видя эту женщину. Все в ней было прекрасным: и чудесные густые волосы, и желто-зеленые глаза, и стройное, гибкое тело. Даже крутой мужской характер делал ее настолько привлекательной, что, казалось, будь она более мягкой и нежной, ее обаяние не было бы таким сильным.

Спокойный, покладистый, работающий Оллеб тоже понравился Амарис. Она сразу же согласилась взять его на работу, а вскоре он уже гораздо больше времени проводил в беседах с хозяйкой, нежели возле собачьих клеток. Как он ни старался, огромные бешеные псы так и не полюбились ему. Он честно чистил клетки, мыл миски, в которых зверям давали куски сырого мяса, менял воду, но ни разу даже не попытался найти с собаками общий язык. Честно говоря, он до полусмерти боялся их крепких белых клыков, поэтому всегда радовался, когда заканчивал работу и мог уйти от псарен подальше.

Это несколько не смущало девушку. Совсем недавно умер ее отец, и дом остался без мужчины. Уже чувствуя приближение смерти, старик позвал дочь и сказал ей:

— Скоро я покину тебя. Ты росла без матери, и я всегда, как мог, старался заменить тебе ее. Но, как видно, перестарался. В твоём характере гораздо больше от мужчины, чем от женщины.

— Разве это плохо? — удивилась Амарис. — Я думала, ты доволен мной.

— Очень доволен, — слабо улыбнулся умирающий. — Но женщина должна быть женщиной. Поэтому прошу тебя, не тани с замужеством. Если встретишь человека доброго, мягкого, покладистого, который полюбит тебя, стань его женой.

— А почему мягкого и покладистого? — удивилась Амарис, которая обожала отца, обладавшего весьма крутым нравом.

Отец снова улыбнулся и ласково погладил дочь по руке:

— С другим ты и дня не проживешь. Если бы тебе повстречался тигр, ты и его сделала бы мягким и покладистым.

— Хорошо,— кивнула Амарис.— Обещаю тебе, что обязательно выйду замуж.

— И не тани с этим. Моя душа возликует, если ты вскоре сможешь прижать к груди ребенка. Жаль лишь, что мне не довелось понынчить внуков.

Теперь, вспоминая последний разговор с отцом, Амарис все чаще задумывалась, не отдать ли свою руку Оллебу. Он был молод, привлекателен, добр и податлив, а уж в том, что она полюбила его, сомневаться не приходилось. Однако рыжеволосый работник лишь бросал на хозяйку нежные взгляды и никогда даже не намекал на бушевавшие в его сердце чувства. Амарис не была бы собой, если б стала дожидаться, когда молодой человек преодолеет свою нерешительность. Однажды, когда день клонился к вечеру, она подошла к Оллебу, который как раз только что закончил работу, и сказала:

— Приходи сегодня ужинать.

Оллеб густо покраснел и даже ничего не смог ответить, а лишь радостно закивал головой. Затем он со всех ног пустился в выделенную ему комнату, переоделся, привел себя в порядок и точно в назначенное время стоял перед дверью любимой. Чопорный слуга распахнул перед гостем дверь и, презрительно поглядывая на него, проводил наверх, где в роскошном зале, украшенном лучшими вендийскими коврами с густым пушистым ворсом, стоял изысканно сервированный стол, уставленный всевозможными яствами.

Оллебу казалось, что прошла вечность, когда тяжелая занавеска из плотного кхитайского шелка, закрывавшая вход в зал, зашевелилась и вошла Амарис. На ней было удивительное платье из тончайшей материи, сверху до низу покрытое искуснейшей вышивкой, изображавшей птиц и зверей. Длинные, густые волосы девушки были уложены в высокую прическу, а в блестящих прядях играли, переливаясь, разноцветные самоцветы. Стройную шею украшало ожерелье из рубинов и сапфиров, на каждый из которых можно было купить дом. Маленькие ступни плотно облегли туфельки из тончайшей кожи с золотым шитьем. Увидев, какое впечатление она произвела на гостя, который до

этого встречал ее лишь в кожаных брюках и куртке, Амарис едва заметно улыбнулась и пригласила Оллеба к столу.

Он не чувствовал вкуса ни еды, ни великолепных вин, которые обворожительная хозяйка сама наливала ему в серебряный бокал, он не слышал ее речей и едва ли понимал то, что говорил сам. Сердце в груди бедняги билось так сильно, что, казалось, еще мгновение, и оно разорвется от переполнявшей его любви. Прекрасно понимая, что творится в душе гостя, Амарис играла с ним, как кошка с мышью, пока наконец не решила, что пора приступать к серьезному разговору.

— Скажи, Оллеб, я нравлюсь тебе? — показав в улыбке ровные белоснежные зубы, спросила она.

— Нет, Амарис,— вдруг осмелел Оллеб,— ты не нравишься мне. Я люблю тебя так, что не смогу жить, если однажды утром не увижу тебя.

На этом его смелость внезапно исчезла, и он замолчал. Яркая краска заливала его щеки, он нервно вертел в руках бокал, но, как ни силился, не мог больше вымолвить ни слова. Тогда снова заговорила Амарис:

— Ты хотел бы стать моим мужем?

Оллеб вскочил, пролил на себя вино, опрокинул стоявшую перед ним тарелку, всплеснул руками и снова, уже совершенно обессиленный, опустился на свое место.

— Хотел бы? — настаивала девушка.

— Я даже мечтать не мог о таком счастье,— наконец выдавил из себя Оллеб.

— Тогда готовься к свадьбе.

Свадьбу назначили через три дня, ибо, решительная во всем, Амарис и тут не желала ждать. День свадьбы выдался ясным и солнечным, словно сам Митра благословлял этот союз и решил взглянуть в счастливые лица влюбленных. В сопровождении двух людей, которые должны были играть роль свидетелей, Амарис и Оллеб, усевшись в разукрашенный благоухающими цветами паланкин, отправились в Шандарат, к городскому судье, чтобы по всем правилам составить брачный договор. Когда на официальной бумаге были поставлены все нужные подписи и печати, молодые

поспешили в поместье Амарис, где их ждали многочисленные гости и обильные столы.

Слуги отвели Оллеба в большую комнату, где он должен был дожидаться появления невесты. Там же собрались гости, исключительно мужчины, так как женщины отправились вместе с Амарис, чтобы проследить за ходом церемонии. Невеста непременно желала, чтобы ее свадьба прошла в полном соответствии со всеми обычаями, но так как сама никогда не интересовалась ими, ей понадобились помощницы. Ожидание затянулось, или это только показалось взволнованному и ошалевшему от счастья жениху. Но вот мужчины засуетились, каждый взял в руки зажженную свечу, и все выстроились в два ряда, образовав ярко освещенный коридор от входа в комнату до кресла, в котором сидел Оллеб. Откинулся полог, и появилась Амарис, прекрасная как никогда. На ней было платье из красного атласа, в ушах, на шее и на тонких запястьях сверкали крупные рубины. Она медленно прошла по коридору, плавно покачивая бедрами, от чего у Оллеба закружилась голова, подошла к жениху, низко склонилась перед ним и, сняв с шеи ожерелье, положила украшение у его ног. Затем она выпрямилась и так же медленно удалилась.

Через какое-то время она снова появилась, но уже в нежно-голубом платье, украшенная крупными и мелкими сапфирами. Церемония повторилась. Амарис переменила пять платьев, и каждый раз выглядела все более и более соблазнительной и желанной. Наконец, появившись в роскошной золотой парче, она не стала кланяться и оставлять драгоценности у ног жениха, а взяла его за руку и повела в другую комнату, где молодых и гостей ждало роскошное угощение.

Гости пили и ели, говорили длинные речи, и Оллеб уже начал думать, что все это никогда не кончится и эти люди не уйдут и не оставят их наедине. Но как ни долго тянулось торжество, оно все же закончилось. Амарис и Оллеба проводили до порога спальни, и наконец-то они остались одни.

Амарис быстро скинула с себя блестящий наряд, бросила на плечи прозрачный, как утренний воздух, халат и повернулась к Оллебу:

— Мы сейчас вместе примем ванну, а потом вернемся сюда.

Дрожа от нетерпения и от все возрастающего желания, Оллеб мгновенно разделся и поспешил за своей возлюбленной. Их ждала белая мраморная ванна, наполненная горячей водой, в которую были добавлены благовония, распространявшие легкий, чуть сладковатый запах. Амарис с удовольствием погрузилась в чуть зеленоватую воду и поманила Оллеба за собой. Он шагнул было вперед, но тут из благоуханных паров прямо в воздухе сооткалось лицо колдуна. Он ехидно взглянул на молодожена прищуренными глазами и скрипучим голосом проговорил:

— Давай прыгай в воду. С тобой ничего не случится, ибо ты так любишь эту женщину, что я здесь бессилен. Но учти, едва повитуха начнет обмывать вашего первенца, он мой.

Колдун гнусно захихикал и исчез.

— Что это было? — испуганно спросила Амарис.

Оллеб присел на край ванны и принялся рассказывать ей свою историю. Он говорил долго и сбивчиво, пытаясь и оправдаться, и придумать, как жить дальше. Когда он замолчал, Амарис подняла на него испуганные глаза:

— И что же нам теперь делать?

Оллеб долго не отвечал, задумчиво глядя в стену. Потом он повернулся к Амарис, крепко поцеловал ее, стремительно поднялся и сказал:

— Прости меня и пойми. Если поймешь, то и простишь. Я знаю, как мне избавиться от проклятия колдуньи.

Он решительно направился к выходу, не обращая внимания на изумленные взгляды слуг, выбежал из дома, пересек двор, влетел на псарню, распахнул клетку самого свирепого пса и шагнул в нее. Зверь несколько мгновений смотрел на неожиданного гостя, затем, не издавая ни звука, прыгнул, и крепкие челюсти, не уступавшие по силе медвежьему капкану, сомкнулись на горле Оллеба.

Умер он мгновенно, но в последний миг, когда его сознание еще не угасло, он был счастлив: теперь-то его душа ни за что не достанется колдуну.

Амарис закончила свой рассказ и надолго замолчала, глядя на лунную дорожку, подпрыгивавшую на темных волнах. Первым тишину нарушил Конан, причем самым удивительным образом: он расхохотался. Киммериец смеялся долго, всхлипывая и утирая слезы, так что даже один из пяти псов, которых Амарис взяла с собой, вскочил и глухо заворчал.

— Тихо, Олки, — успокоила она пса, положив ему руку на голову. Затем, удивленно взглянув на Конана, спросила: — Что так рассмешило тебя?

— Слабак он, твой Оллеб, — совершенно серьезно ответил варвар. — Баба истеричная.

Олки снова зарычал и шагнул было к Конану, но Амарис жестом заставила собаку сесть.

— Что это он так разнервничался? — изумился Конан.

— Он не выносит, когда кто-нибудь говорит слишком громко, — пояснила Амарис. — Считает, видимо, что со мной хотят поссориться.

— Поссориться с тобой? Когда у твоих ног лежат пять людоедов? — усмехнулся киммериец. — Дураков нет.

— Они не людоеды, — заступилась за своих любимцев Амарис. — Олки — самый старший из них, но когда погиб мой первый муж, его еще и на свете-то не было. Он родился позже.

— Ладно, не сердись, — улыбнулся Конан. — Похоже, за своих драгоценных хищников ты сама можешь перегрызть горло кому угодно.

— Я люблю своих собак, — глядя ему в глаза, ответила Амарис. — И не вижу в этом ничего плохого.

— А я тебя ни в чем и не обвиняю, — пожал плечами киммериец.

— Уже поздно, — резко сменила тему разговора Амарис. — Пора расходиться по каютам. Я устала сегодня. Мне прежде не доводилось путешествовать по морю.

— Как хочешь, — согласился варвар, с горечью отметив про себя, что утро он все-таки встретит в одиночестве. — До завтра, прекрасная. Пусть тебе снятся хорошие сны.

Глава пятая

Ночной ветер разогнал остатки облаков, и утреннее солнце нещадно палило, словно торопясь отдать тепло, на которое поскупилось вчера. Серое беспокойное море превратилось в искрящуюся лазурную гладь, по которой лишь время от времени пробегали легкие волны. Словно лаская несущийся вперед парусник, они нежно лизали крутые борта «Длани Митры», изредка обдавая пассажиров мельчайшими солеными брызгами.

Конан скучал. Его деятельной натуре было противно пустое времяпрепровождение, и он с оттенком зависти взирал на занятую привычным делом команду. Кормчий Арам, во всем доверявший своим людям, все же старался не упускать из виду ни одной мелочи, а потому не мог уделять много внимания киммерийцу. Купцы оказались малоинтересными собеседниками, и варвар, глубоко вздохнув и в глубине души слегка досадуя на свою назойливость, отважился снова постучаться в каюту Амарис. Прекрасная вдова отдыхала после обеда и прогулки по палубе со своими собаками, но, похоже, обрадовалась гостю.

С опаской поглядывая на грозных мастафов, занимавших почти все свободное пространство в каюте, Конан устроился поудобнее на краю койки Амарис, придвинулся к ней поближе, накрыл своей огромной ладонью ее изящную ручку и, не встречая сопротивления, хотел было обнять очаровательную женщину за плечи, как псы беспокойно

запшевелились, сморщив носы и чуть приоткрыв ослепительно белые клыки.

— Ты специально взяла их с собой, чтобы никто не осмелился беспокоить тебя? — несколько принужденно засмеялся Конан.

— Нет, — совершенно серьезно ответила Амарис. — Кого мне бояться?

— Тогда почему они едут не в трюме?

— Это лучшие мои собаки. Я развожу мастафов уже много лет. Этим же занимались и мой отец, и мой дед. Но таких псов никому из них не удавалось получить. Они умны, как люди. Каждый из них — единственный в своем помете. К сожалению, среди них нет ни одной суки. Я много раз пыталась получить от них потомство. Щенки рождаются чудесными, но чисто собачья кровь их матерей портит самые выдающиеся качества.

— Чисто собачья?! — От изумления Конан даже отодвинулся от Амарис. — А эти звери кто?

— Я оговорила, — вспыхнув до корней волос и почему-то сильно смутившись, начала оправдываться Амарис. — Эти кобели настолько умны, они понимают меня даже без слов... В общем, я люблю их настолько, что иногда забываю, что они всего лишь животные... Я часто думаю о них как о людях, как о своих детях... — Окончательно запутавшись она замолчала.

Киммериец подозрительно взглянул на нее, потом перевел взгляд на собак и долго рассматривал их, но ничего необычного не заметил. Собаки как собаки. Сильные, красивые, холеные. Но, по его мнению, почти не отличающиеся от своих собратьев, разве что смотрят как-то странно, как будто вот-вот заговорят. Может, и правда в этих лобастых головах кроется исключительный ум, но ведут они себя как самые обыкновенные псы-охранники. Варвар снова посмотрел на Амарис. Она уже успела взять себя в руки, и лишь более сильный, чем обычно, румянец говорил о том, что она взволнована. В конце концов, если она любит этих тварей больше, чем людей, это ее дело. Кто разберется в женской душе? Да и не душа этой женщины так соблазнительна, а ее роскош-

ное тело. Почему же он, Конан, как последний идиот, выслушивает бесконечные отговорки, вместо того чтобы сразу уложить ее в постель? Женщина, у которой было пять мужей, должна понимать, какой радостью может одарить ее настоящий мужчина. Впрочем, первый муж, кажется, так мужем для нее и не стал. Может, и остальные так и не притрунулись к ней, и потому она даже не догадывается, что такое мужская ласка? Подумав об этом, Конан спросил:

— А твой второй муж, он тоже предпочел провести первую брачную ночь в клетке с мастафом?

— Не смейся! — встрепенулась Амарис. — Оллеб вовсе не променял меня на пса, как ты считаешь. А Фартан...

— Фартан? — переспросил варвар. — Это второй?

— Да, — кивнула Амарис. — Если ты умеешь быть серьезным, могу рассказать тебе о нем.

— Хорошо, — согласился Конан. — Обещаю, что не буду смеяться над твоим незабвенным супругом.

* * *

Фартан был родом с юго-востока Бритунии, из маленького селения, в незапамятные времена возникшего в узкой и извилистой, словно высохшее русло некогда полноводной реки, долине. Ее окружали высокие холмы, за которыми на западе высились суровые Кезанкийские горы, а с востока вплотную подступали густые девственные леса. Земля тут была плодородной, так как ее обильно орошали многочисленные мелкие ручейки и речушки, в которых водилась рыба, вносящая приятное разнообразие в довольно-таки скудный рацион бритунцев. Травы, покрывавшей маленькие, как и все в этой долине, луга, вполне хватало, чтобы селяне могли держать по паре овец, которые давали им шерсть и молоко.

Несмотря на то что до леса было рукой подать, дома из бревен не строили, а плели из лозы и обмазывали стены глиной. Может быть, это делалось потому, что гибкие, упругие ветви кустарника и глину легко было добыть на берегу любой речки, а деревья, столетиями устремлявшие пышные кроны к небесам, требовали тщательной и сложной обра-

ботки. Может быть, просто так повелось испокон веков, кто знает? Просто селяне всегда жили в таких домах и ничего менять не хотели.

Мужчины в родной деревне Фартана занимались возделыванием земли и овцеводством, женщины вели хозяйство, растили детей, ткали из шерсти и льна прекрасное полотно. Все они жили простой жизнью, которая цивилизованному человеку показалась бы скучной и примитивной, но были вполне ею довольны, особенно если еда стояла на столе, урожай был не хуже ожидаемого да дети и животные не болели.

Когда Фартан появился на свет, сверстники его родителей уже нянчили внуков. Так уж получилось, что, сколько ни обращалась мать Фартана со слезными просьбами к Виккане, так что даже расстрогала ее жрицу, жившую в соседней деревне, своенравная богиня долго отказывала ей в милости. В конце концов отчаявшаяся женщина, глядя, как подрастают дети ее подруг, умолила жрицу совершить паломничество к священному дубу — любимому дереву Викканы. Через несколько дней женщины вернулись, и по сияющему счастьем лицу жены отец Фартана, которому она не рассказала ничего, понял, что благоприятный знак получен. Три дня, забыв обо всех делах и забросив хозяйство, они не выходили из дома, и на сей раз их труды увенчались успехом. Спустя девять месяцев в доме появился долгожданный младенец.

Нечего и говорить, как тряслись немолодые уже родители над своим сокровищем. Они старались предугадать малейшее его желание, оградить от всех бед и неприятностей. Мальчик пытался проявить характер и настойчиво сопротивлялся бесконечной опеке, но особо в этом не преуспел.

— Матушка,— говорил он, насупив брови,— мне стыдно перед друзьями. Все ушли на рыбалку, а я дома сижу.

— Да хранит тебя пресветлая Виккана! — всплескивала руками мать.— А вдруг ноги промочишь, заболеешь и умрешь? Кто о нас с отцом позаботится, когда старость совсем одолеет нас?

— Отец,— топал ногой Фартан.— Все мальчики пасут своих овец, а ты никогда меня с ними не пускаешь.

— Мал еще,— хмурился отец.— А вдруг волк из леса прибежит и разорвет тебя на куски?

Так дожил он до пятнадцати лет, ничего толком не умея, но постоянно стремясь что-то делать. Однажды, когда только-только закончился сезон дождей, как-то за обедом отец заметил, что не худо бы подправить стены дома.

— Смотри,— показал он узловатым пальцем, обращаясь не то к жене, не то к сыну,— сколько трещин. Эдак мы скоро под открытым небом окажемся. Надо чинить, и быстро.

— Батюшка,— взмолился Фартан,— позволь мне помочь тебе!

— Что ж,— неожиданно согласился отец,— от помощи нельзя отказываться. Да и ты уже вон какой вымахал.

— А когда начнем? — засветился от радости юноша.

— Через два дня,— пообещал отец и пояснил: — Надо еще кое-что по хозяйству доделать.

На следующий день Фартан прибежал в сарай, где отец менял овцам подстилку из травы.

— Батюшка! — с порога закричал он.— Я такое придумал! Все удивятся и позавидуют, какой у тебя умный и дальновидный сын!

— Что еще? — недовольно поморщился отец, который очень осторожно относился ко всякого рода новшествам.

— Выслушай меня,— попросил сын.— Только не перебивай.

Отец молча кивнул, продолжая заниматься своим делом.

— Наш дом сплетен из лозы и промазан глиной. Так? Каждый год, после того как пройдут обильные дожди, стены приходится чинить. Так?

— Так, так,— нетерпеливо перебил его отец.— Я и говорил тебе, что скоро займемся починкой.

— Я придумал, что надо сделать, чтобы дом стоял долго без всякой починки! — торжественно провозгласил Фартан. Помолчав немного, он выпалил: — Надо построить его из камней!

— Ты в своем уме? — встрепенулся отец.— Из каких камней?! Наши отцы, деды и прадеды плели свои дома из

лозы, а что было хорошо для них, то хорошо и для нас. Не выдумывай глупостей.

— Выслушай же меня до конца, — взмолился Фартан. — Горы близко? Близко. Мы натаскаем камней и сложим новые стены, соединив камни той же глиной. Стены будут толще и прочнее.

Спор их затянулся на целый день, но вечером Фартана неожиданно поддержала мать, которая, как и все матери, считала своего сына необычайно умным и талантливым. Отец долго ворчал и возражал, но в конце концов сдался.

— Надо же, чего учудили, — ворчал он. — Люди над нами смеяться будут. Что мы, умнее дедов, что ли? Ну да ладно, вас двоих мне не переспорить...

Настало долгожданное утро. Фартан с отцом, плотно и обстоятельно позавтракав, направились к Кезанкийским горам, провожаемые удивленными взглядами односельчан. Горы пользовались дурной славой. Люди, обитавшие там, отличались жестокостью, и миролюбивые равнинные жители старались не раздражать суровых соседей и не появляться на их территории. Поднявшись на холм, отделявший долину от гор, Фартан радостно засмеялся:

— Посмотри, отец, как красиво!

— Здесь не на красоты надо любоваться, — буркнул отец, — а следить, чтобы стрелу в сердце не получить.

— Да не бойся ты, — успокоил его сын. — Мы же не будем подниматься в горы. Смотри, у подножия полным-полно камней. Выберем те, что нам нужны, и отнесем на холм. Потом еще раз вернемся. Глядишь, за пару дней и управимся.

Они действительно быстро нашли вполне подходящие камни. Выбрать-то их было нетрудно, а вот дотащить... Кряхтя, ругаясь сквозь зубы и то и дело утирая обильно струившийся пот, четыре дня таскали они камни от подножия гор на холм, пока не решили, что набрали достаточно для починки дома. Еще два дня ушло на то, чтобы снести вниз значительную часть собранного. К вечеру второго дня отец сказал:

— Все. Хватит. Кончай работу. Завтра продолжим.

— Я не очень устал, — повернулся к нему Фартан. — Ты ступай домой, отдохни. А я еще поработаю.

Отец ушел, наказав ему строго-настрого не задерживаться слишком долго. Однако время шло, взволнованные родители сидели на пороге и напряженно вглядывались в сгущающиеся сумерки, но Фартан все не возвращался. Наконец мать не выдержала.

— Ты как хочешь, — сказала она, вставая, — а я пойду ему навстречу. Не иначе, что-то случилось с нашим мальчиком.

Она оказалась права. Случилось. Но такое, чего никто никак не мог ожидать. Когда они подошли к холму, отец с изумлением увидел, что груда камней, которую они с таким трудом стащили вниз, заметно уменьшилась. Ничего не понимая, он закричал:

— Фартан! Где ты, сынок? Что тут происходит?

— Батюшка! — услышал он радостный голос сына. — Я тебе такое расскажу, не поверишь! Я собрался было отнести вниз еще один камень и отправиться домой, как он выскочил у меня из рук и... Нет, ты представить себе не можешь! Он покатился сам и лег возле груды! Значит, мы напрасно потратили столько сил. Надо было просто толкать их сверху, и они сами бы долетели.

— Так куда делись те камни, что мы уже перенесли? — изумился отец. — Груда должна была вырасти, а не уменьшиться!

— Я отнес их обратно! — гордо заявил Фартан.

— Зачем?! — в один голос воскликнули родители.

— Раз они могут спускаться сами, пусть сами и катятся. Завтра мы с тобой к вечеру всю работу закончим!

Только теперь старики поняли, какого сына вырастили. Но винить им было некого.

— Что ж, — вздохнула мать. — Не зря повитуха говорила, что пуповину надо резать вовремя. Что он еще успеет натворить, пока не закроются наши глаза? А каких дров он наломает, когда мы отправимся к предкам, и подумать страшно.

Минуло еще два года. Родители, хоть и очень поздно, но все же понявшие, какую серьезную ошибку допустили, обе-

регая сына ото всего на свете, всеми силами старались ее исправить. Понемногу Фартан кое-чему научился, но... У него возникало множество идей, и каждую он хотел воплотить в жизнь. К сожалению, как это часто бывает, в неумелых руках все получалось шиворот-навыворот. Пока были живы мать с отцом, никто от деяний Фартана особо не страдал, но все люди смертны, и однажды пришел и их час. Долго прожив вместе в мире и согласии, они и умерли один за другим, словно спешили встретиться там, где обитали все их предки. Фартан остался один.

Терпеливые, спокойные и добродушные, селяне долго закрывали глаза на чудачества юноши и никогда не сердились на него, а наоборот, старались поддержать сироту и помочь ему стать настоящим, по их понятиям, мужчиной. Но однажды он совершил такое, что даже великому терпению односельчан Фартана пришел конец.

Так повелось, что своих овец жители этой деревни всегда пасли сами. В каждой семье всегда находился подросток, которому доверяли этих спокойных, не отличавшихся ни умом, ни сообразительностью животных. Мальчишки и девчонки собирались вместе и целыми днями пропадали на лугах, следя за тем, чтобы овцы досыта наелись сочной травы и вволю напились из чистых, прозрачных ручьев. Поразмыслив, Фартан предложил соседям сделать все иначе.

— Пусть лучше дети пораньше приучаются к хозяйству, — сказал он. — В нашем селении не так много овец, чтобы за ними присматривали много человек. Давайте я займусь выпасом, а вы за это поможете мне обихаживать животных и будете давать хлеб.

С ним согласились, потому что и так всему селу приходилось помогать неумехе. Пусть он хоть полезным делом займется, а лишние руки всегда в доме пригодятся. В первый же день Фартан обошел всю деревню, собрал овец и погнал их на луг. Счастливый от сознания, что он все так здорово придумал, лежал юноша в высокой траве, смотрел, как медленно плывут по небу пушистые облака, и размышлял, что бы еще такого полезного сделать. И придумал. Зачем водить овец на водопой к ручью? Воды там мало, овцы — животные глу-

пые, пока одна-две утолят жажду, всю воду замутят. Лучше погнать их к реке. Придумал — сделал.

Хорошо еще, что, зная беспокойную натуру юноши, послали его соседи мальчишку проверить, как идут у Фартана дела. Прибежал юнец и не поверил своим глазам. Усердный пастух загнал все стадо в речку, и пять-шесть животных уже ушли под воду с головой.

— Куда ты смотришь? — закричал мальчишка. — Они же тонут!

— Какой ты глупый, — снисходительно улыбнулся Фартан. — Ты разве не знаешь, что такое тонуть? А я знаю. Сам однажды чуть не утонул, сорвавшись с обрыва. Там было так глубоко, что я не нащупал дна. А они все прочно стоят на ногах. Что с ними может случиться?

Овец, конечно, спасли, но после этого случая Фартану уже не доверяли никаких общих дел, а вскоре к нему пришли самые почтенные старики и сказали:

— Мы все хорошо тебя знаем, Фартан, и поэтому, подумав, решили, что лучше бы тебе было уйти от нас.

— Куда же я пойду? — изумился юноша. — Здесь мой дом, и других мест я не знаю.

— За домом мы присмотрим. А другие места... Мир велик. Может, побродив по свету, ты все-таки наберешься ума? Вот тогда и возвращайся. А мы не можем нянчить тебя до старости.

Они еще что-то говорили, а Фартан уже размышлял о диковинках, которые он увидит в дальних краях, о благодарных людях, которые с пониманием отнесутся к его бесчисленным блестящим идеям, о знаниях и умениях, которых он наберется вдали от дома, о том, как встретят его в родном селении, когда он вернется сюда богатым и знаменитым. Поблагодарив стариков и слегка удивившись, почему это не он сам все так хорошо придумал, Фартан быстро собрался в дорогу и на следующее утро покинул маленькую долину.

То ли Светлые боги одарили его особой милостью, то ли ему просто случайно повезло, но путешествие Фартана проходило без особых приключений. Несколько раз он до нитки промок под внезапно нахлынувшим проливным дождем,

однажды чуть не сорвался в пропасть, наступив на шатающийся камень, — вот и все неприятности, с которыми пришлось ему столкнуться в пути. Благополучно миновав горный перевал, через три дня Фартан уже шагал по земле соседней страны — Коринфии. Спускаться с горы оказалось намного легче, чем взбираться на нее, и скоро юноша вступил в лес, столь же чуждый и незнакомый ему, как и неприступные скалы.

Вечерело. Полная луна, бледная и почти незаметная днем, становилась все ярче. Небо постепенно темнело, на нем загорелась первая звезда, следом за ней еще одна, словно невидимые мастерицы расшивали темно-синий, почти черный бархат узором из диковинных драгоценных камней. Высокие деревья, окружавшие путника, слились в сплошную темную стену, застонали ночные птицы, подали голоса хищники, вышедшие на охоту. Неприятный холодок пробежал по спине Фартана, но заночевать в лесу он не отважился, и ему ничего не оставалось делать, как упорно идти вперед по узенькой тропинке, освещенной призрачным, блекло-голубым лунным светом.

Тропинка петляла, то ныряя в высокий кустарник, то выводя юношу на крошечные полянки, то пропадая в пушистых мхах. Стараясь не потерять ее из виду, Фартан внимательно смотрел под ноги, лишь время от времени поднимая глаза, чтобы взглянуть, не видно ли впереди хоть крошечного огонька — спутника человеческого жилья. Постепенно лес начал редеть, и юноша ускорил шаг, торопясь выйти на открытое пространство. Он так спешил, что не сразу услышал, как над его головой в кроне высокого дерева с толстыми корявыми ветвями что-то треснуло, а потом ветви зашевелились, хотя ночь была на редкость тихой, без малейшего ветерка.

Фартан замер, стоя на одной ноге, не отваживаясь опустить вторую, и прислушался. Нет, ему не показалось. На дереве кто-то сидел. Задержав дыхание, он медленно поднял голову и попытался рассмотреть, что происходит там, в вышине. словно стремясь ему в этом помочь, полная луна выглянула из-за набежавшего на нее облака. Совсем близ-

ко, на расстоянии двух-трех локтей от лица Фартана, на толстой ветви лежало животное, совершенно незнакомое юноше.

Оно было размером со среднюю собаку, но походило на кошку. Надменный взгляд хищника изумил Фартана, но не менее удивительным был и облик зверя. Сильное, мускулистое тело, длинные лапы, короткий, как будто обрубленный, хвост и небольшие изящные уши с кисточками на концах — ничего подобного юноша никогда не видел. Зверь зашипел, оскалившись, и Фартан мгновенно понял, что пятнистая кошка питается отнюдь не травой.

Он полжизни отдал бы сейчас за то, чтобы оказаться подальше от дерева, но ноги отказывались ему служить, а кроме того, бежать все равно было бесполезно: одним прыжком хищник запросто мог бы настичь свою жертву. Фартан зажмурился, прощаясь с жизнью. Медленно текли минуты, но ничего не происходило. Юноша снова открыл глаза и вздрогнул, встретившись взглядом с кошкой, которая рассматривала его с явным любопытством.

— Что, испугался? — услышал вдруг Фартан.

«Я либо сошел с ума, либо умер», — подумал он, оглядываясь и лишний раз убеждаясь, что, кроме него и зверя, никого тут нет.

— Я к тебе обращаюсь, — раздался тот же голос, и до юноши наконец-то дошло, что с ним разговаривает хищник, вальяжно развалившийся на дереве. — Что за народ пошел? С ними говоришь по-человечески, так нет, даже словечка не вымолвят. Еще раз спрашиваю: испугался?

— Н-н-не оч-чень... — выдавил из себя Фартан.

— Скажешь тоже, не очень! — фыркнула кошка, сощурившись и окидывая Фартана оценивающим взглядом. — И дураку ясно, что у тебя коленки дрожат.

— Н-н-но п-п-поч-чему ты... — начал вдруг заикаться юноша.

— Почему я разговариваю? — Фартан мог чем угодно поклясться, что зверь улыбнулся. — Поживи в нашей деревне и не такое увидишь.

— Я... Я... — Ему явно не хватало воздуха.

— Да перестань ты трястись! — рыкнула кошка. — Не съем я тебя. Я вообще людей не ем. — Она вздохнула. — Нельзя мне. Вот зверя какого-нибудь — пожалуйста. — Она снова вздохнула, а затем, сладко потянувшись, мягко и совершенно бесшумно спрыгнула вниз. — Впрочем, какие теперь звери! У тебя так стучат зубы, что даже глухой услышит. Прекрати! Ты начинаешь мне действовать на нервы.

— Я... Я и не боюсь уже, — попытался оправдаться Фартан.

— Бабушке своей расскажи! — подернула плечами кошка. — Ладно. Я могу тебя понять. К этому надо привыкнуть.

— К чему привыкнуть?

— Ты куда направляешься? — словно не замечая его вопроса, поинтересовалась кошка.

— Да так, никуда, — ответил Фартан. — Мир посмотреть.

— Давно идешь? — продолжала расспрашивать кошка.

— Четвертый день.

— Устал, поди? — В ее голосе промелькнули те же интонации, что когда-то были у его матери.

— Немного, — неожиданно смутился он.

— Ну пойдем, — пригласил странный зверь. — Поживешь у нас, отдохнешь, на диковинки посмотришь. Да, кстати, меня Караной зовут, а тебя как?

— Фартаном.

Кошка важно кивнула и зашагала вперед, мягко ступая крупными, сильными лапами по корням и веткам, не производя при этом ни малейшего шума. Все еще не оправившийся от изумления, Фартан послушно побрел за ней. Однако вскоре он забыл и об испуге, и об удивлении. У него вообще часто менялось настроение. Тем более Карана что-то говорила о диковинках, а ведь именно за этим он ушел из дома: как можно больше увидеть и узнать.

Шли они довольно долго. Непроглядная ночная темнота постепенно начала сменяться серыми предрассветными сумерками, когда лес неожиданно расступился и впереди показалось небольшое селение.

— Пришли, — повернулась Карана к своему спутнику. — Видишь, на противоположном конце деревни самый большой дом? — Фартан кивнул. — Там живет Лемпситей. Иди туда. У него и поживешь. Ему, кажется, были нужны помощники.

Она прибавила шагу и, поравнявшись с крошечным домиком, смотревшим на дорогу двумя темными окнами, одним прыжком перемахнула забор, толкнула лапой дверь и скрылась внутри.

Юноша огляделся по сторонам. Селение, в которое привела его необычная кошка с кисточками на ушах, было самым обычным и, пожалуй, ничем не отличалось от родной деревни Фартана, кроме одного: тут дома были отделены друг от друга высокими заборами, словно селяне не доверяли кому-то или опасались, что на них могут напасть, а может, просто хранили каждый свою тайну и не хотели, чтобы посторонний увидел лишнего. Будучи по природе своей любопытным, юноша попытался заглянуть хоть в один двор, но щелей между камнями, из которых были сложены заборы, не нашел, и потому его любопытство осталось неудовлетворенным. Пожав плечами, он двинулся к дому, на который указала Карана.

Этот дом был самым заметным в селении. Просторный, высокий, он сразу бросался в глаза. Его тоже окружал забор, но калитка почему-то оказалась распахнутой настежь. Сочтя это за безмолвное приглашение, Фартан быстро поднялся на крыльцо дома и громко постучал кулаком в дверь. Внутри послышалась тихая возня, дверь с противным скрипом отворилась, и на пороге возник маленький сгорбленный старичок. Он был одет в какую-то серо-коричневую бесформенную хламиду, на седой голове, покрытой редкими пучками волос, ловко, даже слегка кокетливо, сидела круглая коричневая же шапочка. Из-под лохматых бровей на неурочного гостя внимательно смотрели желто-карие глаза.

— Ты Лемпситей? — спросил Фартан и, когда старик кивнул, продолжил: — Меня послала к тебе Карана.

— Заходи, — просто ответил старик и посторонился, пропуская юношу в дом.

Старик явно жил один: Фартану, не отличавшемуся особой аккуратностью, никогда еще не приходилось видеть такого беспорядка. Повсюду: на скромной мебели, на полу, на полках, висевших на стене, — толстым слоем лежала пыль. С закопченного потолка свисала паутина, всевозможный мусор валялся и тут, и там. Из комнаты вело несколько дверей, одна из которых была приоткрыта, но Фартан, сколько ни силился, ничего не смог за ней разглядеть. Повернувшись к хозяину и понимая, что молчание затянулось, он решил пояснить, что привело его сюда:

— Я путешествую. Хочу посмотреть на мир, узнать что-нибудь новое. В лесу я встретил Карану, и она сказала, что тебе нужны помощники.

— Как она выглядела? — поинтересовался старик.

— Пятнистая крупная кошка с кисточками на ушах и коротким хвостом. — Старик кивнул, а Фартан отважился спросить: — Ты содержишь зверинец? Как ты научил эту кошку разговаривать?

— Она умела это от рождения. Впрочем, если ты хочешь пожить у меня, лучше, наверное, будет рассказать тебе все с самого начала. Но прежде ответь на один вопрос. Что ты умеешь делать?

— Я могу ухаживать за животными. Правда, мне приходилось иметь дело лишь с овцами... Еще немного умею строить. По дому могу кое-что делать... — Фартан смущенно замолчал, неожиданно для себя обнаружив, что мастеров на все руки его назвать нельзя.

— Не густо, — усмехнулся Лемпситей. — Но это поправимо. Ты еще молод, у тебя вся жизнь впереди. Многому успеешь научиться. Присядь, отдохни, а я пока расскажу тебе о том, куда ты попал.

Фартан осторожно опустился на пыльную деревянную скамью, даже не обтерев ее, чтобы не обидеть хозяина, старик сел напротив и принялся рассказывать.

Родился Лемпситей в Коринфии, в одном из небольших городов-государств, расположенном близ Дороги Королей — торгового пути, идущего с востока на запад, благодаря которому Коринфия вела довольно оживленную торговлю.

Лемпситей рано выучился читать и писать, а когда ему было десять лет, смышленного мальчика заметил старый маг, принадлежавший к Серому Квадрату — сообществу ученых, которые интересовались чистой наукой и магией и которых вовсе не волновали никакие моральные принципы. Они не жаждали творить ни добро, ни зло, а просто постигали суть вещей, стремясь к знанию ради самого знания. Маг этот был уже достаточно дряхлым, нуждался в ученике и помощнике, и Лемпситей с радостью согласился перейти в его дом.

Обучение длилось долго, и когда учитель умер, ученик из забавного и любознательного мальчишки превратился уже в солидного ученого мужа. Страстью Лемпсителя стало врачевание, но вовсе не потому, что он любил людей и хотел облегчить их страдания, а потому, что его интересовало, что же такое человек во всех его ипостасях. Однако слава летит быстрее ветра, и к нему со всей страны потянулись больные и увечные, которые, прослышав о его необычайных способностях, видели в Лемпситее единственную надежду на выздоровление. Врачевание страждущих отнимало столько времени, что Лемпситей понял: или помогать людям, или заниматься наукой и магией.

Тогда он принял решение собрать несколько наиболее тяжелобольных людей, обязательно с разными болезнями, обязательно разного возраста и обязательно разного пола, и удалиться с ними в какой-нибудь забытый богами и людьми уголок, основать поселение и в тишине и покое, вдали от суеты, изучать их, а может, и найти средство исцеления. Выбрав десять человек, он предложил им уйти из города, и они с радостью согласились. После долгих поисков была найдена эта большая поляна посреди леса, куда до сих пор не ступала нога человека. Так появилось это деревня.

— Сколько же лет вы тут живете? — удивился Фартан.

— Не знаю, — пожал плечами Лемпситей. — Я не считаю годы, потому как занят делом. Но мне кажется, если ты не станешь перебивать меня, будет лучше. На чем я остановился?

Люди, которые пришли вслед за Лемпситеем, поверив в него, занялись постройкой жилищ, возделыванием крошечных участков плодородной почвы, охотой, а он, уже достаточно сильный маг Серого Квадрата, все свое время посвящал изучению трав, деревьев, камней, почвы, воды, составлял одно за другим разные снадобья, подбирая подходящие заклинания, пытался создать новые. Ему удалось добиться прекрасных результатов, но до конца преодолеть недуги, изучением которых он занимался, Лемпситей пока не мог.

Однажды, бродя по лесу в поисках редкой маленькой травки, которая цвела лишь один день в году, маг так увлекся, что едва не наступил на змею. К его счастью, она зашипела и грозно выпрямилась, высунувшись из травы. Лемпситей замер, а изящная разноцветная змейка, успокоившись, поползла своей дорогой. Глядя ей вслед, маг вдруг подумал, что ее грациозные движения удивительно напоминают походку одной из его пациенток, Гондии. И тут его осенило.

Это было величайшее открытие. Лемпситей понял, что обычными снадобьями и заклинаниями можно вылечить лишь поверхностные болезни: простуды, переломы, ушибы, зубную боль и прочую мелочь. Для того чтобы победить серьезный недуг, грызущий человека изнутри, надо познать его сущность, скрытую ото всех, и тогда, скорее всего, решение будет найдено.

Несколько месяцев маг не выходил из дома, читая и перечитывая старинные свитки и толстые манускрипты, пытаясь отыскать формулу, по которой можно составить зелье, чтобы раскрыть душу человека до конца, увидеть то, о чем он и сам не догадывается. И его труды оказались не напрасными. В конце концов он получил вожаемую формулу и изготовил снадобье.

Едваждавшись утра, Лемпситей собрал жителей деревни и сообщил им:

— Скоро, я думаю, вы избавитесь от терзающих вас недугов. Я создал новое лекарство. Оно вызовет некоторые изменения в вас, но ничего страшного не произойдет. Поверьте мне еще раз, и вы будете здоровы.

Выдав каждому больному строго отмеренную дозу зелья, маг приготовился ждать. Долго ждать ему не пришлось. Ночью кто-то осторожно поскребся в его дверь, и Лемпситей вышел на порог. Никого. На черном небе, густо усыпанном яркими звездами, словно огромный светильник, висела полная луна, освещая все вокруг неверным, призрачным светом, создавая большие, постоянно меняющиеся тени. Вдруг одна из теней приблизилась к дому, и маг вздрогнул: из темноты на него пристально смотрели ярко-зеленые глаза. Зверь подошел еще ближе, мягко переставляя длинные, мускулистые лапы, и сел возле крыльца, обвив грациозное тело, покрытое короткой черной шерстью, толстым, слегка подрагивающим хвостом.

— Не узнаешь меня, Лемпситей? — заговорила вдруг пантера. — Тогда придется представиться. Я Элмела.

— Элмела? — изумился маг. Так звали женщину, которую много лет терзала боль в желудке. — Не может быть...

— Может, — оскалилась черная хищная кошка. — Утром я выпила твоё лекарство, а ночью, едва взошла луна, почувствовала, как вытягивается и наливается силой моё тело, как его покрывает мягкая, шелковистая шерсть, как руки и ноги обращаются в крупные когтистые лапы. Радость овладела мной. Я выбежала из дома и устремилась в лес. О! Не могу передать тебе, какие волнующие запахи нахлынули на меня! Ничего подобного я не испытывала прежде. На расстоянии многих локтей я улавливала следы разных животных, но все они были мне неинтересны. И вдруг мои ноздри затрепетали, а сердце забилося быстро-быстро. Со скоростью молнии метнулась я на безмолвный зов и вскоре увидела совсем молодого оленя, мирно щипавшего траву. Одним прыжком я настигла его и прокусила несчастному шею. Теплая, чуть солоноватая кровь наполнила мой рот, и тут свершилось чудо: боль, хоть и смягченная твоими прежними снадобьями, но все-таки жившая во мне, исчезла. Ты все же излечил меня, хоть я и утратила человеческий облик. Но это несколько не огорчает меня. Наоборот. Я никогда еще не чувствовала себя такой сильной и молодой.

— Кровь молодого оленя? — переспросил Лемпситей. — Спасибо. Я знаю, как вылечить тебя окончательно. Надо приготовить лекарство из этой крови.

— Зачем мне лекарства? — удивилась Элмела. — Я теперь сама смогу позаботиться о себе.

— Понимаешь, — пояснил маг, — скорее всего, наутро человеческий облик вернется к тебе. Я сейчас не могу ничего объяснить. Мне еще самому надо во многом разобраться.

Продолжить разговор им помешало появление нового гостя. Послышался громкий треск и топот, и в полосу лунного света вошла крупная свинья, поросшая густой, жесткой шерстью. Из ее приоткрытой пасти торчали огромные клыки длиной не менее половины локтя, вымазанные липкой землей.

— А ты кто? — поинтересовался Лемпситей.

— Я Хоцero, — ответила свинья и гулко хрюкнула. — Хорош я стал?

— Это, к сожалению, не навсегда, — вздохнув, пояснила Элмела.

— Кому как, — глядя на нее исподлобья, проворчал Хоцero. — А ты кто?

— Элмела, — пояснил маг. — Но ты лучше скажи, как твой недуг? Ведь твои ноги и так плохо носили тебя, а теперь на них давит такая тяжесть...

— Тяжесть как тяжесть, — буркнул Хоцero, — ничего особенного. К тому же я отыскал какие-то странные корешки...

— Покажешь, где и какие, — распорядился Лемпситей, — и скоро забудешь о своих болячках. А сейчас идите. Мне надо подумать. Только не уходите далеко от селения, а то еще заблудитесь, когда вернетесь в свое прежнее обличье.

Однако уединиться магу в ту ночь не удалось. Его пациенты, обрета новые тела, спешили поделиться нахлынувшими на них новыми, совершенно необычными впечатлениями. Гондия, молодая, ослепительно красивая женщина, которой грозила неумолимо подступающая слепота, в ночь полнолуния обратилась в изящную змею — кротала —

с роговыми кольцами на хвосте. Поигрывая ими, Гондия, досадуя на вдруг возникшую шепелявость, рассказала Лемпситею о том, каким неожиданно предстал для нее мир. В отличие от своих соседей она устремилась не в лес, а в горы и отыскала там кусочки давно окаменевшей смолы, которые очень хотела попробовать на вкус, но не смогла откусить ни крошки. Маг радостно кивал, слушая неторопливую речь Гондии, и в конце концов пообещал и ей изготовить чудодейственное средство против ее болезни.

Вслед за Гондией к магу явился Тротумо. Когда-то он был кузнецом и обладал огромной силой, но внезапно напавший на него недуг заставил несчастного бросить любимое дело. Тротумо страдал сильной одышкой, а иногда и вовсе не мог дышать, словно кто-то невидимой рукой затыкал ему нос и рот одновременно, и тогда Лемпситею приходилось долгими часами не отходить от пациента, поддерживая в нем жизнь.

Приняв новое снадобье, он обратился в невысокую обезьяну ростом около трех локтей, но довольно массивную и мощную. Его мускулистое тело поросло густой, клочкастой темно-рыжей шерстью, которую Тротумо, разговаривая с магом, время от времени почесывал длинной лапой с крупными черными когтями. Его речь то и дело прерывалась тяжелыми вздохами, покрехтываниями и стонами, такими громкими, что их, наверное, было слышно на Дороге Королей, лежавшей в нескольких днях пути от спрятанной в густом лесу деревни. Побродив в чаще и облазав почти все деревья, которые смогли выдержать его вес, Тротумо принес Лемпситею горсть маленьких плодов со сладкой мякотью и множеством семян.

— Смотри, — сказал он. — Я достал их, едва не сорвавшись с огромной высоты. Но мне почему-то очень хотелось отведать именно их.

— Ты правильно сделал, что принес эти плоды мне, — улыбнулся Лемпситей. — Думаю, с их помощью мы прогоним твою болезнь.

Тротумо снова тяжело, со всхлипыванием, вздохнул и медленно направился к своему дому, ловко отталкиваясь от зем-

ли длинными кривыми передними лапами. И тут же, словно давно поджидал своей очереди, ему на смену явился Витлий. Жившие мирно и дружно, объединенные общей бедой, пациенты Лемпситея недолюбливали Витлия, и даже сам маг, отличавшийся бесстрастностью и ровно относившийся к окружающим его людям, иногда морщился, когда к нему подходил бывший сборщик налогов, сердце которого отказывалось служить ему. Теперь, взглянув на Витлия, врачеватель еще раз убедился в своей правоте: его волшебное зелье действительно выявило сущность этих людей. Сборщик налогов стал гиеной, мерзкой пятнистой тварью с хищно оскаленной мордой.

— А ты где побывал? — переборов неприязнь, поинтересовался Лемпситей.

— Я охотился! — гордо заявил Витлий. — У меня нет слов, чтобы выразить, насколько я благодарен тебе. Я гонялся за своими жертвами, настигал их и с наслаждением рвал в клочья. Никто не ушел от меня!

— Ты должен был прислушаться к своему внутреннему голосу и пойти туда, куда он звал тебя. Многие уже отыскали средство от своих недугов. А ты?

— Я не думал об этом, — захохотала гиена. — Я наслаждался своей силой и ловкостью!

— Как же ты глуп, — вздохнул маг. — Утром ты снова обратишься в человека. Разве ты забыл, что каждый день для тебя может стать последним? Твое изношенное сердце нуждается в обновлении. Ступай. Если ты не поможешь себе сам, я буду бессилён.

— Пусть, — оскалился Витлий. — Пусть оно останавливается, это жалкое человеческое сердечко. Я больше не цепляюсь за жизнь, ибо человек жалок и слаб.

— Твое право — выбирать жизнь или смерть, — вздохнул Лемпситей. — Поступай как знаешь.

Витлий ушел, а маг еще долго сидел на крыльце, но два оставшихся селянина, муж и жена Люмис и Лониса, так и не пришли. Наутро выяснилось, что чудесное зелье обратило невероятно толстого Люмиса, которого душил все возраставший вес, в холеного домашнего кота, а его жену, набогот, худевшую день ото дня, — в злобную и склочную собаку.

Несчастливая пара так и не покинула своего двора, ибо жирный Люмис всю ночь просидел на дереве, а Лониса сторожила его внизу, то ругаясь, то оглушительно гавкая. Пришлось Лемпситею посоветовать им сначала уходить из дома, подальше друг от друга, а уж потом принимать снадобье.

Старик надолго замолчал, а Фартан, уставший ждать, осмелился нарушить тишину.

— Так они излечились? — заглядывая магу в глаза, спросил он.

— Почти все, — не сразу ответил Лемпситей. — Витлий не нашел средства от своей болезни. Да он и не искал. Никто не сожалел о его гибели.

— А почему они не вернулись туда, где жили прежде? — полубопытствовал Фартан.

— Они долго принимали снадобье, — пояснил маг, — и теперь, как только наступает полнолуние, обращаются в зверей. Куда же они такие пойдут? Их растерзают. Люди боятся оборотней. Никто и слушать не станет, что мои подопечные и не оборотни вовсе. — Он снова замолчал, задумавшись, а потом продолжил: — Нет, никто не уходит. Даже приходят иногда.

— А помощник-то тебе зачем? — вдруг резко переменял тему юноша.

— А... — улыбнулся старик. — Я уже очень давно живу на этом свете. Скоро мне собираться в дальний путь. Должен ведь кто-то занять мое место. Ты неплохой парень. За долгие годы я научился видеть людей насквозь. Жаль только, что по уму тебе можно дать лет пять-десять. Но это не твоя вина. Ум у тебя есть, только никто не развивал его. Хочешь попытаться?

Фартан кивнул, едва скрывая обиду. Сравнить его, такого умного и сообразительного, с пятилетним ребенком! А еще говорил, что видит людей насквозь. Ничего он не видит дальше собственного носа! Ладно. Тут, похоже, есть чему поучиться. А старик пусть себе думает что хочет. Скоро сам убедится, как ошибся в своем новом ученике и помощнике.

— Ты не обижайся, — вдруг, словно прочитав его мысли, сказал Лемпситей. — Мы сейчас нуждаемся друг в друге.

Ты — в моих знаниях и умениях, я — в твоей силе и молодости. Мы с тобой таких дел поделаем!

— А как нас будут уважать и ценить, — подхватил Фартан, — какие богатства лягут к нашим ногам!

— Богатства? — нахмурился старик. — Зачем они? Разве ты можешь носить две пары штанов сразу? Или есть двумя ложками? Поверь мне, сынок, единственное, что имеет в этом мире ценность, это знание. У последней рубашки нет карманов. Ничего ты не унесешь в иной мир. В дальний путь надо уходить с тем, что сумел обрести внутри себя.

Фартан не стал возражать. Что толку спорить с дряхлым стариком, которому уже давно ничего не надо от жизни и который вплотную подошел к последней черте? Главное — научиться у него исцелять недуги. А потом... Потом его, Фартана, ждут почет и деньги, а маг пусть лелеет свои идеалы.

Юноша надолго остался в доме Лемпситея. Сначала старик доверял ему лишь самую простую работу по дому, затем постепенно начал показывать травы, корешки, камни, объясняя при этом, от какого недуга они могут помочь при умелом обращении с ними. Фартан изо всех сил старался угодить учителю, но лишь великое терпение старого мага и его отстраненность от суетного мира были причиной того, что безалаберный бритунец не пошел прочь своей дорогой уже через несколько дней. Лемпситей с радостью выгнал бы неудачного ученика, ибо прекрасно понимал, что, сколько ни старайся, мага из него никогда не выйдет. Но прожитые годы все чаще давали о себе знать, а коринфийцу вовсе не хотелось собираться в последний путь, не передав хоть кому-нибудь своих знаний. Он считал, что если сумеет сделать из Фартана врачевателя средней руки, то хотя бы малая толика того, чему он посвятил свою жизнь, не пропадет.

Фартан же, видя, что никогда не сможет подняться до своего учителя, винил в этом только старика. Он думал, что Лемпситей просто не хочет посвящать его в самые сокровенные тайны, и потому однажды, когда маг отправился в лес на поиски очередной редкой травки, нахальный юнец

решил забраться в святая святых — в комнату, куда учитель еще ни разу не пускал его.

Убедившись, что старик достаточно удалился от дома, Фартан поспешил к вожаемой цели. К его величайшему удивлению, дверь в тайную комнату открылась от легкого толчка, ибо никаких замков на ней не было. Шагнул через порог, юноша замер, с восторгом озираясь по сторонам. Посреди комнаты стоял большой стол, заставленный всевозможными плошками, мисками, стеклянными сосудами разной высоты.

Все эти емкости были заполнены либо разноцветными порошками, либо различными жидкостями. На стенах висели полки, такие широкие, что на каждой вполне мог бы разместиться взрослый человек. На полке возле окна стояли толстые книги в потрепанных кожаных переплетах и лежала целая гора пожелтевших от времени свитков. На соседней полке были грудой навалены камни, которые старик собирал в горах, на других возвышались пучки трав, цветов, веточек, принесенных из леса в строго определенное время.

Затаив дыхание, Фартан осторожно взял в руки одну из книг и наугад открыл ее. Полупрозрачные страницы из тончайшей бумаги покрывали сложные черные значки, расположенные столбиками. Лемпситей, обучая своего ученика грамоте, рассказывал ему о кхитайской письменности, и юноша понял, что книга, которую он держит в руках, написана в той далекой загадочной стране. Полистав странички и полюбовавшись на изящные значки, Фартан вернул книгу на место и взял следующую. В ней оказалось полно рисунков с подписями на совершенно неизвестном ему языке, но, сколько юноша ни силился, в рисунках он тоже разобраться не смог.

Он перебрал почти все книги, не переставая изумляться глубине и размерам познаний Лемпситея, но даже ни на миг ему в голову не пришла мысль, что ему, Фартану, это не дано. Он просто все больше и больше сердился на старика за то, что тот плохо его обучает. Наконец Фартан окончательно убедился, что не найдет в книгах ничего для себя интересного, и принялся рассматривать камни и тра-

вы. Он нюхал их, растирал в пальцах, пробовал на зуб, лизал, но великое озарение, на которое он надеялся, почему-то не приходило.

Тогда Фартан перешел к столу. Протянув было руку к одному из стеклянных сосудов, наполненному прозрачной жидкостью ярко-зеленого цвета, юноша вдруг испугался, не яды ли готовит тут его учитель. Оглядевшись по сторонам, Фартан быстро отыскал тоненькую палочку, изготовленную не то из стекла, не то из камня, и начал медленно погружать ее в сосуд. К его глубокому разочарованию, ничего не произошло. Тогда этой же палочкой он быстро-быстро размешал жидкость в другом сосуде, с темно-бордовой смесью, и оттуда повалил густой, резко пахнущий дым. Испугавшись, Фартан вынул палочку, и дым тут же исчез.

Юноша долго развлекался, помешивая и потряхивая жидкости и порошки, наблюдая, как они меняют цвет и запах, пока не наткнулся на темно-зеленый флакон удивительной красоты, вырезанный из огромного драгоценного камня. Во флаконе явно что-то лежало, но он был так плотно закрыт фигурной золотой пробкой, что Фартан трижды вспотел, пытаясь открыть ее, но так ничего и не добился. Другой бы на его месте давно оставил бесплодные попытки, но Фартан был не только любопытен, он еще и непомерно упрям.

Сев на лавку, он принялся вертеть флакон в руках, внимательно рассматривая его со всех сторон. И его старания увенчались успехом. На пробке чем-то очень острым и очень тонким была нацарапана надпись. Буквы показались юноше знакомыми, и он медленно, с большим трудом прочитал фразу, показавшуюся ему бессмысленной. И, едва он произнес последнее слово, пробка выскочила из флакона, словно кто-то вытолкнул ее изнутри. Подставив ладонь, Фартан вытряхнул несколько крупин нежно-розового порошка. От него шел такой приятный запах, что юноша не удержался и слизнул порошок. И хотя при этом ничего не произошло, он испугался так, что чуть не выронил флакон. Быстро вернув пробку на место, Фартан положил флакон на стол и выбежал из комнаты.

Вечером вернулся Лемпситей. Смерив своего ученика долгим взглядом, старик усмехнулся, но промолчал, а юноша не осмелился рассказать ему о том, что произошло.

— Разбери травы и повесь их сушиться, — приказал маг Фартану. — Через три дня наступит полнолуние, а значит, мои пациенты снова сменяют облик. К этому времени я надеюсь изготовить снадобье, которое избавит их от превращений навсегда. Они больше в этом не нуждаются. Оповести всех, чтобы во второй день полной луны они явились ко мне.

Три дня старик почти не выходил из своей заветной комнаты, составляя лишь ему ведомое снадобье. Фартан тоже трудился не покладая рук, выполняя поручения учителя: толоч корни и камни, приносил воду из горного ручья, расположенного в трети дня пути от селения, подавал Лемпситею книги, на которые тот указывал, и даже отмерял точные порции разных порошков и жидкостей. Из всех сил он пытался понять, как из всего этого может получиться чудодейственное зелье, но так и не смог, а Лемпситей хоть и не таил от ученика, но и ничего ему не пояснял.

Вечером накануне полнолуния старый маг позвал Фартана и сказал ему:

— Ты славно потрудился. Можешь пойти прогуляться, только не уходи далеко от дома.

— А что со мной может случиться? — удивился Фартан. — Я уже настолько хорошо знаю окрестности, что без труда найду дорогу домой. Крупных хищников тут нет, а мелких я несколько не боюсь.

— Все бывает, — загадочно улыбнулся старик. — Просто будь осторожен.

Юноша принял предостережение учителя за его очередное чудачество и, пожав плечами, смело направился к горам, захватив с собой небольшой железный ломик. Несколько дней назад, когда Фартан ходил за водой, он по пути заглянул в небольшую пещерку, где обнаружил удивительной красоты камни, которые, казалось, росли прямо из земли. Сейчас, пользуясь тем, что у него появилось немного свободного времени, он хотел отколоть хотя бы маленький кусо-

чек и показать его магу. А вдруг эти камни редкие и потом их можно будет продать кому-нибудь за большие деньги.

Смеркалось, но Фартан безбоязненно шел вперед, ибо, как он и сказал старику, ничего и никого не боялся, а дорогу знал настолько хорошо, что и темнота ему не была помехой. Тем более сегодня ожидалась полная луна, а она обычно светила так ярко, словно кто-то зажигал большие факелы. Быстро добравшись до пещеры, юноша присел возле входа, положив у ног ломик, и замер, любуясь прекрасным ночным светилom, выглянувшим из-за небольшой тучки и заливавшим все вокруг волшебным серебристым светом. Вдруг с Фартаном стало происходить нечто такое, что заставило его забыть и о великолепной луне, и о пещере, и о сверкающих камнях, таившихся под ее сводами.

Тело его стало съеживаться и быстро покрываться густой светло-серой шерстью с ярко-рыжими пятнами. Он попытался вскочить на ноги, но сумел только встать на четвереньки и с изумлением увидел, как его сильные руки с широкими кистями и длинными, немного узловатыми пальцами сжимаются в кулак и с невероятной скоростью превращаются в звериные лапы. Он вскрикнул, но вместо крика из его горла вырвался отрывистый тонкий лай. Превращение закончилось. Там, где несколько мгновений назад сидел Фартан, теперь крутился юлой, то повизгивая, то поскуливая, забавный и симпатичный беспородный пес с висячими лохматыми ушами и пушистым хвостом, круто загибавшимся кверху.

Неожиданно изумление и испуг в душе юноши-пса сменились всепоглощающим восторгом. Он радостно запрыгал, ловя широкими ноздрями черного блестящего носа новые, доселе неведомые ему запахи, потом повалился набок и начал кататься по земле, смешно дрыгая ногами. Затем он вскочил и со всех ног пустился бежать, не разбирая дороги, то останавливаясь, чтобы принюхаться к чьим-то следам, то снова бросаясь вперед. Вот из-за камня выглянул маленький зверек со смешной добродушной мордочкой и, увидев, что прямо на него несется собака, ринулся прочь. Игривая

дворняжка, решив, что ее приглашают побегать наперегонки, рванулась за зверьком. Тот запетлял, убегая, и в конце концов скрылся среди камней.

Пса это несколько не огорчило, потому что его чуткие ноздри вдруг уловили какие-то на редкость заманчивые запахи, и он весело побежал туда. Так, шалея от воли и новых впечатлений, носился он почти до рассвета, пока, устав, не напился воды из маленького ручейка и не повалялся спать на его берегу.

Первые лучи еще нежаркого ласкового утреннего солнца пощекотали плотно закрытые веки, и Фартан тут же открыл глаза. От веселой дворняжки не осталось и следа. Но об этом он сейчас совсем не думал. Главным было то, что ночью, полностью отдавшись незнакомым прежде чувствам и ощущениям, он забежал так далеко, что окончательно заблудился и теперь понятия не имел, где находится. Наскоро умывшись холодной водой из ручья, на берегу которого проснулся, Фартан встал и огляделся по сторонам. За ночь он пробежал такое большое расстояние, что миновал перевал, и теперь далеко внизу простиралась долина, на которой крошечными точками выделялись домики небольшого селения, расположенного уже в Заморе.

Даже не пытаясь отыскать дорогу домой, Фартан начал спускаться вниз, совершенно не представляя, что ожидает его впереди. А ожидали его несколько лет скитаний по Заморе, где он начал практиковать врачевание и даже добился вполне приличных успехов. И все бы ничего, и, может, он поселился бы этой стране, но каждый раз с приходом полнолуния ему приходилось прятаться от людей, чтобы никто не догадался, что веселая и привязчивая дворняга, время от времени прибывавшая к запоздалым путникам, и есть спокойный и приветливый молодой врачеватель, так ловко снимавший боль с помощью своих чудесных снадобий.

Однажды, увязавшись за торговым караваном, Фартан ушел из Заморы и попал в Туран. И тут он то лечил страждущих, то скрывался от любопытных глаз, то несся куда-то, помахивая лохматым хвостом и предлагая всем

встречным свою честную собачью дружбу. Так добрался он до Шандарата.

Шумный торговый город, в котором царили суэта и яркие краски многочисленных базаров, оказался на редкость подходящим местом для Фартана. Услуги врачей тут неплохо оплачивались, и вскоре он смог построить для себя крошечный домик на самой окраине, где селились небогатые ремесленники. Он никогда не принимал больных у себя дома, а то, что время от времени веселый и доброжелательный лекарь не показывается на людях, никого не волновало. В таком большом городе соседи плохо знали друг друга и не интересовались тем, что происходит в чужих домах.

Прошла пара лет, и однажды на базаре, где у Фартана было свое постоянное место, к нему подошла немолодая уже женщина.

— Ты врачеватель Фартан? — спросила она.

— Да, — важно кивнул лекарь, радуясь в душе, что молва о нем идет по всему городу.

— Моя госпожа занемогла, — сказала посетительница. — У нее сильный жар, а все тело болит так, словно ее били толстыми плетями. Не согласишься ли ты пойти со мной и взглянуть на нее?

— А кто твоя госпожа? — на всякий случай поинтересовался Фартан.

— Прекрасная Амарис, — гордо ответила женщина.

— Прекрасная Амарис! — вскочил на ноги врачеватель. — Ты еще спрашиваешь, пойду ли я за тобой! Такой красоты не должны касаться недуги. Я с радостью помогу ей.

Знал бы он, что ждет его впереди, на миг бы почувствовал, как все получится, шагу бы не ступил за пожилой посетительницей. Но, увы, только избранным дано провидеть грядущее. Фартан собрал мешочки с травами и кореньями и с готовностью отправился в роскошный дом заболевшей красавицы.

Он долго ухаживал за Амарис, несколько дней и ночей не отходя от ее ложа и пытаясь вырвать несчастную

женщину из объятий недуга, пока наконец на ее нежные щеки не начал возвращаться здоровый румянец. Надо ли говорить, что сердце Фартана наполнилось такой любовью к Амарис, что он с радостью остался бы в ее доме, обратившись в коврик, о который она вытирает ноги. Но судьба оказалась благосклонной или, наоборот, чересчур жестокой к молодому лекарю. Его самоотверженность, неизменная приветливость и добрый нрав тронули сердце этой по-мужски сильной и своенравной красавицы, пробудили в ней нежность и желание заботиться о Фартане. А когда он поведал ей свою историю, Амарис прониклась к нему такой жалостью, что не захотела ни на миг отпустить его от себя.

Не прошло и трех месяцев после выздоровления Амарис, как блистательный Шандарат заговорил о ее новой свадьбе. Уступая просьбам жениха, она согласилась провести обряд по бритунским обычаям. В назначенный день Амарис облачили в белоснежную рубашку, вышитую синими и красными цветами, и ярко-алый свободный сарафан, а в роскошные волосы, заплетенные в две толстые косы и уложенные вокруг головы высокой короной, вплели множество свежих полевых цветов. В этом наряде она напоминала богиню, спустившуюся в небес, чтобы принять участие в милых девичьих играх.

Фартан, ошалевший от счастья, никого и ничего не замечал вокруг, не сводя глаз со своей ослепительной невесты. Если бы его спросили, как прошла свадьба, он не вспомнил бы ничего: ни подписания брачного договора у судьи, ни разгульного веселья гостей, ни роскошных подарков, сложенных к ногам новобрачных, ни прощания с гостями, когда они наконец-то оставили его и Амарис наедине. В его памяти остались лишь шелковистые волосы, струившиеся по белоснежным округлым плечам, высокая, упругая грудь, вздымавшаяся от прерывистого дыхания, и невыразимый восторг от слияния душ и тел.

Потом они сидели на крыльце и смотрели в бархатное темно-синее небо, на котором загорались крупные веселые звезды.

— Смотри,— говорила Амарис, заливаясь счастливым смехом,— они улыбаются. Им тоже хорошо вместе. Какая дивная ночь! А луна... Ты только взгляни, какая светлая луна, какая она огромная...

— Конечно, огромная,— улыбаясь, кивал головой Фартан,— ведь сегодня же полнолуние.

Вдруг он замолчал, словно молния поразила его. Амарис тоже замерла. Затем они взглянули друг на друга и в один голос произнесли:

— Полнолуние!

И тут на глазах у молодой жены ее ласковый и влюбленный муж начал превращаться в собаку. Другая женщина уже лежала бы в обмороке, но Амарис обладала железной волей и твердым характером, а нервов, похоже, у нее вообще не было. Положив легкую, изумительной красоты руку на голову пушистой дворняжки, она нежно улыбнулась:

— А ты не говорил, что обращаешься в такого чудного песика. Не печалься. Собак я люблю ничуть не меньше, чем людей, а может, еще и больше. К тому же полнолуние ведь не вечно...

Новобрачный преданно взглянул ей в глаза и изо всех сил завилял хвостом.

— Да ведь я и не простой пес,— сказал он.— Даже в этом обличье я не устану говорить о своей любви к тебе. Никто из твоих питомцев, к которым ты относишься с такой нежностью, на это не способен.

Амарис засмеялась, а Фартан, окрыленный своими чувствами, рванулся в сад и побежал к сторожевым псам, уже выпущенным из клеток на ночь.

— Эй, вы! — кричал он, подбегая к громадным зверюгам.— Кто из вас может, как я, крикнуть своей хозяйке, что она лучше всех на свете?!

Но четвероногие охранники не ответили ему. Просто один, самый крупный и самый свирепый, прыгнул навстречу Фартану и в один миг сомкнул челюсти на его горле. Второй раз замужество Амарис сменилось вдовством всего через несколько часов. Даже ее стальные нервы не выдержали, и несчастная женщина потеряла сознание.

На сей раз Конан не смеялся. Словно ища подтверждения едва шевельнувшейся где-то в подсознании догадки, он искал глазами, нет ли среди лежавших у ног Амарис серого пса с рыжими пятнами. Так и есть! Вот он, положил голову на лапы и едва пошевеливает кончиком толстого хвоста. Повернувшись к Амарис, варвар спросил:

— А как зовут этого пятнистого красавца?

Женщина испуганно взглянула на него и с небольшой заминкой ответила:

— Фални. А почему он тебя заинтересовал?

— Просто он кажется спокойнее остальных,— пожал плечами киммериец, стараясь не смотреть Амарис в глаза.— Они все такие настороженные, а этот...

— Да,— восторгалась женщина,— у Фални необычный для мастафов характер. Он добрый. Но это,— тут же добавила она,— вовсе не значит, что он не годится для сторожевой службы. Наоборот. С ним легко договориться. Только бойцовой собаки из него никогда не получилось бы. Да я к этому и не стремилась. Ни один из этих пяти псов никогда не выходил на ринг. Они рождались такими... исключительными... В общем, я сразу решила оставить их на развод.

— Ладно,— сменил тему Конан.— Что-то мы засиделись в каюте. Давай выйдем на палубу. Вечер обещал быть тихим и теплым.

Они долго стояли у борта, любуясь игрой волн и блеском отражавшихся в воде звезд. Амарис старалась казаться беспечной и много говорила, откликаясь громким смехом на каждую, даже самую тусклую, фразу своего спутника. А он, наоборот, говорил мало, и по упрямой морщине, которая залегла посреди его открытого лба, было ясно, что Конан напряженно о чем-то думал.

Глава шестая

Тихое, спокойное утро не предвещало беды. Ласковое тепло солнечных лучей, постепенно превратившееся в томную жару, разморило пассажиров, и они лениво бродили по палубе, словно сонные мухи, или дремали в каютах, и даже матросы, казалось, не спешили выполнять команды кормчего, а танцевали какой-то плавный танец. И только Арам, стоя у руля, напряженно вглядывался в даль, туда, где от горизонта на смену легким белым облачкам поднимались светло-серые тучи.

— Идет шторм,— сказал он стоявшему рядом Конану.

— Какой шторм? — удивился киммериец. — Даже ветра нет. Посмотри, паруса повисли, как щеки ростовщика.

— Тем страшнее может оказаться буря,— нахмурился кормчий. — Ты даже не представляешь, каким грозным бывает Вилайет.

— Еще как представляю! — воскликнул Конан, вспомнив, в какой кошмар довелось ему попасть по пути в Шандарат.

Тогда погиб «Ильбарс» — стодвадцативесельная галера, гордость Туранского флота, налетев на Драконью Челюсть, скалистую гряду в северной части Вилайета. Из всех находившихся на корабле выжил только Конан. То, что с ним приключилось позже, когда он попал на борт летающего корабля, свободно путешествовавшего по разным временам, словно по тихой водной глади, не стерло из его памяти

грохота вздымавшихся волн, треска разлетавшихся на щепки досок и предсмертных криков друзей.

— Еще как представляю,— тихо повторил он и добавил: — Хотелось бы мне верить, что ты можешь ошибаться. А если нет, да пребудет с нами милость Митры.

Словно отвечая на его слова, неожиданно налетел сильный порыв ветра и резко толкнул корабль вперед. Облака с бешеной скоростью понеслись по небу, и вскоре их сменили сначала светлые, а потом тяжелые свинцовые тучи. Унылое завывание ветра постепенно перешло в грозный гул, поднялись высокие волны, которые то подбрасывали судно вверх, то стремительно бросали его вниз. Купцы поспешили укрыться в каютах, так как на палубу то и дело стали обрушиваться потоки холодной воды, и находиться на ней стало небезопасно.

— Я могу тебе чем-нибудь помочь? — крикнул Конан Араму, стараясь перекричать вой ветра.

— Нет. У меня опытная команда. Справимся сами. Ты лучше побудь с нашей пассажиркой. Успокой ее.

Киммериец кивнул и поспешил в каюту Амарис. К его приятному удивлению, женщина не выглядела ни особо испуганной, ни растерянной, хотя бледность, залившая ее щеки, говорила о том, что чувствует она себя не так хорошо, как старается показать.

— Мы погибнем? — спросила она дрогнувшим голосом.

— Чуть какая! — воскликнул Конан. — Это еще не настоящая буря. Так, непогода. Арам уверен, что его команда без труда справится.

— Мне обязательно надо попасть в Туран. Я не могу погибнуть,— словно не слыша слов варвара, продолжала Амарис.

— Успокойся.— Конан присел рядом с ней и прижал ее к своей могучей груди, словно маленького ребенка. — Все будет хорошо. Такие бури не бывают долгими. Это совсем не опасно. Иначе люди и вовсе перестали бы плавать по морям.

— Да, да, конечно,— поспешно согласилась Амарис, но в этот миг ветер так сильно толкнул корабль, что он чуть не

опрокинулся, и в широко открытых желто-зеленых глазах промелькнул ужас.

— Знаешь что,— нарочито весело предложил Конан.— Расскажи-ка мне лучше о твоём третьем муже. Он походил на кого-нибудь из двух первых?

— Нисколько,— наконец-то улыбнулась Амарис.— Урихар был купцом из Шема, и...

— Купцом из Шема? Пройдоха, наверное, каких свет не выдывал!

— Отнюдь,— обиделась женщина.— Мы же договорились, что ты не будешь смеяться.

— О купце из Шема речи не было,— расхохотался Конан.— Ну ладно, ладно, не обижайся. Я буду внимательно слушать. Ни словечка не пророню.

* * *

Сидя на пороге своей торговой лавки и глядя на проходивших мимо людей, которые почему-то вовсе не спешили раскупить у него все товары, Урихар частенько подумывал о том, что его предкам повезло несравненно больше, чем ему. Когда прапрадед Урихара пришел в Асгалун из далекой северной Акбитании, тот был столицей объединенного Шема и блистал, как и подобает крупному процветающему городу. Далекий предок легко и быстро освоился в столице и вскоре стал одним из наиболее ловких и удачливых купцов. Дело росло и процветало до тех пор, пока Шем снова не превратился в страну, состоящую из отдельных городов-государств, постоянно соперничавших друг с другом. Правда, торговля и после этого не угасла, ибо каждый город славился различными изделиями и остро нуждался в том, что производили соседи. Именно поэтому недавно умершие родители Урихара оставили наследнику немалое состояние и довольно прочные связи. Но сейчас, чтобы успешно торговать, приходилось много времени находиться в пути, перемещаясь в разные края, а в родном городе покупателей осталось не так уж много.

Да и о былом величии Асгалуна напоминали теперь лишь грандиозные каменные монументы. Роскошных до-

мов, из которых некогда состояла столица, почти не осталось, и хоть город стал центром самого большого государства в Шеме, Пелишти, здесь гораздо чаще можно было увидеть жалкие полуразваленные хижинки, чем прочные и удобные дома, говорившие о достатке и благополучии хозяев.

Урихару недавно минуло двадцать лет. В любой другой стране к этому возрасту мужчина уже обладал достаточным опытом, чтобы жить самостоятельно, но в большинстве шемитских семей было принято опекать своих отпрысков как можно дольше, и потому молодой купец, оставшись без родителей, чувствовал себя, мягко говоря, неуверенно. Однако по натуре своей он был человеком деятельным и жизнерадостным, так что вовсе не собирался долго предаваться печали и унынию.

К его глубочайшему изумлению, торговля шла совсем не так бойко, как у отца, и Урихар начал подумывать о том, что пришла пора сниматься с насиженного места и отправляться в чужие края в поисках удачи и богатства. Денег, оставленных родителями, вполне хватало на то, чтобы приобрести немало товаров и снарядить караван. Однако Урихар не хотел в точности идти по стопам степенного и рассудительного родителя и потому решил нанять корабль и попытать счастья в других странах.

Благодаря тому, что Пелишти занимал обширную территорию на юго-востоке Шема, а Асгалун располагался на самом берегу моря, с этим государством охотно имели дела аргосцы и зингарцы. Сначала Урихар собирался закупить в Гхазе или Киресе их знаменитое вино и выгодно продать его в Зингаре, но потом передумал и решил, что лучше будет приобрести прекрасное оружие и доспехи в Акбитании, издавна славившейся умельцами-кузнецами, и переправить этот дорогостоящий товар на юг, куда-нибудь в Черные Королевства. Жители этих стран, по слухам, купались в золоте и ценили его очень низко. А может, вовсе и не этих стран? Нет, от точно слышал от каких-то заезжих купцов, что золото и драгоценные камни всегда везут отку-

Как бы там ни было, но чем больше Урихар думал о своей дальнейшей жизни, тем сильнее ему хотелось отправиться в далекое путешествие, повидать мир, испытать себя, удостовериться в своей ловкости и умении купить за медную монету, а продать за три золотых. И вот однажды, решительно заперев свою лавку, купец пошел на базарную площадь, чтобы внимательно осмотреть привозной товар, прицениться и выбрать то, на чем собирался сделать огромные деньги.

Торги в этот день шли вяло. Урихар долго разглядывал пестрые, яркие ткани, высокие изящные кувшины, с видом знатока пробовал различные вина, ощупывал одежду, сшитую из прекрасно выделанной кожи, взвешивал на руке легкие, тонкие кинжалы и тяжелые, отделанные замысловатой чеканкой мечи.

В конце концов, изрядно умаявшись, он договорился с несколькими торговцами, и к вечеру в дальней комнате его лавки уже горой возвышались тюки с разнообразнейшей материей, в отдельном ящике лежали мелкие дешевые безделушки, а в стороне от всего этого были сложены стальные мечи в кожаных ножнах, кинжалы с богато отделанными и совсем простыми рукоятями и блестящие медные щиты, на которых были изображены сцены никому не известных битв. Товар был готов к отправке, и оставалось лишь подыскать подходящее судно с опытной командой, а затем назначить день отплытия и решительно тронуться в дальний путь.

Асгалун — самый большой морской порт Шема, и потому обычно тут собиралось такое множество кораблей, что Урихар, спустившись к гавани, оторопел. Опыта морских путешествий у него не было, и он полдня бродил по берегу, с интересом рассматривая легкие быстроходные галеры, круглобокие солидные купеческие парусники, шустрые десятивесельные лодки и тяжелые военные корабли, совершенно не представляя, какое судно больше всего подойдет для его целей. Слегка притомившись, он зашел в шумный припортовый трактир «Морская Дева», чтобы перекусить и выпить пару глотков вина.

Присмотрев небольшой столик, стоявший в углу отдельно от остальных, откуда было удобно наблюдать за всем происходившим в трактире, Урихар заказал кусок мяса, тушеного с фруктами, и кружку красного гхазского вина. Шустрая черноволосая девчонка, зазывно вилявшая крутыми бедрами, увидев большую серебряную монету, поспешила выполнить заказ, и вскоре купец, с наслаждением смакуя прекрасно приготовленное блюдо, принялся рассматривать посетителей. Его внимание привлекли трое невысоких, но крепко сбитых мужчин, сосредоточенно поглощавших огромную рыбину, лежавшую перед ними на плоской деревянной тарелке. Их красные обветренные лица красноречиво говорили о том, что вся троица бывает на берегу гораздо реже, чем в море, а грубые широкие ладони, в которых мужчины крепко сжимали кружки с пивом, явно принадлежали людям, знакомым с тяжелым повседневным трудом.

Урихар долго присматривался к ним, пытаясь уловить обрывки разговора, и, когда до его ушей донеслись названия Куша, Амазонии, Атлайи, окончательно убедился в том, что именно эти люди ему и нужны. Решительно поднявшись со своего места, купец направился к столику, за которым сидели приглянувшиеся ему морские волки.

— Прощу прощения,— обратился к ним Урихар, подойдя поближе.

Один из мужчин, самый молодой, темноволосый и кареглазый, с лицом отъявленного плута, оторвался от еды и внимательно посмотрел на него. Затем он быстро переглянулся со своими товарищами и, уловив кивок одного из них, рукой показал на свободное место рядом с собой.

— Присаживайся,— пригласил он.— У тебя к нам дело?

— Да,— обрадовался Урихар.— Мне бы хотелось побеседовать с вами...

— Тогда садись,— не дослушал его кареглазый.— О делах стоя не разговаривают. И закажи чего-нибудь выпить.

Купец подозвал хозяина и попросил принести кувшин самого лучшего вина из его погребов, выложив за это две

большие серебряные монеты. Бросив опытный взгляд на туго набитый кошелёк, кареглазый едва заметно улыбнулся, но тут же принялся сосредоточенно жевать, стараясь скрыть невольную улыбку. Вино мгновенно появилось на столе, Урихар велел перенести сюда мясо и кружку с вином с его столика и заговорил:

— Меня зовут Урихар. Я купец. Живу в этом городе, но хотел бы совершить небольшое морское путешествие. Не знаете ли вы, к кому мне лучше обратиться, чтобы нанять подходящее судно, желательно с опытной командой. Я вполне могу оплатить услуги, если получу то, что мне нужно.

— Не знаем ли мы! — воскликнул кареглазый. — Ты, приятель, попал в самую точку. Мы и есть те люди, которые тебе нужны. Я Контамис, а это, — показал он на своих спутников, — Хадвио и Братумо. Мы избороздили столько морей, что никто из нас уже и не помнит, как называется та земля, где мы впервые увидели солнце. Куда ты хочешь плыть?

— Мне нужно в Черные Королевства, а может, и южнее, — поспешно ответил Урихар, с уважением глядя на разбойничьи рожи Хадвио и Братумо.

— Считаю, тебе повезло! — радостно отозвался Контамис. — Мы с друзьями как раз говорили о том, что давно не были в тех краях и не худо было бы туда прогуляться. А ты что забыл на юге, приятель?

— Я собираюсь торговать там. Товар уже закуплен.

— И что ты повезешь? — поинтересовался Хадвио, сверля купца пристальным взглядом крошечных, близко посаженных желто-зеленых глаз.

— Ткани, всякие безделушки, оружие, — пояснил Урихар.

— Оружие! — подпрыгнул Братумо. — Это как раз то, что нужно! — И, слегка сникнув под яростными взглядами Контамиса и Хадвио, добавил: — У тебя его там оторвут с руками. Ты сделал правильный выбор.

— Когда мы сможем отправиться в путь? — полюбопытствовал Урихар.

— Да хоть завтра, — ответил Контамис. — В порту ты найдешь нашу галеру. Она называется «Гроза морей». Мы договоримся с нашим главным, Челтреем, утром погрузим твой товар и сразу же выйдем в море.

— А Челтрей не будет возражать? — спросил купец.

— Что ты! — успокоил его Братумо. — Он с удовольствием перевозит купцов. Это его любимое занятие.

— И сколько я должен буду заплатить?

— Не дороже денег, — рассмеялся Контамис. — Договорись с Челтреем.

Окрыленный удачей, Урихар простился с понравившимися ему морскими волками и поспешил домой, чтобы заняться упаковкой товаров и нанять грузчиков. С утра пораньше он уже был в порту и, горя от нетерпения поскорее покинуть родные берега, наблюдал за погрузкой. Когда все было готово, он поднялся на борт, где его встретили вчерашние знакомые, быстро договорился с Челтреем о цене, показавшейся купцу смехотворно низкой, радостно пожал руку кормчему Дайябу, который тут же начал отдавать команды, и «Гроза морей», отчалив от берега, устремилась в открытое море.

Первый день плавания Урихар провел на палубе, ни разу не спустившись в каюту, которую капитан любезно предоставил щедрому пассажиру. Молодой купец жадно вдыхал свежий морской воздух, любовался игрой света и теней на невысоких волнах и с трепетным ожиданием вглядывался в даль, радуясь своей смелости и решительности, побудившим его отправиться в столь необычное для него путешествие. Богатое воображение рисовало Урихару чудесные картины. Вот он сходит на берег в далекой стране, где живут люди с черной кожей, и те восторженно приветствуют его, с благодарностью и трепетом рассматривают прекрасные товары и несут к кораблю горы золота и самоцветов, смущаясь от того, что не могут заплатить больше. Его, долгожданного торговца, приглашает властитель этой страны, и Урихар преподносит любимой жене владыки самые лучшие ткани, от вида которых у знойной красавицы начинают блестеть глаза, и она одаривает гостя любовью и

лаской. А еще может быть так. Мечи и кинжалы купит вождь угнетенного племени, и его войны завоюют свободу и независимость, а ему, Урихару, за неоценимую помощь даруют право единоличной торговли с только что образовавшимся государством...

Ночью ему снились блестящие сны о том, как он становится самым крупным торговцем Шема, открывает все новые и новые лавки, приобретает несколько новых великолепных парусников, которые развозят его товары по всему миру, и сам Бел, покровитель воров, ослепленный его могуществом и несметными богатствами, запрещает своим почитателям посягать на имущество непревзойденного купца.

Прекрасное настроение не покидало Урихара, и он даже слегка огорчился, когда к концу третьего дня впереди показалась узкая полоска суши. Повернувшись к одному из членов команды, который случайно оказался рядом, Вицero, удивленный купец спросил:

— Так быстро? Мне казалось, путешествие продлится намного дольше.

Смутный, невысокий, состоящий словно из одних тугих мускулов уроженец далекой Коринфии, усмехнувшись, ответил:

— Не печалься, приятель. Для тебя путешествие только начинается.

Пленный своими радужными мечтами, Урихар не заметил злого огонька, блеснувшего в темных глазах Вицero, и решил отыскать своих старых знакомых, чтобы подробнее порасспросить их, куда собирается пристать галера. Вскоре он наткнулся на Хадвио.

— Что это за земля? — поинтересовался Урихар.

— Вот высадимся на берег, все узнаешь, — оскалился Хадвио, но тут же, словно спохватившись, добавил: — Надо набрать пресной воды, а потом мы поплывем дальше.

Он явно выделил «мы», но шемит и на это не обратил внимания. Пожав плечами, он спустился в свою какуту, взял на всякий случай кинжал, а в поясной кошель положил несколько серебряных и золотых монет. Как

знать, может, удастся приобрести на берегу какую-нибудь славную вещицу на память о дальних странах, чтобы потом показывать ее друзьям, удивляя их красочными рассказами о путешествии. Снова поднявшись на палубу, он увидел, что берег уже совсем близко, а Контамис и Братумо возятся у лодки, на дне которой лежит небольшой, но туго набитый мешок.

— Эй, приятель! — окликнул Урихара Контамис. — Поторопись! Сейчас спустим лодку на воду и пойдем к берегу.

Едва ступив на плотный, почти белый песок пустынного берега, Урихар изумился до глубины души. Зачем было останавливаться именно здесь, если до самого горизонта не видно ни малейшего признака человеческого жилья, ни крошечного ручейка, где можно было бы набрать воды, ни деревца, которое дало бы хоть горсть сладких, сочных плодов? Да и бочонков для воды, кажется, с собой не взяли. Все прояснилось очень скоро. Братумо, окинув Урихара с ног до головы тяжелым взглядом, сказал:

— Не знаю уж, приятель, повезло тебе или нет. Наш Челтрей — добрейшей души человек, он не любит лишней крови и потому велел не трогать тебя.

— Не трогать? — ошарашенно переспросил шемит.

— Угу, — кивнул Контамис. — Он даже приказал оставить тебе это. — И он указал на мешок, лежавший на дне лодки. — Так что забирай его и катись на все четыре стороны.

— Вы бросаете меня здесь? — прошептал Урихар. — Но почему? Я ведь заплатил Челтрею... Он сам назвал сумму... Если этого мало, я могу...

— Ничего ты не можешь, — грубо перебил его Братумо. — Бери мешок и радуйся, что остался жив.

— Но мои товары... — слабо сопротивлялся купец.

— С твоими товарами мы как-нибудь разберемся, — рассмеялся Контамис. — О них можешь не беспокоиться, они попали в надежные руки.

— Хватит болтать, — вмешался Братумо. — Пора возвращаться. Прощай, приятель! Будь счастлив.

И, оттолкнув лодку от берега, они прыгнули в нее и с проворством опытных мореплавателей заработали веслами. Лодка быстро удалялась от берега. Вот она пристала к борту галеры, Братумо и Контамис ловко вскарабкались на палубу, затем подтянули лодку, и «Гроза морей» отправилась своим путем. Урихар остался один. Совершенно обессиленный, он медленно опустился на песок и закрыл лицо руками. «Пропал!» — мелькнуло в мозгу шемита, и это было единственным, о чем он мог сейчас думать.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда Урихар немного пришел в себя и снова обрел способность думать и действовать. Нельзя же было без конца сидеть на берегу и оплакивать свою участь. Все-таки он жив, у него есть кинжал и несколько монет, да еще и этот мешок... Он развязал завязки и невольно поблагодарил наглых разбойников, выбросивших его, словно ненужный хлам, на пустынном берегу: в мешке лежала большая бутылка, наполненная водой, несколько кусков вяленого мяса, полотняный мешочек с сухарями и небольшой топорик с довольно острым лезвием. Съев пару сухарей и запив их теплой, но показавшейся такой вкусной водой, Урихар поднялся на ноги и осмотрелся по сторонам.

Далеко впереди виднелась узкая полоска леса. Может, где-то там есть люди, которые помогут ему? Идти туда? Или подождать здесь, на берегу, не пройдет ли мимо корабль, который вернет его домой? Какое счастье, что он захватил с собой кошелек! Любой капитан с радостью доставит его в Шем за пару золотых монет. Любой? Урихар криво усмехнулся. Один корабль уже привез его неизвестно куда. Нет, лучше идти вперед. Подняв с земли мешок и туго затянув завязки, купец решительно зашагал к горизонту, все быстрее и быстрее удаляясь от моря.

Сгущались сумерки, когда Урихар подошел к совершенно незнакомому лесу. Таких необычных деревьев ему еще никогда не приходилось видеть, и шемит заколебался, не решаясь ступить под их сень на ночь глядя. После недолгих размышлений он все же немного вернулся назад и, выкопав небольшое углубление в прогретом под жаркими

лучами солнца песке, устроился на ночлег. Стемнело быстро, и шемит долго лежал, глядя в бездонное черное небо, на котором яркими алмазами зажглись крупные звезды. Они висели так низко, что, казалось, стоит протянуть руку, и можно коснуться тоненьких голубоватых лучиков, исходящих от них. Красота и величие ночи отвлекли Урихара от тяжких дум, и он постепенно погрузился в глубокий сон без сновидений.

Когда первые лучи утреннего солнца позолотили верхушки деревьев, молодой купец открыл глаза и сразу вспомнил, какая беда постигла его. Но он был молод, ему еще никогда не приходилось страдать и бедствовать, и потому он не мог постичь всей глубины свалившегося на него несчастья, а значит, и не стал долго предаваться унынию. Наскоро позавтракав, стараясь экономить жалкий паек, выданный ему бандитами, он поспешил к лесу.

Густой кустарник окружал джунгли, словно специально посаженная живая изгородь, а прямо перед Урихаром росли два удивительных дерева. Тонкие стволы с выпуклыми гранями венчали короткие ветви с крупными листьями, расположенные веером, а над ними, как остро отточенные мечи, торчали прямые отростки не менее восьми локтей в длину. Буйное воображение тут же нарисовало шемиту грозных стражей, которые сейчас спросят его, зачем он явился в их мир. Он робко шагнул вперед, втянув голову в плечи, словно ожидал резкого окрика, но ничего не произошло, и лишь колючий кустарник вырвал из его куртки несколько лоскутов, как будто взял плату за вход.

Отсутствие опыта, как это ни странно, сильно помогало Урихару. Не зная, откуда можно ожидать опасность и какова она, нельзя чего бы то ни было сильно бояться, и потому купец все шел и шел вперед, углубляясь в джунгли все больше. Ползучие растения невероятной, с точки зрения шемита, толщины (порой не меньше его тела в обхвате) обвивали прямые, гладкие стволы деревьев, сплетаясь где-то далеко наверху и свисая огромными петлями, которые запросто могли выдержать вес нескольких взрослых мужчин. Верхушки деревьев скрывал утренний туман, и Ури-

хару порой казалось, что он идет не по лесу, а по какой-то чудовищной колоннаде, построенной некогда великаном, но давно заброшенной и успевшей зарости травой и кустами.

То тут, то там мелькали крошечные ручейки, но вода в них была не чистой и прозрачной, как на родине шемита, а темной и почти неподвижной. Встречались и небольшие лужицы со стоячей водой, которую покрывал толстый слой плесени, источавшей мерзкое зловоние. Стоял полумрак, ибо солнце не могло пробиться сквозь густую листву, и лишь на изредка попадавшихся маленьких полянках оно светило так ярко, что Урихар невольно жмурился и спешил снова укрыться под перепутанными между собой кронами, едва бросив быстрый взгляд на великолепные цветы, обильно покрывавшие поляны. Красные, оранжевые, сияюще-желтые, бледно-сиреневые, белые — такой красоты шемиту еще никогда не приходилось видеть, но сейчас он с радостью променял бы все это великолепие на надежный кров и кружку горячего терпкого чая.

Огромные папоротники высотой в три-четыре человеческих роста вставали на пути, и тогда приходилось идти в обход, так как кинжал не мог справиться с их упругой и плотной мякотью. Высокая трава доходила порой до пояса, а иногда даже укрывала путника с головой, выставляя неожиданно длинные, толщиной в палец колючки, которые больно ранили тело.

Решившись передохнуть на одной из полян, Урихар тут же пожалел об этом. Стоило ему присесть, привалившись спиной к гладкому теплому стволу, как злобные насекомые напали на него с двух сторон: откуда-то сверху налетели страшные черные осы с длинными жалами, а снизу неожиданно появились крупные темно-красные муравьи с крепкими челюстями, жадно вырывавшими куски человеческой плоти.

Оглашая влажный воздух пронзительными воплями, шемит кинулся прочь с поляны и больше не повторял своей ошибки. Он неся, не разбирая дороги, пока не остановился, убедившись, что мерзкие черные насекомые больше не преследуют его. Оглядевшись по сторонам, он увидел,

что попал в совершенно непроходимую чащу. Деревья, и прежде поражавшие Урихара своими размерами, тут и вовсе были гигантскими, в несколько обхватов. Крупные лишай и серо-зеленые высокие мхи плотным слоем покрывали стволы и корни лесных исполинов, источая тяжелый запах сырости и гниения. Причудливо изогнутые корни вставали стеной, местами в пять-шесть локтей в высоту, едва прикрывая глубокие ямы, походившие на пещеры подземных демонов. Они переплетались так густо, что несчастному путнику приходилось либо осторожно перелезать через них, либо искать обход по узким извилистым коридорам. Под ногами противно пружинили полусгнившие ветки, листья, засохшие от недостатка воздуха и простора молодые побеги. То и дело откуда-то сверху на Урихара сыпалась липкая труха или, что еще хуже, падали пестрые слизняки, оставлявшие на открытой коже следы ожогов.

Дышать сырым и душным воздухом было чрезвычайно трудно, но путник упрямо пробирался вперед вовсе не потому, что был силен и смел. Как раз наоборот, при мысли, что ему придется заночевать в этом страшном месте, словно бы созданном каким-то свихнувшимся черным магом, у шемита кровь леденела в жилах, и он прибавлял шаг, стремясь поскорее выбраться отсюда. Местность постепенно повышалась, и Урихар начал надеяться, что непроходимые заросли вот-вот закончатся, однако лес становился все гуще и гуще. Порой путнику приходилось опускаться на четвереньки, чтобы преодолеть очередное препятствие, но он все-таки не сдавался.

Подъем закончился, и, уловив где-то внизу едва различимый шелест воды, шемит начал медленно спускаться. Становилось прохладнее, тело саднило от множества мелких ранок, но вода плескалась все громче и громче, и это придавало Урихару сил. Наконец его взору открылась крошечная долинка, со всех сторон окруженная высокой стеной леса, посредине которой протекала небольшая быстрая речка. Собрав остатки сил, Урихар дополз до берега и тут же заснул как убитый.

Проснулся он от сильного голода, словно кто-то железной рукой изо всех сил сжал его желудок, и вспомнил, что весь вчерашний день почти ничего не ел. Дрожащими руками он кое-как распутал завязки мешка, который чудом не потерял, пробираясь сквозь дебри, и с наслаждением опустил в рот кусочек вяленого мяса. В этот миг ему казалось, что ничего вкуснее он никогда не пробовал. Несколько сухарей и пара глотков воды, следовавшие за мясом, заметно прибавили ему сил, и Урихар, оглядевшись, задумался, что делать дальше.

На противоположном берегу речки возвышалась гора, поросшая лесом, сзади был кошмар, едва преодоленный путником вчера, справа и слева от долины виднелись все те же заросли. Выбор невелик, но не оставаться же тут, у реки, навсегда. Вчера ему еще повезло: ни хищные звери, ни ядовитые змеи не встретились на пути, — но кто знает, не приходят ли какие-нибудь кровожадные твари сюда на водопой. Будь у него хоть немного опыта, он без труда заметил бы и примятую траву на берегу, и изрытую ногами и лапами животных глину на мелководье и понял бы, что его опасения не напрасны. Но даже не видя всего этого, Урихар понимал, что долго оставаться здесь не следует, а надо попытаться найти в этих диких местах людей, ведь не может быть, чтобы во всей округе не нашлось ни одного человека, который согласился бы приютить одинокого путника.

Кряхтя от боли в измученных мышцах, Урихар поднялся и побрел куда глаза глядят, ибо ему было все равно, куда идти. Совершенно не задумываясь, почему он так поступает, шемит направился влево, по течению реки, и, видимо, боги, которым надоело смотреть на его страдания, смилостивились над ним. Лес, в который он поначалу углубился, быстро кончился, и на противоположном берегу реки открылась бескрайняя степь, напомнившая Урихару ухоженный фруктовый сад: среди высокой шелковистой травы на небольшом расстоянии друг от друга стояли низкие деревья, словно специально посаженные человеком. По ней к самой воде шла широкая тропа, проложенная какими-то крупны-

ми животными. Огромные следы почти круглой формы говорили о таких размерах неведомого зверя, что шемит решил подождать возле высокой груды черных камней, наваленных на берегу, и осмотреться.

Вскоре послышался странный звук, словно кто-то бил в землю тяжелой деревянной колотушкой, и изумленному взору путника предстало зрелище, доселе никогда им не виданное. К реке приближалось животное, похожее на серую гору, опирающуюся на четыре массивные колонны. Спина зверя была чуть прогнута, плоский лоб, срезанный назад, вполне мог служить подставкой под большой котел, огромные уши развевались на ветру. Ничего не выражающая морда оканчивалась длинной толстой трубой с двумя гибкими отростками, а возле нее с двух сторон торчали острые клыки. Урихар когда-то давно слышал, что где-то в южных странах живет зверь, из клыков которого делают украшения, посуду и даже оружие, что это животное огромно и свирепо, но как оно называется, шемит вспомнить не мог.

Замерев, он со смешанным чувством любопытства и страха смотрел на громадное чудовище, стараясь ничем не выдать своего присутствия. Как знать, вдруг эта гора умеет плавать и захочет закусить несчастным заблудившимся человечком? «Слон! — вдруг мелькнуло в мозгу шемита. — Точно, тот торговец, предлагавший безделушки из слегка желтоватой, необычайно прочной кости, говорил, что они сделаны из бивней слона. О боги! Не все ли равно, как зовут эту тушу! Главное, чтобы она не сожрала меня».

Неожиданно где-то сзади, за спиной слона, послышались голоса людей, но зверь не обратил на них ни малейшего внимания, что несказанно удивило Урихара. Забыв о своих страхах, шемит выглянул из-за камня и увидел такое, что чуть не вскрикнул от изумления: на широкой шее гигантского животного полулежал человек, который, как показалось Урихару, управлял слоном. Глаза не обманули молодого купца. Человек, сидевший на звере, прикоснулся ладонью к затылку слона, и тот послушно направился к реке. Стоило ему ступить в воду, как погонщик шлепнул

его по шее, и слон, нагнув голову, начал вглядываться в воду маленькими глазками. Увидев что-то, он вошел поглубже, покачал хоботом и вдруг выдернул откуда-то из глубины поваленное дерево, высоко поднял его и кинул на середину реки. Затем он отыскал еще одно дерево, и еще одно. Все они, с громким плеском уходя под воду, вскоре выныривали на поверхность и плыли вниз по течению.

Как зачарованный смотрел Урихар на необычное зрелище и даже не сразу заметил, что на берег вышли еще три юноши и две девушки. Все они были высокими и стройными, с золотисто-коричневой кожей, иссиня-черными волосами, закрученными в тугие кольца, и темно-кариими глазами. Юноши и девушки весело смеялись и разговаривали на удивительном певучем языке, совершенно непонятном шемиту. Не переставая веселиться, они попрыгали в холодную воду и начали плескаться, обдавая друг друга тучами брызг.

Решив, что незнакомцы — люди незлобивые и мягкие, Урихар решился и вышел из-за своего укрытия, протягивая навстречу внезапно замолчавшим людям открытые ладони, чтобы показать, что пришел с миром. Один из юношей повернулся к нему и что-то спросил, но шемит, естественно, не понял ни слова. Тогда юноша повторил вопрос, по всей вероятности, на другом языке, но и этого языка Урихар не знал. Купальщики выбрались из воды и начали переговариваться между собой, видимо решая, как поступить. Наконец человек, сидевший на слоне, поманил Урихара рукой, и шемит, не раздумывая, бросился в реку, чтобы переплыть на другой берег. Выбравшись на сушу, он снова показал открытые ладони и проговорил:

— Меня зовут Урихар. Я из Шема. Я не причиню никому зла. — Потом, взглянув на недоуменные темнокожие лица, ударил себя кулаком в грудь и сказал лишь одно слово: — Урихар.

Похоже, на сей раз его поняли, потому что юноша, стоявший к нему ближе всех, тоже ударил себя в грудь и представился:

— Баджа.

Затем он принялся показывать на юношей и девушек по очереди и называть их имена:

— Саадата, Горамга, Барума, Маала.

Последним он назвал погонщика слона:

— Сальбо.

При каждом вновь названном имени Урихар радостно кивал и улыбался, стараясь выразить всем своим видом крайнюю степень доброжелательности. «Собеседники» светло улыбались ему в ответ, но разговор по вполне понятным причинам не клеился. В конце концов Маала взяла шемита за руку и слегка потянула его за собой, приглашая пойти вместе с остальными. Урихар старательно закивал головой и подчинился. Сальбо что-то крикнул слону прямо в огромное ухо, и послушное животное поспешило вперед, намного опередив пеших людей. Однако все прояснилось довольно быстро. Стоило слону пропасть из виду, как навстречу вышли три других слона, на каждом из которых сидели по два мужчины, видимо воины, так как каждый держал в руках копье, из-за спин у них торчали луки, а на ремнях, переброшенных через плечи, висели колчаны со стрелами. Воины проводили Урихара до самого селения, которое оказалось совсем недалеко от реки: тропа, проложенная слонами, несколько раз повернув, снова вышла к берегу, ниже по течению.

Селение было очень большим, домов в сто, если не больше. Стоило Урихару ступить за высокую изгородь, ограждавшую деревню, как ему навстречу высыпало множество людей: и мужчин, и женщин, и, конечно же, детей. Так по живому коридору шемит дошел до самого большого дома, в котором, как он сразу догадался, жил вождь. Видимо, извещенный Сальбо, вождь ждал гостя на пороге. Это был сильный, крепкий мужчина лет сорока, с суровым, ничего не выражавшим лицом, испещренным шрамами. Он долго рассматривал шемита, после чего важно кивнул и что-то сказал, обращаясь к Бадже, стоявшему по левую руку от Урихара. Тот толкнул купца в бок, и Урихар, подчиняясь внутреннему чутью, шагнул вперед, слегка поклонился и, снова ударив себя в грудь, представился:

— Урихар.

Вождь важно кивнул и, показав на себя пальцем, сказал: — Кидого.

И тут словно боги шепнули Урихару на ухо подсказку. Он быстро развязал свой мешок, вытащил из него топорик и протянул его вождю на открытых ладонях.

— Это тебе, Кидого. Прими мой подарок в знак глубокого уважения.

Вождь, конечно, не понял ни слова, но при виде удивительно острого стального лезвия с блестящим, словно отполированным, деревянным топориком у него загорелись глаза. Он взял подарок, сжал гладкое дерево в ладони и, прикоснувшись топориком к своей груди, вопросительно взглянул на шемита. Тот кивнул:

— Да, это тебе. Возьми.

Вождь улыбнулся и заговорил, судя по тону, приказывая своим людям что-то сделать. Маала снова взяла Урихара за руку и повела его за собой на самую окраину селения, как он потом узнал, в свой дом.

Шемит быстро прижился среди вартулов, как называли себя люди приютившего его племени. Язык их оказался несложным, и довольно скоро Урихар уже мог свободно объясняться со своими новыми друзьями. Ему нравились эти миролюбивые люди, в большинстве своем обладавшие добрым нравом и почти все время пребывавшие в хорошем настроении, и он искренне радовался, что набрел именно на них, ибо, по рассказам, эти края населяли весьма разные племена, а в десяти днях пути от селения вартулов обитало настолько кровожадное племя, что слухи о нем казались Урихару просто выдумкой чьего-то воспаленного мозга.

Кроме доброжелательности вартулы отличались редкостным трудолюбием, все делали обстоятельно, продуманно и с нескрываемым удовольствием. Особенно шемиту нравились их дома, одновременно и очень простые, и удобные. И хоть возводили их быстро, это несколько не делало их менее прочными. Сначала в землю вкапывали высокие шести, подбирая для них одинаковые по толщине деревья, которые доставляли к селению специально обученные сло-

ны. После этого плели крышу либо из высушенной травы, либо из листьев особых деревьев — длинных и широких, мелко изрезанных по краям. Затем возводили стену из глины, которую в изобилии поставляла река, с мелкими кусочками коры и перетертой в крупный порошок травой, оставляя в ней небольшие отверстия, чтобы проходил воздух. Потом посередине строили еще одну стенку, в которой, пока глина еще не высохла, вырезали двери (их закрывали циновками, которые искусно плели местные женщины). Таким образом, дом оказывался разделенным на две половины: закрытую и открытую. В задней, закрытой, ставили кровати, плетенные из тонких прутьев, а в передней, открытой, ели и принимали гостей. Крыша над передней половиной резко снижалась, защищая ее тем самым от солнца и дождя, так что теплыми ночами здесь можно было даже спать. Правда, спать на открытой половине позволялось лишь мужчинам.

Мужчины племени вартулов сначала казались Урихару странными, пока он не понял, чем эти их странности объясняются, да и просто не привык к ним. У всех мужчин были длинные, как у женщин, и тщательно ухоженные волосы, только женщины не выжигали на макушке ровного круга и не так заплетали косы. Женщины обычно носили много мелких косичек, из которых сплетали одну, если женщина была замужем, или две-три, если это была девушка на выданье. Мужчины же не просто заплетали волосы в косы, они еще и укладывали их в замысловатые прически вокруг выжженной проплешины.

Также шемита удивляло, что он почти никогда не видел женщин, глядящихся в зеркала, тогда как на поясе каждого мужчины висело маленькое зеркальце в тонкой оправе, в которое они время от времени заглядывали, поправляя то прическу, то краску, которую они наносили на веки и даже иногда на щеки. Кроме того, мужчины были страстными поклонниками хороших запахов, и часто на их сильных, мускулистых шеях можно было увидеть ожерелья из благоухающих цветов. Одежду же, состоявшую в основном из сложно намотанных набедренных повязок с обязательным

длинным хвостом спереди, они всячески украшали, используя для этого в основном разноцветные птичьи перья.

Недоумение Урихара помог развеять Горамга, к которому однажды, не выдержав, шемит обратился с вопросами.

— На моей родине, — сказал Урихар, — гораздо чаще женщины следят за своей внешностью так тщательно. Есть, конечно, и мужчины, подобные им, но это, как правило, богатые бездельники, которым нечем занять свободное время. У вас же так много забот, вы постоянно чем-то заняты, и я понимаю женщин, которые почти никогда не меняют прическу или не находят времени, чтобы посмотреть на себя в зеркало. Почему же мужчины, такие сильные, ловкие, мужественные, так заботятся о своей красоте?

— Видишь ли, — заулыбался Горамга, — в твоей стране, наверное, мужчина сам выбирает себе жену? Так? — И, дождавшись ответного кивка шемита, продолжил: — А у нас все наоборот. Мы и род свой считаем по матери. Вот я, например, Горамга, сын Бвонги. Стоит мне назвать свое полное имя, и всем сразу станет ясно, из какой я семьи. Моя мать, Бвонга, лучше всех плетет циновки, и никто не знает всех подробностей свадебных обрядов, как она.

— Но ведь ваш вождь, Кидого, мужчина! — удивился Урихар. — Если женщины у вартулов главные, значит, и вождь должна быть женщина.

— Так и было когда-то, — вздохнул Горамга. — Но вартулы постепенно отходят от обычаев предков. Кидого — славный воин. Нам редко теперь приходится воевать, но во времена его молодости на нас часто нападали враги, пока мы не доказали им, что тоже умеем драться. И очень во многом это заслуга Кидого. Поэтому-то его и выбрали вождем.

После этого разговора Урихару многое стало ясно. Как же еще должен вести себя мужчина, если от его внешнего вида зависит, изберет ли его приглянувшаяся красавица своим мужем? Станные, конечно, люди, эти вартулы, странные, но очень хорошие. Все чаще и чаще задумываясь о том, не боги ли привели его сюда, Урихар постепенно начал привыкать к мысли, что уже никогда не покинет эти края,

и начал подумывать, а не обзавестись ли ему семьей и не осесть ли тут навсегда. Он совсем было решил так и поступить, как столкнулся с еще одним обрядом вартулов, который сильно поколебал его уверенность. И чем дальше развивались события, тем больше шемиту хотелось вернуться домой.

А дело было вот в чем. Погонщик слона Сальбо с помощью своей тщательно ухоженной внешности и блистательного умения обучать огромных животных и заставлять их повиноваться сумел-таки очаровать Баруму, в которую был влюблен чуть ли не со дня своего рождения. Девушка, остановив свой выбор на обожавшем ее юноше, сказала о своем решении матери. Та поспешила к матери Сальбо, и после долгих переговоров, на которых обсуждалось буквально все: и кто будет вести обряд, и как должна быть одета невеста, и какую прическу сделать жениху, и будут ли жить молодые в доме Барумы или для них придется строить отдельный дом, и какое приданое предъявит невеста гостям, и какое угощение надо приготовить, и многое, многое другое, — был назначен день свадьбы.

Проснувшись на рассвете, жених и невеста встретились в центре селения, на круглой площади, где были установлены высокие деревянные идолы, посвященные многочисленным богам вартулов. Туда же пришли ближайшая подруга Барумы, Сакумла, и Урихар, которому Сальбо оказал великую честь, пригласив в качестве близкого друга. Сакумла и Урихар опустились на колени возле идола Мооля — бога семьи, плодородия и долголетия. Сальбо положил на белый камень (камни разных цветов стояли возле каждого идола) молодую антилопу, которую сам накануне поймал специально для жертвоприношения, резким, точным ударом рассек ей грудь и одним движением вырвал сердце. Барума приняла сердце из рук возлюбленного и, что-то тихо и монотонно напевая, окропила идола кровью. Еще теплая темно-красная жидкость быстро впиталась в дерево, так что на землю не упало ни капли.

— Благодарю тебя, Мооль, за то, что ты принял жертву и благословил нашу семью, — почтительно поклонившись,

произнесла Барума, а вслед за ней повторил эти слова и Сальбо.

После этого Сакумла и Урихар поднялись на ноги, подхватили антилопу и отнесли ее в дом Барумы, где со вчерашнего дня женщины готовили свадебное угощение. Жертвенное животное должно было стать главным блюдом на пиршестве. Благословение Мооля сделало мясо почти священным. Вартулы верили, что оно продлит жизнь всем отведавшим его.

После жертвоприношения Сакумла и Урихар, взяв новые одежды для жениха и невесты, направились к реке, где молодые должны были тщательно омыть тела друг друга. Сначала шемита смущало то, что ему приходилось смотреть на совершенно обнаженные тела Сальбо и Барумы, но это было необходимой частью ритуала — наблюдать, чтобы жених и невеста смыли с себя пыль, принадлежавшую старой, холостой, жизни.

Вернувшись в селение, Сальбо и Барума направились к дому вождя, причем Сальбо остался с Кидого, а Барума уединилась с его женой. Что там происходило, Урихар не знал, ибо они с Сакумлой пошли в дом невесты, чтобы оповестить собравшихся там гостей о скором прибытии главных действующих лиц обряда.

Они появились не скоро, но по их сияющим лицам все поняли, что Кидого согласился на их брак, и теперь они стали в глазах соплеменников мужем и женой. Едва Сальбо и Барума ступили на порог, как начался большой свадебный пир. Чего только не было на столах! Жареное и вареное мясо, печеная рыба, душистые медовые лепешки, щедро приправленные разнообразными травами, всевозможные плоды, названия многих из которых Урихар даже не знал. Но больше всего ему понравилось удивительное вино, которое вартулы делали из меда, воды и корня низкорослого дерева с тонкими серо-зелеными листьями, выращиваемого специально для приготовления напитков. Он так часто заглядывал в стоявшую перед ним кружку, что танцы, которые начались после угощения, видел весьма смутно. И напрасно, потому что это было достойное внимания зрелище.

Перед домом Барумы поставили два больших барабана, сделанных из полого дерева. Два музыканта взяли в руки длинные палки с набалдашниками из застывшей смолы и начали медленно и очень ритмично бить по барабанам, извлекая из них низкие, гулкие звуки. Через какое-то время к ним присоединились еще три музыканта с маленькими барабанчиками, по которым они стучали руками. Весьма своеобразную мелодию подхватили две женщины с дудочками из тростника.

Едва зазвучали дудочки, как в большой круг собрались танцоры, притоптывающие в такт мелодии и хлопающие в ладоши. В середину круга вышли двое. Один держал в руках пучок тростниковых стеблей и изредка, когда большой барабан ударял особенно громко, вскидывал руки над головой. Второй танцор присел на корточки и так же в такт хлопал по земле деревяшкой, зажатой в ладони. Мелко-мелко забили маленькие барабаны, и тот, кто держал в руках тростник, начал бросать стебли в сидящего на корточках, а он должен был отбивать их деревяшкой, выказывая при этом необыкновенную ловкость. Когда стебли кончились, танцоры вернулись в круг, а им на смену вышли другие. Действо повторялось и повторялось, и шемит отвел глаза, ибо неожиданно увидел людей вдвое больше, чем их было на самом деле.

Вартулы еще долго веселились. Танцы сменяли друг друга, звучали песни, гости то и дело возвращались к еде и питью, но Урихар уже не пировал со всеми. Он спал, положив щеку на недоеденный кусок печени жертвенной антилопы, и ему снился родной Асгалун, казавшийся невыносимо далеким и от этого еще более прекрасным.

Отшумел праздник, который длился три дня, и молодожены зажили мирно и счастливо. Урихар смотрел, какой радостью светятся глаза друга, и решил, что мелькнувшая у него мысль присмотреть невесту и обзавестись семьей не так уж плоха. Пока он предавался размышлениям, дни шли, складываясь в месяцы, а когда миновал положенный срок, Барума разрешилась очаровательной крохотной девочкой. Вот тут-то и случилось то, что заставило шемита

усомниться в своем желании остаться в вартулами до конца своих дней. Он мечтал, если женится, иметь не меньше пяти детей и понял, что увиденного ему столько раз не вынести.

В тот памятный день Урихар проснулся от радостных воплей, доносившихся из дома, где жили Сальбо с Барумой. Поспешно одевшись, он побежал на крики и увидел стоявшего на пороге друга с крошечным, отчаянно орущим ребенком на руках. Сальбо протягивал свою новорожденную дочь навстречу солнцу, словно спешил показать ее всему миру.

— Мооль милостив к моему дому! — выкрикивал счастливый отец. — Наш первенец — девочка! Вартулы, ликуйте вместе со мной.

В племени вартулов, где род велся по материнской линии, рождение девочек всячески приветствовалось, а уж если первенцем оказывалась девочка, это вообще считалось знаком особого расположения богов.

Зная, что на его родине женщины после рождения ребенка какое-то время болеют, Урихар несказанно удивился, когда на пороге рядом с мужем возникла Барума. Она приветливо кивнула шемиту и быстрым шагом направилась прочь от дома.

— Барума! — воскликнул Урихар. — Куда ты?

— Как куда? — удивленно переспросила женщина. — Разве ты не знаешь, что настала пора собирать плоды? Корзины уже заготовлены, и сегодня все женщины будут заняты сбором.

— А ребенок?.. — начал было шемит, но, увидев, как высоко поползли вверх тонкие брови Барумы, махнул рукой, подумав при этом, что, наверное, никогда не изучит всех обычаев этого племени.

Повернувшись к дому, где только что стоял Сальбо, Урихар не увидел друга и решил войти внутрь и побеседовать с ним. К его великому удивлению, молодой отец лежал на широкой плетеной постели, возле которой на стоявших пирамидой подпорках висела колыбель с младенцем, и тихо постанывал.

— Сальбо, друг мой, что случилось? — всполошился Урихар, всего несколько минут назад видевший друга в полном здравии.

— Напей девочке всего несколько часов, — слабым голосом ответил Сальбо, — и неудивительно, что я слегка нездоров.

— Ты?! — подпрыгнул шемит. — А ты тут при чем?!

— Как это при чем? — обиделся вартул. — Я отец.

— Не знаю, как ты, — пожал плечами Урихар, — а я всегда считал, что болеть должна женщина.

— Женщине что, — простонал Сальбо. — Она родила и может приступать к нормальной жизни.

Решив больше не задавать вопросов, чтобы ответы вовсе не свели его с ума, шемит поболтал с другом о всякой всячине и поспешил откланяться. Однако дальнейшие события изумляли его все больше и больше, хотя ему когда-то казалось, что, пожив среди вартулов, он навсегда утерял способность удивляться чему бы то ни было.

Первые пять дней с рождения дочери несчастный отец не брал в рот ни крошки, а затем еще пять дней не ел, но зато пил некий странный напиток, отдаленно напоминавший пиво, неприятный, с точки зрения шемита, на вкус, хоть и достаточно питательный. По прошествии десяти дней Сальбо наконец поднялся с постели, бледный и ослабевший, словно перенес тяжелую болезнь. Ни к какой трудной работе его и близко не подпускали, да он и не стремился к ней, что было очень странным для молодого мужчины, умевшего и любившего трудиться.

Когда малышке исполнилось сорок дней, в доме Сальбо собрались родственники и друзья. Увидев, что они делают, Урихар незаметно ущипнул себя за руку в надежде, что видит дурной сон. Гости принесли с собой крупные и необычайно острые рыбы кости, которыми до крови исцарапали кожу молодого отца. Он мужественно переносил пытку и не проронил ни звука даже тогда, когда кровоточившие раны натерли жгучим перцем. Глаза Сальбо лишь подозрительно заблестели, а довольные родные и близкие отправились в переднюю половину дома, где их ждало обильное угощение.

После экзекуции Сальбо долго болел, но и когда наконец поправился, его мучения на этом не закончились. Еще целых полгода он даже не смотрел в сторону мяса и рыбы, опасаясь, что от этого пострадает желудок дочери или, что еще хуже, она станет похожей на животное, чье мясо он съест.

В конце концов терпение Урихара лопнуло и он все-таки спросил друга:

— Скажи, зачем ты делаешь все это? Ради чего такие муки?

— Как это? — изумился Сальбо. — Так должны поступать все мужчины. Иначе кто признает, что это моя дочь? Я должен страдать не меньше ее матери.

Возражать Урихару было нечего. Он просто вдруг понял, что никогда не приживется среди этого столь любезного его сердцу народа, потому что их образ жизни никогда не станет для него естественным, как дыхание. Несколько дней он ходил печальный и задумчивый, размышляя, как быть дальше. Просто так уйти от вартулов он не мог по разным причинам. Во-первых, он не хотел обижать племя, которое столь сердечно отнеслось к нему, спасло жизнь и относилось к чужаку так, словно он родился и вырос среди этих людей. Кроме того, вспоминая кошмарные дни, когда он, измученный, напуганный и голодный, пробирался сквозь страшные джунгли, каждый миг рискуя погибнуть, он содрогался от ужаса. Лучше лишиться своего мужского достоинства, чем повторить такое путешествие! Но и стать вартулом в сердце своем он тоже не мог.

Несчастный шемит почти перестал есть и спать, а когда забывался коротким, тревожным сном, к нему являлись боги его родины. Владыка Неба Птеор, положив могучую руку на округлое плечо Матери-Земли Иштар, укоризненно смотрел на своего блудного сына, не произнося ни слова. Иногда являлся и бог воров Бел, окидывавший Урихара с головы до ног насмешливым взглядом и тут же пропадавший. Приходили и искусительница Деркэто, будившая в нем неудержимый зов плоти, и служанка Иштар — целомудренная Ашторех, твердившая о бескорыстии и предан-

ности шемитским богам. Урихар просыпался в холодном поту, а после долго лежал без сна, вглядываясь в бездонное черное небо с огромными яркими звездами, словно надеясь, что они, вечные и мудрые, подскажут ответ на мучившие его вопросы.

Он извелся так, что решил попросить совета у Кидого. Вождь славился проницательным умом и сердечным отношением к своим подданным. К кому же еще идти, как не к нему, отцу своего племени? Однажды утром, с трудом поднявшись после очередной почти бессонной ночи, шемит поплелся к дому вождя. Кидого встретил его на пороге, как будто ждал его прихода и готовился к нему. Заглянув в ввалившиеся глаза шемита, обведенные темными кругами, Кидого молча пригласил его сесть рядом. Урихар тяжело опустился на землю у ног вождя, помолчал немного, а потом, не выдержав, заговорил.

— Кидого, ты мудрый и опытный человек, — начал он. — Тяжелые думы совсем извели меня. Я не ем и не сплю и скоро стану походить на собственную тень. Три года прошло с того дня, как я, усталый и отчаявшийся, пришел к твоему племени и оно приняло меня как родного. Мне казалось, что среди вартулов я обрел покой и радость, но... — Урихар тяжело вздохнул и надолго замолчал, снова погружившись в размышления. Затем, резко тряхнув головой, он продолжил: — Вот уже много дней в моих снах ко мне являются боги моей родины. Они зовут меня, они недовольны мной, и их укор справедлив, ибо здесь я совсем забыл о них. А разве может человек забывать о богах своей земли?

— Нет, — покачал головой Кидого. — Никто из нас не вправе забывать о своих богах. Твои боги правы.

— Так что же мне делать?! — вскричал Урихар. — Я не могу остаться с вами и не могу уйти от вас!

— Почему не можешь? — пожал плечами Кидого. — Можешь. И если боги зовут тебя, должен вернуться к ним, потому что не сможешь поклоняться им там, где властвуют другие боги. Нашим богам это не понравилось бы.

— Но я совсем не знаю этой страны, — возразил шемит. — Это чудо, что я добрался до вас от побережья. Я

даже не знаю, у чьих берегов высадили меня гнусные бандиты. Уйдя от вас, я погибну.

— Неужели ты думаешь, — улыбнулся вождь, — что мы отпустили бы тебя в такой опасный путь одного?

— Но кто возьмется проводить меня? — удивился Урихар. — И куда? Я и сам-то знаю лишь то, что моя родина лежит где-то на севере.

— Видишь ли, — пояснил Кидого, — ты еще не все знаешь о нас. Как ты думаешь, откуда у вартулов посуда, оружие, украшения, тонкие ткани? Разве ты видел, чтобы кто-нибудь изготавливал все это?

— Нет, — признался Урихар, — никогда не видел. Все эти вещи можно купить, но за годы, что я прожил в вашем селении, сюда не заглядывал ни один торговец.

— Правильно, — важно кивнул вождь. — И не заглядывает. Мы стараемся хранить тайну о том, где обитает наше племя. Конечно, среди нас есть сильные воины, и мы можем дать отпор врагу, но вартулы не любят воевать, и потому мы делаем все, чтобы как можно меньше непрошенных гостей рвалось к нам. Но и обеспечить всем необходимым мы себя не можем. Да и ни к чему это, когда многое можно купить.

— Так как же... — начал Урихар, но тут же осекся, решив, что не надо перебивать вождя.

— Примерно раз в три-четыре года мы снаряжаем отряд, который отправляется в Пунт. Это очень богатое королевство, и туда съезжаются многие торговцы, ибо торговать с Пунтом выгодно. Там так много золота и самоцветов, что местные жители очень низко их ценят. Мы везем туда редкие товары. Это орехи кока, которые растут лишь в наших краях. Ты когда-нибудь видел невысокое дерево со стройным стволом, ветки которого укорачиваются к вершине, так что оно кажется заостренным? — Шемит кивнул, а Кидого продолжил: — Плоды этого дерева удивительны. Если расколоть скорлупу, а ядрышки растереть в порошок и смешать его с молоком, получится прекрасный и очень вкусный напиток, исцеляющий больных, возвращающий силы обессиленным, снимающий усталость и дающий радость и веселье здоровым.

— Вот это да! — воскликнул шемит, в котором неожиданно снова пробудился купец. — За эти чудо-орехи на моей родине можно было бы запрашивать любую цену!

Кидого укоризненно взглянул на него добрыми темными глазами и, не обращая внимания на слова Урихара, продолжил свой рассказ:

— Еще мы везем зерна дерева коффы, которое растет в лесу, в тени других деревьев. Оно не очень высокое, не больше двадцати локтей. Иногда это вообще куст. Ты, наверное, его тоже видел. Листья у коффы красивые, блестящие, они сидят на ветке парами, напротив друг друга. У самого их основания вызревают плоды. Когда они становятся ярко-красными, пора собирать урожай. Мякоть плодов невкусная, ею питаются лишь птицы, зато внутри каждого есть два зернышка. Если их как следует прожарить, чтобы они стали темно-коричневыми, а потом измельчить и положить в горячую воду, из них тоже получится замечательный напиток, дающий бодрость и веселье.

— Да, — кивнул Урихар. — Однажды я даже его пробовал. Такие зерна привозил друг моего отца, когда вернулся из Стигии. Но мне напиток не понравился. Горький и терпкий.

— Кому как, — пожал плечами вождь. — Есть в наших краях и еще одно редкое дерево. У него тонкий ствол и большие листья. Самое ценное в нем — его красновато-серая кора. Воистину волшебное лекарство, дар богов. Но с ним надо обращаться очень и очень осторожно. Порошок из коры дерева иомба, добавленный в отвар в малом количестве, возвращает старикам былую силу, бодрит и освежает. Но если положить его много, получишь сильный яд.

— Почему я раньше ничего не знал об этих удивительных деревьях? — удивился Урихар.

— А ты разве болел? — вопросом на вопрос ответил Кидого. — Зачем сильному и здоровому человеку подбадривать себя чудесными напитками? Случится нужда — вот они тут, под рукой. У наших жрецов-врачевателей всегда есть в запасе и кока, и коффа, и иомба.

— Но почему вы отправляетесь в Пунт так редко? — сменил тему разговора шемит.

— Путь неблизок и довольно опасен. Тебе повезло, и ты не встретился с хищниками, которые сожрали бы тебя, не успев распробовать. К тому же того, что мы закупаем в Пунте, нам хватает надолго. Мы везем много товаров. Грузим их на слонов, отбираем лучших погонщиков, которых слоны не смеют ослушаться, подготавливаем отряд воинов для охраны, и тогда путешествие, как правило, заканчивается благополучно.

— А скоро ли такой отряд пойдет в Пунт? — загорелся Урихар.

— Скоро, — ответил вождь. — Вот женщины закончат собирать зерна коффы, и можно будет отправляться. На сей раз с отрядом пойдет твой друг Сальбо. С ними, если хочешь, дойдешь до Пунта, а оттуда до Стигии совсем недалеко. Наймешь лодку и поплывешь по Стиксу.

— О! — восторженно воскликнул шемит. — Из Стигии-то я точно доберусь до дома. — Потом он вдруг сник и печально проговорил: — Только я не совсем уверен, что хочу туда вернуться.

— Ты не можешь больше оставаться с нами, — твердо ответил Кидого. — Твои боги призывают тебя. — Затем, взглянув на грустное лицо Урихара, вождь добавил: — Мне тоже жаль расставаться с тобой. Но воле богов нельзя перечить. Собирайся в путь.

После разговора с вождем сомнения, если они и грызли Урихара, вовсе покинули его, и он стал с нетерпением ожидать дня, когда в Пунт отправится отряд с товарами. К его чрезвычайной радости, этот день наступил довольно скоро. Вартулы быстро простились с отправляющимися в путь и поспешили на центральную площадь, чтобы принести жертву у подножия идола бога Гуаси, покровителя путников. Караван же, состоящий из шести слонов, четыре из которых несли груз, а два везли воинов и Урихара, стал быстро удаляться от селения.

Душа шемита пела от радости в предвкушении новых впечатлений. Едва селение скрылось из виду, легкомыслен-

ный купец начал забывать о годах, проведенных в тишине, покое и мирном труде. После разговора с вождем о торгах к Урихару вернулись ловкость, изворотливость, авантюризм и жажда нового, так свойственные шемитским купцам, и он не мог не ликовать, зная, что скоро прибудет в баснословно богатую страну и вновь окунется в привычные дела. Тем более что у него тут был и свой интерес. Вартулы щедро одарили своего гостя, и один из слонов, которого погонял Сальбо, вез на своей широкой спине среди прочего товара мешки, принадлежавшие Урихару. Купец надеялся выгодно продать плоды коки, коффы и кору иомбы, а также оставить немного столь ценных товаров, чтобы нажить на них состояние в Шеме. На вырученные деньги он собирался приобрести крупные и дорогие самоцветы, высоко ценившиеся на его родине, а также нанять лодку, чтобы добраться до Стигии.

Впечатлений дальнего пути ему хватило с избытком. Он увидел и бескрайние степи, по которым бродили великолепные огромные кошки, величественные головы которых украшала густая шерсть светло-песочного цвета, и носились со скоростью ветра гигантские птицы, которые из-за своего веса не могли летать; ему открылись совершенно иные джунгли, нежели те, в которых он чуть не погиб; он насмотрелся на чудеса роскошного Пунта, где выгодно продал и купил все, что намечал. Здесь же он навсегда простился с гостеприимными вартулами.

— Прощай, друг, — глядя на Сальбо вдруг повлажневшими глазами, сказал Урихар. — Я никогда не забуду ни тебя, ни твоего народа. А это возьми на память обо мне.

С этими словами он снял с шеи крошечный серебряный ключик на тонком кожаном шнурке, который шемитские купцы носили как оберег от слуг Бела. Сальбо повертел в руках амулет и решительно сорвал с шеи свой — фигурку бога Мооля, вырезанную из слоновьего бивня.

— А это тебе, — проговорил вартул. — Пусть это не твой бог, но, я уверен, он дарует долголетие всем хорошим людям. Только не потеряй его. Идола Мооля можно подарить или передать по наследству, но утерявшего статуэтку постигнет

большая беда. Так говорят наши жрецы, а им неведома ложь. Теперь прощай. Я тоже не забуду тебя.

Дождавшись, когда караван вартулов отправится домой, Урихар в этот же день разыскал на берегу Стикса лодочника весьма преклонного возраста и, посулив тому пару золотых монет, договорился, что завтра же они тронутся в путь и постараются поскорее достичь Стигии.

Старый лодочник оказался тихим и неразговорчивым человеком, за что Урихар был ему искренне благодарен, ибо диковинки, на которые он насмотрелся по пути, не располагали к болтовне. Однажды шемит увидел длинное, не менее четырнадцати локтей, бугристое бревно зеленоватобурого цвета, поразившее его тем, что оно неподвижно стояло в месте довольно сильного течения. Заинтересовавшись, почему это так, Урихар протянул руку к бревну, чтобы потрогать его, но лодочник с ловкостью, которую нельзя было в нем даже заподозрить, остановил любопытного.

— Что ты делаешь? — воскликнул купец.

— Смотри.

Возле бревна опустилась крупная птица с грязно-белым оперением, и стоило ей коснуться воды, как из глубины мгновенно разинулась гигантская пасть, усеянная двумя рядами белых крепких зубов, раздался всплеск, и птица исчезла.

— Что это было? — прошептал Урихар.

— Речной демон, — пояснил лодочник. — У нас есть люди, которые охотятся на них, но из десяти охотников выживают лишь трое.

Шемиту хотелось подробнее расспросить о чудовище, но лодочник упорно молчал, сосредоточенно работая веслами и явно стараясь поскорее убраться подальше от речного демона.

В другой раз на берег из густого леса вышло не менее удивительное животное. В длину оно было не меньше пятидесяти локтей, а весило, наверное, столько, сколько сорок воинов в полном облачении. Громадный рог в три локтя длиной, очень толстый у основания и заостренный на конце, сидел на носу чудовища. За ним виднелся второй рог, поменьше, но тоже крепкий и острый. Массивная холка

круто изгибалась дугой, а подобные стволам деревьев ноги прочно стояли на земле, словно животноеросло в нее. Маленькие глазки, тупо взглянувшие на проплывавшую мимо лодку, не выражали ничего, однако весь облик зверя говорил о неимоверной силе и свирепости.

— Да хранит нас великая любовь Птеора и Иштар! — воскликнул Урихар. — Такой монстр и в страшном сне не привидится! Кто это?

— Носорог, — коротко ответил лодочник.

— И зачем боги создали такую дрянь? — растерянно пробормотал шемит, невольно хватаясь за идола Мооля, висевшего у него на шее, словно маленький божок мог защитить его от всех напастей.

— Порошок из его рога спасает от многих болезней и укрепляет мужскую силу. А если из него сделать кубок, то пьющий из него никогда не будет отравлен, ибо рог сразу покажет яд.

— И находят смельчаки, которые добывают его? — удивился купец.

— Находятся, — усмехнулся лодочник. — Многие находят. — И, вздохнув, добавил: — Но многие и пропадают, — после чего надолго замолчал.

Река сделала резкий поворот, и злобный зверь, к великому облегчению Урихара, пропал из виду. Но вскоре ему привелось увидеть еще одно странное животное. В одном месте река разливалась особенно широко, и там, у дальнего берега, шемит заметил множество крупных темно-голубых пятен, словно кто-то высыпал у самой воды груды огромных валунов. Вдруг несколько «камней» зашевелились и медленно направились к воде, вошли в нее и так же лениво двинулись вперед. Вскоре вода покрыла широкие спины неповоротливых животных и окрасила их в темно-синий цвет. Но, как ни странно, звери не захлебнулись, а продолжали так же неторопливо бродить по дну, как по суше, время от времени останавливаясь и выдергивая то одно, то другое водяное растение.

Присмотревшись, шемит заметил, что необычное животное достигает в длину примерно девяти локтей, в высоту —

не больше трех, а в объёме равно своей длине. Широкая, почти квадратная голова заканчивалась такой бездонной пастью, что в нее запросто мог бы поместиться человек. Однако звери не обращали на людей ни малейшего внимания, полностью поглощенные поисками пищи, которой для такой туши требовалось, видимо, очень и очень много. Урихар так увлекся рассматриванием животных, что чуть не свалился в воду.

— Осторожнее! — предупредил его лодочник. — Речные коровы обычно не нападают на людей, но всякое бывает. А уж если они разозлятся, лучше держаться от них подальше. Их зубы могут перемолоть камни.

Похоже, за время путешествия по Стиксу лодочник произнес больше слов, чем за всю свою предшествующую жизнь, а потому после этого предупреждения замолчал и до самой Стигии не проронил ни слова, лишь улыбнулся на прощание, когда Урихар вместо обещанных двух золотых заплатил ему три, и даже помог выгрузить вещи купца на берег. После этого он так же молча забрался в лодку и, махнув шемиту рукой, тронулся в обратный путь, даже не пытаясь заполучить очередного пассажира.

От того места, где Урихар высадился на берег, до ближайшего города было рукой подать, и купец поспешил вперед, надеясь нынешнюю ночь провести в какой-нибудь таверне, на чистой и удобной постели. Он не стал особо привередничать, и первая же вывеска, на которой красовалось блюдо с аппетитным куском мяса, показалась ему вполне подходящей. Толкнув дверь, он очутился в самом обычном кабаке, каких было великое множество во всех крупных городах и крохотных городишках. Блеск серебряных монет пробудил в хозяине, маленьком, толстом и улыбка, необычайную прыть и услужливость, и Урихар получил все, на что только мог рассчитывать: отдельную комнату и вполне сносный обед.

Оставив свои вещи в комнате и тщательно заперев ее, шемит спустился вниз и уселся за стол, бросив хозяину на ходу:

— Кусок хорошего мяса, овощи, кружку вина.

Все это мгновенно возникло перед ним, и Урихар с наслаждением впился зубами в нежную грудинку. Не успел он как следует прожевать откушенный кусок, как кто-то с силой хлопнул его по плечу.

— Урихар! Этого не может быть! Мы давно похоронили тебя! — раздалось у него за спиной, и, обернувшись, шемит увидел давнего приятеля своего отца, Джаллиаха.

Молодой купец радостно заулыбался и пригласил старика за свой столик.

— Нет, я все еще не верю своим глазам! — не унимался Джаллиах. — Вот радость-то! Видимо, при рождении сама Иштар погладила тебя по голове. Рассказывай скорее, я прямо горю от желания узнать, где ты пропадал эти годы.

Уставший от долгого вынужденного молчания, Урихар с радостью поведал о своих невероятных приключениях. Джаллиах слушал его раскрыв рот, время от времени вскакивая, хватая его за руку, подпрыгивая, всплескивая руками. Старик жестикулировал так, что несколько раз опрокидывал кружку с вином, и Урихару приходилось заказывать новую. Наконец он закончил, и Джаллиах, снова схватив его за руки и почти касаясь губами уха собеседника, жарко зашептал:

— Кола, коффа, номба! Ты не представляешь, какой ты счастливчик! Завтра я отправляюсь с караваном, идущим в Шандарат. За эти товары ты можешь там приобрести такой жемчуг, что, вернувшись домой, купишь на него полвину Асгалуна, а на оставшееся и сам проживешь в достатке, и три поколения потомков обеспечишь. Пойдем с нами!

— Но я собирался вернуться домой сразу, — слабо запротестовал Урихар, которому уже виделись красоты Шандарата, о коих он был немало слышан.

— Зачем сразу? — настаивал Джаллиах. — Вместе и вернемся. Ты подумай, каким богачом войдешь в свой дом! Самые прекрасные женщины будут счастливы принадлежать тебе. Весь город будет у твоих ног.

Урихара не пришлось долго уговаривать, и наутро он снова отправился в путь, с каждым шагом все больше и

больше удаляясь от Шема, навстречу судьбе, уготованной ему богами.

Сияющий, многолюдный Шандарат закружил молодого купца. Упоенный шумами базара, криками продавцов, покупателей и зазывал, одурманенный запахами благовоний, пряностей и снеди, ослепленный яркими красками ковров и тканей, Урихар быстро забыл о всех своих былых несчастьях, о необыкновенных приключениях, о годах жизни среди добросердечных вартулов и, окунувшись в суету большого города, стал тем, кем и был изначально — торговцем, старающимся как можно выгоднее продать и купить.

Преуспевающий Шандарат настолько разительно отличался от родного Урихару Асгалуна, который переживал затянувшийся период упадка, что шемиту вовсе расхотелось возвращаться домой. Он договорился с Джаллиахом, что тот, вернувшись на родину, продаст дом и лавку Урихара и со следующим караваном пришлет купцу вырученные деньги. На большую прибыль шемит не рассчитывал, ибо за годы его отсутствия дом, конечно же, обветшал, а большинство остававшихся в лавке товаров утратили свою ценность. Да, собственно, эти деньги не очень-то ему были и нужны, ибо на самоцветах из Пунта, а также на орехах колы, зернах коффы и коре иомбы, подаренных ему вартулами, он нажил целое состояние. Просто он хотел обрубить все корни в Шеме и навсегда обосноваться в Шандарате.

Вскоре присмотрел он и дом, расположенный недалеко за пределами города, близ Туранской дороги, где селились наиболее богатые и знатные жители Шандарата. Обставив его с восточной роскошью и пышностью, купец зажил наконец-то той жизнью, о которой всегда мечтал. Однако не прошло и года, как Урихар затосковал. Зачем ему одному эти великолепные покои? В мечтах о блестящем будущем ему всегда виделись красавица-жена и дети. Вечерами, принимая наполненную благоухающей водой ванну, или ночами, утопая в невесомых шелках широкого ложа, он рисовал себе картины, как введет в дом единственную на свете женщину, которая наполнит его теплом и светом.

Довольно скоро судьба, словно подслушав его самые сокровенные мысли, улыбнулась ему, послав незабываемую встречу. Возвращаясь домой после заполненного трудами и заботами дня, проведенного в торговой лавке, Урихар увидел на Туранской дороге богатый экипаж. Шторка на окне на мгновение отодвинулась, и на шемита взглянула женщина, прекраснее которой он никогда не встречал, хоть и думал, что успел повидать немало за свою еще достаточно короткую жизнь. Сердце молодого купца учащенно забилося, и с тех пор он не мог прожить ни минуты, чтобы не вспомнить о небесной красоте незнакомки.

Будучи по натуре своей человеком деятельным и решительным, Урихар попытался узнать имя прелестницы, навсегда похитившей его сон и покой, и его попытки увенчались успехом. Это оказалась богатая вдова, дом которой располагался совсем близко от дома шемита. Амарис, как звали красавицу, занималась весьма странным для женщины делом. Она разводила, выращивала и продавала бойцовых и сторожевых собак, по силе и злобности не знавших себе равных.

Собравшись с духом, купец подобрал в подарок любимой строгое ожерелье из двадцати крупных рубинов, на которое можно было построить быстроходную галеру, и решительно направился к очаровательной соседке просить ее руки.

— Я дважды побывала замужем, — сказала Амарис, глядя на влюбленного бездонными глазами, — но оба раза моя супружеская жизнь длилась не дольше одного дня.

— Боги часто посылают испытания тем, кто может поспорить с ними красотой, мужеством или добродетельностью, — пылко ответил Урихар. — Но скажи, любовь моя, разве гибель тех, кто, видимо, был тебя не достоин, настолько поразила твое сердце, что в нем не осталось места для новой любви?

— Пожалуй, осталось, — лукаво взглянула на него Амарис, и у шемита на миг потемнело в глазах от ярко вспыхнувшей надежды. — Ты молод, красив, богат и не глуп. Я не могу так сразу согласиться на твое предложение, ибо со-

всем не знаю тебя. Но я не скажу и «нет». Погоди немного. Как знать, может, богам угодно, чтобы мы были вместе.

Урихар покидал дом Амарис окрыленным. Его красавица, его мечта, его душа, его любовь не отказала ему! С этого дня они виделись очень часто. Шемит забрасывал любимую женщину цветами и подарками, а однажды преподнес ей нежнейшее стихотворение, которое бессонной ночью продиктовала ему любовь. То ли его настойчивость, то ли его искренние чувства, то ли еще что-то (разве может кто бы то ни было понять, почему женщина поступает так или иначе?) в конце концов сыграло свою роль, и Амарис согласилась стать женой Урихара.

Ах, какая это была свадьба! Единственное, в чем уступил счастливый жених своей невесте, так это то, что свадьбу праздновали в ее доме. Ему это показалось странным, ведь он считал, что жить они будут у него, но Амарис так настаивала, что Урихар вынужден был согласиться. Во всем остальном он устроил пиршество по своему вкусу.

Дорожку от ворот ограды до порога устилал пышный ковер из живых цветов. Цветами был полон и дом. Они были повсюду: стояли в огромных напольных вазах, висели гирляндами на стенах, лежали на полу, плавали в ванне. Даже огромная люстра в форме резного полушария с сотней разноцветных свечей была увита благоухающими розами.

В самой большой комнате дома стояли длинные столы, покрытые белоснежными кружевными скатертями. Однако тонкое кружево почти полностью скрывали золотые, серебряные и фарфоровые блюда с разнообразной снедью, яркой зеленью и налитыми солнцем фруктами. Из высоких чеканных ведерок выглядывали длинные горлышки бутылок с лучшими аргосскими и шемитскими винами. Множество слуг, облаченных в шелка и бархат, непрерывно сновали по дому, стремясь предугадать малейшее желание каждого гостя.

Гостей собралось великое множество. Это были самые богатые и знатные люди Шандарата, и даже владыка города прислал с поздравлениями и подарками своего советни-

ка. Привычные к блеску и роскоши гости с восторгом взирали на окружавшее их великолепие. Но когда из своих покоев появилась невеста, все замерли, забыв обо всем на свете, пораженные ее красотой.

На Амарис было платье из нежнейшего шелка небесно-голубого цвета, широкий подол которого украшал замысловатый узор из крупных молочно-белых жемчужин. Высокая прическа, открывавшая лоб и маленькие розовые ушки, была усеяна нитками белых и голубых перлов. Несколько нитей спускались на щеки, в пять или шесть рядов обвивали стройную длинную шею и терялись в глубоком вырезе платья. Матовые жемчужины мерцали в желтоватом свете множества свечей, играли и переливались, словно лаская бархатную кожу одной из прекраснейших женщин хайборийского мира. Глаза невесты излучали такую радость, что у каждого, кто бросал на нее взгляд, на лице расцветала широкая улыбка.

Пир затянулся надолго. Звучали длинные застольные речи, прославлявшие жениха и невесту, им желали счастья и радости, достатка и благополучия, детей и внуков. Но хоть красота Амарис и пробуждала мужчину даже в дряхлом старике, мало кто завидовал Урихару. Страшная смерть двух предыдущих мужей этой роскошной женщины вызвала в Шандарате много пересудов. Может быть, поэтому почти все, кто произносил в этот день тосты, желали шемиту прежде всего долголетия. И каждый раз, словно отвечая добрым пожеланиям, на груди жениха слегка шевелился маленький идол Мооля.

Наконец гости отправились по домам, оставив молодых наедине друг с другом. Если бы страсть влюбленного сердца и жаждущего ласки тела можно было сравнить с жаром полуденного солнца, то от горячих волн, исходивших от дома Амарис, растаяли бы снега на самых высоких вершинах, а ринувшийся вниз поток мгновенно бы высох без остатка. Когда же первый порыв немного угас, Амарис и Урихар, расслабленные и усталые, вышли на крыльцо, чтобы прохладный ночной ветер немного остудил разгоряченные тела.

На темно-синем небе сияли яркие звезды, а полная луна заливала двор неверным бледно-голубым светом. Кусты и деревья, такие прекрасные днем, сейчас казались неподвижными черными стражами. Среди них бродили огромные сторожевые псы, бесшумно скользившие вдоль ограды и по узким дорожкам, посыпанным мелким морским песком. Как только хозяйка вышла из дома, три ярко-рыжие собаки вынырнули из темноты и улеглись у ее ног. Амарис положила точеную руку на голову одного из зверей и нежно, словно любимое дитя, погладила жесткую короткую шерсть.

— Как ты не боишься этих зверей? — удивился Урихар.

— Я их люблю, — просто ответила Амарис. — Ребенком я играла с ними, и они заменяли мне и братьев, и сестер, и друзей. А сейчас я отношусь к ним как к детям. И они за это платят мне великой привязанностью. Знаешь, иногда мне кажется, что собаки лучше людей. Если они ненавидят, так ненавидят, а уж если любят, то отдадут жизнь не задумываясь, чтобы спасти хозяина. Они не лгут.

— Я постараюсь привыкнуть к ним, раз уж эти псы так дороги тебе, — пообещал Урихар, но на всякий случай положил руку на идола, которого никогда не снимал с шеи.

— Что это за фигурка? — поинтересовалась Амарис.

— Память о Сальбо, который стал самым близким моим другом на чужбине, — пояснил Урихар. — Это идол бога Мооля. Так вартулы называют бога семьи, долголетия и плодородия. Пока идол со мной, Мооль охраняет меня.

— Можно взглянуть?

Амарис протянула руку, и Урихар послушно снял с шеи маленькую статуэтку и положил ее на подставленную ладонь. Рыжий пес тут же поднялся на ноги и принялся обнюхивать костяного идола, помахивая при этом хвостом.

— Малыш, — ласково обратилась Амарис к собаке. — Тебе нравится эта куколка? Смотри, какая хорошенькая.

Она подняла руку, и идол закачался на кожаном шнурке перед самым носом рыжего пса. Не успел Урихар и глазом моргнуть, как огромные челюсти щелкнули и Мо-

оль исчез в бездонной пасти. Рыжая шерсть угрожающе поднялась на массивном загривке, и собака грозно зарычала, глядя на испуганного шемита. «Утерявшего его постигнет большая беда», — всплыли в памяти Урихара слова Сальбо. Это была последняя мысль счастливого жениха. В следующее мгновение его бездыханный труп лежал возле ног Амарис, а над ним, поставив тяжелые лапы на грудь Урихара и подняв окровавленную морду к хозяйке, стоял рыжий пес.

* * *

Очередная история, рассказанная Амарис, оказалась столь длинной, и Конан слушал ее так внимательно, что оба даже не заметили, что «Длань Митры» уже не прыгает по волнам, а мягко скользит по ним. Дикое завывание ветра утихло, буря кончилась. Но киммериец не думал сейчас о своенравной стихии. Он не сводил глаз с собак, пытаясь понять, имя которой из них начинается с буквы «У». Странное созвучие имен рыжего и пятнистого псов с именами двух первых мужей Амарис породило в душе варвара смутное подозрение, которое до сих пор не вылилось в отчетливую мысль. Он понял лишь, что рождение этих уникальных собак как-то связано со смертями несчастных, но как, придумать не мог, а спрашивать у роковой вдовы не хотел. Вряд ли она захочет говорить с ним об этом.

Решительно тряхнув головой, Конан отогнал тяжелые мысли и неожиданно для себя обнаружил, что до сих пор держит женщину в объятиях, а она вовсе и не пытается освободиться от его рук. Приняв это как знак молчаливого согласия на более близкие отношения, киммериец приник губами к полуоткрытому рту прелестницы и задохнулся от восторга. Горячая волна захлестнула его, и в глазах потемнело. Однако резкий толчок в грудь и злобное рычание, вырвавшееся из могучей глотки черного как смоль пса, мгновенно отрезвили варвара. Он с изумлением посмотрел на Амарис.

— Я делаю что-то не то? — задал он совершенно глупый вопрос.

— Только однажды я согласилась разделить ложе с мужчиной, который не был моим мужем,— ответила красавица,— и ничего хорошего из этого не получилось.

— Ты не оставляешь мне ни малейшей надежды?

— Если хочешь обладать мною,— твердо сказала Амарис,— ты должен на мне жениться.

— Я? — расхохотался Конан.— Жениться? Такая дикая мысль никогда не приходила мне в голову.

— Тогда,— вздохнула Амарис,— тебе придется выкинуть из головы и другие мысли. Обо мне, например.

— И ты не передумаешь? — сощурившись, посмотрел на нее киммериец.

— Сильно в этом сомневаюсь,— гордо вскинула прелестную головку Амарис.

— Сомнения — это хорошо,— усмехнулся варвар.— Они могут решиться как в одну, так и в другую сторону.

— Спокойной ночи! — вспыхнула красотка.— Отправляйся в свою каюту.

— До завтра, прелесть моя,— широко улыбнулся Конан, направляясь к выходу.— Мне бы очень хотелось, чтобы ты разобралась со своими сомнениями как можно скорее. Нам осталось плыть дня три, не больше.

Глава седьмая

В ту ночь сон долго не шел к Конану. Киммериец лежал на узкой койке, закинув руки за голову, и напряженно думал. Его мучила загадка этой столь притягательной и столь же роковой женщины. Определенно, пять ее ценных любимцев как-то связаны со смертями несчастных, которые рискнули предложить ей руку и сердце. Но как? Конану уже не раз приходилось сталкиваться со всевозможной магией, направленной и на добро, и на зло, и хоть он, как и всякий человек, в ком цивилизация не сумела заглушить первобытные инстинкты, старался держаться как можно дальше от волшебства, магов и колдунов, но чувствовал магию издалека. Здесь явно дело было нечисто, однако сама Амарис несколько не похожа на ведьму. Все, что произошло с ней, похоже, вершилось без ее ведома. Знает ли она об этом? Судя по всему, да. Не зря она так смущается и уводит разговор в сторону, как только он, Конан, пытается подкрепить или опровергнуть свою страшную догадку.

«Попробуем еще раз,— рассуждал варвар.— Значит, так. Амарис выходила замуж пять раз. Трое из ее мужей не прожили после этого и дня. Скорее всего, и два последних тоже. Ну ладно, этот психопат Оллеб сам предложил себя на ужин. Но ни бритунец, ни шемит смерти не искали. Еще бы! Какой мужчина, только что выпрыгнувший из постели сладострастной красавицы, побежит делиться впечатлениями с предками? Бритунец, допустим, был исключительным

идиотом и тоже сам напросился. Но ведь она-то, она! Держать в повиновении десятки отборных злобных тварей и не остановить какую-то паршивую дворняжку? Заперла бы дома своего муженька до утра, а там, глядишь, и сбросил бы он свою пятнистую шкуру... А шемит? Она же сама отдала его амулет псу!»

Киммериец не привык долго и напряженно размышлять. Его беспокойной душе гораздо понятнее и привычнее было действовать. Но сейчас даже пытаться идти напролом нельзя. Интересно, но Амарис, отказывая ему в ласках, вовсе не избегает его общества. Варвар всегда считал, что, если мужчина не привлекает женщину, она и смотреть в его сторону не захочет. Но он ведь не бревно замшелое, он прекрасно чувствовал, когда целовал ее, как напряглось ее тело, подалось ему навстречу. Это не первая женщина в его жизни. Вспыхнувший жар, горящие глаза, этот манящий розовый язычок, быстро облизывавший губы, — все это говорило лишь о том, что Амарис испытывает не менее сильное желание, чем он сам. И все же она оттолкнула его. «Если хочешь обладать мною, ты должен на мне жениться», — всплыло вдруг в мозгу Конана.

— Кром всемогущий! — воскликнул киммериец и резко сел на постели, почувствовав, как струйка холодного пота потекла по его спине. — Жениться! Так вот что тебе надо!

Как он, дурак, раньше не догадался! Эта змея обожает своих зубастых тварей, словно собственных детей. Всю жизнь она занимается тем, что совершенствует породу, стремясь создать необыкновенное животное. После того как эти людоеды пожрали ее мужей, появились на свет псы с удивительными — она же сама говорила! — качествами. Значит, теперь она рвется замуж, чтобы иметь под рукой подопытного кролика?

— Нет, — сказал Конан вслух, обращаясь к самому себе. — Этого не может быть. Что это со мной? Если так дальше пойдет, я начну подозревать собственную тень в том, что она хочет поменяться со мной местами. Если Амарис так кровожадна, что ей стоит купить парочку рабов и ус-

троить своим песикам праздничный обед. Надо же додуматься до такого бреда! К Нергалу в задницу все это! По ночам надо спать.

Киммериец правильно выбрал собеседника. Если разговариваешь сам с собой, тебе никто и никогда не возражает. Последовав своему собственному совету, он снова улегся на койку, подумав, правда, при этом, что вряд ли сможет заснуть. Но на сей раз он ошибся, и стоило ему донести голову до подушки, как сон мгновенно сморил его.

Сначала ему не снилось ничего. Он плыл в густой темноте, покачиваясь, словно в колыбели, но вдруг, словно кто-то зажег вдали тоненькую свечку, перед мысленным взором Конана стали появляться расплывчатые образы. Они постепенно приближались, становились все более и более четкими, пока наконец перед варваром не предстала яркая, почти осязаемая картина.

Ему снилось, что он бредет по темному лесу, упрямо пробираясь к неведомой пока цели. Тропинка петляла, то появляясь, то пропадая в густой траве, но киммериец знал, что не потеряет ее и придет в нужное место. Лес расступился, и показалось маленькое селение, приютившееся у подножия горы. Конан мог поклясться чем угодно, что никогда не бывал в этом месте раньше. Однако он решительно направился к дому, стоявшему на противоположном конце деревни. На пороге его встретил сухонький старичок.

— Ты пришел ко мне, киммериец, чтобы узнать, какова твоя истинная сущность? — улыбнулся старик. — Вполне понятное желание, и я могу помочь тебе. На, прими, — и он протянул Конану флакон с золотой пробкой. — Достаточно всего нескольких крупиц, если ты не хочешь каждое полнолуние прятаться от людей.

— Ты Лемпситей? — неожиданно догадался варвар.

— А кто же еще? — рассмеялся старик. — Или ты искал не меня?

— Наверное, тебя. Сам не знаю. Просто шел себе и шел.

— Это тебе так кажется. Что же ты медлишь? Принимай.

Он высыпал на ладонь Конана порошок, и киммериец решительно лизнул его. Не успел на его языке еще пропасть вкус снадобья, как варвар почувствовал, что тело его покрывается шерстью, лицо вытягивается, превращаясь в звериную морду, а нос начинает улавливать такие запахи, о которых он прежде и не подозревал. Прошло всего несколько мгновений, и там, где только что стоял могучий красавец, замер готовый к прыжку огромный матерый волк...

Какая-то часть сознания Конана не спала, и он изо всех сил пытался проснуться, но все его старания оказались тщетны. Сон продолжался. А будь он хоть чуточку менее крепким, киммериец непременно услышал бы топот множества ног и крики Арама, созывавшего команду.

Утомленный противоборством с бурей кормчий в отличие от Конана не жаловался на бессонницу, однако поднялся на рассвете, чтобы привести в порядок слегка потрепанное судно. Команда, преданная и кораблю, и своему капитану душой и телом, охотно и проворно выполняла распоряжения Арама, и выглянувшие из-за рваных облаков солнечные лучи осветили уже чисто прибранную палубу, на которой не осталось и следа от вчерашних разрушений. Довольный кормчий поблагодарил матросов и занялся определением курса, стараясь понять, насколько сбил их шторм с намеченного пути. И в этом им повезло. Несколько быстрых команд, ловких поворотов руля — и «Длань Митры» снова устремилась прямо к Турану.

Арам стоял на носу корабля и смотрел из-под ладони на горизонт, радуясь, что сегодня погода обещала быть мягкой и спокойной. «Длань Митры», хоть и была прочным и еще довольно новым судном, второй трепки подряд могла не выдержать. Неожиданно вдали показалась мачта, на которой развевался неразличимый на таком расстоянии флаг. Незнакомый корабль приближался так быстро, что опытный моряк сразу понял: галера, идущая на веслах, ибо против ветра никакой парусник не мог бы идти с такой скоростью.

Галера подходила все ближе, и когда зоркие глаза Арама смогли прочесть название «Глаз Нергала», а он едва

успел подумать, что первый раз в жизни встречает такое более чем странное название корабля, флаг на ней вдруг опустился, и мгновенно в воздух всплыл новый, совершенно черный. «Пираты, — мелькнуло в мозгу кормчего. — О боги, почему они не сворачивают?» Он даже обернулся, чтобы проверить, хорошо ли виден вымпел, выданный «Длани Митры» шандаратским владыкой. Все в порядке. Вымпел на месте, а значит, пираты должны понимать, что парусник находится под защитой Апарата и неприкосновенен ни для кого. С давних времен, когда дальновидный правитель сумел договориться с Красным Братством, пиратские галеры даже не подходили близко к торговым судам, идущим под вымпелом Шандарата. А этот «Глаз Нергала» словно имел на борту слепую команду!

Арам даже замахал руками, показывая на мачту с вымпелом, но галера неуклонно приближалась. Положив на всякий случай ладонь на рукоять кинжала, кормчий поспешил на левый борт, к которому «Глаз Нергала» подошел почти вплотную.

— Покровительство Шандарата! — крикнул он.

В ответ раздался дикий хохот нескольких десятков глоток, а один из пиратов даже повернулся спиной к кормчему, нагнулся, приспустил штаны и завертел задом. Его собратья загоготали еще громче, но резкий окрик остановил веселье. На палубу вышел мужчина лет тридцати, среднего роста, прекрасно сложенный, с сильными мышцами, игравшими под загорелой кожей. Его длинные черные волосы были аккуратно расчесаны на прямой пробор и мягкими волнами спадали на плечи. Тонкие черты лица и темно-карие глаза выдавали в нем заморанца. Стоило ему появиться, как пираты мгновенно притихли и замерли в ожидании приказов.

— Рад тебя приветствовать, кормчий, — с легким полупоклоном проговорил главарь. — Позволь представиться. Дингир.

«Благодарение богам! — подумал Арам. — Хоть один нормальный человек в этом зверинце. Несомненно, нам ничего не грозит».

— Арам,— проговорил он вслух.— Кормчий «Длани Митры», торгового судна, идущего из Шандарата в Аграпур под вымпелом шандаратского правителя.

— Какой товар на борту? — поинтересовался Дингир.

— Ткани, вино, посуда, мастафы,— удивляясь самому себе, ответил Арам.

— Мастафы? — Дингир обвел взглядом палубу.

— Они в трюме, в клетках,— пояснил кормчий.

— Понятно,— кивнул главарь пиратов.— Сами перегрузите на «Глаз Нергала» или вам потребуется помощь?

— Какая помощь? — чуть не задохнулся Арам.— Судно под вымпелом...

— Плевать я хотел на твой вымпел,— все так же соблюдая полное спокойствие, перебил его Дингир.— Можешь им подтереться. Мне нужен твой товар, и он перейдет на мой борт. Псов можешь оставить себе.

— Об этом не может быть и речи! — вскричал Арам.

— Как знаешь,— равнодушно пожал плечами Дингир.— Ты мог вернуться домой вместе с песиками, а теперь ты с ними же пойдешь на дно.— И, повернувшись к команде, коротко приказал: — На абордаж!

Как по волшебству возникшие абордажные крюки взвились на прочных просмоленных канатах и вонзились в борт «Длани Митры». Пираты ловко подтянули парусник к галере, перекинули с борта на борт широкие доски и один за другим, не уступая в проворстве канатоходцам, перебрались на торговый корабль. Арам не успел даже опомниться толком, как на палубе его корабля вспыхнул кровавый бой.

Командам торговых судов уже много лет не приходилось ни с кем драться во время переходов из одного порта в другой, и хоть многие из матросов постоянно носили кинжалы, чаще всего их пускали в ход в пьяных драках. Стоит ли говорить, что дать достойный отпор пиратам они вряд ли могли. Правда, нашлись смельчаки среди купцов, которые отважно защищали и свою жизнь, и свои товары, и неизвестно еще, чем они дорожили больше. Но, несмотря ни на что, бой обещал быть коротким, и ни у кого не возникало сомнений, в чью пользу он закончится.

А Конану тем временем снилось, что к дому Лемписитея грациозной походкой приближалась роскошная огненно-рыжая тигрица. Подойдя поближе, она уселась, высоко подняв красивую голову и обвив лапы длинным полосатым хвостом. Взглянув на темно-серого волка, огромная кошка облизнулась и обнажила острые клыки в некоем подобии улыбки.

— Ты не узнаешь меня, Конан? — вкрадчиво спросила она и тут же сама ответила: — Не узнаешь. А я-то думала, что никогда не исчезну из твоей памяти.

— Кто ты? — поинтересовался волк, внимательно изучая тигрицу и пытаясь понять, в ком же из его женщин таился такой великолепный зверь.

— Карела,— не то промяукала, не то пропела тигрица.

— Кром! — рявкнул волк.— Напрасно ты звала себя Рыжим Ястребом. Тебе надо было сменить имя на Рыжую Кошку.

Тигрица зашипела и угрожающе подняла когтистую лапу. Не избежать бы насмешнику увесистой оплеухи, не появившись из леса бурая гиена с окровавленной мордой. Увидев волка и тигрицу, гиена оглушительно захохотала:

— Как я рад видеть вас снова! Вот это удача!

— А ты кто? — грозно нахмурилась Карела.

— Вот это да! Я-то вас сразу узнал, а вы... Да я Дингир.

На этом месте сон Конана неожиданно оборвался. Еще не придя толком в себя, киммериец прислушался к доносившемуся с палубы шуму, пока не понимая, что там происходит.

«Тьфу, дрянь какая! — подумал он.— Надо же было Дингиру присниться. Вот уж не думал, что когда-нибудь вспомню о нем». Когда-то давно, будучи еще зеленым юнцом, добывавшим себе кусок хлеба, иногда черствого, а иногда и с маслом, обирая зазевавшихся толстосумов, Конан попал в разбойничью шайку, которой командовала совершенно невероятная женщина по имени Карела. И сейчас, вспоминая эту изящную красотку с характером гремучей змеи, киммериец невольно улыбнулся. Да, с такой женщиной не соскупишься!

Одним из членов шайки был заморанец Дингир, самолюбленный красавчик, жестокий и кровожадный. Собственно, никто из разбойников не отличался ни особой любовью к ближним, ни целомудрием, но Дингир вдобавок ко всему был нечист на руку даже по отношению к собратьям. Из-за этого не раз вспыхивали ссоры, и Карела пригрозила, что в конце концов прогонит заморанца прочь. Тогда он решил добиться ее благосклонности, считая, что в этом случае обеспечит себе надежное покровительство. Но не тут-то было. Он настолько разозлил Рыжего Ястреба своими домогательствами, что ему пришлось покинуть шайку под угрозой смерти. С тех пор Конан, который вскоре и сам расстался с Карелой, никогда не встречал Дингира и даже не думал о нем. С чего это вдруг этот тип явился ему во сне?

Киммериец еще раз сплюнул, сладко потянулся до хруста в костях, протер кулаками глаза и снова прислушался. На сей раз он мгновенно догадался обо всем. Там, на палубе, шла драка, и, похоже, серьезная. Вскочив на ноги, Конан выдернул из ножен меч и ударом ноги распахнул дверь.

Защищать уже было некого. Повсюду лежали тела убитых, причем членов команды «Длани Митры» среди них было гораздо больше, чем пиратов. Услышав слабый стон, варвар обернулся и увидел обращенный на него взгляд Арама, который шевелил губами, силясь что-то сказать. Конан присел на корточки возле умирающего и приподнял его голову.

— Они... — прошептал кормчий, но это было все, на что хватило его последних сил, и киммериец так и не узнал, что же хотел сообщить ему Арам.

— А этот еще откуда свалился? — раздался за его спиной голос, и варвар резко выпрямился, намереваясь свернуть пирату шею, но тот, на свое счастье, окликнул главаря: — Смотри, Дингир, какое чудовище к нам пожаловало!

— Дингир?! — изумлению варвара не было предела. — Дингир?!

— Что ты так орешь? — поинтересовался главарь, подходя поближе. — Тебе что, имя мое не нравится?

— Дингир, Нергалово отродье, откуда ты взялся? — Конану на миг показалось, что он все еще спит, только сон каким-то невероятным образом изменился, и киммериец даже огляделся по сторонам в поисках Карелы.

— О боги! — в глазах Дингира зажглось не менее сильное изумление. — Конан! А ты-то что тут делаешь?

— Я? — переспросил Конан. — Я плыл в Агратур. А вот что делаю теперь, не знаю. Что тут произошло?

— Ничего особенного, — мгновенно оправившись от удивления, пожал плечами Дингир. — Я предложил отдать мне товар, но эти люди, — он обвел рукой побоище, — почему-то не согласились. Пришлось убедить их в своей правоте.

Собственно, он мог ничего и не объяснять. Взглянув на стоявшую возле «Длани Митры» галеру под черным флагом, Конан прекрасно все понял сам, и у него остался только один вопрос.

— Правитель Шандарата, — сказал он, — уверял меня, что у него есть договор с Красным Братством.

— С Братством, — не дал договорить ему Дингир, — может быть. Но я к нему не принадлежу. Я вольная птица, и никакие договоры меня не интересуют.

— Понятно, — протянул Конан, пытаясь сообразить, как ему вести себя дальше.

— Да ладно тебе, — похлопал его по плечу заморанец. — Будь моим гостем. Ты плыл один?

— Не совсем, — улыбнулся киммериец, вдруг вспомнив об Амарис. — Со мной женщина, хозяйка мастафов, сидящих в трюме. В каюте у нее тоже несколько песиков.

— Женщина? — Дингир, страстный любитель женщин, о котором в шайке Карелы говорили: «Ему хоть демон, лишь бы в юбке», даже облизнулся.

— Погоди, приятель, — нахмурился Конан. — Женщина моя, и если я твой гость, она тоже.

— Что ты, что ты, — всплеснул руками Дингир. — О чем речь? — И, повернувшись к своей банде, приказал: — Этот человек и его женщина неприкосновенны. Впрочем, вон тот слизняк — тоже. — Он указал на трясущегося от страха

шандаратского судью, который плыл в туранскую столицу на свадьбу своего брата. — Он обещал мне, что за него заплатят приличный выкуп.

Никто не посмел ему возразить. Впрочем, гигант с обнаженным мечом, возвышавшийся над большинством матросов с «Глаза Нергала» не меньше чем на голову, гораздо больше устраивал пиратов как гость главаря, нежели как противник. В его ярких синих глазах горел холодный огонь такой силы, что, будь он магом, палубу «Длани Митры» уже через несколько мгновений покрывал бы слой пепла, оставшийся от кучки мерзавцев.

Дингир окинул долгим взглядом своих дружков и, слегка поморщившись, усмехнулся.

— Неплохие ребята, — повернулся он к Конану, — но... Грубоваты малость. А уж кровь пускать любят... Хлебом не корми. — И вдруг совершенно неожиданно рявкнул: — Убрать тут все! Эту пададь, — он показал на трупы, — за борт. Груз осматриваю сам и решу, что перенести на «Глаз Нергала». Остальное — на дно вместе с этим корытом. — Затем притворно вздохнул и вежливо улыбнулся киммерийцу: — С ними иначе нельзя. Как малые дети... Чуть-чуть дашь слабинку — на шею сядут.

— Поменяй команду, — буркнул Конан.

— Где ж ее наберешь, другую-то? — снова вздохнул Дингир. — Вот ты бы пошел ко мне? Вместе мы таких бы дел наделали!

Киммериец с превеликим удовольствием удушил бы негодя и даже не стал бы марать об него свой меч, но сейчас их силы были явно неравны, и он решил подождать более удобного случая.

— Надо подумать, — серьезно ответил он.

— Подумай, — оживился Дингир. — Я тебя не тороплю. Знаешь что? Давай отобедаем вместе. Даму свою пригласи. А то она, бедняжка, небось думает, что мы звери какие-то. Посидим, поболтаем.

— Ну, зверей-то она не боится, — ухмыльнулся Конан.

— Все равно, — настаивал Дингир. — Мальчишки-то мои истосковались без женского общества. За ними глаз да глаз

нужен. Они, конечно, стараются не нарушать мои приказы, но, сам понимаешь...

— Понимаю, — кивнул варвар. — Поэтому лучше сейчас пойду к ней и объясню, что тут происходит.

— Ступай, — милостиво разрешил заморанец. — А к обеду вас жду.

Когда Конан распахнул дверь каюты Амарис, женщина сидела на краю койки, тщательно одетая и аккуратно причесанная. Она спокойно взглянула на киммерийца, словно тот пришел позвать ее на прогулку. «Потрясающая женщина, — подумал варвар. — Другая на ее месте закатила бы истерику, а она... Да, — усмехнулся про себя он, — другая и не стала бы скормливать своих возлюбленных собакам...»

— У нас неприятности, — сообщил он с порога.

— Крупные? — спросила она, и, словно повинуюсь мысленному приказу, два пса подошли к ней и сели возле ног.

— Похоже на то, — кивнул киммериец.

— Что случилось? — Ни один мускул не дрогнул на ее лице. — Мы сели на мель? Корабль получил пробоину? Великий Митра испепелил кормчего? Что за шум был на палубе?

— Самая обыкновенная драка, — ответил Конан.

— Драка? — Тонкие брови приподнялись. — И кто с кем повздорил?

— Пираты с командой «Длани Митры».

— Какие пираты? Красное Братство...

— Братство само по себе, — перебил ее варвар. — Это одиночки.

— Пираты? Одиночки? — в желто-зеленых глазах на мгновение мелькнул ужас. — Их никогда не было на Вилайте.

— А сейчас появились, — непонятно почему разозлился Конан. — И их главарь — исключительная дрянь. Один из самых мерзких людишек, с какими мне когда бы то ни было приходилось встречаться.

— Ты уже успел с ним познакомиться? — удивилась Амарис.

— Я познакомился с ним несколько лет назад, еще до того, как попал в Туран,— пояснил Конан.— Мы с ним были вместе в одной разбойничьей шайке. Правда, недолго. Его оттуда выгнали, а я вскоре ушел сам.

— Если человека прогоняют разбойники, могу представить, каков он,— усмехнулась Амарис.

— Не можешь,— отрезал киммериец.— Его лицо, как морда медведя, выражает не то, что он собирается делать. Его душа грязнее клоаки. За ласковыми манерами холеного кота таится кровожадность гиены и похоть павиана.

Амарис попыталась улыбнуться, но внутренние силы, помогавшие ей казаться спокойной, оставили несчастную женщину, и по ее щекам медленно потекли слезы.

— Мне страшно,— вдруг всхлинула она.— Я не хочу умирать. Я обязательно должна достичь Турана. Я...

Конан присел рядом с ней и обнял за плечи. Как ни странно, собаки немного посторонились и даже приветливо взглянули на него. Видимо, умные животные поняли, что этот человек — друг. Киммериец прижал голову Амарис к своей груди и тихо гладил ее волосы. Сила воли и совсем не женский характер довольно быстро взяли свое, и слезы, потоком хлынувшие из прекрасных глаз, быстро высохли.

— Надо что-то придумать,— сказала Амарис, отстраняясь от Конана и явно стыдясь минутной слабости.— Всякий человек смертен. И нет такой хитрости, которую нельзя было бы перехитрить. Надо что-то придумать,— повторила она.

— Для начала надо успокоиться,— ответил ей варвар и, видя, что она пытается возражать, продолжил: — Как следует успокоиться. Отвлечься и подумать о чем-нибудь другом. Полностью освободиться от страха, ибо даже самая малая его толика может породить панику.

— О чем-нибудь другом?! — воскликнула Амарис.— Я ни о чем больше не могу думать!

— Расскажи мне что-нибудь,— предложил Конан.— О себе, о своих собаках, мужьях, друзьях, соседях, слугах... О чем хочешь.

— Могу рассказать тебе о Балаи,— благодарно улыбнулась она.

— Балаи? — переспросил киммериец.— А это кто?

— Муж. Четвертый. О! Он был удивительным ваятелем.

— Интересно,— загорелся Конан.

— Только это длинная история.

— Ничего. Время у нас пока есть.

Глава восьмая

История, рассказанная Амарис, и в самом деле оказалась удивительной. Конан, который успел немало побродить по свету, любил слушать рассказы о неведомых землях и новых людях, считая, правда, при этом, что его трудно поразить чем бы то ни было. Однако на сей раз услышанное превзошло все его ожидания. Жадно ловя каждое слово, он забыл и о загадочных собаках, и о пиратах, бродивших сейчас по торговому паруснику. Ему страстно захотелось поскорее добраться до Турана, чтобы доложить о выполненном поручении, и, навсегда покинув войско Илдииза, вернуться к жизни бродяги.

* * *

— Завтра тебе исполняется восемнадцать лет, Балаи. — Темно-карие глаза отца строго смотрели на сына из-под густых бровей. — Все мужчины в нашем роду к этому возрасту уже давно определили свою судьбу, и лишь ты благодаря последней просьбе твоей умирающей матери задержался дома так долго. Теперь я хочу испытать тебя. После этого мы вернемся домой и поговорим.

Они вышли из дома и направились к площадке для спортивных игр, которая находилась неподалеку. Все мужчины их селения, раскинувшегося близ города Шандарата, чуть ли не с первых своих шагов проводили тут долгие часы, воспитывая волю, накачивая сильные мышцы, развивая в себе выносливость. Наверное, поэтому они так сла-

вились силой и мужеством, и многие из них прославили свое имя воинскими подвигами.

Стояло раннее утро, солнце едва-едва поднялось из-за горизонта, и в этот час на площадке было безлюдно. Радужась своей молодости и здоровью, Балаи легко проделал упражнения, которые задавал ему отец. Он быстро и точно метал копье, бросал тяжелые камни, каждый раз непременно попадая в цель, ловко перепрыгивал через высокие и низкие препятствия, не задевая их. Отец одобрительно кивал и придумывал все новые и новые испытания. Вот он заставил сына снова прыгать, но уже с мешком, наполненным мелкими камнями, на плечах. Вот он начал отсчет, а Балаи, взяв в каждую руку по тяжелой дубине, помчался по узкой тропинке, огибавшей площадку. Когда юноша вернулся, отец долго придирчиво прислушивался к дыханию сына, чтобы определить, насколько тот устал.

— Что ты, отец! — рассмеялся Балаи. — Я могу пробежать еще три раза по столько же, а потом поднять любой камень, на который ты укажешь.

— Да, — кивнул отец. — Здоровьем боги тебя не обидели. А теперь я убедился, что ты успел многому научиться. Я доволен тобой. Давай присядем и поговорим.

Они устроились неподалеку от беговой тропинки на мягкой шелковистой траве возле корней высокого раскидистого дерева. Балаи молчал, ожидая, когда заговорит отец, а тот задумчиво смотрел вдаль, словно пытался увидеть будущее своего младшего сына. Наконец он тяжело вздохнул и повернулся к юноше.

— У тебя нет никого, кроме меня и старшего брата. Богатства я за свою жизнь не скопил, хотя мы никогда и не бедствовали. Я дал тебе все, что мог. Ты грамотен, силен, ловок и вынослив. Из тебя мог бы получиться прекрасный воин, который зарабатывает на жизнь мечом. К тому же тот, кто хорошо владеет оружием, не даст превратить себя в раба. Но я не могу решать за тебя, сын мой, ибо ты уже взрослый. Ты свободный человек и волен сам выбирать свой путь. Знаю, боги наградили тебя не только отменным здоровьем. Они дали тебе талант живописца и ваятеля,

даже больший, чем талант твоего деда. Скажи, ты уже подумал о своем будущем? Что ты выбрал для себя? Воин или художник? Не торопись с ответом. Это очень серьезный шаг.

— Я давно уже все решил, — ответил Балаи. — Ратное дело — не для меня. Я не хочу уничтожать. Мне гораздо больше по душе создавать прекрасное. Если ты не возражаешь, мне бы хотелось стать ваятелем и прославить наш род в веках.

— Даже так? — усмехнулся отец. — Прославить? На меньшее ты не согласен? — И, не дав сыну возразить, продолжил: — Это хорошо. Имея малые цели лучше не братья за дело. Но для того чтобы стать великим художником, одного желания недостаточно. Дед многому научил тебя, но вот уже два года, как он покинул нас, не успев передать тебе всех секретов своего мастерства. Тебе нужен учитель. Ты согласен со мной?

Балаи задумался, вспомнив, как пытался вылепить из глины статую своего брата, Хоррана. Он несколько раз принимался за работу, но снова и снова бросал ее на середине, чувствуя, что не может уловить чего-то самого главного, единственного, чтобы изваяние ожило, чтобы оно показало силу, ловкость, гибкость мускулистого тела Хоррана. Однажды утром, проснувшись, как всегда, на рассвете, Балаи вдруг ощутил, что сегодня все должно получиться. Он разбудил брата и попросил его прийти на задний двор, где под низким навесом, одной стороной упиравшимся о старый дуб, была устроена его мастерская.

Подойдя к возвышавшейся на каменном основании незаконченной статуе, Балаи скинул влажную ткань, которой она была покрыта, чтобы глина не высыхала под лучами солнца, и внимательно осмотрел ее. Да, она была еще далека от совершенства. Перебирая деревянные инструменты ваятеля, доставшиеся ему от деда: изогнутые пилочки, большие и маленькие ножи, узкие и широкие лопатки, — Балаи глядел на свое творение, и ему казалось, что он знает, как надо преобразить его, чтобы вдохнуть в статую жизнь.

Появился Хорран. Высокий, стройный, с прекрасными бугристыми мышцами, он словно был не рожден женщиной, а специально создан богами для того, чтобы вдохновлять художника. Поправив узкую набедренную повязку, Хорран взял в руки легкое копье, отставил одну ногу назад, а копье занес над головой, как будто собирался метнуть его в цель. Балаи следил за движениями брата, восхищаясь его мужественной красотой, но стоило ему повернуться к незаконченной статуе, как улыбка на его лице погасла: собственное творение показалось ему грубой пародией на совершенное человеческое тело.

— Я готов, — весело сказал Хорран. — Я прекрасно выпался и сегодня могу долго позировать тебе.

Балаи кивнул и, не произнося ни слова, углубился в работу. Восторг исчез из глаз юноши. Теперь его взгляд, который он время от времени бросал на неподвижно застывшего Хоррана, стал внимательным и пронзительным. Глаза перебегали с тела брата на сырую глину и обратно, сравнивая, запоминая, соизмеряя. Он не замечал вокруг ничего, забыв о времени, пока не услышал, как Хорран скрипнул зубами.

— Устал? — быстро повернулся к нему Балаи.

— Да нет, — устыдился своей слабости Хорран. — Продолжай.

— Отдохни. Я вовсе не собираюсь замучить тебя до смерти.

С этими словами Балаи повернулся к своему творению и застонал от досады. Статуя, по его мнению, стала еще хуже, чем была накануне. Податливая глина под чуткими пальцами художника приняла нужную форму, и изваяние походило на позирующего юношу, но в нем не было даже намека на жизнь, движение, порыв. Впившись взглядом в статую, Балаи мучительно пытался отыскать свой промах, понять, в чем же ошибся, и не находил ничего.

— Нет, это не ошибка, — подумал он вслух. — Просто я безнадежно бездарен. Это выше моих сил. Изваяние мертво.

Не успел Хорран глазом моргнуть, как Балаи выхватил у него копье и яростно обрушился на статую. Через не-

сколько мгновений она снова превратилась в грудку сырой глины.

— Зачем ты это сделал? — закричал Хорран.

— Она была настолько плоха, что никто не должен ее видеть.

Три дня Балаи надолго пропадал из дома, бродил по окрестностям, любовался замысловатым рисунком облаков, проплывавших высоко в небе, тонких резных листьев деревьев и трав, изящным очертанием лепестков диких роз. Постепенно боль, терзавшая его душу, утихла, и он снова с утра до вечера начал пропадать в своей мастерской, никому, однако, не показывая и не объясняя, чем занят...

— Да, отец, ты прав, — очнулся от тяжелых воспоминаний юноша. — Мне надо учиться. Но где? И у кого?

— Придется тебе идти в Офир, — вздохнул отец. — Там, неподалеку от Ианты, в поместье, расположенном в красивом лесу на берегу реки Красной, живет талантливый и очень богатый ваятель Варкус. Ты должен поступить к нему в ученики.

— Но примет ли он меня? — засомневался Балаи.

— Он принимает всех, в ком есть искра божья, а в тебе она есть, — успокоил юношу отец. — Но учти: быть учеником Варкуса — великая честь. Если ты не оправдаешь ее, то навсегда опозоришь свое имя. Пойдем, — добавил он, поднимаясь на ноги. — Завтра мы отметим твой восемнадцатый день рождения, а еще через пару дней ты тронешься в путь.

— Так скоро?! — воскликнул юноша.

— А ты думал, Варкус сам явится за тобой? — насмешливо посмотрел на него отец. — Хватит, ты и так уже засиделся дома. Добьешься своего, возвращайся.

После веселого пира с обильным угощением, песнями, танцами, играми, состязаниями в силе и ловкости, в которых участвовали, как было принято, все селяне, Балаи начал собираться в дорогу. Путь до Офира был неблизким, и несмотря на то что юноша уже давно не был беспомощным младенцем, он не отважился отправляться в одиночестве. Правда, вопрос решился очень быстро. В таком большом

городе, как Шандарат, в котором повсюду процветала торговля, всегда можно было найти купцов, собиравшихся в ту или иную страну. Балаи с отцом провели в Шандарате всего один день, а наутро следующего юноша уже покинул город вместе с караваном, идущим в Замору.

Караван достиг Шадизара без особых приключений, а там Балаи легко отыскал попутчиков до Ианты. Юноша прежде не покидал родного дома, и потому все, что он видел, приводило его в восторг, ибо он открывал для себя такой огромный и такой разнообразный мир. Горы поражали его величием и строгостью, равнины — бескрайним простором и небом над ним, которое здесь казалось особенно высоким и чистым, леса — множеством деревьев, трав и цветов, каких до сих пор Балаи не приходилось видеть. Ему хотелось обнять весь мир и унести его с собой в сердце, чтобы потом создать хотя бы подобие этой неповторимой красоты. Он так радовался каждому новому дню, что дальний путь вовсе не показался ему дальним, и он даже удивился, когда купец, с которым юноша успел подружиться, показал рукой на горизонт:

— Видишь вон те башни? Это Ианта.

— Как Ианта? — удивился Балаи. — Так быстро? Мне кажется, я совсем не готов к встрече с Варкусом. Да и как найти его дом?

— Очень просто, — рассмеялся купец. — Слава великого ваятеля настолько велика, что любой офирец, от знатного вельможи до последнего нищего, покажет тебе дорогу к его поместью. Впрочем, насчет нищих я погорячился. В этой благодатной стране нет нищих. Здесь даже существует поговорка: «Не родился еще офирец, который хоть раз испытывал чувство голода или ночевал под открытым небом».

К вечеру караван достиг Ианты, и Балаи решил переночевать в таверне, а уж наутро отправиться на поиски Варкуса, и пусть знаменитый мастер решит его судьбу. «Он принимает всех, в ком есть искра божья, а в тебе она есть», — вспомнил он слова отца, и это теплое воспоминание помогло ему хорошенько выспаться, видя светлые и радостные сны.

Наутро, переговорив с хозяином таверны, который оказался, как это ни странно для человека его занятий, худощавым и весьма суровым, Балаи поспешил в центр города, где на главной базарной площади находилась лавка, владелец которой торговал ювелирными изделиями, поделками из камней и металлов, а также картинами. Уж кто-кто, а он точно должен был знать, где живет Варкус. Без труда отыскав лавку, юноша решительно толкнул дверь, и ему показалось, что он очутился в волшебном сне.

На полках, развешенных по стенам, стояли вещи необычайной красоты. Кубки из оникса, опоясанные диковинными драконами, — первое, что бросилось в глаза Балаи. Чудовищные каменные звери поднимали оскаленные морды с огромными клыками, взмахивали крыльями, вырезанными так тщательно, что была видна каждая чешуйка, и украшенными золотыми крохотными звездочками, и злобно смотрели друг на друга рубиновыми глазами. С трудом заставив себя оторваться от завораживающего зрелища, юноша перевел взгляд и снова замер, увидев кувшин из агата, украшенный стеблями ползучих растений из зеленого непрозрачного камня. Ветви шли снизу, изгибались в виде ручки и заканчивались у горлышка. В тончайше выполненной листве прятались невиданные птицы, окрашенные разноцветной эмалью.

Затаив дыхание, Балаи рассматривал пейзажи и портреты, обрамленные совсем тоненькими и тяжелыми резными рамами, которые висели на стенах, округлившимися от изумления и восторга глазами глядел на разложенные в мелких деревянных ящиках, дно которых было затянуто красным и синим бархатом, медали, броши, серьги, кольца, браслеты. Тускло мерцавшее золото, огненные рубины, полупрозрачные дымчатые топазы, темно-красные гранаты, светлые и темные изумруды — такого великолепия ему еще никогда не приходилось видеть. И вовсе не то, что за пару таких колец можно было купить дом, восхищало Балаи. По его мнению, всему этому просто не было цены, ибо любая безделушка в этой лавке могла смело называться произведением искусства.

— Ты, я вижу, прибыл издалека, — услышал вдруг юноша голос, который вывел его из оцепенения. — Офирцы редко заглядывают ко мне. Тем, кто победнее, не нужны все эти побрякушки, а тот, кто побогаче, предпочитает заказывать для себя вещи у мастеров.

Балаи обернулся на голос и увидел хозяина лавки, невысокого пухлого старичка, маленькие глазки которого приветливо смотрели на юношу из-под лохматых седых бровей. Старик улыбался, и на круглых, розовых, как у младенца, щеках играли веселые ямочки. Балаи невольно заулыбался в ответ.

— Ты уже выбрал что-нибудь? — поинтересовался старик. — Пусть весь этот блеск не смущает тебя. Я многого не запрошу.

— Увы, — развел руками юноша. — Я пришел не покупать. Я лишь хотел узнать, не подскажешь ли ты мне, как отыскать Варкуса.

— Ты хочешь заказать у него какую-нибудь вещь? — удивился старик. — Варкус — знаменитый мастер, и его работа стоит очень дорого. Она по карману лишь королю и его приближенным.

— Нет, что ты! — рассмеялся Балаи. — Посмотри на меня. Какой из меня заказчик? Нет. Я прибыл издалека, как ты правильно понял, но не за украшениями. Я хочу просить великого Варкуса, чтобы он взял меня в ученики.

— Ах вот оно что, — закивал головой старик. — А ты умеешь что-нибудь делать?

— Я неплохо рисую, — ответил Балаи. — Занимался лепкой. Мой дед был ваятелем, и он кое-чему успел обучить меня. Но этого мало.

— Хорошо, — согласился старик. — Я скажу тебе, где живет Варкус. А ты пообещай, если он примет тебя в ученики, время от времени приносить мне свои работы для продажи. И тебе деньги не помешают, и у меня в лавке что-то новенькое появится. А то все это, — он обвел рукой свою лавку, — уже почти никто не берет.

— Если Варкус не прогонит меня, я буду иметь дела только с тобой, — твердо пообещал юноша.

— Вот и договорились, — обрадовался старик. — Слушай. Тебе надо выйти за городские ворота и направиться по дороге, уходящей на юг. Совсем недалеко, не больше трети дня пути, увидишь почти на самом берегу реки высокую стену из белого камня. Это поместье Варкуса. Больше ничьих домов там нет, так что ты не ошибешься. Возле ворот есть дверь. Постучись в нее и объясни, кто ты и зачем пришел. А дальше... Я могу лишь попросить лучезарного Митру, чтобы он был милостив к тебе.

— Благодарю тебя. Ты необычайно добр, старик. Да пребудет с тобой благословение богов!

Балаи, не желая больше тратить ни минуты драгоценного времени, поспешил прочь из лавки, вернулся в трактир, забрал свои пожитки, расплатился с хозяином и вскоре уже шагал по широкой, ровной дороге, ведущей из Ианты на юг. Старик описал все очень точно, и, едва солнце перевалило за горизонт, как впереди юноша увидел стену из белого камня и прибавил шаг, чтобы поскорее постучаться в вожделенную дверь.

Поместье Варкуса раскинулось на берегу реки Красной. Оно было так велико, что скорее напоминало целое селение. От реки и окружающего светлого леса его отделяла прочная стена с широкими стрельчатыми воротами и узкой тяжелой дверью, обитой металлом. В двери было проделано небольшое окошко, плотно закрытое изнутри. С замирающим сердцем Балаи поднял руку и несколько раз робко постучал в окошко. Оно тут же приотворилось, и юноша увидел краснощекое лицо молодого стражника.

— Кто ты? — спросил стражник. — Что привело тебя к дому великого мастера?

— Меня зовут Балаи. Я хотел бы увидеть Варкуса и спросить, не возьмет ли он меня в ученики, — на одном дыхании выпалил юноша.

— Подожди здесь, — ответил стражник, и окошко тут же захлопнулось.

Ждать пришлось не очень долго, и вскоре окно снова приоткрылось.

— Заходи, — распорядился стражник. — Великий Варкус согласился поговорить с тобой.

Дверь распахнулась, и на дрожавших от волнения ногах Балаи ступил в обширный квадратный двор, вымощенный каменными плитами. Двор тоже был обнесен стеной, правда, не такой высокой, как внешняя, но, похоже, не менее прочной. В этой стене было проделано две двери: одна справа, а другая — впереди, в глубине двора.

Как позже узнал Балаи, за дверью, находившейся впереди, входящему предстал дом, где обитал Варкус с семьей и учениками. Это был даже не дом, а, скорее, дворец, сложенный из белого камня, с двумя островерхими башнями по бокам. В одной из них располагалась огромная библиотека, которую начал собирать еще дед художника, а в другой находилась комната, в которой мастер уединялся, когда обдумывал очередной заказ или, осененный вдохновением, делал зарисовки своих будущих шедевров.

Фасад дома поднимался уступами, и от этого здание казалось гораздо выше, чем было на самом деле. Высокие окна состояли как бы из двух частей. Нижние половины были прозрачными, а в верхних всеми цветами радуги играли изумительной красоты витражи.

За домом раскинулись чудесные сады, за которыми ухаживали садовники. Должности эти были наследственными, так что деды нынешних садовников работали на деда Варкуса, который и основал поместье. В садах росли всевозможные деревья, в том числе и фруктовые, цвели различные цветы, так удачно сменявшие друг друга, что, казалось, тут царит вечное лето. Широкие тенистые аллеи с установленными на них резными скамьями были излюбленным местом прогулок Варкуса.

За садами шли огороды. Мастер предпочитал овощи, только что снятые с грядки, и потому его слуги никогда не ходили на рынки. К тому же он был весьма недоверчив и ел только то, то было произведено руками проверенных людей, опасаясь за свою жизнь и здоровье. Именно поэтому за огородами располагались птичий двор, овчарни, хлева, а поскольку хозяин обожал лошадей, то и конюшни.

Предусмотрительные предки Варкуса устроили свое жилье так, что в поместье, если бы возникла такая необходимость, можно было выдержать многолетнюю осаду, ни в чем не нуждаясь и не отказываясь от своих давних привычек.

Все это стало известно Балаи несколько позже, когда он, любезно принятый знаменитым художником, прожил в его доме в качестве ученика пять лет. Это был самый малый срок, отведенный Варкусом на обучение. Мастер вообще любил говорить, что для настоящего художника пора ученичества не кончается никогда, потому что его истинный учитель — жизнь.

— Варкус примет тебя в мастерской, — пояснил стражник и повел Балаи к двери, расположенной справа.

За ней в маленьком дворе стояло небольшое и очень скромное с виду здание, где Варкус проводил обычно не менее половины дня, а его ученики вообще покидали мастерские лишь для того, чтобы поесть, принять ванну и выспаться. Если кому-то такой распорядок дня казался слишком напряженным, он просто-напросто переставал числиться в учениках Варкуса и навсегда покидал его дом.

Балаи сделал глубокий вдох, словно собирался нырнуть на большую глубину, и решительно переступил порог мастерской. Навстречу ему из-за широкого стола, на котором были разложены куски поделочных камней и различные резцы, поднялся высокий мужчина лет сорока с небольшим, широкоплечий и, судя по всему, сильный и ловкий. Светло-каштановые длинные волосы, лежавшие крупными волнами, открывали высокий лоб и падали на спину. Аккуратно подстриженная борода была тщательно расчесана. Красивые карие глаза, обычно холодные и пронзительные, смотрели внимательно и по-доброму.

— Ты хочешь у меня учиться? — спросил Варкус, и голос художника, низкий, бархатный, казалось, проник в душу оробевшего юноши.

— Да, — кивнул Балаи и больше не мог вымолвить ни слова.

— Покажи, что ты умеешь. — Мастер протянул юноше резец. Балаи удивился, насколько изящны руки Варкуса с длинными, тонкими, как у женщины, пальцами. — Присаживайся. Ты когда-нибудь работал с камнями?

— Нет, — замотал головой Балаи. — Я пробовал лишь рисовать и лепить.

— Хорошо. Тогда пройди в глубь мастерской. Там есть бумага и угольки для рисования. А вон там, справа, найдешь глину. Когда будешь готов, позови.

Варкус снова погрузился в работу, а Балаи, положив на пол свой дорожный мешок, отправился искать бумагу, преследуемый испытующими взглядами пяти учеников художника, успев при этом заметить, что, к его радости, ни один из взглядов не был недоброжелательным.

Быстро отыскав все необходимое, юноша взял в руки уголек и задумался. Что бы такое изобразить, чтобы Варкус сразу понял, что из Балаи может выйти толк, и оставил его у себя? Пока он размышлял, рука сама потянулась к бумаге, и вскоре на белом листе отчетливо проступили величественные горы, над ними поплыли легкие облака, а по острым камням весело запрыгала стремительная речка.

— Довольно, — услышал он у себя за спиной чарующий голос мастера. — У тебя неплохая рука. И глаз верный. Красками рисовать не пробовал? — Балаи отрицательно мотнул головой. — Ничего, у тебя еще все впереди. Оставайся.

И потекли дни ученичества. Они складывались в месяцы, месяцы — в годы, но Балаи сетовал лишь на то, что время бежит слишком быстро, ибо только здесь, познавая глубинную сущность искусства, юноша чувствовал себя необычайно счастливым. Все казалось ему интересным и важным. С трепетом и восторгом изучал он творения величайших древних художников, которые несколько поколений предков Варкуса старательно собирали, чтобы потомки не утратили представления о красоте. Затем долгими днями усердный ученик копировал статуи, барельефы, рисунки, картины, чтобы отработать четкость линий и чистоту формы. Учитель не раз говорил, что такая работа рождает лишь хорошего подражателя, но не творца, однако и это

необходимо, ибо Великие Древние не зря оставили после себя наследие. По нему, как по мудрым книгам, должны учиться благодарные потомки. А творцом человек становится лишь после того, как понимает: у него есть что сказать людям.

— Прежде чем браться за работу,— поучал своих подмастерьев Варкус,— долго думайте над тем, что хотите создать. Вы уже овладели мастерством хороших ремесленников, теперь добивайтесь выразительности. Возьмите любой материал и одухотворите его. Пусть руки выполняют веления сердца и разума.

Чем больше Балаи узнавал Варкуса, тем больше восхищался этим человеком. Боги указали художнику его предназначение, одарили его множеством талантов. Если он брался за кисть, полотно оживало. Изображенные им люди, казалось, беседовали с теми, кто на них смотрел, деревья колыхались под дуновением ветра, цветы благоухали, а солнце грело тонкими, едва уловимыми лучами. Если Варкус присматривал какой-нибудь поделочный камень, под его резцом тот обретал душу. Презренное золото и холодные самоцветы превращал он в удивительные волшебные сказки, и даже дурнушка становилась красавицей, если на ней было надето украшение, сотворенное Варкусом. Однажды художник показал Балаи крошечную серебряную статуетку танцовщицы, и восхищенному ученику почудилось, что зазвучала музыка, а изящное тело танцовщицы начало изгибаться в такт ей.

— О! — воскликнул юноша.— Да ведь она живая! Воистину, учитель, боги благоволят тебе.

— Не знаю,— пожал плечами Варкус.— Милость богов дарует нам силы, но, если ты не хочешь или не можешь много работать, боги отвернутся от тебя. Так что без усилий человека не получится настоящего художника.

— Как удалось тебе создать такое чудо? — спросил Балаи.

— Запомни два основных правила,— ответил мастер.— Во-первых, если хочешь быть художником, оставь все печали и заботы, кроме искусства. Душа твоя должна быть

подобна зеркалу, которое отражает мир во всем многообразии форм и красок, оставаясь при этом неподвижным и ясным.

— А второе?

— Изучи пропорции человеческого тела, после чего займись наблюдениями. Смотри на людей: как они стоят, ходят, разговаривают, плачут, смеются, ссорятся. Обращай внимание, какие у них при этом лица. И всегда носи с собой маленькую книжечку с чистыми листами. В ней делай зарисовки. Когда она кончится, возьми другую, но старую никогда не выбрасывай. Не полагайся на память, ибо движения тел бесконечны.

Каждое слово учителя Балаи воспринимал как откровение богов, и результаты не замедлили сказаться. Довольно скоро он стал одним из самых любимых учеников Варкуса, которому художник прочил великое будущее. Он вообще относился к своим ученикам довольно ровно, потому что бездарных прогонял сразу, а ленивых — чуть позже. Но двоих он все же выделял: Балаи и его приятеля Далуса из Аквилонии. Однажды Балаи случайно услышал, как Варкус говорил жене:

— Далусу, к сожалению, не хватает изобретательности и вдохновения, зато он блестящий мастер с чуткими руками. Он хорошо понимает замыслы и предельно точно выполняет их. Балаи тоже чуть-чуть не хватает фантазии, он вряд ли когда-нибудь сможет создавать диковинные образы, но зато он обладает душой, чувствительной ко всему прекрасному. Его работы изящны и утонченны. Мне очень нравятся эти юноши, и я рад, что они дружат. Когда я работаю с Далусом, у меня словно четыре руки, а когда с Балаи — две души.

Эти слова окрылили юношу, и он удвоил свои старания.

Пять лет пролетели для него, как один, и он даже слегка огорчился, когда Варкус сказал ему:

— Годы твоего ученичества подходят к концу. Ты очень многому научился за это время, и, по моему мнению, стал достоин звания художника. Но прежде чем я позволю тебе работать самостоятельно, тебе придется сдать своеобразный

экзамен. Ты должен сам задумать и исполнить какую-нибудь работу. Я ни в чем не буду ограничивать тебя. Это может быть картина, ювелирное украшение, крошечная статуэтка, чаша, ваза или большая статуя. Главное — в ней должна быть твоя душа.

— Я думал об этом, учитель,— ответил Балаи,— и знаю, что бы мне хотелось сделать.

— И что же?

— У одного из твоих садовников, Фарраса, есть дочь.

— Нирала? Знаю, прелестное дитя. Изящное, милое и веселое, как птичка. А сколько ей лет?

— Двенадцать. Но дело не в ее возрасте. Она так очаровательна, что мне хотелось бы создать статую из бронзы, изображающую девочку с букетом цветов.

— Статую? — удивился Варкус.— Ты не ищешь легких путей, сын мой. Это очень трудная работа. Буду рад, если она у тебя получится.

Работа и правда оказалась нелегкой, но молодым художником овладело такое вдохновение, что даже трудности приносили ему радость. Несколько дней он потратил на то, чтобы уговорить Ниралу позировать ему для необходимых эскизов. Девочка вовсе не отказывалась, да и ее отцу льстило, что с его дочери собираются изготавливать статую, но природная живость и непоседливость ребенка не давали ей усидеть на месте дольше нескольких минут, а Балаи требовались часы. Наконец он придумал, как быть. Нирала бродила по саду, собирая цветы, а Балаи, сидя на скамье неподалеку, рисовал. Лишь изредка он просил девочку замереть, и она послушно исполняла его просьбы.

Когда эскизы были готовы, Балаи приступил к лепке статуи из воска. Много раз он начинал и вновь ломал до основания свою работу, пока в конце концов не получил то, к чему стремился. С восторгом смотрел он на милое дитя, слегка склонившее прелестную головку и прижимающее к груди букетик скромных цветов. Казалось, легкий ветерок шевелит длинные волнистые пряди и подол короткого платья, из-под которого выглядывают маленькие стройные ножки.

Варкус долго смотрел на восковую статую, не произнося ни слова. Затем он обернулся к замершему в ожидании ученику:

— Ты еще более талантлив, чем я предполагал. Она удивительно хороша. А теперь да благословят боги твои руки и огонь печи, откуда эта девочка должна выйти в бронзе.

Балаи и сам понимал, что наступает самый ответственный этап его работы, и попросил других учеников немного помочь ему. Возле здания мастерской стояла обжиговая печь. Помощники Балаи к назначенному сроку загрузили ее дровами, тщательно и очень аккуратно уложив их, чтобы костер горел равномерно. Молодой художник старательно обмазал специально подготовленной глиной восковую модель, проделав в глине отверстия, чтобы воск, когда начнет таять, мог легко вытечь наружу. Балаи с Далусом бережно отнесли ее к печи и положили внутрь, так что полученная форма оказалась в середине костра. Вспыхнул огонь, и через некоторое время глиняная форма начала «плакать» — потек воск.

Целую ночь, затем день, а потом еще ночь форма лежала в печи, и Балаи ни на минуту не отошел от нее, поддерживая огонь и следя за тем, чтобы глина хорошо обожглась. Если форму обжечь неправильно, считай, все труды потрачены напрасно. Наконец, когда последние капли воска с тихим шипением испарились, форма была готова и ее вынули из печи. Только после этого Балаи согласился пойти в свою комнату и отдохнуть. Не успел он коснуться подушки щекой, как провалился в глубокий сон и проспал до утра следующего дня.

Пока он отдыхал, его помощники выкопали глубокую яму возле печи. Форму обвязали крепкими веревками и осторожно опустили в яму вровень с печью. К отверстиям подвели глиняные трубки для заливки бронзы, форму закрепили и засыпали землей, которую тщательно утрамбовали. Пора было приступать к литью металла и отливке статуи, но без Балаи никто ни к чему не прикасался, ибо он хотел все сделать сам.

Пробудившись от долгого сна и почувствовав себя бодрым и свежим, молодой художник наскоро позавтракал и поспешил к мастерской. Печь для плавки уже была готова для работы. Балаи собственноручно аккуратно уложил внутрь слитки чугуна и меди, располагая их симметрично, чтобы огонь охватил слитки со всех сторон и металл расплавился равномерно. Окинув свою работу быстрым взглядом, он удовлетворенно кивнул и поджег сухие смолистые поленья.

Когда слитки металла превратились в жидкость и перемешались между собой, Балаи собственноручно открыл специальное отверстие в плавильной печи, и горячая бронза медленно потекла по трубкам в форму.

— Подбросьте еще дров! — распорядился художник, опасаясь, что бронза остынет раньше времени и статуя окажется безнадежно испорченной.

Его приказание было немедленно выполнено, однако Балаи не успокоился и, рванувшись в мастерскую, принес оттуда куски серебра и олова. Не обращая внимания на недоуменные взгляды окружающих, он решительно бросил добавки в печь. Бронза вскипела и потекла значительно быстрее. Когда форма была заполнена, трубки вынули, а отверстия плотно закрыли и присыпали их землей. Теперь статуя должна была остыть, прежде чем ее освободят от глиняной формы.

Прошли два дня, во время которых Балаи не находил себе места от волнения, и наконец все собрались возле мастерской. Раскопав статую, ее осторожно вынули из ямы и бережно положили на землю. Балаи взял в руки небольшой металлический стержень и слегка ударил по глине. Раздался треск, и по форме во все стороны побежали глубокие трещины, словно она мгновенно покрылась глубокими морщинами. Аккуратно, словно боясь повредить свое детище, Балаи начал снимать отколовшиеся куски. Когда статуя предстала перед зрителями, у всех вырвался общий вздох восхищения. Даже холодный металл не смог сковать жизнь этого великолепного творения, спрятать его душу.

— Благодарю тебя, сын мой, — взволнованно произнес Варкус. — Она так прекрасна, что, кажется, боги водили твоей рукой. Мне больше нечему учить тебя.

Через несколько дней, установив свое творение в саду Варкуса и уговорив его принять этот подарок от благодарного ученика, Балаи навсегда покинул поместье великого мастера. Душа его разрывалась от горя, ибо он покидал верных друзей и единомышленников, и пела от счастья, потому что он возвращался домой художником, который своими деяниями не посрамил имени отца, а наоборот, принес ему славу. То ли еще будет, когда он вернется на родину и весь мир узнает о маленьком селении близ города Шандарата только потому, что там родился и создал свои лучшие произведения блестящий ваятель по имени Балаи. В том, что он когда-нибудь создаст хоть один бессмертный шедевр, молодой художник нисколько не сомневался.

Несмотря на то что ему хотелось как можно скорее тронуться в обратный путь, Балаи прекрасно понимал, какие опасности подстерегают одинокого странника. Вернувшись в Ианту, он прожил там пять дней, пока не выяснил, что вскоре в Замору отправляется караван. Вместе с торговым караваном пришел он в Офир, так же и уйдет отсюда. Дорога сюда оказалась нетрудной и приятной, а значит, и обратно он доберется без приключений.

На сей раз, однако, все вышло совсем иначе. Караван благополучно добрался до Карпашских гор, лежавших на границе Офира и Заморы, и после короткого привала ступил на широкую тропу, извивавшуюся среди серых угловатых скал, на которых, каким-то чудом удерживаясь на камнях цепкими кривыми корнями, росли редкие деревья и убогие колючие кусты.

— Смотри, — обратился к Балаи купец, который ехал рядом с ним на изящной нервной лошадке, совершенно не пригодной для дальних переходов, — какое удивительное дерево.

Балаи проследил глазами за рукой купца и невольно вздрогнул. Но не корявое деревцо, напоминавшее очертаниями старуху с поднятыми для проклятия руками, испугало

художника. Его зоркие глаза увидели то, что не заметил беспечный купец. Корни дерева обнимали крупный камень, который, казалось, только на них и держался. Стоило ветру посильнее ударить в скалу, как камень непременно сорвется и повлечет за собой другие, словно специально рассыпанные по склону. Начнется камнепад, который сметет с тропы любого, кто будет в тот миг проходить по ней.

— Надо поспешить! — крикнул Балаи, чтобы его услышали все. — Тут очень опасно! Огромный камень навис над скалой!

— Не паникуй, — рассмеялся кто-то в ответ. — Этот камень висит здесь с сотворения мира. Тысячи людей проходили под ним. Он только кажется страшным, а на самом деле держится очень прочно.

И тут дерево, стоявшее на скале, словно услышало их спор. Оно вздрогнуло и закричало, и в этом противном звуке Балаи послышался дребезжащий старушечий смех. Он снова взглянул вверх и замер, словно сам обратился в каменное изваяние: корни разжались, как пальцы цепкой руки, и камень с грохотом полетел вниз, сметая все на своем пути. Все бросились врассыпную, но разве можно укрыться от камнепада на горной тропе? Люди падали и больше не поднимались, лошади вставали на дыбы, сбрасывая седоков, слышались вопли и хруст ломавшихся костей...

Лошадь, на которой ехал Балаи, взбрыкнула, и он непременно свернул бы себе шею, ударившись о землю, если б не ухватился обеими руками за колючий куст, который, на его счастье, рос неподалеку. Повиснув на скале, Балаи испуганно озирался вокруг, пытаясь найти хоть крошечный уступ, на который можно было бы поставить ногу, потому что руки, пронзенные острыми шипами, отказывались ему служить. Сверху сыпались камни, и вот один из них, спружинив на ветках куста, перелетел через голову художника и со страшным грохотом рухнул на землю. Скосив глаза вниз, Балаи с изумлением увидел, что камень начал медленно погружаться в почву, затем все быстрее и быстрее, оставляя за собой широкую яму с неровными краями. «О

боги!» — успел подумать Балаи, пальцы его разжались, и он стремительно полетел вниз.

Падение длилось долго. Художника окружала непроглядная тьма, воздух был сырым и холодным, время, казалось, замерло. Постепенно вокруг Балаи начало появляться слабое свечение, словно где-то внизу был спрятан источник света, но его лучи не могли рассеять тьму. Внезапно скорость падения резко возрасла, и Балаи, безуспешно пытавшийся ухватиться за края ямы, рухнул в рокошующие волны. Вынырнув на поверхность, он увидел, что стало гораздо светлее и что свет идет откуда-то спереди, по течению быстрой реки, в которую он попал. Стремительный поток подхватил его и понес навстречу свету. Вода была обжигающе холодной, и Балаи, собрав последние силы, попытался выбраться на берег, который, к счастью, оказался недалеко.

С трудом уцепившись за скользкий камень, стоявший у самой кромки воды, художник отдышался, а потом, несколько раз срываясь и падая обратно в реку, все-таки умудрился выбраться на сушу. Глаза его успели привыкнуть к полумраку, и он внимательно огляделся по сторонам. Такой огромной пещеры ему еще никогда не приходилось видеть. И всюду — лишь голые камни, такие холодные, что это чувствовалось даже на расстоянии.

Немного отдохнув, Балаи решительно направился по течению подземной реки, стараясь не покидать берега, чтобы не заблудиться. Он понятия не имел, куда в конце концов выйдет, но и оставаться на месте в ожидании голодной смерти тоже не собирался. Он шел, пробираясь между камнями, бездумно и бесцельно. Кое-где начали попадаться незнакомые растения. Все они, лишенные солнечного тепла и света, были хилыми, блеклыми, уныло-серого цвета, но все-таки это была жизнь, а значит, появлялась надежда, что пещера рано или поздно кончится. Иногда, осматриваясь, Балаи думал, что все это ему снится, и старался запомнить этот совершенно нереальный мир, чтобы, пробудившись, запечатлеть его на полотне.

Даже под пыткой Балаи не смог бы сказать, сколько времени он бредет по холодной пещере и день сейчас или

ночь. Он просто шел, не останавливаясь ни на миг, сосредоточенно глядя под ноги, чтобы не споткнуться и не сломать ногу, и, следовательно, не остаться тут навсегда. Вдруг он остановился, словно кто-то шепнул ему: «Спасен!», и поднял голову. Далеко впереди полыхал яркий свет. Солнце?! Но разве можно было что-нибудь рассмотреть на таком расстоянии? И Балаи, ускорив шаг, почти побежал к долгожданному свету, обещавшему возжеленное тепло.

Он бежал и бежал вперед, все больше убеждаясь, что там, впереди, дневной свет, а когда наконец выскочил из-под высоких каменных сводов, сердце его затрепетало от радости: перед ним лежала долина, залитая жарким солнцем. Какое это было счастье снова видеть голубое небо, ярко-зеленую траву, деревья, пышные кусты и чудесные цветы!

— Слава тебе, великий Митра, Податель Жизни! — воскликнул Балаи.

Словно в ответ на его слова вдруг прогреготал гром, и деревья вздрогнули от сильного порыва ветра. Художник в изумлении огляделся. Откуда гром? На небе — ни облачка. И тут его осенило. Это могло быть лишь ответом на прославление чужого бога! Значит, несмотря на то что все вокруг выглядит таким привычным и знакомым, это не поверхность земли? Значит, он попал в подземную страну, как две капли воды похожую на ту, откуда он пришел? Но как такое может быть? Или он умер и попал в страну Огненного Бога Эрлика? Эрлик — суровый и жестокий бог, он вполне мог рассердиться, что прибывший к нему сначала вспомнил Митру.

— Прости меня, достославный Эрлик, — пробормотал Балаи, — не со зла я не сразу вспомнил о тебе.

И снова загредел гром, налетевший ветер прижал к земле высокую траву, затрещали ветки деревьев, и с них посыпались какие-то плоды. Посмотрев под ноги, Балаи увидел какой-то необычный фрукт овальной формы нежно-розового цвета и, совершенно не думая о возможных последствиях, впился в него зубами, так как вдруг почувствовал, что голоден настолько, что готов щипать траву. Внезапно подступивший голод был так силен, что художник даже забыл

на миг о гнев неведомого бога. Фрукт оказался сочным и удивительно нежным. Его бледно-желтая мякоть таяла во рту, и с каждым глотком к Балаи быстро возвращались силы, а съев еще пару удивительных фруктов, он и вовсе забыл и о богах, и о том, как попал в эту долину, и о том, что даже не догадывается, как дальше сложится его судьба. Ему стало легко и радостно, так что даже захотелось петь. Такие ощущения он испытывал лишь однажды, когда по неопытности перебрал вина. Махнув на все рукой, Балаи лег на шелковистую траву, закинул руки за голову и мгновенно заснул.

Сколько он проспал: час, день или целую неделю, — Балаи не знал, но когда он открыл глаза, солнце по-прежнему стояло высоко в небе, словно вовсе и не покидало его. Опьянение, вызванное сладким соком неведомого фрукта, прошло, и художник вновь задумался над тем, куда же попал. Он посидел немного на берегу реки, задавая себе множество вопросов, на которые, естественно, не находил ответа, а потом решил, что как бы то ни было, но надо идти вперед. Скорее всего, где-то здесь есть люди. Вот они-то и помогут разобраться во всем.

Он встал и зашагал вперед, где тонкой полоской у самого горизонта виднелся дальний лес. Подойдя поближе, Балаи остановился в нерешительности: деревья стояли почти вплотную друг к другу, а там, где между ними можно было бы пройти, росли высокие колючие кусты. Вдохнув, он пошел вдоль опушки, отыскивая более подходящее для входа место, и наконец обнаружил тропу, наверняка прорубленную человеком. Деревья и кусты по обеим сторонам тропы были обобраны. На них не было ни одного плода, хотя дальше, в глубине леса, их хватило бы на сто человек. Несомненно, где-то неподалеку жили люди, которые постоянно пользовались этой тропой.

Извилистая, то и дело петлявшая тропа вывела путника на большую поляну, посредине которой возвышался камень в два человеческих роста, покрытый ровным ковром темно-зеленого мха. За ним лес кончался, и впереди виднелась высокая башня из серого камня, поднимавшаяся из-за ка-

менной же стены. Довольно легко взобравшись по мягкому, пружинившему под ногами мху, Балаи разглядел за стеной островерхие крыши над неказистыми домами. Между лесом и городской стеной простирались возделанные поля с оросительными каналами.

Художник почти бегом направился к городу. Стоило ему приблизиться к массивным деревянным воротам, окаймленным широкими металлическими полосами, как проделанная в них узкая дверца распахнулась, и навстречу Балаи вышли три высоких воина в строгих черных одеяниях с тяжелыми мечами в руках. Они заговорили с путником, и, к его радостному удивлению, их язык очень походил на распространенный в Офире хайборийский.

— Кто ты? — спросил один из воинов, по-видимому старший. — Откуда ты идешь и что ищешь в Акстаре?

— Меня зовут Балаи, — ответил художник. — Я жил в учениках Варкуса, великого офирского ваятеля. Время моего ученичества кончилось, и я возвращался в Шандарат, когда разбушевавшаяся стихия занесла меня сюда.

— Шандарат? — Старший повернулся к своим спутникам. — Кто-нибудь из вас слышал о такой стране? — И когда те покачали головами, нахмурился. — Ты лжешь, путник. Такой страны нет в нашем мире.

— Это не страна, — пояснил Балаи. — Это город. А ваш мир... Похоже, я жил в другом мире.

— И другого мира тоже нет, — совсем рассердился воин. — Великий Напот сотворил только один мир.

— Напот? Это ваш бог? — поинтересовался Балаи, одновременно пытаясь вспомнить, в какой стране поклоняются богу с таким именем, но его попытки ни к чему не привели, разве что своим вопросом он вызвал ярость всех троих воинов.

— Взять его! — приказал старший. — Его слова настолько кощунственны, что он должен предстать перед халачем и его советниками. Пусть они решают его судьбу.

Воины схватили художника, недоумевавшего, какое преступление он совершил, и потащили его в город. Не успел он и глазом моргнуть, как очутился возле входа в башню,

где, как оказалось, обитал халач — правитель города-государства под названием Акстара. Трудно сказать, повезло Балаи или нет, но в это время халач как раз обсуждал со своими советниками — представителями знати и жрецами — государственные вопросы, и потому судьба странного путника, неизвестно как попавшего в Акстару, решилась быстро. Выслушав сбивчивый и, с точки зрения халача, совершенно неправдоподобный рассказ пленника, правитель сказал:

— Или ты сумасшедший, или тебя создали злые духи. Я давно правлю Акстарой, как до этого правили мой отец, дед и прадед. Моим жрецам, хранителям знаний, известно все о мире, созданном Напотом, но никто и никогда даже не слышал о местах, о которых твердишь нам ты. Я мог бы убить тебя сразу или приказать принести тебя в жертву, но в твоих глазах нет безумия, а значит, твою тайну надо раскрыть.

Халач надолго замолчал, и никто из присутствовавших не осмелился нарушить молчание. Наконец, решив для себя что-то, правитель заговорил снова, но уже обращаясь к высокому мужчине лет пятидесяти, облаченному в просторные одежды темно-красного цвета, голова которого была гладко выбрита, а иссиня-черная борода заплетена в две длинные косы:

— Слушай мое слово, кинами Хуракан. Тебе, первосвященнику, подчиняются жрецы всех богов. Ты должен взять пленника к себе и разузнать о нем как можно больше. После этого тебе предоставляется право решить, кто из чиланов принесет его в жертву своему богу.

Кинами Хуракан поднялся и едва заметно склонил голову в знак повиновения.

— Ты произнес свое слово, халач Авилиш, и я его услышал. Да будет так.

По знаку Хуракана два воина, стоявших за спиной Балаи, снова подхватили его под руки и вывели из зала. Они долго шли по лестницам и запутанным переходам, пока наконец не достигли самых дальних покоев, где обитал первосвященник. Там воины сдали Балаи на руки личной

охране кинами и поспешно удалились. Пленника отвели в крошечную комнату, обставленную, однако, весьма удобно, и заперли его там до прихода Хуракана.

Ждать Балаи пришлось долго, и вовсе не потому что кинами не заинтересовался пленником, просто у первосвященника было много важных и неотложных дел, и он не скоро сумел выкроить время для обстоятельной беседы. В стране, куда волею богов или волею случая попал Балаи, давно царил твердый, прочно устоявшийся порядок, нарушение которого каралось мгновенно и безжалостно, а свои обязанности каждый должен был выполнять четко и безукоризненно, даже первосвященник.

Городом-государством Акстарой, где проживал народ, называющий себя кокомами, неограниченная и пожизненная власть принадлежала халачу и передавалась она лишь по наследству и обязательно первенцу, даже если он не отличался ни умом, ни особыми талантами. Будущие правители с самого раннего детства воспитывались совершенно особым образом, подготавливаясь к тому, что им придется вершить судьбы своего народа. Даже внешне они отличались от всех остальных. Чтобы подчеркнуть исключительность халачей, их тела покрывали сплошной татуировкой, каждый знак которой имел строго определенное значение. С младенчества их пеленали и одевали так, чтобы ноги искривились, и чем больше они напоминали круг — символ верховного божества Нацамны, сына Напота, который, как верили кокомы, сотворил мир и передал его сыну, тем больше правитель приближался к богам. Мочки ушей им прокалывали и подвешивали тяжелые серьги, чтобы уши оттянулись до плечей, а в ноздри вживляли драгоценные камни. Неудивительно, что Балаи был поражен, когда из-под роскошной диадемы из перьев редких по красоте птиц на него взглянуло лицо нынешнего халача, вдобавок ко всему еще и изборожденное глубокими морщинами.

Чтобы халач всегда знал обо всем, что происходит в его государстве, раз в неделю к нему являлись каобы — правители окрестных деревень, подчинявшиеся только правителю, и докладывали обо всем, что произошло со времени

последнего визита. Каобы были по сути «младшими правителями», ибо у себя в деревнях властвовали безраздельно: отдавали приказы, решали спорные вопросы, выносили приговоры, командовали войсками. Эта должность также передавалась по наследству, и потому каобы не боялись потерять свои привилегии.

Самые ответственные решения халачу помогал принимать государственный совет, куда входили представители знати и жрецы. Жрецы занимали в Акстаре особое положение, так как у кокомов было великое множество богов, и, чтобы угодить их всех, естественно, требовалось немало служителей. Бог Напот, сотворив мир и отдав его своему сыну, удалился от дел, и для его расположения нужно было всего лишь содержать храм Напота в безукоризненном порядке, да не дышать, входя под его сени, чтобы не оскорбить божество своим дыханием. Жрецы, прислуживавшие Напоту, не могли пожаловаться на излишнюю занятость, но и богатыми они не были: Напоту не приносили жертв, а значит, и имущество несчастных не отходило храму.

Сын Напота, Нацамна, в божественной иерархии кокомов соответствовал земному халачу. Он был богом неба и солнца, и от его настроения зависела смена дня и ночи, а также времен года. С последним, правда, особых трудностей не возникало, так как кокомы не знали зимы. Полгода стояла прекрасная, ровная, теплая погода, четверть года солнце палило так, что выжигало все вокруг, и еще четверть года шли непрерывные дожди. Дождями ведал еще один бог — Чак. Он был капризен и своенравен, прекрасно понимая, что от него зависит очень и очень многое. По кровожадности с ним вряд ли мог сравниться кто-нибудь еще из пантеона кокомов, и потому стать жрецом Чака считалось особо почетным, да и что лукавить, выгодным.

Были у кокомов и бог смерти Пуч, царивший где-то глубоко под землей, и бог ветров Кукан, не слишком беспокойивший своих служителей, и богиня женских работ Ишель, помогавшая справляться с домашними делами, и даже богиня самоубийц Итаб, ведь кокомы считали, что

самоубийц ждет роскошная загробная жизнь, и право наложить на себя руки давалось как особая награда.

При таком обилии богов у одного народа, конечно же, и жрецов у них было немало. Главный из них, первосвященник, назывался кинами. Он руководил отправлением всех обрядов, следил за воспитанием детей халача, был прекрасно образован. Ему подчинялись высшие жрецы — чиланы, которые возглавляли храмы, посвященные отдельным богам. Это тоже были люди грамотные, они участвовали в воспитании детей знати и обучали низших жрецов — накомов. И чиланы, и накомы беспрекословно повиновались кинами и были обязаны ежедневно извещать его обо всем происходившем в храмах.

Неудивительно, что, имея так много забот, кинами Хуракан не сразу нашел время для пленника, хотя тот сильно интересовал жреца, и не столько сам по себе, сколько его удивительные рассказы. В конце концов, когда Балаи уже устал от бессмысленного сидения взаперти, дверь его комнаты отворилась. Хуракан величественно вошел внутрь и сел на скамью, обтянутую шкурой какого-то пушистого зверя. Спина кинами была идеально прямой, а руки жрец положил на колени и застыл в этой весьма неудобной позе подобно изваянию. Какое-то время он пристально всматривался в лицо Балаи, а тот не решался нарушить молчание, дабы не обидеть одного из представителей власти неосторожным словом. Наконец кинами заговорил:

— Скажи мне, чужак, кто вложил в твои уста столь необычные речи?

— Как кто? — опешил Балаи. — Я рассказал все как было. И не моя вина, что я попал к вам. Будь моя воля...

— Чья воля привела тебя сюда? — перебил его Хуракан.

— Откуда я знаю? — возмутился пленник. — Я же объяснял: начался камнепад, и я провалился в яму, которую пробил в земле один из камней.

Кинами встал, подошел к окну и жестом позвал Балаи, а когда тот подошел, указал рукой вверх:

— Взгляни. Что ты видишь? Небо. И это не просто небо. Там обитает Нацамна. Не хочешь ли ты сказать, что явился сюда прямо от бога неба и солнца? Может, ты тоже бог?

— Да никакой я не бог! — вскричал Балаи. — Я самый обычный человек, художник, ваятель. И я правда провалился сквозь землю, клянусь Митрой!

— Митрой? — переспросил Хуракан. — А это еще кто такой?

— Владыка Света, Податель Жизни.

— Нет таких богов. Ты все выдумал.

— Но почему ты не веришь мне? — чуть не заплакал Балаи.

— Как же я могу тебе верить, — удивился жрец, — если речи твои бессмысленны?

— Я не знаю, как доказать тебе свою правоту, — устало махнул рукой Балаи. — Делай что хочешь.

— Я бы с удовольствием выслушал твой рассказ, — покачал головой кинами Хуракан, — но, боюсь, мой разум не выдержит этого.

С этими словами он вышел из комнаты, и Балаи снова остался в одиночестве. Прошло три дня. С пленником обращались вполне сносно. Его сытно кормили четыре раза в день, прибирали комнату, но никто из входящих не перекинулся с ним ни единым словом, как будто им запретили разговаривать. Все обстояло гораздо проще: домашним слугам вырезали языки, чтобы они не болтали лишнего. Но Балаи об этом так и не узнал, потому что утром четвертого дня к нему снова пришел кинами и объявил:

— Я долго думал, чужак. Теперь слушай мое последнее слово. Ты молод, красив и силен. Раз ты утверждаешь, что пришел к нам с неба, на небо мы тебя и отправим. Бог Нацамна будет доволен такой жертвой. И для тебя это большая честь — быть посвященным верховному богу.

Чуть позже за пленником явились два воина в сопровождении жреца. Его отвели к храму Нацамны, возле которого стояли несколько приземистых строений с решетками на окнах. В одном из них и поместили Балаи.

Помещение, в которое он попал, заметно отличалось от уютной комнаты в доме Хуракана. Теперь в его распоряжении была лишь узкая лежанка из потрескавшегося от времени дерева, покрытая мешком с соломой, низкий столик и кривой чурбан, на котором можно было сидеть.

Окна с прочными металлическими решетками выходили на странное сооружение, похожее на усеченную пирамиду. Со всех сторон наверх вели выщербленные ступени, а на самом верху возвышался деревянный идол бога Нацамны. Это была фигура человека с очень короткими и очень кривыми ногами. В руках, прижатых к выпуклому животу, бог держал диск, судя по всему, символизирующий солнце. Грубо вырезанное лицо было уродливым и не выражало ничего. У ног идола стоял длинный плоский камень высотой примерно по пояс человеку среднего роста.

На следующее же утро Балаи получил возможность увидеть, для чего предназначалась эта пирамида. На рассвете его разбудило громкое заунывное пение, и, вскочив со своего неудобного ложа, пленник бросился к окну. На нижней ступеньке пирамиды стоял обнаженный мужчина, судя по медному цвету кожи и раскосым глазам, уроженец другой страны. Справа и слева от него расположились накомы. Низших жрецов отличал от высших цвет одеяния. Если кинами носил красные одежды, то чиланы — зеленые, а накомы — черные.

Третий наком, стоявший перед пленником, держал в руках сосуд и дребезжащим голосом выводил ту самую песню, что разбудила Балаи. Едва он умолк, накомы, стоявшие по сторонам от краснокожего, начали доставать из сосуда голубую краску и, проведя на своих щеках по широкой полосе, стали тщательно обмазывать ею тело мужчины. Когда они закончили, появился еще один наком с высоким колпаком золотистого цвета в руках. Теперь уже запели все четверо. Очередная песня (или молитва?) закончилась, и на голову пленника, превратившегося из краснокожего в голубокожего, надели колпак.

Оглушительно завыв, накомы взяли мужчину за ноги и за руки и понесли его вверх по лестнице. Подойдя к плос-

кому камню, они положили на нее свою ношу и замерли, по-прежнему придерживая жертву. Откуда-то из-за спины идола показался чилан с огромным каменным ножом. Он поднял руку, и накомы замолчали. Тогда чилан, размахнувшись, одним движением вспорол жертве грудную клетку, вырвал сердце, высоко поднял его над головой, а затем передал второму чилану (когда и откуда тот появился, Балаи, увлеченный зрелищем, не заметил). Второй чилан взял теплое и все еще пульсирующее сердце, сдвинул его, и брызнувшая кровь окропила идола.

Накомы снова запели, подняли тело жертвы за руки и за ноги и сбросили его вниз. На последней ступеньке пирамиды тело подхватили другие накомы и, ловко орудуя каменными ножами, содрали с него кожу. Пока они это проделывали, к ним спустился чилан, который окроплял статую Нацамны. Приняв кожу из рук накомов, он натянул ее на себя и начал исполнять ритуальный танец. Когда все было закончено, тело несчастной жертвы разрезали на множество мелких кусочков и тут же съели.

Увиденное настолько поразило Балаи, что он долго не мог прийти в себя. Он бродил по тесной камерке от стены к стене, и перед его глазами то и дело возникали ужасные картины жертвоприношения. Потом, совершенно обессилив, он опустился на пол и вздрогнул: в руку ему вонзилась острая палочка. Выдернув ее из ладони, художник другой рукой расчистил место на земляном полу и начал рисовать, совершенно не задумываясь о том, что у него получится. Когда работа была закончена, Балаи с изумлением увидел, что с пола на него смотрит уродливое лицо Нацамны. Кровожадный бог ухмылялся, словно напоминая пленнику, что они скоро встретятся.

Дверь за спиной Балаи закрипела, и на пороге возник наком, державший в руках кувшин и большую лепешку. Он уже собирался войти внутрь, как увидел изображение на полу и, завопив что было сил, выронил принесенную еду. На крик сбежались другие накомы. Когда они увидели лицо своего бога, все тут же упали на колени и приникли лбами к земле. Поняв, что натворило его произведение, Балаи

заулыбался: у него мгновенно возник план побега. Подойдя к одному из накомов и небрежно пнув его ногой, художник сказал:

— Позови кого-нибудь из чиланов. Желательно самого главного. Пока вы там человечинкой баловались, ко мне явился Нацамна. Но его слова — не для ваших ушей.

До смерти перепуганный наком бросился исполнять распоряжение, и вскоре вернулся с чиланом. Жестом прогнав оторопевших от происходящего жрецов, чилан вошел в каморку Балаи и закрыл за собой дверь. Затем он посмотрел на пол, поднял над головой скрещенные руки с растопыренными пальцами — знаком бога солнца — и повернулся к пленнику:

— Что ты хотел сказать мне?

— Бог Нацамна явился ко мне сразу после жертвоприношения и повелел изготовить столько идолов размером с мизинец, сколько жрецов прислуживают ему, чтобы они могли носить изображение Нацамны на груди.

— Почему он велел это тебе? — удивился чилан.

— Все очень просто. Я ваятель, и у меня это выйдет лучше, чем у кого бы то ни было. А кроме того, меня ведь тоже принесут в жертву, и мы встретимся с Нацамной.

— Хорошо, — немного помедлив, кивнул чилан. — Что тебе для этого нужно?

— Камень, который поддается обработке и в то же время не крошится, да инструменты. Самую малость, всего три резца. Я нарисую, какие.

— А камень?

— Я не знаю, какие камни есть в вашей стране. Хорошо бы мне самому поискать в окрестностях. Не бойся, — предугадал он ответ жреца, — я не сбегу. Ведь я дал слово самому Нацамне, а разве бога можно обмануть?

Балаи и на самом деле не спешил убегать. Если все пойдет по его плану, он получит возможность бродить по окрестностям и достаточно хорошо изучить их. Только безумец пускается в дальний путь не думая. Далеко впереди, еще когда осматривал город с вершины камня в лесу, Балаи заметил горы. Уж если он свалился сюда сверху,

значит, наверх и должен уходить. Как знать, может, с одной из горных вершин и откроется ему дорога домой.

— Я должен посоветоваться с другими чиланами и сообщить обо всем кинами Хуракану, — ответил чилан. — Скоро ты узнаешь о нашем решении. А пока тебя переведут в другое помещение. Не можешь ведь ты топтать лик бога!

Томиться в ожидании решения жрецов Балаи пришлось недолго. У кокомов не было художников. Идолы богов этого народа, существовавшие с незапамятных времен, считались ниспосланными кокомам свыше. Поэтому, по их мнению, рукой человека, создавшего священный лик, мог двигать только сам бог. В конце концов, странный чужак попал в Акстару столь необычным образом, что никто не осмелился обвинить его во лжи. Кроме того, он ведь не просил даровать ему жизнь. Он сам заявил, что вскоре готов встретиться с Нацамной. Так пусть же исполнит его веление, а потом Владыка неба и солнца осыплет жрецов всевозможными милостями.

— Мы решили, чужак, что ты должен исполнить волю Нацамны, — сказал Балаи явившийся к нему на следующее утро чилан. — Я, чилан Тукур, буду помогать тебе в великом деле. Повтори, в чем ты нуждаешься.

— Я уже говорил, — стараясь скрыть свою радость, ответил Балаи. — Резцы и подходящий камень. Вели своим слугам сопровождать меня. Я сам хочу выбрать материал для работы.

— Хорошо, — после недолгих размышлений кивнул Тукур. — С тобой пойдут три накома, Вукуб, Циис и Пакам. Они будут всюду сопровождать тебя.

Чуть позже Балаи, полной грудью вдыхая прохладный утренний воздух и внимательно глядя по сторонам, чтобы запомнить мельчайшие детали для задуманного побега, отправился с навязанными ему спутниками на поиски подходящего камня. Накомы ни на миг не сводили с него глаз, да это, собственно, было и не нужно, так как ноги художника сковали длинной, удивительно легкой, но необычайно крепкой цепью. Как он убедился позже, ее снимали только

тогда, когда пленника возвращали в его каморку. Значит, о побеге во время поисков не могло быть и речи.

В первый день Балаи подобрал несколько камней, прекрасно понимая, что они не подходят для его цели. Весь вечер он старательно царапал не поддающийся никакой обработке камень, а наутро заявил, что поиски надо вести гораздо дальше от города, ближе к горам.

Шли дни. Балаи успел неплохо изучить местность, несчастные накомы перетаскали на своих хребтах груды никчемного хлама, но ни одной статуэтки Нацамны художник так и не сделал. Однако он не просто так тянул время: вечерами и по ночам, когда накомы наконец-то оставляли его в покое, он подпиливал прутья решетки, а образовавшиеся зазоры заклеивал пережеванными крошками лепешек, смешанными с землей. Глядя на свою работу, Балаи горько усмехался: вот уж никогда прежде ему не пришло бы в голову, что от того, насколько решетка из хлебного мякиша похожа на настоящую, будет зависеть его свобода и жизнь.

В конце концов художник решил, что пора изготовить первого идола, чтобы не вызывать подозрений у чилана Тукура, который в отличие от недалеких Вукуба, Цииса и Пакама был человеком неглупым и достаточно проницательным. Отыскав в половине дня пути от Акстары прекрасный белый камень, который, будучи вполне прочным, прекрасно поддавался обработке, Балаи вырезал первую статуэтку и торжественно вручил ее Тукуру. Тот долго держал маленького идола на ладони и, затаив дыхание, вглядывался в безобразное лицо Нацамны. Затем чилан глубоко вздохнул и поднял глаза на художника.

— Ты совершил чудо, — дрогнувшим голосом произнес жрец. — Сам Владыка неба и солнца коснулся твоих рук. Когда ты уйдешь к нему, я с удовольствием съем твой палец, и частичка божественного дара перейдет ко мне.

— Буду рад услужить тебе, — с полупоклоном ответил Балаи.

— У тебя есть какие-нибудь просьбы? — расщедрился довольный Тукур. — Я готов выслушать их.

— Что мне еще может быть нужно? — опустив глаза, чтобы жрец не увидел, как они заблестели, ответил Балаи. — Разве что одно...

— Говори, — велел жрец.

— Я трачу много сил. Нельзя ли приносить мне больше еды? Лучше всего лепешек. И еще мне хотелось бы, чтобы у меня всегда была питьевая вода в каком-нибудь сосуде с крышкой.

— Всего-то? — рассмеялся Тукур. — Ты все получишь.

Теперь у пленника появилась возможность делать запасы в дорогу. Чем скорее приближался день побега, тем с большим воодушевлением работал Балаи. Утром он в сопровождении накомов отправлялся за камнями, затем сосредоточенно вырезал идолов, радуясь, что богу прислуживает так много жрецов, а ночью старательно пилил и пилил решетку.

Наконец все было готово. Убедившись, что его никто не охраняет (конечно, стражи, как всегда, были на месте, но по залиvistому храпу, от которого могли рухнуть стены, не будь они такими прочными, Балаи понял, что сладкие сны его охранникам дороже жизни), художник осторожно вынул решетку и выскользнул на улицу. Немного подумав, он вставил решетку на место и замазал распиленные прутья все той же смесью крошек и земли. Оглядевшись по сторонам и никого не увидев, он пустился бегом прочь от Акстары.

Утро застало его уже далеко от города. Беглец обернулся. Погони не было. То ли жрецы еще сладко спали, то ли их сбила с толку неповрежденная решетка и закрытая дверь. В том, что стражники не расскажут, как проспали пленника, Балаи не сомневался. Что ж, боги его земли, похоже, все-таки вспомнили о своем сыне. Знай он, насколько был прав, когда поставил решетку на место, Балаи решил бы, что боги не просто вспомнили о нем, но и осыпали его своими милостями. Никому из жрецов Нацамны не пришло в голову тщательно осмотреть каморку пленника. Когда первое изумление у них прошло, они решили так: дверь заперта, решетка цела, на полу в ряд выложены готовые

идолы, а значит, чужак закончил свою работу, и Владыка неба и солнца забрал его к себе. Жаль, конечно, что бог не воспользовался для этого их руками, но раз Нацамне так было угодно, кто же станет ему перечить? Поэтому Балаи напрасно боялся погони. Никто и не подумал, что он просто-напросто удрал.

Пять дней пробирался беглец по чужой земле, опасаясь встречи с любым разумным существом. Ему крупно повезло, что кокомы не принесли его в жертву в первый же день, и Балаи вполне мог считать, что тот неизвестный мужчина, напивавший кровью своего сердца сурового бога Нацамну, спас ему жизнь, подарив отсрочку. Как знать, может, по соседству с Акстарой обитают еще какие-нибудь люди, от которых улизнуть не удастся. Теперь, когда Балаи вновь обрел свободу, он просто не пережил бы нового заточения.

Казалось, сами боги вливали в него силы, и он упрямо шел вперед, к горам, и чем ближе к ним подходил, тем сильнее в его сердце разгоралась надежда на возвращение домой. Будь на его месте более опытный путешественник, его, возможно, остановили бы трудности, поджидавшие неподготовленного путника в горах. Но Балаи даже не представлял, что это такое — восхождение на крутую, почти неприступную вершину, и потому, наверное, удача улыбнулась ему.

Когда измученный до полусмерти, израненный об острые камни, едва державшийся на слабых от усталости ногах, он достиг плато, раскинувшегося высоко над землей, его глазам предстала удивительная картина. Посредине плато, ослепительно блестя под лучами солнца, лениво шевелило темно-синими водами бескрайнее озеро. Но не оно поразило путника, а то, что вдали от берега он заметил постоянно перемещавшийся водоворот, который то стремительно закручивался широкой спиралью, то вдруг разглаживался и пропадал, словно в синей бездне приоткрывалась и снова захлопывалась дверь.

Долго сидел Балаи на берегу озера, как зачарованный, глядя на причудливую игру водной глади, пока наконец не решил, что отдохнет тут немного, искупается, доест после-

дную лепешку, а потом двинется дальше, туда, где вершина, покрытая ослепительно белым снегом, уходила за облака. Не снимая одежды, превратившейся за время трудного восхождения в жалкие лохмотья, он вошел в воду, оказавшуюся на удивление не слишком холодной, и медленно поплыл, полностью доверившись ласковому языку, которые мягко слизывали с изнуренного тела усталость. Вода качала и убаюкивала, снимала боль, потихоньку возвращая силы. Балаи настолько расслабился, что не заметил, как приблизился к очередному водовороту слишком близко. Он сделал слабую попытку вернуться к берегу, но стихия подхватила его, несколько раз перевернула и бросила головой вниз в разверзшуюся воронку.

Художник почувствовал, как его с бешеной скоростью несет вниз, потом наверх, начинает кидать из стороны в сторону, снова тянет вниз и опять подбрасывает неведомая сила. Он еще успел удивиться, что воздух в легких почему-то еще не кончился, как невидимая гигантская рука толкнула его в спину, он ударился обо что-то головой и потерял сознание.

Сколько длилось беспамятство, Балаи не знал. Когда он открыл глаза, его избитое тело стремительно несла вниз горная река, которая падала из огромной пещеры, темневшей на почти отвесной скале. То тут, то там из-под воды выглядывали острые камни, но поток ловко обходил их, и хотя смерть каждую секунду заглядывала Балаи в глаза, он все еще оставался жив. «О, Митра всемогущий, Эрлик справедливый, — пронеслось в мозгу художника, — куда я попал? Что это за река и куда ее воды вынесут меня?» Но боги молчали, не торопясь выволочь из беды своего не слишком набожного сына.

Поток, непостижимым образом сохранявший Балаи жизнь, постепенно иссякал. Река становилась уже и мельче, обозначилось дно, течение замедлялось и наконец стало таким, что человек вполне смог помериться с ней силами. Собравшись в комок, Балаи оттолкнулся от каменистого дна и выбросил тело на берег. Он сильно ушибся, разодранный бок кровоточил, отбитые ноги болели, но, лежа на

плоском камне, теплом от солнечных лучей, художник счастливо улыбался: он победил стихию или обманул ее, неважно, главное — он жив.

Приподнявшись на локте, Балаи взглянул вниз. До подножия горы было совсем недалеко. Он уже мог рассмотреть лежавшую внизу долину, а где-то далеко впереди, едва наметившейся точкой, — какое-то поселение. Он не знал, где находится и что за люди живут в долине, но и оставаться среди голых камней, голодный и обессиленный, он не мог. «Будь что будет!» — решил Балаи и, с трудом поднявшись на ноги, побрел навстречу неизвестности.

Дрожавшие от напряжения ноги подкашивались и скользили на мокрых камнях, пальцы с обломанными до крови ногтями, едва уцепившись за какой-нибудь выступ, разжимались, голова гудела и кружилась, но он с упорством, присущим только человеку, бросившему вызов смерти, упорно шел вперед, а когда ноги отказались нести его — пополз. Наконец последний камень остался позади, и Балаи, уткнувшись лицом в колючую траву, потерял сознание.

Когда он открыл глаза, над ним, склонившись, стоял какой-то мужчина.

— Где я? — с трудом разлепив запекшиеся от крови губы, спросил Балаи.

— Благодарение Митре, жив! — воскликнул незнакомец, обращаясь к своему спутнику, которого Балаи не сразу заметил.

— Митре? — встрепенулся обрадованный беглец. — Митре? Значит, я дома?

— Ты в Заморе, — пояснил мужчина. — Ты бы лучше помолчал, приятель. И так непонятно, в чем душа держится. Мы с сыном отнесем тебя домой. Жена у меня такие травы знает — через день бегать будешь.

Несколько дней Балаи прожил в доме крестьянина, который подобрал его у самого подножия горы. То ли радость от того, что он все-таки выбрался из подземного королевства, то ли забота и внимание, которым его окружили в этом скромном доме, то ли жизненные силы, всегда бурлившие в молодом и крепком теле, а то ли все это

вместе вскоре помогли ему оказаться на ногах. Он быстро поправлялся, и через пару дней уже всю помогал крестьянину по хозяйству. Он мог бы и навсегда остаться здесь, тем более ему это неоднократно предлагали, но Балаи тянуло в родные края, и, окончательно оправившись, он засобирался в путь.

Снабдив его всем необходимым, крестьянин проводил Балаи до Шадизара, который лежал всего в двух третях дня пути, а уж оттуда добраться до Шандарата оказалось и вовсе не сложно.

Какое это было счастье снова видеть родные лица, говорить на своем языке, заниматься любимым делом! Балаи работал не покладая рук, и довольно скоро имя молодого художника, рук которого коснулись Светлые Боги, стало известно далеко за пределами его селения. Появились заказчики, а вслед за этим, естественно, пришел и достаток. Казалось, все складывается хорошо, но душа художника жаждала иного. Ему хотелось создать нечто особое, удивительное, чтобы имя его осталось жить в веках. Он затосковал, начал подолгу пропадать из дома, бродил по окрестностям, часто бывал в Шандарате, часами сидел в гавани, глядя на море, но сердце его не отзывалось на увиденное.

Однажды, когда Балаи бродил по городу, пристально вглядываясь в оживленные, задумчивые, радостные, печальные и равнодушные лица и пытаясь отыскать среди них одно-единственное, которое сможет даровать ему вдохновение, ноги как будто сами принесли художника к амфитеатру, где проходили собачьи бои. Заплатив за вход, он прошел внутрь и устроился в первом ряду в ожидании захватывающего зрелища. Начался бой. Красивые сильные тела животных привели Балаи в восторг. Ему захотелось немедленно ринуться в мастерскую и вылепить из податливой глины замершего в сознании победы над противником роскошного зверя. Он уже видел свое будущее творение, как откуда-то издали донесся окрик, и огромный пес, вильнув хвостом, послушно побежал на зов.

Балаи проводил собаку взглядом, и... Такой красивой женщины ему еще никогда в жизни не приходилось ви-

дети. В ней были и утонченное изящество, и воля, и почти мужская сила. В воображении художника мгновенно нарисовалась будущая скульптура: высокая, стройная женщина смотрит вдаль, положив тонкую и одновременно сильную руку на голову громадного зверя, который, словно крохотный ласковый котенок, льнет к ее ногам. Двух более разных и таких близких по духу существ он и представить себе не мог.

Балаи решительно поднялся со скамьи и начал пробираться к поразившей его женщине, не обращая внимания на ругань зрителей, которым наступал на ноги. Подойдя к красавице, художник учтиво поклонился:

— Добрый день, прекрасная госпожа. Да пребудет с тобой милость Светлых Богов! Я Балаи, художник. Не сочти за дерзость мои слова и позволь обратиться к тебе с просьбой, хоть я даже не знаю твоего имени.

— Балаи? — улыбнулась женщина. — Я слышала о тебе. Меня зовут Амарис. Что ты от меня хочешь?

— Я задумал великое творение, моя госпожа. Оно останется жить в веках. — Он замолчал, а потом, набрав полную грудь воздуха, решительно продолжил: — Если ты согласишься позировать мне.

— Я? — рассмеялась Амарис и окинула изучающим взглядом статную фигуру привлекательного молодого человека, в глазах которых горело обожание. — Я? — повторила она. — Это интересно. А каким будет это произведение?

Балаи начал взахлеб рассказывать о возникшем только что замысле, и своей горячностью настолько увлек Амарис, что она в конце концов согласилась позировать художнику, поставив лишь одно условие: работать он должен у нее дома.

Через несколько дней художник приступил к работе. Долгие часы проводили они с Амарис наедине, и скоро Балаи стало ясно, что эта необыкновенная женщина не только красива. Боги наделили ее глубоким умом, железной волей, сильным характером и тонкой душой. Стоит ли удивляться тому, что творец всем сердцем полюбил свою

модель и безумно страдал, когда им приходилось разлучаться, пусть даже ненадолго. И Амарис было приятно общество этого мужественного и одновременно мягкого и ласкового человека. Она даже начинала грустить, когда думала о том, что работа закончится и Балаи покинет ее дом.

Однажды утром Амарис пришла в устроенную для художника мастерскую и увидела, что статуя плотно закутана темной тканью, а Балаи сидит у ее ног, прижавшись щекой к своему детищу.

— Что случилось, Балаи? — удивилась Амарис. — Разве мы не будем работать сегодня?

— Нет, — уныло покачал головой художник. — Она готова.

— Так покажи мне ее! — воскликнула Амарис и шагнула к статуе.

— погоди, — остановил ее Балаи. — Я так вдохновенно работал над этой статуей, что она, мне кажется, вынула из меня душу. Боюсь, я ничего больше не смогу создать. Только ты можешь вернуть мне утраченные силы. Амарис! Моя жизнь — в твоих руках. Прикажи — и я умру.

— Ты разве не хочешь жить? — улыбнулась Амарис.

— Без тебя — нет!

— А почему без меня? Ты ведь можешь и не уходить отсюда.

— О, душа моя, — простонал художник. — Ты выйдешь за меня замуж?

— Да, — кивнула Амарис. — Я так привыкла видеть тебя, говорить с тобой, что мой дом опустеет, если ты покинешь его.

Балаи бросился на колени и начал страстно целовать тонкие пальцы. Амарис мягко высвободила руку, нежно потрепала влюбленного по щеке:

— Покажи мне скорее статую.

— Я сниму с нее покров в день нашей свадьбы, — твердо ответил художник. — Это будет подарок.

В назначенный день в доме Амарис снова собрались гости. На сей раз их было не так много, как на предыду-

щих свадьбах роковой красавицы, но это не потому, что шандаратская знать стала менее охочей до празднеств и увлекательных зрелищ, просто молодожены решили не устраивать великого пиршества, ибо вдовство прекрасной невесты длилось менее положенного срока.

Статую установили в саду, разрушив специально для нее центральную клумбу, где прежде росли ярко-алые розы. Гости с любопытством поглядывали на высокое изваяние, укутанное в белые шелка, но жених наотрез отказался открыть ее.

— Когда взойдет луна,— сказал он,— я покажу статую Амарис, ибо только благодаря ее красоте мое творение увидело свет. А завтра оно предстанет перед зрителями.

Едва затих стук копыт лошадей, увозивших карету последнего гостя, Балаи и Амарис вышли в сад. Солнце уже скрылось за горизонтом, и бархатная ночь вступила в свои права. Ночное светило окутало сад бледно-голубым светом, посеребрившим белый шелк, и казалось, изваяние светится изнутри. Художник подошел к нему, ласково погладил мягкие складки и решительно сдернул ткань. Из груди Амарис вырвался вздох восхищения. Прямо перед ней, задумчиво глядя вдаль, стояла мраморная богиня с ее лицом. Точеную фигуру едва прикрывало легкое одеяние, доходившее до середины колен и открывавшее стройные ноги, к которым прижимала массивную голову могучая собака, всем своим видом выражавшая преданность и послушание.

— Ты гений, мой дорогой,— прошептала Амарис.— Нет, ты полубог... Они ведь живые, и эта женщина, и ее пес...

Видимо, так же подумали и сторожевые людоеды всех мастей, выпущенные в сад после того, как гости разъехались по домам. Один из них, черный с извилистой рыжей полосой на морде и груди, глухо зарычал и бросился на каменного противника, осмелившегося приблизиться к хозяйке. Громко вскрикнув, Балаи кинулся наперерез собаке, стремясь закрыть грудью статую. Мускулистое черное тело взметнулось в прыжке, и Балаи, сбитый с ног, ударился головой о постамент. Последнее, что он увидел, были ослепительно белые клыки, приближавшиеся к его лицу...

Глава девятая

Когда Амарис закончила свой рассказ, в глазах ее не осталось и тени страха. Как и предполагал Конан, она сейчас вовсе не думала о пиратах, полностью отдавшись своим воспоминаниям.

— Ты любила его? — неожиданно спросил киммериец, и сам удивился своему вопросу.

— Думаю, да,— после короткой паузы ответила Амарис.— Он был очень добрым человеком. И сильным.

— Тогда почему... — вскричал варвар и тут же осекся.

— Что «почему»? — Изумрудный оттенок исчез из глаз женщины, и теперь они, темно-желтые, напоминала глаза разъяренной тигрицы.

— Ничего,— буркнул Конан.

Оба замолчали, думая каждый о своем. Или об одном и том же? Киммериец согласился бы многое отдать, чтобы хоть на миг заглянуть в эту прелестную головку. Его подозрения становились все более настойчивыми, но с неменьшим упорством он не желал верить в то, что под такой великолепной оболочкой скрывается столь жестокая душа. Тряхнув головой, словно отгоняя назойливые мысли, Конан встал.

— Да, я не сказал тебе еще об одном,— повернулся он, стоя уже у двери каюты.

— Что еще? — сердито посмотрела на него Амарис.

— Мы приглашены на обед.

— Мы?!

— Да, — усмехнулся варвар. — Относись к этому как хочешь, но мне пришлось сказать, что ты моя женщина. В противном случае сначала ты досталась бы главарю, а потом вся шайка или разыграла бы тебя в кости, или дружно поделила между собой.

— Как это поделила? — не поняла Амарис.

— Очень просто. Они взяли бы тебя с собой на галеру, и тебе пришлось бы провести с каждым из них ночь. Или несколько, все зависит от их темперамента.

— А потом? — испуганно спросила женщина.

— Потом? Скорее всего, они выпшвырнули бы тебя за борт где-нибудь в открытом море.

— Меня?! В кости, а потом за борт?! — В своем праведном гневе она была так великолепна, что Конан невольно залюбовался ею. — Не родился еще тот человек...

Но киммериец не дал ей договорить. Он приоткрыл дверь и показал Амарис на суетившихся на палубе пиратов.

— Видишь, сколько их, — криво улыбнулся он. — И все уже родились.

— Мои собаки будут стоять за меня насмерть! — воскликнула Амарис.

— Будут, — кивнул Конан. — И даже загрызут пару-тройку нахалов. Но, — он притворно вздохнул, — вся беда в том, что этих самых нахалов гораздо больше. Неужели ты думаешь, — вдруг совершенно серьезно добавил он, — я стал бы беседовать с этим мерзавцем, а тем более садиться с ним за стол, если б хоть на короткий миг решил, что смогу справиться со всеми? Пять, десять противников не остановили бы меня, но их тут десять раз по десять. Борт о борт с «Дланью Митры» стоит их галера. Я не особенно ее рассматривал, но, судя по очертаниям судна, она не меньше чем пятидесятивесельная. — Увидев, что Амарис поблудне-ла, он поспешил успокоить ее: — Не бойся ничего. Я еще собираюсь пожить на этом свете и тебе погибнуть не дам. Найдется выход!

С этими словами он отправился в свою каюту.

Ближе к вечеру в дверь Конана постучался один из пиратов и сообщил, что стол накрыт и Дингир ожидает

гостей в каюте кормчего. Киммериец выругался сквозь зубы, но, крикнув в ответ, что они скоро придут, поднялся и пошел звать Амарис. Чуть позже они уже сидели за роскошным столом, покрытым кружевной скатертью, видимо, из запасников Дингира. Зная, что его ожидает женское общество, заморанец приоделся и прихорошился. На его широких плечах ладно сидел темно-зеленый бархатный камзол, а пышные кружева тонкой шелковой сорочки сияли ослепительной белизной. Длинные красивые волосы Дингира были тщательно расчесаны и, как показалось Амарис, завиты. Кроме того, в этот день он был воплощением любезности, изысканности и хорошего воспитания. Проходи этот обед не на разграбленном паруснике, палуба которого еще утром была завалена окровавленными трупами, распознать в Дингире пирата было бы очень и очень трудно.

Большой знаток и страстный любитель женщин, заморанец чуть не задохнулся от восторга, когда увидел Амарис. «Чтоб ты сдох, проклятый киммериец! — вспыхнуло у него в мозгу. — Ну почему тебе всегда перепадают самые лакомые куски?! Сначала Карела, теперь эта потрясающая женщина, к тому же еще, судя по всему, и богатая!» Однако на его лице не отразилось даже тени этих мыслей. Он широко улыбнулся и красивым жестом пригласил гостей к столу, на котором красовались аппетитные блюда и бутылки темного стекла с отборным вином. Судя по всему, удача сопровождала «Глазу Нергала», и его трюмы были полны.

Обед шел легко и, пожалуй, даже весело. Правда, Конан и Дингир время от времени бросали исподтишка друг на друга полные ненависти взгляды, а Амарис поеживалась, когда на нее смотрели темно-карие глаза, обладатель которых мысленно раздевал ее, нервно облизывая тонкие губы. Однако сторонний наблюдатель мог подумать, что старые знакомые мило беседуют о пустяках, встретившись после долгой разлуки.

Мужчины с радостью вцепились бы друг другу в глотки, но давний неписанный кодекс чести гласил, что женщина, принадлежащая другому, может быть либо подарена, либо

выиграна в поединке. Выходить один на один с Конаном Дингир никогда не решился бы, так как прекрасно понимал, что это была бы его последняя драка, а на подарок, конечно же, не рассчитывал, и потому прилагал все усилия, чтобы очаровать женщину и попытаться увести ее хитростью. Надо отдать ему должное: он умел быть обольстительным, и будь на месте Амарис другая женщина, она, пожалуй, предпочла бы молчаливому и суровому Конану сладкоголосого Дингира.

Заморанец поднял высокий бокал с темно-красным вином и, ласково улыбаясь, произнес:

— Я предлагаю выпить за единственную на свете женщину, которая смогла завоевать сердце моего давнего друга Конана! Надеюсь, вы оба примете мое приглашение и завтра утром ступите на борт «Глаза Нергала».

Он залпом осушил бокал, а Конан, едва пригубив вино, спросил:

— Что ты собираешься делать с «Дланью Митры»?

— Как что? — удивленно посмотрел на него Дингир. — То же, что и с другими парусниками. Перегрузим товар, а корабль отправится на дно. Мне он совершенно не нужен.

Киммериец похолодел. «Длань Митры» везет жемчуг на такую сумму, что он и представить себе не мог. Если корабль потопить, груз будет потерян навсегда, ибо поднять его с такой глубины не удастся никому.

— А как же мои собаки? — встревожилась Амарис.

— Вынужден просить у тебя прощения, прекрасная, но собаки мне не нужны. Кстати, почему они такие вялые, словно жить им осталось считанные дни?

— Все очень просто, — пожала плечами Амарис. — Я давно занимаюсь разведением собак и добилась того, что слава о них распространилась далеко за пределами Шандарата. Более свирепых и мощных псов, чем мастафы, нет на всем свете. Но сам понимаешь, они могут и болеть, и умирать...

Конан понял, что его спутница тянет время, не зная, как выкрутиться. На самом деле собаки были квелыми не из-за болезни, а потому, что перед отплытием Амарис соб-

ственноручно дала им специальное снадобье, которое сделало псов такими, какими увидел их Дингир. Пока снадобье действовало, мастафы находились в полусне, почти ничего не ели и не пили и были кроткими и покорными. Когда действие кончалось, собаки становились настоящими демонами. Они приходили в ярость и уничтожали всех, кому довелось оказаться поблизости. Однако примерно через час бешенство переходило в глубокий сон, который длился почти сутки, после чего к мастафам возвращался их обычный нрав. В первый день плавания Амарис сказала Конану, что во время пути собакам придется дать вторую дозу лекарства, так как она рассчитана на три-четыре дня. Если дозу увеличить, псы могут погибнуть, а если не повторить, озвереют так, что станут неуправляемыми. Сейчас действие снадобья подходило к концу, и варвар вдруг подумал, что этим можно как-то воспользоваться. Видя, что Амарис все еще не приходит в голову хоть сколько-нибудь правдоподобная история, решил подыграть ей.

— Ладно, Амарис, — сказал он со вздохом. — Давай расскажем.

Она удивленно взглянула на киммерийца, но, полностью доверяя ему, кивнула.

— Видишь ли, — продолжал Конан, обращаясь уже к Дингиру, — у Илдиза есть военачальник, которого зовут Джерег. Он очень богат, смел и еще более тщеславен. Так вот, прослышав о мастафах, Джерег захотел изготовить для себя походную палатку из их шкур и заказал их у Амарис.

— Не понимаю, — пожал плечами Дингир. — Проще было снять шкуры прямо в Шандарате и не тащить с собой эту ораву, которую ко всему прочему надо еще кормить.

— Я же сказал тебе, — поморщился Конан, — что он тщеславен. Он хочет собственноручно прибить этих псов, чтобы о нем пошла слава как о человеке, который не побоялся выйти один на один против сотни мастафов. Но так как Джерег прекрасно понимал, что вряд ли справится и с одним-то псом, он договорился с Амарис, что она отберет старых и больных.

— Да я бы и не согласилась содрать шкуры со здоровых собак,— вмешалась Амарис, благодарно улыбнувшись Конану. Затем она повернулась к Дингиру:— Может, ты все-таки не будешь топить моих псов? Во-первых, это немалые деньги, а во-вторых, мне не хотелось бы, чтоб обо мне говорили как о человеке, с которым нельзя вести дела.

— Допустим, я оставляю их,— медленно проговорил Дингир.— И что дальше?

— А дальше,— постаралась Амарис вложить в свой взгляд как можно больше ласки и обещания неги,— ты высадишь нас в маленькой бухте неподалеку от Султанапура. Оттуда мы уж как-нибудь доберемся сами. Мы ведь твои гости? Я правильно понимаю? Или пленники?

— Неужели я похож на человека, который может обидеть прекрасную женщину?! — всплеснул руками заморанец.— Конечно, гости!

— Так ты высадишь нас на берег? — глядя на него в упор, спросил Конан.

— О боги,— вздохнул Дингир.— Так замечательно начавшийся обед превратился в обсуждение какой-то сделки. Давайте сейчас не будем говорить об этом. Я начинаю грустить, когда думаю, что больше не увижу этих волшебных глаз...

И он словно невзначай коснулся руки Амарис. Ее передрнуло от отвращения, но, быстро сумев взять себя в руки, Амарис улыбнулась:

— Конечно! Давайте еще выпьем!

Обед постепенно подошел к концу, и Конан с Амарис, сославшись на то, что даме необходимо отдохнуть, покинули каюту, некогда принадлежавшую Араму. Когда они наконец остались вдвоем, Амарис сказала варвару:

— Я должна поблагодарить тебя. Без твоей помощи мне было бы трудно объяснить, почему я так пекусь о своих собаках.

— Не стоит благодарности,— усмехнулся киммериец.— Я думал не о твоих чувствах, а о том, что мастафы могут помочь нам разобраться с пиратами. Помнишь, ты рассказывала мне о снадобье? Если открыть замки клеток...

— Все правильно,— кивнула Амарис.— Но я вовсе не уверена, что Дингир собирается отпускать нас. К тому же я стараюсь сохранить жизнь моим собакам вовсе по другой причине.

— Да знаю,— не дослушав ее, досадливо поморщился Конан.— Они дороги тебе, ты их любишь, как другие женщины любят своих детей... Все это понятно. Но ведь твои «деткишки» могут здорово поддержать нас.

— Может, ты дашь мне договорить? — обиженно спросила Амарис.

— Извини,— буркнул киммериец.

— Кажется, я знаю, как разобраться с Дингиром. Только прошу тебя не мешать и ничему не удивляться.

— У тебя есть план?

— Нет,— тряхнула головой женщина.— Это еще не совсем план... Надо кое-что обдумать... Ты, пожалуй, иди к себе. Надеюсь, завтрашний день для нас будет более радостным.

Конан ушел, а Амарис, не раздеваясь, прилегла на койку, бросив на ноги пушистый плед, и глубоко задумалась. Почувствовав настроение хозяйки, псы притихли. Две собаки легли на полу возле койки, а три уселись под дверь, как всегда, охраняя покой единственного человека, которому были преданы до глубины души и ради которого без колебаний отдали бы свои жизни.

Спустилась ночь, все вокруг замерло, и даже пираты, уставшие от долгого перетаскивания грузов из одного трюма в другой и от лихой попойки, устроенной по случаю удачного грабежа, притихли, видимо заснув. В этой звенящей тишине чуткие уши мастафов мгновенно уловили легкие шаги, приближавшиеся к двери каюты. Псы насторожились и глухо заворчали: там, за дверью, был чужак. Даже собаки, мирно лежавшие на полу, вскочили на ноги, и шерсть на мощных загривках встала дыбом, а кончики тяжелых хвостов воинственно загнулись наверх.

Беспокойство мастафов вывело Амарис из оцепенения. Она села и, хотя никто даже не пытался открыть дверь, громко спросила:

— Кто здесь?

— Открой, лучезарная,— донесся до нее ненавистный голос Дингира.— Мне надо с тобой поговорить.

— Дверь не заперта,— ответила Амарис и жестом подзвала собак к себе.

На цыпочках, стараясь не производить лишнего шума, в каюту вошел заморанец. С опаской взглянув на грозных стражей, стеной вставших между ним и своей обожаемой хозяйкой, Дингир попросил:

— Могу я присесть?

— Пожалуйста,— указала Амарис на стоявший напротив койки сундук.

— Я пытался заснуть, но так и не смог.— Пират попытался изобразить виноватый взгляд, но вместо вины в его глазах зажглась похоть, которую он не сумел скрыть.— Ты самая прекрасная женщина на свете... Нет, ты не женщина. Ты богиня. О, как бы я хотел припасть к твоим ногам!

Он попытался привстать с сундука, но оскаленные клыки, которые запросто могли бы перегрызть металлический прут, остановили его.

— У тебя хорошие охранники,— заставил себя рассмеяться Дингир.— Но они напрасно волнуются. Я не причиню тебе вреда. Не бойся.

— Чего мне бояться? — пожала плечами Амарис.— Эти псы хорошо знают, что мое ложе доступно только законному супругу. Никого иного они и близко не подпустят.

— Так ты невеста Конана? — изумился заморанец.— Вот уж не думал, что он когда-нибудь сподобится жениться.

— Кто тебе сказал, что он женится на мне? — лукаво улыбнулась Амарис. Дингир, сам того не ведая, проглотил подброшенную ему наживку.— О свадьбе разговора не было. Конан слишком дорожит своей свободой.— Она вздохнула и грустно посмотрела на Дингира.

— А если я предложу тебе руку и сердце? — забыв о том, что хотел вести себя тихо, вскричал он.— Если мы завтра же сыграем свадьбу?

— О! — Амарис кокетливо склонила набок свою очаровательную головку.— Это так неожиданно... Я даже не знаю...

— Я буду обожать тебя всю жизнь,— принялся горячо уговаривать ее Дингир,— на руках тебя носить. Я сложу к твоим ногам все сокровища мира. Моя любовь отныне будет принадлежать только тебе! Если хочешь, я навсегда оставлю пиратство.— При этих словах он отвернулся, чтобы женщина не увидела его лица и усмешку, которую он не смог сдержать.— Ты такая... Я даже мечтать не мог, что повстречаю тебя когда-нибудь.

— Но как же мы поженимся? — задумчиво произнесла Амарис.— Прямо тут, посреди моря?

— На борту «Длани Митры» есть судья,— радостно пояснил заморанец.— Он вполне может составить брачный договор. Так ты согласна?

— Не торопи меня,— попросила Амарис.— Позволь дать ответ утром.

— Хорошо,— кивнул Дингир.— Утро я встречу у твоих дверей.

Если бы Дингир обернулся, покидая каюту женщины, с которой хотел связать себя брачными узами, он бы тысячу раз подумал, прежде чем решиться на это. Взгляд, которым Амарис проводила ночного гостя, отнюдь не походил на взгляд счастливой невесты. Но пират, довольный тем, что утер нос Конану, избежав кровопролития, и почти добился своей цели, не думал об этом. Собственно, брачный договор, подписанный пандаратским судьей, для него ничего не значил. Заморанец собирался вволю насладиться прекрасным телом этой женщины, а потом, когда она надоест ему, избавиться от нее. К тому же Амарис была богата, и он до конца своих дней мог играть роль безутешного вдовца, которому неизбывное горе вовсе не мешает купаться в роскоши.

Амарис же, когда дверь за Дингиром закрылась, весело потрепала по головам верных псов и звонко расхохоталась. У нее были свои планы, и эта свадьба как нельзя лучше помогала ей их осуществить.

Утром Конан и Дингир встретились возле каюты Амарис.

— Что ты тут делаешь? — грозно нахмурился киммерец.

— Я вчера обратился к этой замечательной женщине с одной просьбой, — хитро улыбнулся пират, — и сегодня пришел за ответом. Если хочешь, войдем вместе, и ты первым узнаешь все новости.

Конан бросил на него внимательный взгляд, но ничего не ответил. Он подошел к двери и постучал три раза.

— Заходи, Конан, — раздалось из каюты. — Мне как раз надо с тобой поговорить.

Амарис поднялась навстречу варвару, но, увидев выглядывавшую из-за его плеча рожу Дингира, села обратно.

— А... — протянула она. — Ты уже здесь...

— Как и обещал, — осклабился пират. — Я встретил утро у твоих дверей. Так что ты решила, лучезарная?

Она долго смотрела на Конана, словно хотела что-то сказать, потом, вздохнув, перевела взгляд на Дингира.

— Я согласна, — ответила она и пояснила киммерийцу: — Дингир предложил мне выйти за него замуж. Я согласна, — повторила она, обращаясь к жениху, — но при нескольких условиях...

— Все, что пожелаешь! — воскликнул заморанец.

— Свадьбу справим на борту «Длани Митры». И еще: ни ты, ни твои люди не должны даже пальцем притрагиваться к моим собакам. Псы мне нужны живые.

— Всего-то? — обрадовался Дингир. — Да если б ты потребовала достать тебе луну с неба...

— Хватит трепаться! — не выдержал Конан. — Прежде чем я начну поздравлять счастливых влюбленных, позволь мне поговорить с Амарис. Наедине.

— Пожалуйста! — пожал плечами пират. Обрадованный тем, что все так здорово получается, он даже не обратил внимания на грубость варвара. — Только недолго. Это все-таки теперь моя невеста. Пойду объявлю моим мальчикам, что вечером гуляем на свадьбе.

Едва он ушел, Конан набросился на Амарис:

— Ты в своем уме?! Ты представляешь, что делаешь?

— Совершенно отчетливо, — усмехнулась она.

— И что ты задумала?

— Умоляю, не спрашивай ни о чем. Просто доверься мне. Я и в самом деле знаю, что делаю. А вот завтра мне наверняка понадобится уже твоя помощь.

— Спорить с женщиной — все равно что идти по дну реки против течения, — фыркнул киммериец.

Неожиданно в его мозгу, словно яркая молния темной ночью, мелькнула догадка. Он посмотрел на мастафов, приветливо вилявших хвостами, и подумал: «Если я прав, ребята, то вас скоро станет шестеро, а если нет, то кто-то из нас идиот, или я, или вапа хозяйка». Вслух он, однако, не сказал ничего, а просто резко повернулся и вышел на залитую солнцем палубу. Там уже начались приготовления к пиршеству. Грузы из трюма «Длани Митры», которые Дингир приказал перенести на «Глаз Нергала», уже были вынесены, и теперь пираты отсоединяли abordажные крючья и снимали доски, чтобы два корабля могли продолжить свой путь параллельными курсами.

Конан хмуро глядел на всю эту суету. Дингир уверял, что, по просьбе его обожаемой невесты, он не будет топить торговый парусник, но это отнюдь не означало, что пират сдержит слово. Будь на его месте кто-нибудь другой, киммериец поверил бы ему, но Дингира он знал слишком хорошо, чтобы полагаться на его честность. Амарис не сочла нужным посвятить его в свои планы, и это тоже не улучшало настроения варвара. Кроме того, Конана угнетало бездействие. Хоть он и научился выжидать и давно уже не лез в драку сломя голову, на сей раз, как ему казалось, ожидание слишком затянулось. В конце концов, чтобы не дать волю своим чувствам, он просто-напросто ушел в каюту.

Вечером все свободные от управления кораблями собрались на палубах. И хоть главные события происходили на паруснике, на галере также были накрыты столы для свадебного пира. Блистательная невеста и счастливо улыбающийся жених прошли в каюту Арама, где насмерть перепуганный судья зачитал условия брачного договора. Они почти не слушали его, ибо ни один, ни другой не собирались прожить вместе до глубокой старости. Едва судья замолчал, оба торопливо поставили свои подписи и вышли к гостям.

Их встретил восторженный рев множества глоток, Дингир усадил молодую жену на лавку, покрытую мягким ковром, и гулянье началось.

Довольно быстро, как это часто бывает на многолюдных сборищах, гости начали забывать, по какому поводу собрались. Однако по меньшей мере три человека на бурной гулянке старались сохранить трезвую голову. Конан ожидал какого-нибудь знака от Амарис, и потому не спускал с новобрачных глаз. Амарис с нетерпением ждала, когда сможет приступить к исполнению своего плана, и не смотрела в сторону киммерийца, так как сейчас не могла ничего ему объяснить. А Дингир тоже горел нетерпением, но планов у него никаких не было, он просто жаждал поскорее выйти из-за стола и уединиться с красавицей-женой.

Пиршество затянулось до глубокой ночи, и заморанец, устав ждать, резко поднялся с бокалом в руке.

— Я хочу выпить, — громко провозгласил он, — за друзей, разделивших мою радость. Гуляйте, ешьте и пейте за наше здоровье, а мы, с вашего позволения, удалимся в каюту кормчего, где давно остывает брачное ложе.

— Как в каюту кормчего? — побледнела Амарис. — Я думала... Мне бы хотелось провести эту ночь в своей каюте.

Но Дингир, не слушая никаких возражений, потянул ее за собой. Конан приподнялся из-за стола, положив ладонь на рукоять кинжала, но Амарис взглядом остановила его. Глубоко вздохнув, она нехотя последовала за пиратом.

Оставшись наедине с женщиной, которая вызывала в нем дикую страсть, Дингир начал нетерпеливо срывать с нее одежды. Она вскрикнула и задрожала от отвращения, но заморанец понял ее дрожь по-своему. Грубо толкнув женщину на койку, застеленную белыми шелками, он принялся осыпать ее тело горячими поцелуями. Сгиснув зубы и отвернувшись, чтобы Дингир не видел ее перекошенного лица, Амарис позволила ему овладеть своим телом.

Она была сильной женщиной, и, довольно быстро взяв себя в руки и постаравшись, чтобы жажда мести, горевшая в ее душе, не отразилась на лице, Амарис потрепала заморанца по щеке:

— Тебе было хорошо, мой милый?

— О... — выдохнул Дингир не в силах сказать что-нибудь еще.

— А теперь, — она хитро улыбнулась, — я все-таки предлагаю тебе пойти в мою каюту. Там тебя ожидает сюрприз.

— Сюрприз? — удивился пират. — Какой?

— Ты все увидишь сам, — рассмеялась Амарис. — Уверяю тебя, ничего подобного в твоей жизни еще не было.

Быстро вскочив с постели, она привела свою одежду в порядок и потянула Дингира за руку:

— Скорее, мой дорогой. Я горю от нетерпения.

Сопровождаемые красноречивыми взглядами изрядно подгулявших гостей и злобным взглядом киммерийца, они прошли на корму и скрылись в каюте Амарис. Коварная женщина уселась на свою койку, приподняла подол длинного платья и вытянула прелестную ножку.

— Опустись на одно колено, — велела она, — и сними с меня туфельку.

Стоило Дингиру прикоснуться к ней, как Амарис тихо, но внятно приказала:

— Корди, взяты!

Иссиня-черный мастаф, самый крупный из пяти ее псов, не издав ни звука, взвился в прыжке и сбил Дингира с ног. Новобрачный не успел даже удивиться происходящему, как белые клыки вырвали из его горла такой кусок, что голова заморанца буквально повисла на ниточке. Яркая-красная кровь фонтаном брызнула из страшной раны и залила небесно-голубое платье Амарис. Она даже не вздрогнула. Ласково потрепав собаку по голове, Амарис поцеловала окровавленную морду:

— Хороший мальчик, спасибо, родной.

Потом она нагнулась, обмакнула ладони в лужу крови, провела руками по лицу и телу, бросила мимоletный взгляд в зеркало, удовлетворенно кивнула и приказала собакам:

— Голос!

Пять мощных глоток начали издавать такие грозные звуки, что пираты, веселившиеся на палубе, притихли. Амарис

распахнула дверь каюты и, отчаянно визжа, рухнула на пол. Все повскакивали с мест, выхватывая кинжалы, но женщина подняла руку, останавливая их.

— Не надо! — крикнула она. — Он... Он хотел ударить меня, а собаки набросились на него. Животные не виноваты! Они защищали хозяйку!

Конан в два прыжка очутился возле Амарис и поднял ее на ноги. Окинув женщину тревожным взглядом и убедившись, что кровь, которой заляпаны ее лицо и одежда, принадлежит только Дингиру, он успокоился.

— Остановитесь! — приказал он пиратам. — Вы даже не представляете, какими беспощадными могут быть эти псы! Каждый легко управится с десятком людей. Только Амарис может совладать с ними.

Мгновенно протрезвевшие пираты замерли. Один из них, рослый и сильный, повернувшись к приятелям, сказал:

— Кто из вас питал нежные чувства к Дингиру и будет оплакивать его гибель? — Никто не проронил ни слова, и он продолжил: — Тогда выкинем его труп за борт, а я займу его место.

— Почему ты, Мунвик? — раздвинув толпу, вышел вперед молодой туранец. — Я предлагаю поединок.

— Правильно! — крикнул кто-то. — Хордиз прав! Главарем должен стать сильнейший!

— Погодите! — вмешался Конан. — Я тоже не прочь побороться с вами. Расчистите палубу! Пусть честная драка решит, кто из нас займет место Дингира.

Глава десятая

Проводив Амарис, глаза которой горели от радости и возбуждения, в свою каюту, Конан вернулся на палубу. Труп Дингира без особых церемоний сбросили за борт, даже не вспомнив о полагающейся тризне по покойнику, столы мгновенно убрали, и пираты образовали круг, оставив в середине место для сражающихся.

— Это Шамар, — сказал киммерийцу Хордиз, указывая на человека, стоявшего в центре круга. Многочисленные шрамы, располосовавшие лицо Шамара, мешали определить его возраст, но, судя по всему, он был старше всех собравшихся. — Шамар будет судить поединок, — пояснил Хордиз. — Мы все доверяем ему. — Остальные одобительно загудели, подтверждая слова Хордиза.

— Бой должен быть честным, — заговорил Шамар. — И условия равные. Ты владеешь мечом? — Конан усмехнулся. — Хорошо, — кивнул старик. — А кинжалом? — Киммериец усмехнулся еще раз и пожал плечами. — Значит, будете драться на мечах и кинжалах. До смертельного исхода. Оставшийся в живых возглавит команду. Первым против тебя выйдет... — Шамар задумался, переводя взгляд с Хордиза на Мунвика. — Хордиз, — провозгласил он и отступил в ряды зрителей.

Конан выхватил меч и замер, ожидая первого шага противника. Молодой и крепкий, пират вряд ли уступал в силе варвару, но опыта, пожалуй, у него было меньше. Он сделал резкий выпад, и киммериец без труда отразил удар.

Хордиз не остановился на этом, и его меч сверкнул перед самым лицом Конана. Поняв, что несколько ошибся, определяя опытность соперника, тот начал драться всерьез. Клинки замелькали с такой скоростью, что, казалось, сражающихся окружило облако из ослепительно ярких искр. Металл звонко ударялся о металл, но ни Конан, ни Хордиз пока не получили ни царапины.

Наконец пират изловчился, и на обнаженном плече киммерийца проступила багровая полоса. Зрители радостно завопили:

— Давай, малыш! Так его! Нам чужаков не надо! Разделай его, как свиную тушу!

Стиснув зубы, Конан бросился на противника и сильным ударом выбил из его рук меч. Со скоростью молнии Хордиз выхватил кинжал, однако оружие варвара, мягко войдя в грудь туранца, уже показалось у него из спины.

— Проклятие... — успел выговорить Хордиз, но из уголка его губ быстро побежала тоненькая струйка крови, и он затих.

— Готов, — мрачно проговорил Шамар, склонившись над поверженным. — Ловко ты его, — поднял он глаза на киммерийца.

— Посмотрим, что у тебя получится со мной, — злобно прорычал Мунвик, выходя в середину круга. — Хордиз был мальчишкой, с ним бы и женщина могла справиться.

— Нет ничего проще, как поносить мертвеца, — ухмыльнулся Конан. — Для этого не нужно ни ума, ни храбрости.

— Так ты называешь меня трусом? — взревел Мунвик и ринулся на варвара.

Закипел бой. Ярость застилала глаза Мунвика, и он несколько раз ошибался, расплачиваясь за свои ошибки многочисленными ранами, но стойко держался на ногах, наносил ответные удары, и они неоднократно попадали в цель. Кровь струилась по обнаженным до пояса телам, злобное рычание вырывалось из глоток противников, но они стояли друг друга, и потому драка продолжалась. Пираты вопили и улюлюкали, появились даже хитрецы, которые начали делать ставки на победителя, вспыхивали ссоры и

мелкие стычки, а Конан с Мунвиком по-прежнему противостояли друг другу, и ни один не собирался уступать.

Наконец ловким ударом киммериец нанес пирату глубокую рану, тот выронил кинжал, схватился рукой за бок, не удержался на ногах и повалился навзничь. Конан прыгнул к нему и приставил к горлу соперника острие меча. Зрители замерли.

— Ты оказался более удачливым, — прохрипел Мунвик. — Что же ты медлишь?

— Не в моих привычках бить лежащего, — спокойно ответил варвар и сделал шаг в сторону. — Поднимайся. Наш спор еще не окончен.

Мунвик попытался встать, но силы изменили ему. Стоило пирату приподняться на локте, как он снова рухнул на палубу.

— Добей его! — крикнул кто-то из толпы.

Конан окинул тяжелым взглядом зрителей и молча убрал меч в ножны. Затем он подошел к Мунвику и протянул ему руку:

— Вставай. Хочу кое-что предложить тебе.

Пират с трудом поднялся и вопросительно взглянул на киммерийца. Тот помог недавнему противнику сесть, устроился напротив него и сказал:

— Мне понравилось, как ты дерешься. В тебе есть ярость, упорство и ловкость. Кроме того, ты горд. Такие люди мне по душе. Знаешь, я подумал, на кой ляд мне этот «Глаз Нергала»? Пиратствовать я не собираюсь. Мне неплохо платит Илдиз, а к тому же я давал клятву верности, и не в моих правилах нарушать слово. Давай поделимся. Я отдам тебе галеру, а себе оставлю парусник. Мне нужно несколько опытных матросов, чтобы довести корабль до Аграпура. Всем, кто останется со мной, обещаю по прибытии в Туран либо службу у Илдиза, либо полную свободу. И в любом случае — щедрую награду. Но слушаться меня должны беспрекословно.

По толпе пиратов пробежал рокот. Вдруг вперед шагнул совсем молодой туранец, почти юноша.

— Меня зовут Балаль. Я останусь на паруснике.

— И я! И я! — слышались голоса, и один за другим к Конану подошли человек двадцать.

— Хорошо, — кивнул варвар. — Остальные должны прямо сейчас вернуться на галеру. Можете взять лодки.

Когда последний пират покинул борт «Длани Митры» и галера начала быстро отдаляться от парусника, Конан распорядился:

— Всем по местам! А я отправляюсь спать.

Он, конечно, не собирался спать в эту ночь, ибо было бы смешно слепо доверять совершенно незнакомым людям, но страстно желал хоть на миг расслабиться. Поэтому, войдя в свою каюту, он не стал закрывать дверь и, отвечая на вопросы Амарис, которая в волнении ждала его, время от времени поглядывал на палубу, чтобы удостовериться, что корабль ложится на правильный курс.

Убедившись, что его новая команда не собирается бунтовать, Конан наконец мог сосредоточить свое внимание на женщине.

— Ты была великолепна, — улыбнулся он. — Правда, сомневаюсь, что ласки Дингира пришлись тебе по душе.

— Он сполна расплатился за каждый поцелуй! — вспыхнула она. — Жаль только, Корди прикончил его одним ударом и не дал помучиться.

— Корди? — переспросил Конан. — Это который?

— Самый молодой и крупный, — пояснила Амарис. — Совершенно черный.

— И в честь кого он назван? — поинтересовался киммериец.

Щеки Амарис залил ярко-красный румянец, потом кровь резко отхлынула, и лицо женщины стало таким белым, словно ее кожи никогда не касалось солнце.

— Ты обратил внимание... — начала она.

— ...Что клички твоих любимых собак начинаются с тех же букв, что и имена твоих покойных мужей, — продолжил Конан, пристально глядя ей в глаза.

— Да, я назвала собак в память о тех, кого любила, — отвела взгляд Амарис.

— И все?

— И все, — твердо ответила она. — А чего ты еще ожидал?

— Не знаю, — пожал плечами варвар. — Я думал, тебе есть что рассказать мне.

— Разве что о Кави, — улыбнулась Амарис. — О моем последнем муже.

— Предпоследнем, — поправил ее Конан.

— Не напоминай мне об этой мерзости, — рассердилась Амарис. — Я сделала это, чтобы спасти наши жизни.

— Не надо злиться, — мягко положил свою ладонь на ее руку Конан. — Лучше поговорим о твоём Кави, если это воспоминание более приятно тебе. Кто он был?

— Дарфарец.

— Дарфарец?! — подпрыгнул варвар. — Людоед?!

Амарис кивнула.

— Кажется, это будет увлекательнейшая история, — оживился киммериец.

— Суди сам, — ответила женщина и начала рассказывать.

* * *

Серый сумрак опустился на землю, и лес, радостный, зеленый, полный птичьего гомона и визгов вечно дерущихся обезьян, потемнел и затих. Где-то далеко в пышных кронах прошепел ветер, и деревья отозвались глухим шелестом. Наступила тишина, которую лишь изредка пронизывал резкий крик ночного хищника или сонный зов птицы, и только очень чуткое ухо могло уловить тихий шорох, легкое шлепание босых ног и глубокий вздох человека, скинувшего тяжелую ношу.

Высокий, стройный темнокожий юноша осторожно положил на влажный мох убитую антилопу, присел на корточки и, зачерпнув ладонью немного воды из мелкого ручья, обтер ею лицо. Затем он снова погрузил руки в воду, набрал полные пригоршни, сделал несколько жадных глотков и заулыбался, обнажив в улыбке остро заточенные белоснежные зубы. До его деревни оставалось всего несколько полетов стрелы, и скоро он будет дома. Охота

оказалась удачной. Мяса крупной антилопы хватит его семье на пять-шесть дней, а то его родители, хоть и опасались гнева Йога, уже начали подумывать, не начать ли собирать и есть плоды. Виданное ли это дело — уподобляться безмозглым тварям и жевать всякую дрянь, растущую на деревьях или земле! Нет! Только мясо!

Охотник снова улыбнулся, поднял с земли свою увесистую ношу и, распрямив плечи, направился к деревне. Когда до нее оставалось не более одного полета стрелы и даже серые сумерки не могли спрятать четко вырисовывающиеся на другой стороне ручья хижины, юноша снова остановился и прислушался. Как странно! Почему не слышно детских голосов? Почему не горят костры? Юноша издал боевой клич своего племени, но никто не отозвался. Удивившись еще больше, он, передернув плечами, поправил ношу и чуть ли не бегом припустил к своему дому.

Стоило ему перейти ручей, как страшная картина предстала перед его глазами: полуразрушенные хижины, затоптанные костры, тела убитых. Бросив антилопу на землю, охотник кинулся к людям. Он всматривался в застывшие лица тех, кто лежал на спине, переворачивал упавших ничком, тщетно пытаясь отыскать хоть кого-нибудь, в ком еще теплилась жизнь. Наконец ему повезло. Услышав приглушенный стон, юноша побежал туда. Возле обрушившейся стены его родного дома на сорванном и смятом пологе лежал брат юноши, Нунду. Голова его была проломлена, руки и ноги неестественно вывернуты, но Ворота в Страну Теней для него еще не открылись.

Охотник опустился на колени возле брата, немного приподнял его голову, и Нунду открыл глаза.

— Кави... — еле слышно прошептал он. — Как хорошо, что ты ушел еще утром...

— Что здесь произошло? — вскричал Кави. — Ты можешь говорить?

Нунду слабо кивнул и начал рассказывать.

— Дети Сета...

— Стигийцы? — перебил его Кави. — Охотники за рабами?

— Они, — подтвердил Нунду худшие опасения брата. — Но дай мне договорить... Иначе не успею... Лулаба удачно охотился. Дал нам мяса. Мать позвала есть. Я не успел проглотить и кусочка... Их было очень много. Жрец Йога бил в барабан, но мы не успели сплотиться... — Голос Нунду то креп и звучал громко, то резко понижался до тихого шепота. Иногда он надолго замолкал, собирая силы для рассказа. — Я задушил двоих. Одному сломал шею... Кто-то ударил меня мечом по голове... Я упал. Они прыгали на моем теле... Дрались все, даже женщины. Крики... О, как они кричали...

— Где мать, отец и маленькая Хатонга? — спросил Кави.

— Мать в Стране Теней. Отца и Хатонгу увели, — после недолгого молчания ответил Нунду. — Иди за ними. Помог им бежать. Ты успеешь...

— Я не могу оставить тебя, брат, — нахмурился Кави.

— Ворота уже открылись, я слышу, как они скрипят, — слабо улыбнулся Нунду. — Уходи.

— Нет, — покачал головой юноша. — Если тебе суждено пройти через Ворота в Страну Теней, я провожу тебя до них. Об отце и Хатонге не беспокойся. Если они живы, я сделаю все, чтобы они были свободны.

Нунду ничего не ответил и лишь слабо пожал руку брата. До рассвета он не проронил больше ни слова, только тихие стоны изредка вырывались из его груди. Когда первые лучи утреннего солнца позолотили верхушки деревьев, Нунду отправился в последний путь. Кави закрыл его глаза, отнес тело в середину деревни, туда же стащил трупы соседей, сложил погребальный костер и поджег. Конечно, эти похороны не походили на обычный ритуал его племени, но у Кави не было ни времени, ни сил, а главное — стигийцы увели с собой жреца Йога, и некому было обратиться к божеству с нужными словами.

Страна Теней приняла новых обитателей. Во всяком случае, Кави очень на это надеялся. Он поднялся с колен и огляделся по сторонам. Справа посредине пепелища, оставшегося от хижины, где обитал жрец, возвышался обгоревший идол Йога. Кави подошел к нему, зачем-то потро-

гал божество рукой, затем отыскал брошенную накануне антилопу, вырезал из нее кусок мякоти и бросил его к ногам божества.

— Прости меня, великий, — сказал он. — Я не могу сейчас принести тебе человеческую жертву, но обещаю вернуться и повесить тебе на шею ожерелье из ушей стигийцев, которых буду убивать в твою честь.

Последний раз взглянув на то, что осталось от его деревни, словно давая себе клятву никогда не забыть горе, причиненное ему стигийскими работниками, Кави решительно зашагал туда, где за ручьем, прикрытым узенькой полоской утреннего тумана, начинался лес. Юноша был высок, ладно сложен и на первый взгляд казался хрупким, но напрягающиеся при ходьбе мускулы выдавали большую силу. На его длинной шее висел кожаный мешочек, медный браслет в виде тонкой змейки плотно охватывал левую руку чуть ниже локтя, темно-каштановые волосы, обмазанные глиной, были уложены в высокую островерхую прическу, с которой сбоку свисали три обезьяньих хвоста. На лбу Кави виднелись три тонких шрама, расположенных один под другим — знак его племени, а большие карие глаза горели злым, диким огнем. Из-за этого взгляда, а также благодаря плавной, почти неслышной походке юноша походил на хищного зверя, преследующего добычу.

Перейдя ручей, юноша на мгновение замер, прислушиваясь и ловя широкими ноздрями влажный воздух, а затем ловко проскользнул сквозь зеленую стену, образованную переплетенными лианами, и шагнул в лес. Его обдало душным воздухом, наполненным запахами тления. Слово выточенные из серо-зеленого камня, стояли гигантские деревья, обвитые лианами, которые, как живые существа, упрямо тянулись вверх, к свету, а оттуда снова спускались вниз. Изредка попадались одинокие кусты, а высоко-высоко, почти под самыми облаками, кроны деревьев сплетались в плотный свод, почти не пропускавший ни света, ни свежего воздуха. Где-то наверху шла жизнь: пронзительно кричали обезьяны, звонкими голосами перекликались птицы, а тут, у подножия лесных исполинов, царили темнота и

безмолвие, и только полчища злобных, пребольно кусающихся насекомых копошились в трухлявых пнях, прелых листьях, на земле и под ней.

Кави, выросший в джунглях и никогда не покидавший их, не боялся ни мрака, ни тишины. Наоборот, сейчас они были его друзьями. Как будто превратившись в собственную тень, скользил он вперед, высматривая и вынюхивая след врага, легко и ловко переходил небольшие болотца, от которых отвратительно несло гнилью, перепрыгивал медленно текущие ручейки, смело перешагивал упавшие стволы, которые, стоило их слегка задеть, рассыпались в мельчайшую пыль.

Вот он резко остановился и замер, понюхал воздух и вдруг, собравшись в тугой комок, отпрыгнул в заросли кустарника, затаился там, а чуть позже тихонько раздвинул ветви и осторожно выглянул. Его внимательному взору предстала небольшая прогалина. Помятая трава, не успевшая выпрямиться, черные кострища, от которых тянулись тонкие, прерывающиеся струйки дыма, подсказали юноше, что еще совсем недавно тут были люди. Конечно, большой отряд, отягощенный к тому же пленниками, которые не спешат попасть на невольничий рынок, идет гораздо медленнее, чем одинокий охотник, одержимый жаждой мести. Еще немного — и Кави догонит ненавистных стигийцев.

Почти сразу за прогалиной шла довольно широкая тропа, постепенно переходившая в дорогу, которая вела из Дарфара в Стигию, проходя неподалеку от города Сухмета, что стоял у самой границы. Пленников, несомненно, вели туда, и юноша заторопился: надо настигнуть отряд, пока он еще не покинул джунгли. Осторожно, не производя ни малейшего шума, Кави вышел из укрывавшего его мрака на освещенную солнцем тропу и радостно вскрикнул, увидев четкие отпечатки ног: обутых — охотников за рабами и босых — его соплеменников.

Солнце уже добралось почти до середины небосвода, когда до чутких ушей юноши донеслись звуки человеческих голосов. Он мгновенно отпрыгнул в сторону и нырнул в лес. Слово гибкая, бесшумная змея — даже не змея, а

ее тень,— скользил он теперь вдоль дороги, пробираясь через густые заросли и лабиринты толстых корней, легко перескакивая через лежащие стволы и узкие ручьи. Разноголосая болтовня, смех, громкие выкрики на чужом языке, вполне понятном Кави, бряцание мечей, топот ног доносились с тропы — стигийцы нагло шли вперед, не опасаясь преследования.

Юноша пробрался к самой кромке дороги и начал вглядываться в лица врагов, выбирая первую жертву. Вот он! Тело Кави напряглось, как у готового к прыжку тигра, мускулы на руках, сжавшихся в кулаки, вздулись буграми, остро заточенные зубы оскалились в страшной улыбке, когда юноша увидел, как рослый стигиец грубо толкнул в спину замешкавшегося отца Кави, и заорал:

— Пошевеливайся, гнусный потрошитель человеческих тел! Не пить тебе больше людской крови!

«Как это не пить?!» — взбунтовалась душа Кави. Великий Йог сурово наказывает тех, кто не отведал человеческой плоти хотя бы раз в тридцать дней! Такой дарфарец становится нечистым, и даже Страна Теней не примет его. Мало того, что эти грязные стигийцы лишают его сородичей свободы, они еще навлекают на них гнев Йога! Может, они к тому же хотят заставить дарфарцев есть хлеб и овощи? Кави был готов зубами вцепиться в глотку врага, но и место, и время для этого не подходили. Он снова углубился в лес, упорно преследуя отряд и выжидая, когда сумеет начать мстить.

День подходил к концу, и предводитель отряда приказал останавливаться на ночлег. Присмотрев подходящую лужайку, стигийцы быстро установили две походные палатки, разместили пленников между ними, развели костры. Из куста, растущего неподалеку от одной из палаток, преследователь наблюдал за всем, что происходило в лагере. Когда тени от окружавших лужайку деревьев окутали лагерь темно-зеленой мглой, Кави выбрался из своего убежища и отполз в лес, а затем начал кругами обходить лужайку. Ни одной ветки, ни одного высокого стебля не задело его гибкое тело, ни один сучок не хрустнул под босыми ступнями,

и никому в голову не пришло, что за каждым движением недругов следят внимательные глаза, в которых горит дикий огонь. Кави дрожал от нетерпения, но выйти из леса не мог, и ему оставалось лишь ждать, когда первая жертва ступит на его территорию.

Вдруг он остановился и замер, прикинув к толстому шероховатому стволу. От костра, горевшего ровным, неярким светом, поднялся один из стигийцев, как раз тот, которого Кави присмотрел еще по дороге, и, распутывая на ходу завязки широких штанов, быстро направился к лесу, совершенно не ожидая, что за высоким кустом его подстерегает смерть. Не успел он и глазом моргнуть, как темнокожая рука с быстротой атакующей змеи метнулась из-за ветвей. Приглушенный хрип, тихий треск ломающихся шейных позвонков — и к ногам дарфарца упало тело врага. С глухим урчанием Кави вонзил острые зубы в теплую плоть, с наслаждением вырвал кусок и проглотил. Две тонкие струйки крови потекли из уголков рта и закапали на обнаженную грудь. Затем юноша ощупал жертву, вытащил у нее из-за пояса кинжал и отрезал ухо.

— Великий Йог,— прошептал он.— Это первое для твоего ожерелья. За мою мать.

Кави аккуратно развязал ремешок, стягивавший мешочек, который висел у него на шее, и положил туда ухо. Затем он внимательно осмотрел острый клинок, обтер его о штаны стигийца, снял с мертвого ножны и привесил их к своему поясу. Дарфарцы обычно не использовали ни мечей, ни кинжалов для жертвоприношения, и жертва, которой были нанесены ножевые раны, считалась испорченной, однако справиться с целым отрядом врагов, будучи совершенно безоружным, Кави не мог. К тому же сейчас он более горел жаждой мести, чем желанием услужить Йогу. Великий бог простит его, когда юноша принесет обещанное ожерелье из ушей охотников за рабами.

Оглядевшись по сторонам, Кави поднял тело и, пригибаясь под тяжестью ноши, потащил его в лес, где спрятал под круто изгибающимися корнями ветвистого дерева. Затем он снова вернулся к лагерю и опять принялся описывать

круги, поджидая следующего стигийца. То и дело он оставался и замирал, но возможные жертвы, словно чуя опасность, не углублялись в заросли.

Непроглядная ночь медленно опустилась на землю, и огонь костра показался затаившемуся дарфарцу ослепительно ярким. Он отвел глаза, чтобы они не привыкали к свету и по-прежнему хорошо видели в темноте. Со стороны лагеря послышался шум и кто-то крикнул:

— Ахон, ты что, весь на дерьмо изошел? Где ты шляешься, придурок?

Чуть позже послышался другой голос:

— Ахон! Ахон, дружище, отзовись! Давно пора возвращаться!

— Поищите в чаще вашего Ахона,— буркнул под нос Кави.— Хороший приятель у вас был, жирный и сладкий. Поторопитесь. Я бы с удовольствием поужинал еще раз.

Несколько факелов ярко вспыхнули в непроглядной тьме, и трое стигийцев понесли их в лес, ступая медленно и осторожно, вздрагивая от каждого шороха. Войдя в лес, факельщики разбрелись в разные стороны, то зовя Ахона, то окликакая друг друга, постоянно оглядываясь. Однако никто даже не заметил, как черная тень, отделившись от толстого ствола, скользнула вслед за одним из них. Факельщик остановился, повел рукой в разные стороны, разгоняя темноту, и крикнул:

— Эй!..

Что он хотел сказать дальше, так и осталось неизвестным, потому что из-за его спины вылетела стальная молния, и острое лезвие полоснуло по шее, едва не отделив голову от туловища. Стигиец тяжело грохнулся на землю, уронил факел, и тот, попав в неглубокую лужицу, зашипел и погас. Острые зубы с восторгом несколько раз вгрызлись в мягкое тело, послышалось смачное чавканье, затем снова блеснул нож, и Кави бережно уложил в мешочек второе ухо.

— Это за мой разрушенный дом,— сказал он и двинулся в чашу.

Смертоносным призраком скользил он вперед, остановился, растаял в густых зарослях лиан, появился с другой стороны, неслышно упал на землю и вдруг прыгнул, опро-

кинув на прелые листья еще одного факельщика. Тот не успел даже понять, что происходит, как его душа отлетела на встречу с Великим Змеем.

— За мою деревню,— провозгласил Кави, пряча в мешок третье ухо.— Затем он нагнулся, откусил кусок плоти своей жертвы и тут же выплюнул: — Фу, провонял потом насквозь, тебя даже есть противно.

Оставшиеся в живых еще недолго бродили по темной чаще. Голоса их, окликавшие исчезнувших спутников, звучали все более нерешительно, в них явно слышался страх, и вскоре подрагивавшие огоньки двинулись обратно к лагерю. Там поднялась страшная суматоха, послышались крики, топот ног, зажглись новые костры. С кривой усмешкой наблюдал Кави за этой суетой, твердо зная, что, стоит кому-нибудь хоть немного углубиться в чашу, он оттуда не вернется. Стигийцы выставили охрану, и лагерь замер до утра, словно охотники за рабами боялись неосторожным словом или резким движением привлечь затаившуюся в дремучих зарослях смерть.

Лагерь снова ожил лишь тогда, когда яркие солнечные лучи осветили все вокруг, прогнав тени даже из самых удаленных уголков. Посоветавшись, стигийцы по двое прочесали лес возле лужайки, отыскивали пропавших ночью и вынесли их из зарослей.

— Это дарфарцы,— без малейшего сомнения в голосе заявил старший.— Кто знает, сколько их прячется в лесах. Вряд ли много, иначе они приготовили бы себе лакомство из наших печенок уже сегодня ночью. Но сколько бы их ни было, мы не можем противостоять им. Джунгли — их дом. Если хотим выжить и добраться до Стигии, надо поторопиться. До границы совсем недалеко. Пойдем без остановок — ночевать будем на родной земле.

Кави, прекрасно слышавший каждое слово, усмехнулся и поспешил вслед за отрядом. Если то, что говорил предводитель работорговцев, правда, то надежда освободить соплеменников с каждой минутой становилась все слабее.

Приближался вечер, когда нервы молодого людоеда не выдержали. Еще бы, за целый день ему не удалось увели-

чить ожерелье для Йога и съесть хотя бы крошечный кусочек мяса. Стигийцы почти бежали по пустынной дороге, не позволяя никому сходить с нее, и тычками подгоняли измученных дарфарцев. Работоторговцев в скором времени ожидали надежные родные стены, а их пленников — позорное существование до конца дней, после которого им навсегда будет закрыт путь в Страну Теней, и их неприкаянные души начнут скитаться по джунглям, наводя ужас на соплеменников.

Издав утробный рык, а вслед за ним — боевой клич, Кави выпрыгнул на дорогу, обогнав отряд на несколько шагов. Полуголый, окровавленный, оскаливший острые зубы в страшной усмешке, он был настолько ужасен, что в первый миг его враги испугались. Но, видя, что больше их никто не преследует, бросились на дарфарца. Он отбивался руками и ногами, вырывал зубами куски плоти, наносил кинжалом глубокие раны, но он был один, а врагов много. Его соплеменники, связанные прочными веревками, помочь ему ничем не могли.

Кави схватили и долго, с упоением топтали ногами. Только бурлящие в его теле молодые силы да ярость оттого, что так и не сумел ничего сделать для своих братьев, помогли ему выжить. Избитого, грязного, с ног до головы выпачканного своей и чужой кровью дарфарца подняли на ноги и подвели к предводителю стигийцев. Тот долго смотрел на новую добычу холодными, полными злобы глазами, а потом проговорил:

— Хорош! За тебя хорошо заплатят в Птейоне или Луксуре. Не надейся, на рынок в Сухмете я тебя не выведу. Это слишком близко от Дарфара. — Затем он повернулся к своим спутникам и приказал: — В колодки его! А то он больно шустрый. И не спускайте с него глаз, такой, как он, и с колодками удрать может.

Два человека держали Кави, еще двое подняли его руки над головой, свели их вместе и соединили запястья странным деревянным приспособлением. Дарфарец попытался согнуть руки в локтях и положить их на голову, но острая боль пронзила его тело: два острых угла колодок впились

в запястья с такой силой, что, казалось, кисти вот-вот отвалятся. Охотник за рабами, надевавший на юношу колодки, злобно усмехнулся и толкнул Кави к пленникам. На пиколотки ему надели веревочные петли, затянули их, связали между собой и прикрепили к общей веревке, соединявшей такие же петли на ногах всех пойманных дарфарцев. Отряд двинулся дальше, и, когда уже совсем стемнело, пересек границу Стигии.

В Сухмете пленников отвязали друг от друга, не сняв, однако, с ног каждого веревок, и затолкали в крошечное, очень тесное помещение, вплотную примыкавшее к дому предводителя отряда охотников за рабами. Кави освободили от колодок, но, помня о его исключительной опасности, на одереженевшие руки юноши надели металлические браслеты, скрепленные толстой цепью. Впрочем, все эти предосторожности вряд ли были уместны, ибо заточенные зубы всюду сразу выдавали дарфарцев, а в Стигии они появлялись только в качестве рабов, граница же близ Дарфара хорошо охранялась, так что бежать пленникам было некуда.

Новый хозяин, окинув измученных и до смерти перепуганных людей долгим, изучающим взглядом, приказал одному из слуг:

— Накормить, дать воды для питья и умывания. А то на рынке за них и медной монеты получить не удастся. Пусть слегка окрепнут. — Затем он повернулся к дарфарцам: — Меня зовут Аркон. Отныне вы принадлежите мне, и я решаю, жить вам или умереть.

С этими словами он вышел, а расторопный слуга поспешил выполнить приказание господина. Большой жбан с водой пленники встретили гулом одобрения, а вот к еде никто не притронулся, ибо хлеб и некое подобие каши из неизвестной дарфарцам крупы были для них страшнее яда: грозный Йог немилосердно наказывал тех, кто осмеливался есть что бы то ни было, кроме мяса. Ни уговоры, ни побои, ни угроза расправы не действовали ни на кого из них, и в конце концов раздосадованный хозяин распорядился принести пленникам вождеденную пищу. Конечно, хоро-

шего мяса им не досталось, но и требуха вызвала восторг у изголодавшихся людей.

Вскоре, слегка насытившись, все улеглись спать, а Кави еще долго шептался со своей сестрой Хатонгой, но маленькая девочка только упрямо качала головой в ответ на все его уговоры.

— Ну почему? — рассердившись в конце концов, чуть не выкрикнул Кави. — Неужели тебе нравится этот вонючий дом и мерзкая еда?

— Кому это может понравиться? — пожала плечами Хатонга.

— Так давай убежим! Мы сумеем. Я помогу тебе, — снова начал уговаривать сестру юноша.

— Нет, — опять закачала головой Хатонга. — Куда мы пойдем? Деревни нашей больше нету, — начала она перечислять, загибая пальцы, — родители мертвы, все сородичи здесь, другое племя может не принять нас. И как мы будем жить?

— Мы будем жить на свободе. Я умею охотиться. Построим заново наш дом... — Он замолчал, вдруг поняв, насколько неубедительно все это звучит для ребенка, не ведавшего до сих пор никаких забот. — А может, — добавил он, подумав, — соседнее племя и не прогонит нас. Мы ведь никогда не враждовали.

— А чьего жреца мы съели на прошлом празднике Йога? — сощурившись, взглянула на него сестра.

— Тогда найдем незнакомое племя. У них не будет с нами счетов.

— Не будет, — согласилась Хатонга, с самого раннего детства отличавшаяся рассудительностью. — Зачем незнакомым людям сводить с нами счеты? Они нас просто съедят.

Кави не мог не согласиться с тем, что она права. Дарфарские племена были сильно разобщены, и на соседей, как правило, смотрели как на будущие жертвы Йогу и угощение к пиршественному столу. Кому нужны двое, оставшиеся без крова и родственников? Их, конечно, примут, будут хорошо кормить и оберегать, но только до очередного праз-

дника, посвященного кровожадному божеству. А потом, оглушив ударом дубины по голове, их бросят в яму, где горит жертвенный огонь, затем, слегка поджарив, вынут тела, поднесут Йогу крошечный кусочек, а остальное с удовольствием съедят сами. Проклятые стигийцы навсегда закроли им путь на родину!

Хатонга, которой надоели пустые разговоры, свернулась клубочком и заснула, положив брату на колени растрепанную голову, а Кави еще долго сидел, вглядываясь в темноту и прислушиваясь к ночным порохам, и напряженно думал. В конце концов, немало дарфарцев живет в чужих краях. Говорят, они даже объединяются в общины и исправно служат своему богу. Во всяком случае, из отрывочных разговоров стигийцев он понял, что с дарфарцами считаются, хоть и боятся и ненавидят их. А как же данное Йогу обещание вернуться и преподнести ожерелье из ушей врагов? Но ведь он, Кави, еще жив, а значит, сумеет собрать обещанную жертву. Надеть ожерелье можно и на другого идола, ведь бог один, только изображений у него множество... Юноша тяжело вздохнул. Пожалуй, Хатонга поступает мудро, отказываясь бежать. Что ж, попробует и он не горячиться, подождать и посмотреть, как все сложится дальше. Плох тот охотник, который не умеет сидеть в засаде.

Стигиец, отряд которого уничтожил деревню Кави, тоже не сразу лег спать в эту ночь, но у него были другие причины бодрствовать: он подсчитывал будущую выручку. Сначала он собирался отвезти пленников в Луксур. Там невольничий рынок был покрупнее, покупателей всегда собиралось много, и потому пойманные дарфарцы могли бы принести большую прибыль. Несмотря на их верования, постоянно требовавшие человеческой крови, каннибалов из Дарфара покупали охотно. Они были сильными и ловкими, легко справлялись с самой тяжелой работой, а кроме того, других рабов всегда можно было держать в повиновении, пригрозив им, что за непослушание они будут отданы людоеду. На то, что дарфарцы время от времени выходили по ночам на улицы городов на охоту, их хозяева смотрели сквозь пальцы: как правило, добычей приверженцев Йога

становились нищие, бродяги и прочий сброд. В конце концов, в уличных потасовках погибает немало тех, кто не умеет постоять за себя, а будет убитый торжественно похоронен или съеден в угоду чужеземному богу — кого это волновало?

Все бы хорошо, но до Луксура было несколько дней пути, и чтобы товар прибыл на место в приличном состоянии, пришлось бы изрядно потратиться и на содержание пленников, и на охрану. Тщательно прикинув все за и против, удачливый охотник за рабами решил, что гораздо выгоднее будет сбыть всех прямо в Сухмете. Близость дарфарской границы существенно снижала цену на рабов, но зато и держать их у себя, рискуя, что в любую минуту они могут сбежать, было не нужно.

Наутро Аркон еще раз внимательно осмотрел всех пленников и остался доволен. Четверо высоких, стройных и ловких юношей, шесть зрелых мужчин, еще вполне сильных и крепких, три старика, которые вполне продержатся несколько лет, даже если их купят для работы на каменоломнях, три очаровательные девушки — чудесное приобретение для гарема какого-нибудь любителя острых ощущений, четыре женщины, вполне годившиеся для любой работы, и пара детей, уже вполне самостоятельных. Если торговля пойдет удачно, нескоро понадобится собирать новый отряд и пускаться в опасное путешествие за новым товаром.

Дарфарцев накормили, затем внимательно осмотрели путы на руках и ногах, скрепили всех пленников одной веревкой и под охраной десяти хорошо вооруженных воинов повели на рынок, находившийся на противоположном конце города, у северных ворот. Место, где продавали и покупали рабов, сильно отличалось от рынков, где торговали снедью, тканями, изделиями гончаров и жестянщиков. Посреди небольшой площади был сооружен узкий помост, достаточно высокий, чтобы возможные покупатели могли со всех сторон рассмотреть предлагаемого к продаже раба. Товар держали за помостом, в тесном здании, и выводили рабов по одному: таким образом продавцу было легче добиваться желаемой цены. Первоначальную цену назна-

чал хозяин пленников, предоставляя публике право торговаться.

На помосте стояли кресло для главного продавца, столик для писца, аккуратно ведущего записи (дата, число проданных голов, цена), на основании которых продавцы затем платили налог в казну города, и гонг, оповещавший о начале и конце торгов за каждого отдельного раба. Человек у гонга и писец получали долю с продажи, а потому за эти места всегда шла ожесточенная борьба.

У самого помоста, как правило, толпились нищие попрошайки, протягивавшие жадные руки к каждому покупателю, ибо обычай требовал от каждого, кто приобрел здесь хоть что-нибудь, щедрой милостыни. Чуть поодаль полукругом стояли кресла, предназначенные для наиболее богатых и знатных. Справа и слева обычно замирали носильщики, слуги и телохранители, терпеливо ожидавшие своих хозяев. За креслами тянулись несколько рядов простых деревянных лавок для покупателей победнее, праздношатающихся бездельников и любопытствующих зевак. Иногда они приобретали по бросовой цене тех рабов, на которых не позарились богачи.

Перед самым началом торгов Аркон еще раз осмотрел свой товар, пощупал мускулы у мужчин, проверил, целы ли зубы, подергал женщин за волосы, приказал всем раздеться догола, велел слугам натереть золотисто-коричневые тела оливковым маслом, а после этого пояснил, в какой очередности выводить рабов на помост. Слуги дружно закивали и согнулись в учтивом поклоне, всем своим видом выражая готовность в точности выполнить каждое распоряжение хозяина.

Аркон удобно устроился в кресле, предназначенном для владельца товара, и дал знак зазывале начинать торги. Тот радостно заулыбался, по боковой лесенке влетел на помост, вышел на его середину и поднял над головой руки, призывая зрителей к тишине. Когда толпа немного затихла, он провозгласил:

— Почтеннейшая публика! Сегодня наш уважаемый Аркон, известный своей смелостью и удачливостью, предлагает

вашему вниманию свою самую свежую добычу. Он совершил рискованнейшее путешествие в Дарфар и привел оттуда великолепнейший товар. Смотрите.

Ударил гонг, и на помост вывели высокого пожилого мужчину. Его выпуклые мышцы, блестящие от втертого в них масла, произвели на публику должное впечатление, и по толпе пробежал говорок.

— Взгляните на него хорошенько! — завопил зазывала. — Смотрите, как он силен и ловок! Неважно, что ему уже не двадцать лет! У него впереди еще половина жизни, и за это время он принесет своему хозяину немалую прибыль! Посмотрите на него внимательно! Десять серебряных монет — разве это цена за такого мощного раба? Десять монет! Кто даст их?

Седовласый мужчина, сидевший в первом ряду, поднял руку:

— Двенадцать!

Ударил гонг, писец обмакнул перо в чернила, а зазывала снова закричал:

— Двенадцать монет! У тебя хороший глаз, господин! Этот дикарь вернет вам вложенные деньги и в десятки раз увеличит их. Двенадцать монет! Может, кто-нибудь хочет предложить больше?

Сосед седовласого выкрикнул:

— Пятнадцать!

Снова ударил гонг.

— Пятнадцать! — захлебнулся от восторга зазывала. — Великолепно! Тот, кому посчастливится стать хозяином этого дарфарца, никогда не пожалеет! Кто больше?

— Шестнадцать! Восемнадцать! Двадцать! — предложения посыпались со всех сторон, и Аркон едва заметно улыбнулся: он снова не ошибся, наняв именно этого зазывалу. В конце концов первый раб был продан за двадцать две монеты. Гонг ударил трижды, писец быстро записал цену, и кузнец, расположившийся возле помоста, ловко постукивая маленьким молоточком, надел на проданного раба кандалы. Покупатель сделал знак одному из своих слуг, и тот достал из мешочка, висевшего у него на шее, клеймо. Клей-

мо обмакнули в специальную жидкость и с силой приложили к правому плечу дарфарца. Десятки острых иголок пронзили плоть, и на могучем плече проступил черный рисунок. Такую татуировку нельзя было вывести ничем. Теперь каждому, кто взглянет на рисунок, будет ясно, чья это собственность.

В этот день торги шли бойко. Зазывала старался как мог. Он улыбался, кричал, уговаривал, расхваливал товар так, что даже тем, кто пришел просто развлечься, хотелось купить именно того раба, которого он представлял. Кави, который слышал каждое слово, доносившееся с помоста, трясло от отвращения и ненависти, но ничего поделать он не мог. Наконец дошла очередь и до него.

— Номер восемь! — объявил зазывала. — Какой красавец! — Он закатил глаза и причмокнул. — А сила!... Его силы хватит на десятерых! Он молод. Он неглуп. У него большое будущее. Тридцать серебряных монет за это роскошное животное! Торопитесь! Если его не купят сегодня, благородный Аркон обучит его грамоте, и тогда цена этого дарфарца вырастет до десяти золотых монет! А обучить его будет нетрудно! Он может быть кротким, и свирепым, покорным и строптивым, из него получится великолепный сторожевой пес! Тридцать монет! Да это просто подарок от благородного Аркона в честь удачных торгов!

— Тридцать пять! Сорок! Пятьдесят! — Публика явно вошла в раж. — Пятьдесят пять! Шестьдесят!

Кави пристально вглядывался в лица выкрикивавших все новые и новые цены, и думал, с каким наслаждением он впился бы в горло любого из этих людей, с какой радостью терзал бы их жалкую плоть, как быстро пополнилось бы ожерелье для Йога. Воображение юноши нарисовало такую яркую картину, что он невольно облизнулся, а его злобный и настороженный взгляд на несколько мгновений потеплел.

— Восемьдесят! — вскинул вверх руку широкоплечий, крепкий мужчина, ястребиный нос которого и курчавая пышная борода, суживающаяся книзу, выдавали в нем уроженца Шема.

— Прекрасная цена! Превосходная цена! — заверещал зазывала. — Есть еще предложения? Восемьдесят — какая чудесная цена!

Гонг ударил трижды, и Кави перешел в собственность шемита. Юношу, как и его собратьев по несчастью, заковали, а вот клеймо новый хозяин приказал поставить не на плече, а на спине, между лопатками. Когда жгучая волна боли схлынула и Кави вновь обрел способность видеть и говорить, шемит сказал ему:

— Меня зовут Исакар. Сегодня же я возвращаюсь домой, в Аббадрах, что находится в Шеме, близ границы со Стигией. О своей судьбе ты узнаешь, когда мы прибудем на место, но, обещаю, ты не пожалеешь о том, что тебя купил именно я.

Кави хмуро взглянул на своего хозяина и криво усмехнулся, подумав при этом: «Чернобородый тупица! Как можно не пожалеть о том, что тебя лишили свободы? Ну ничего, с тобой я поживаюсь попозже». В тот миг юноша даже заподозрить не мог, что годы, проведенные в доме Исакара, будут вспоминать как лучшую пору своей жизни.

По прибытии в Аббадрах Кави поместили в доме хозяйина. Крошечная комнатка, хоть и надежно укрепленная толстой решеткой на окне и массивными запорами на прочной двери, оказалась вполне удобной и даже уютной. Обстановка ее была довольно скудной: узкая лежанка, маленький столик и небольшой сундучок для одежды, — но привыкшему и к более скромным условиям дарфарцу этого было более чем достаточно.

Его сытно кормили отборным мясом, даже не пытаясь предлагать какую бы то ни было иную пищу, и никто не беспокоил. Лишь сам Исакар время от времени навещал своего раба, никогда не беря с собой охрану, словно совсем не опасался за свою жизнь, и подолгу беседовал с ним, попутно обучая смышленного юношу шемитскому и туранскому языкам, а также грамоте. В конце концов Кави, удивляясь самому себе, привязался к хозяину. Единственное, что беспокоило молодого раба, — ему давно не приходилось отведать человеческого мяса, и он почти физически

ощущал то, что его соплеменники обозначали словом «нечистый». Когда он уже был на грани отчаяния, случилось нечто, наполнившее его душу чувством, сходным со счастьем.

Однажды вечером Исакар пришел к нему в комнату:

— Я давно присматриваюсь к тебе и могу уверенно сказать, что не ошибся, когда в Сухмете выбрал именно тебя. То, что я расскажу сейчас, все посвященные клянутся держать в величайшей тайне, цена которой — жизнь. Ты можешь поклясться?

— Клянусь Воротами Страны Теней, — взволнованно произнес Кави, подумав, правда, при этом, что иных собеседников, кроме Исакара, у него все равно нет.

— Слышал ли ты когда-нибудь о культе Золотого Павлина Сабатеи? — спросил Исакар, и когда дарфарец отрицательно покачал головой, продолжил: — Приверженцы этого культа поклоняются демону в павлиньих перьях. Золотой Павлин строг и суров и требует от своих детей многих жертв, лучше всего — человеческих. — Кави напрягся, а Исакар по-дружески потрепал его по плечу: — Не волнуйся. Я потратил такие деньги не для того, чтобы принести тебя в жертву Золотому Павлину. Все гораздо интереснее.

Он надолго замолчал, не сводя пристального взгляда с дарфарца, словно еще раз обдумывал, можно ли посвящать раба в свою сокровенную тайну, но все-таки решил:

— Я жрец Золотого Павлина. Ты спросишь, почему это тайна? Наш культ запрещен в Шеме. И не только в Шеме, но и повсюду. Из-за человеческих жертв, конечно. Но мы признаем свое божество истинным и не собираемся отступать от него. Так вот, я жрец. До недавнего времени у меня был превосходный помощник, но вот уже два месяца, как он покинул меня, чтобы встретиться с богом. Тогда я решил отправиться в Стигию, где можно купить раба из Дарфара, чтобы им заменить своего усопшего друга. Культы Золотого Павлина и Йога очень близки друг другу, и я хочу спросить, согласен ли ты служить Павлину?

Беседа затянулась далеко за полночь. Исакар подробнее рассказал о своем божестве, поведал, как добывают-

ся для него жертвы, доказывал, что его бог и бог Кави — почти родные братья. Дарфарец долго не поддавался уговорам, но против одного предложения устоять не смог.

— Мы отдаем всю жертву Павлину, тогда как вы почти целиком оставляете ее себе, — сказал Исакар. — Я позволю тебе забирать ту часть, какую захочешь, после каждого жертвоприношения.

Глаза Кави заблестели. В конце концов, ему ведь не предлагают отречься от своего бога, просто он обретет еще одного, очень похожего.

— Хорошо, — согласился юноша. — А что требуется от меня?

Оказалось, добывать жертвы с каждым годом становилось все труднее и труднее, несмотря на то что жрецы Золотого Павлина в этом деле достигли небывалых высот, творя подчас настоящие чудеса. После многих удачных вылазок Исакар все же навлек на себя некоторые подозрения и потому больше заниматься этим не мог. Кави с его ловкостью, силой и сноровкой как нельзя лучше подходил для этой роли и после короткой подготовки начал прекрасно справляться со своими новыми обязанностями. Два года прошли для него как два дня, пока однажды не грянул гром.

Приверженцы сабатеяского культа, которых, к удивлению дарфарца, в Шеме оказалось немало, готовились к очередному торжеству, посвященному Золотому Павлину. Это был особенный праздник, проводимый один раз в пять лет, когда божеству требовалось преподнести сердце девочки не старше семи лет.

До этого Кави прекрасно справлялся со своей задачей. Ему, выросшему в глухих джунглях, где от ловкости и умения передвигаться быстро и совершенно бесшумно зависело, скоро ли Ворота в Страну Теней откроются, чтобы впустить очередного обитателя, было совсем нетрудно отлавливать одиноких прохожих, заезжих ротозеев, подгулявших выпивох, предназначенных для алтаря Павлина. Но как быть, когда малые дети редко остаются без присмотра? Оставалось одно: завлечь девочку обманом.

Он долго бродил по улицам Аббадраха, пока не рассмотрел несколько детей, вполне подходивших для его целей. Терпения и выдержки карфарцу хватило бы на то, чтобы выслеживать ребенка годами, но времени-то как раз у него и не было, и он остановил свой выбор на шестилетней девочке, семья которой, как показалось Кави, не слишком обременяла себя заботой о ребенке. Во всяком случае, ему не раз приходилось видеть, как она играет одна или как ее мать, отправляясь за покупками, смело оставляет дочь на улице возле лавки.

Договориться с малышкой оказалось нетрудно. И правда, весьма сложно найти девочку, которая не приняла бы в подарок забавную игрушку и не согласилась бы зайти к доброму дяде, который утверждает, что больше всего на свете любит играть с детьми и что в саду у него есть качели, а в доме стоит накрытый стол с сочными фруктами, сладким изюмом и медовыми лепешками. Девочка доверчиво протянула «доброму дяде» розовую ладошку, и он, чуть ли не приплясывая от радости, что все так ловко получилось, повел ее в дом, где ребенка действительно ждали, но не расписные качели, а другие «добрые дяди», которые уже заточили нож, чтобы вырезать сердце из груди гостыи.

Девочку напоили сладким соком, в который не забыли подмешать сонный порошок, умыли, переодели в белоснежное платье и торжественно возложили на алтарь. Жрец Золотого Павлина нараспев прочел молитву, тонкое стальное лезвие мягко вошло в хрупкую грудную клетку, и кровожадный демон в роскошном оперении поглотил еще бьющееся сердечко. Кави, довольный собой, вечером тихонько шепнул благодарственные слова Йогу и, причмокивая, съел большой кусок нежного, слегка поджаренного мяса.

Однако радовался он напрасно, ибо впервые в жизни наблюдательность дарфарца подвела его. Женщина, которая так беспечно оставляла ребенка без присмотра, оказалась не матерью девочки, а ее няней, по лавкам или просто поболтать с подружкой она ходила втайне от хозяев, считывая на молчаливость ребенка и ее привязанность. Когда малышка пропала, начался большой переполох, кото-

рый усиливался тем, что она была единственной наследницей уже очень немолодого, зато весьма богатого купца, который добрую половину своей жизни потратил на то, чтобы вымолить у богов дочь или сына.

Через несколько дней в дом Исакара явился несчастный отец. Откинув обычные для шемитской знати цветастые приветствия, он сразу заявил:

— Нашлись люди, которые видели, как твой чернокожий раб разговаривал с моей дочерью. После этого она бесследно исчезла. Я, может, не обратил бы на это особого внимания, не будь он родом из Дарфара.

— Почтенный Джайаб, — ответил Исакар, склонившись в полупоклоне, — этот раб живет в моем доме уже не один год, и я смею утверждать, что он отказался от каннибальства. Я подолгу беседовал с ним, и он согласился принять нашу веру. А что до твоей дочери... У Кави нежная и любящая душа. Стигийцы разлучили его с любимой сестрой, и он особенно сильно тоскует, когда видит маленьких девочек. Мой раб не мог причинить вреда твоей дочери.

— Не родился еще тот дарфарец, который откажется от человеческого мяса! — вскричал Джайаб. — Почему ты защищаешь нечестивого? Он раб, и одного подозрения достаточно, чтобы осудить его, не обращаясь к владыке и его судьям.

— Ты прав, он раб, — кивнул Исакар. — Но это мой раб, а значит, моя собственность. Из уважения к тебе и твоему горю я сам накажу его, хотя не сомневаюсь, что его вины тут нет. Но позволь дать тебе добрый совет: не прекращай поиски дочери. Может, она просто заблудилась?

— Нельзя не верить тому, кого ни разу не подозревали во лжи, — вздохнул купец. — А совет твой напрасен, я и так не перестану искать мою девочку до конца своих дней.

Когда Джайаб ушел, Исакар поспешил в комнату Кави.

— Друг мой, — сказал он дарфарцу. — Я не виню тебя, но Джайаб требует наказания. Будь ты просто рабом, мне пришлось бы отдать тебя в руки палачей. Но за эти годы ты стал мне другом и единомышленником, а потому я предлагаю единственный выход. Тебе придется бежать, ибо

в Шеме ты не можешь оставаться и часу. Однако жизни беглого раба не позавидует и покойник...

— И что мне делать? — всполошился Кави.

— Я дам тебе бумагу, где будет написано, что за усердие и послушание, а также за особые заслуги тебе дарована свобода.

— Это больше, на что я мог рассчитывать, — печально улыбнулся Кави, — но мне некуда идти.

— Это не моя прихоть, — сурово насутился Исакар. — Собирайся, если хочешь остаться в живых. А я пока приготовлю бумагу. Еще до наступления ночи ты должен покинуть мой дом. И учти: утром я подниму шум, что ты бежал. Мы затратили слишком много усилий, чтобы держать наш культ в тайне, и не можем теперь рисковать. Если бы заподозрили меня, я тоже был бы вынужден скрываться. Торопись. Времени у тебя очень мало.

— Куда мне идти? — покорился своей судьбе Кави.

— Подальше от Шема и Стигии. Здесь ты погибнешь, а там тебя снова продадут в рабство, и никакие бумаги не помогут. Я бы посоветовал податься в Туран. Это большая страна, в ней всегда много чужеземцев, и к ним привыкли настолько, что никто не будет задавать тебе лишних вопросов. В крайнем случае, можешь отвечать, что собираешься наняться в армию Илдиза или к кому-нибудь в телохранители. Лучше всего избрать крупный город, и хоть тебе будет трудно во всей этой суете, но среди множества людей проще затеряться. Прощай, друг мой. Мне будет тебя не хватать.

— Прощай, — эхом отозвался дарфарец. — Спасибо тебе за все.

Тихая и сытная жизнь Кави кончилась, едва успев начаться. Как только на Аббадрах спустились сумерки, он бесплотной тенью выскользнул из дома Исакара и растворился в темноте...

* * *

Увлекательная история была прервана жутким грохотом. «Длань Митры» подпрыгнула, резко накренилась и

замерла, словно морская вода мгновенно превратилась в лед и крепко зажала судно, как в тиски. Конан вскочил и бросился на палубу. Фонарь, вывешенный на носу корабля, почему-то не горел, а фонари на мачтах давали слишком мало света, чтобы в ночной тьме можно было разглядеть, что произошло. Справа по борту черной громадой высились скалы, между которыми едва угадывалась крохотная бухточка.

— Что случилось? — схватил киммериец за рукав пробежавшего мимо матроса.

— Пробоина! — крикнул тот на ходу и растворился в темноте.

Варвар помчался на нос судна, чтобы разыскать Харгерда, который взял на себя обязанности кормчего. Несмотря на царившую вокруг суету ему удалось это сделать довольно быстро.

— Конан! — воскликнул новый кормчий, едва завидев могучую фигуру киммерийца. — Мы получили пробоину! Карта никуда не годится. Рифы обозначены намного левее, вот мы и сдали вправо, а тут... — Он взмахнул руками и тут же безвольно опустил их. — Моя вина. Я оставил у руля Атрана, а у него явно не хватило опыта... Не должен я был ночью уходить отсюда.

— Кто виноват, разбираться будем потом, — быстро ответил Конан. — Сейчас меня волнует только одно: как долго мы продержимся на плаву.

— Ну, тут все в порядке, — нашел в себе силы улыбнуться Харгерд. — Мы не погружаемся. Видимо сели, как задницей на кол.

— Тогда будем ждать рассвета, — решил варвар, — а потом определим, что делать.

Глава одиннадцатая

Судно слегка покачивалось и при малейшем дуновении ветра раздавался треск, словно невидимый великан долбил дно «Длани Митры» огромным ломом. Побродив по палубе и спустившись в трюм, чтобы проверить, какова пробоина, Конан все же решил не дожидаться утра и, собрав команду, спросил:

— Кто из вас хорошо плавает?

К его досаде, таких оказалось вряд ли более половины. Остальные либо едва могли удержаться на плаву, либо сразу же шли камнем на дно.

— Клянусь копытами Нергала! — гаркнул Конан. — В жизни не встречал таких моряков! Значит так, — добавил он, слегка успокоившись, — все, кто в состоянии это сделать, должны выбираться на берег, прихватив с собой какую-нибудь поклажу. Те, кто боится утонуть, останутся на корабле и будут дожидаться, пока мы не придумаем, как из всего этого выкрутиться. Чем легче будет корабль, тем сильнее надежда, что он не развалится раньше времени.

— Погоди, Конан, — вмешалась неожиданно появившаяся Амарис. — Собак из трюма надо тоже доставить на берег.

— Ты в своем уме? — огрызнулся варвар. — Тут неизвестно, что с людьми делать, а ты о собаках печешься.

— Это не так трудно, как ты думаешь, — заискивающе улыбнулась Амарис. — Они прекрасно плавают, а снадобье делает их совершенно неопасными. Надо только перетаскать клетки, чтобы на берегу псов снова запереть. Кроме

того, те, кто не уверен в своих силах, могут держаться за их загривки. — Помолчав немного, она добавила: — Это очень важно, спасти собак, ты даже не представляешь, как это важно...

— Хорошо, — после недолгих раздумий согласился Конан. — Не хочу с тобой спорить. Чем быстрее мы уберемся отсюда, тем лучше.

Самым трудным оказалось переправить клетки, но киммериец, а также два туранца, Бакдул и Атран, которые были отменными пловцами, справились и с этим. Амарис, прихватив с собой шкатулку со снадобьем, добралась до берега без посторонней помощи, чем в очередной раз восхитила варвара, а ее собаки, как она и обещала, никому не причинили лишнего беспокойства. На берегу их снова загнали в клетки, а потом развели костры и устроились возле них, чтобы обсохнуть и согреться. Постепенно все успокоились и заснули, лишь Конан, бросая встревоженные взгляды на темневший неподалеку корабль, заявил, что не сомкнет глаз. Он прилег возле костра, задумчиво глядя на пляшущие языки пламени, и даже вздрогнул от неожиданности, когда его плеча легко коснулась рука Амарис.

— Я не хочу спать, — заявила она, опускаясь на песок рядом с киммерийцем. — Лучше посижу с тобой.

— Тогда уж продолжи свой рассказ, — попросил Конан.

— Хорошо, — кивнула Амарис.

* * *

Дарфарец не надеялся, что путь до Турана окажется простым и легким, но по-настоящему испугался, когда на его пути встала пустыня. Ему, лесному жителю, бесконечная гряда светло-желтых безжизненных холмов показалась страшнее Страны Теней, когда лучи все выше и выше поднимавшегося солнца из нежных и ласковых превратились в палящие. Песок нагрелся быстро, и каждый шаг юноши стоил ему большого труда, однако он упорно продвигался вперед, хотя плохо представлял, куда направляется, ибо горячий воздух, ослепительный свет и ставший почти белым песок слились для него в море слепящего пламени.

Голову словно стянуло обручем, в висках стучала кровь, и каждый удар сердца юноши отдавался мучительной болью. От острой рези в глазах он плохо видел, то и дело перед взором начинали плавать, струиться или стремительно вращаться разноцветные пятна, в воспаленном мозгу возникали видения. Вот впереди заплескалось лазурное море, которое вдруг сменилось быстро бегущими диковинными зверями, а они взмахнули внезапно выросшими крыльями и исчезли в бескрайней голубизне неба, затем перед путником вырастали деревья, возникали полупрозрачные люди, и снова море дразнило прохладной глубиной...

Падая и снова упорно поднимаясь на ноги, Кави тер кулаками глаза, изо всех сил шлепал себя или щипал, чтобы снова увидеть, что же на самом деле окружает его, но яркие краски мелькали все быстрее и быстрее, складываясь в причудливые картины и мгновенно распадаясь. Только страстное желание выжить во что бы то ни стало и сохранить так неожиданно обретенную свободу заставляло дарфарца двигаться вперед.

Сколько времени провел он в этом пекле — час? день? год? — юноша не знал, но он все-таки дожид до того дня, когда среди опостылевших песков появилась первая чахлая растительность. Кави выкопал несколько наиболее ярких кустиков травы и долго, с наслаждением высасывал из корней крошечные капельки влаги. В тот миг ему казалось, что он приложился к кубку, из которого пьют боги.

Пустыня кончилась. Полуживой дополз дарфарец до крошечного селения, состоявшего всего из пяти домов, на шемитском и туранском языках попросил воды и впал в забытие.

Молодость и сила помогли ему быстро оправиться. Когда он пришел в себя, к его величайшей радости оказалось, что Шем остался позади. Вспомнив советы Исакара, Кави сочинил длинную историю о том, как отправился с друзьями наниматься в войско Илдиза Туранского, но в пустыне потерялся и теперь ничего не знает о судьбе своих спутников. Более внимательный слушатель уловил бы в его рассказе так много странного, непонятного и противоречивого,

что мгновенно уличил бы его во лжи, но крестьянам не было дела до мытарств еще одного бродяги, который мечтает разбогатеть на службе их владыки. Едва юноша окреп настолько, что вполне мог покинуть селение, ему дали кое-какую одежду, собрали еды в дорогу, наполнили водой бутыл, сделанную из высушенной тыквы, и простились с ним, вскоре забыв о случайном госте.

Три года мотался Кави по Турану. Больше всего по сердцу ему пришлась Замбула, где он встретил множество людей со своей родины. Тут помнили и чтити Йога, и юноша с удовольствием остался бы в этом замечательном городе навсегда, но он был единственным свободным человеком среди дарфарцев, и довольно быстро нажил себе врагов и среди йогитов, и среди туранцев. С великим сожалением покинул он Замбулу и отправился дальше скитаться по свету.

Кави так часто менял города, что даже не запоминал их названий. Он недолго послужил в охране какого-то жирного и склочного богача, поработал грузчиком в порту и даже вышибалой в аграпурском трактире, но нигде не задерживался надолго и после очередной жертвы Йогу вынужден был мгновенно смываться. За время своих странствий он добрался до Султанапура. Там он познакомился с Кумаром, предводителем одной из шаяк Красного Братства — сообщества вилайетских пиратов. Они быстро нашли общий язык, и полгода Кави бороздил море со своими новыми приятелями. Пиратов вовсе не интересовало, какую печенку предпочитает на обед чернокожий головорез — нежную телячью или жирную купеческую. Так, наверное, и закончил бы дарфарец свою жизнь, если бы однажды попутный ветер не занес их галеру в Шандарат.

Команда сошла на берег и отправилась кутить по кабакам, а Кави, гастрономические вкусы которого сильно отличались от вкусов его дружков, решил развлечь себя каким-нибудь необыкновенным зрелищем. Случай привел его к амфитеатру, где проводились собачьи бои. Горячая кровь дарфарца кипела, когда он смотрел, как красиво бьются роскошные звери, каждого из которых он был готов на-

звать своим братом. Он так восхищался псами, что сначала даже не заметил их хозяйку, а когда увидел ее, мгновенно понял, что согласился бы влезть в шкуру любой из этих собак, лишь бы провести остаток своих дней у ног этой невероятной женщины.

Подобно каменному изваянию застыл он, глядя на Амарис, и только темно-карие глаза, в которых горели восторг и обожание, говорили о том, что в могучем бронзовом теле есть жизнь, которую дарфарец готов отдать по малейшему знаку изящной тонкой ручки. Молодая вдова, почувствовав на себе обжигающий взгляд, обернулась, и в уголках ее губ задрожала едва заметная улыбка. Амарис окинула оценивающим взглядом статного, сильного великана и поманила его розовым пальчиком. В несколько прыжков Кави очутился возле нее и почтительно припал на одно колено, склонив голову.

— Кто ты? — нежным голосом спросила красавица.

— Твой раб, госпожа, — хрипя от волнения, ответил Кави.

— Как тебя зовут? — рассмеялась польщенная Амарис. —

Откуда ты?

— Кави. Из Дарфара, — последовал краткий ответ.

— Из Дарфара? — Тонкая черная бровь слегка приподнялась. — Это интересно... И как же ты попал так далеко от своей родины?

— Это длинная история, госпожа. Если ты позволишь мне побыть у твоих ног, я расскажу ее тебе.

Овдовев больше года назад, Амарис отчаянно тосковала. Несмотря на ее красоту и богатство, претенденты на руку и сердце роковой красавицы не толпились у ее дверей. Душа ее томилась от пустоты, а тело — от жажды ласки. Красивый дарфарец, дикостью и силой в чем-то схожий с ее обожаемыми псами, заинтересовал женщину, а страсть, которую он излучал, согрела Амарис, словно огонь камина долгим зимним вечером.

С этого дня, где бы ни появлялась Амарис, всюду ее сопровождал неразговорчивый темнокожий гигант. Вскоре люди зашептались о том, что, судя по красноречивым взглядам, которыми эта пара изредка обменивалась, забыв, что они не

одни, их связывают гораздо более тесные отношения, чем они стремятся показать. Разговоры, как это бывает нередко, оказались небеспочвенными. Гордая красавица впервые отступила от своего твердого правила отдавать свое тело лишь законному супругу. Ее душа иногда бунтовала против этого, но зов плоти был намного громче зова разума.

Четыре раза шандаратский судья скреплял брачные договоры, в которых стояло имя Амарис, но до встречи с дарфарским каннибалом она даже не подозревала, какими могут быть истинные дары любви. Она купалась в волнах обожания, исходивших от Кави, таяла в его могучих и одновременно таких нежных руках, жадно пила его страсть и не могла остановиться, как дикий зверь, которому неведомо насыщение.

Тем временем молва, поначалу едва слышно шептавшая нелестные для Амарис слова, постепенно начала обретать все более и более громкий голос, и даже такая независимая и самостоятельная женщина, как эта богатая вдова, не могла не прислушаться. Она стала часто задумываться о чем-то своем и однажды, любуясь прекрасным телом своего возлюбленного, темно-бронзовый цвет которого чудесно оттеняли белоснежные шелковые простыни, Амарис спросила:

— Скажи, Кави, тебе хотелось бы стать моим мужем?

— Душа моя, ты согласишься связать свою жизнь с заклеянным рабом из Дарфара? — приподнялся на локте изумленный Кави.

— Твое клеймо доступно лишь моему взору, — улыбнулась Амарис, — а в том, что ты раб, мой раб, и так никто не сомневается. Что же касается Дарфара... Кому какое дело, что ест на обед мой муж?

Амарис сама обманывала себя: людоедство казалось ей не таким уж страшным делом, пока она лишь слышала о нем. Она даже представить не могла, что произошло бы, попытайся ее любовник хоть раз у нее на глазах закусить кем-нибудь из слуг или соседей.

— А кроме того, — продолжила она, — мне кажется, ты не отличаешься религиозным рвением, а твой Йог не пре-

следует тебя за это. Если ты смог служить Золотому Павлину, почему бы не сделать следующий шаг и не признать менее кровожадного бога?

— Я уже признал, — привлек ее в свои объятия Кави, которому очень не хотелось продолжать разговор о богах и тем самым терзать глубокую душевную рану. — Я выбрал для себя бога. Богиню. Тебя.

— погоди, — тихо засмеялась Амарис, отодвигаясь от возлюбленного. — Ты не ответил на мой первый вопрос.

— Стать твоим мужем? Ты серьезно об этом? О! Я даже мечтать не смел... Я гнал от себя даже тень таких мыслей...

— Тогда решено, — погладила Амарис бронзовое плечо. — Только...

— Что, моя госпожа?

— Я не хочу большого пира. И много гостей не хочу.

— Мы можем вообще не звать гостей, — продолжил ее мысль Кави. — Пусть это будет наш праздник. Твой и мой.

Пятая свадьба Амарис прошла очень тихо. Судья дрожащей рукой подписал еще один брачный договор, с сожалением посмотрел на счастливое лицо дарфарца, печально вздохнул и пожелал молодым любви и радости. Новоиспеченные муж и жена вернулись домой, где их ждал празднично украшенный зал со столом, накрытым для двоих.

Блистательный Шандарат-замер в ожидании дня, когда молодая жена сменит яркие одеяния на скромные наряды вдовы, но время шло, а пятый муж Амарис по-прежнему пребывал в добром здравии. Люди пошептались, пошептались и умолкли, потеряв к супружеской жизни полной покоя и неги красавицы всякий интерес.

Прошло несколько месяцев. Взаимная страсть сильно изменила и Амарис, и Кави. Она намного меньше внимания уделяла своим собакам, а он за это время ни разу не отведал человеческой плоти, хотя по-прежнему не ел ничего, кроме едва обжаренного мяса. Однажды за обедом, глядя на роскошную вазу из оникса, наполненную отборными фруктами, Кави заметил:

— Как быстро летит время! Когда я впервые увидел тебя, фруктовые деревья были в цвету, а теперь на них уже созрели плоды.

Амарис ничего не ответила ему, лишь тень озабоченности отчего-то легла на ее лицо. С этого дня она начала ежедневно заходить в помещение, где отдельно от остальных псов содержались племенные суки. Она подолгу пропадала там, ничего не объясняя, только как-то раз вскользь заметила, что приближается беспокойная пора. Зная, с какой нежностью Амарис относится к своим собакам, а особенно к щенкам, Кави не удивился, а лишь посетовал, что сердце его обожаемой госпожи принадлежит не только ему.

Быстро промелькнули еще несколько дней, и как-то вечером Амарис предложила:

— Хочешь, я покажу тебе свою лучшую собаку? Мне кажется, если ты узнаешь их поближе, то не будешь ревновать меня к ним.

Она привела Кави на псарню, где в отдельной клетке сидела великолепная темно-рыжая собака с желтовато-белым пятном на груди. Увидев хозяйку, она резво вскочила с толстой подстилки и, просунув черный блестящий нос между прутьями решетки, ласково лизнула ладонь, на которой лежал кусочек сахара. Затем она исподлобья взглянула на Кави, рыжая шерсть на массивном загривке приподнялась, а из широкой груди вырвалось глухое рычание.

— Успокойся, милая, — нежным голосом обратилась к ней Амарис. — Это друг. Ты должна привыкнуть к нему и полюбить его, как меня.

Затем она повернулась к Кави и предложила:

— Погладь ее.

Кави осторожно опустил руку на лобастую голову и тихонько потрепал ее. Собака все так же неприветливо смотрела на него, но больше не рычала.

— Вот видишь, — обрадовалась Амарис. — Я не сомневалась, вы подружитесь.

С этого дня они стали заходить к собакам вместе, и скоро дарфарец так проникся к этим удивительным животным, что даже сам торопил Амарис, если она не спешит

ла на псарню. Собаки тоже привыкли к новому для них человеку и даже позволяли ему входить в клетки, что, по словам их хозяйки, было знаком большого доверия.

Как-то утром, за завтраком, Кави заметил, что его жена сегодня особенно задумчива и грустна, а обычно розовые щеки на редкость бледны.

— Что с тобой? — взволнованно спросил он, заглядывая ей в глаза. — Ты не больна?

— Я здорова, — сухо ответила Амарис, отводя взгляд. — Просто у меня немного болит голова.

— Ничего, — улыбнулся Кави. — После завтрака пойдем к твоим любимцам, и всю твою хворь как рукой снимет.

— А может, не надо?

— Что не надо? — не понял Кави.

— Давай лучше погуляем немного. Сходим к морю...

— Хорошо, — согласился покладистый супруг. — Посидим у моря, если ты так хочешь, а потом, когда вернемся, пойдем к собакам.

...Они долго сидели на берегу, глядя, как зеленоватые волны лениво лижут мелкий песок, то подползая почти к самым ногам, то стремительно отступая назад. Амарис почти ничего не говорила. Она стояла так близко к Кави, что ему не нужно было даже делать шага, чтобы коснуться ее, и в то же время находилась так далеко, что, даже если бы он закричал во все горло, она не услышала бы его. Вдруг она всем телом прижалась к дарфарцу, замерла на мгновение, потом решительно отодвинулась, тряхнула головой и позвала:

— Пойдем. Они жаждали нас.

— Я же говорил, тебе скоро станет намного легче, — заулыбался Кави. — Идем, конечно.

Они пришли на псарню, Амарис напрямик направилась к клетке темно-рыжей собаки и, распахнув дверцу, пропустила вперед Кави. Собака приветливо завиляла хвостом и, встав на задние лапы, а передние положив Кави на плечи, принялась старательно вылизывать его лицо. Он смеялся и шутливо отмахивался от любвеобильной подружки, а Амарис, отступив к стене, пристально наблюдала за их игрой.

Потом она на миг прикрыла глаза, потерла их руками и сосредоточила все свое внимание на псе.

Вдруг с собакой начали происходить странные изменения. Она перестала бить хвостом по бокам, вздрогнула, как от удара, и, никак не показывая, что ее настроение резко изменилось, сомкнула пасть на лице Кави. Не успев даже крикнуть, он упал, а пес начал терзать его.

Тут Амарис словно очнулась ото сна. Увидев, как кровь ее возлюбленного брызжет из-под острых зубов зверя, она истошно завопила:

— Назад! Фу! Назад!

Идеально выдрессированная собака тут же отпрыгнула от своей жертвы. Амарис бросилась к Кави и прижалась ухом к его груди, пытаясь услышать, как бьется сердце. Но ее ожидания были напрасными. Сердце, которое еще несколько мгновений назад переполняла любовь к прекрасной женщине, остановилось навсегда.

* * *

Конан поежился не то от услышанного, не то от внезапного порыва холодного ветра, дунувшего с моря. Подняв голову, он с тревогой увидел, что звезды, которые еще совсем недавно горели ярким, ровным светом, затягивают черные тучи. «Не приведи Митра, будет шторм,— подумал киммериец.— Тогда корабль обречен». Однако вслух он сказал совсем другое:

— Значит, все-таки я был прав...

— Ты о чем? — встрепелась Амарис.

— Об этих псах.— Варвар кивнул на пятерых мастафов, сидевших возле хозяйки и всем своим видом выражавших любовь и преданность.— Только не понимаю, как же такое могло произойти?

— Что могло произойти? — В голосе женщины послышался вызов.

— Не прикидывайся дурочкой! — разозлился Конан.— Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Рассказывая о своих мужьях, ты была не совсем искренна, моя дорогая. Эти собаки связаны с их смертями. Не знаю как, но связаны.

— Я тоже это плохо понимаю,— тихо, почти шепотом, проговорила Амарис.— Просто каждый раз от собаки, которая загрызла человека, рождался всего один щенок. Кобель. Очень крупный и необычайно смысленный...

— И ты, зная об этом...— начал киммериец, но она не дала ему договорить.

— Да ничего я не знала! — выкрикнула Амарис.— То есть сначала не знала,— добавила она уже спокойнее.— Первый щенок просто удивил меня, ведь у мастафов обычно рождается по шесть, а то и по восемь детенышей, а тут всего один. После моего второго вдовства вдруг родился такой же пес, и тогда я впервые подумала, что это не просто так.

— А потом решила проверить? — ехидно поинтересовался Конан.

— Мне трудно все тебе объяснить,— печально улыбнулась Амарис.— Для тебя это обычные животные, а я вижу в них близкие мне существа. Ни один человек так и не сумел стать мне дороже мастафов, ближе их и понятнее... Это так сложно... Жизнь любого из этих псов значит для меня больше, чем человеческая. Я с ними сроднилась, что ли...

Конан молчал, не мешая женщине выговориться. Он чувствовал, что еще ни с кем она не была столь откровенна, и боялся это спугнуть. Она всю жизнь несла такую тяжкую ношу, что непонятно, как выдержали ее эти хрупкие женские плечи. «Пусть говорит,— думал он,— может, так она сумеет разобраться в себе? Трудно жить в ссоре со своей душой. Потрясающая женщина!» А она все говорила и говорила. Речь ее, сначала сбивчивая и прерывистая, постепенно становилась более гладкой и ровной, слова лилась потоком, и чем дольше длился монолог Амарис, тем светлее становилось ее лицо.

Слушая затянувшуюся исповедь, в которой Амарис рассказывала даже то, о чем, наверное и сама прежде не подозревала, киммериец не забывал время от времени бросать взгляды на море, откуда дул постоянно усиливающийся ветер. Волны, еще совсем недавно лениво лизавшие берег,

ускорили свой бег, взбивая многочисленные буруны, и «Длань Митры», прежде почти неподвижно сидевшая на подводном рифе, начала раскачиваться и угрожающе трещать. Единственное, что слегка успокаивало Конана, — приближался рассвет, а при дневном свете будет легче разобраться, можно ли починить корабль или, наоборот, закрепить парусник так, чтобы хватило времени обыскать его и найти жемчуг.

Взглянув в очередной раз на море, киммериец оцепенел: прямо за кормой «Длани Митры» откуда-то из глубины появилось сияние, оно постепенно разрасталось, поднимаясь ближе к поверхности, пока наконец не приобрело очертания гигантского овала...

Глава двенадцатая

Свет разгорался все ярче и ярче, по силе соперничая с самым Оком Митры, но в отличие от его животворных лучей был мертвенно-синеватым. Пираты, спавшие возле костров, пробудились, и воздух огласился криками ужаса. Им вторили голоса тех, кто остался на борту парусника.

— Что это? — дрожащим голосом прошептала Амарис, всем телом прижимаясь к Конану.

— Не знаю, — ответил он. — Но что бы это ни было, чувствую, оно несет большую беду.

Огромный овал, поднявшийся из глубин моря, размерами не уступал корпусу «Длани Митры». Вот он замер рядом с кораблем, словно фонарь великана, который рассматривает свою добычу, и вдруг погас, обратившись в черную неподвижную скалу. Затем свет появился снова, но уже не такой сильный, хотя вполне достаточный, чтобы стоявшие на берегу увидели, как чудовище выкинуло щупальце толщиной в два человеческих торса. Щупальце на миг зависло в воздухе, а потом осторожно коснулось кончиком борта корабля и покачало его, словно мать, убаюкивающая ребенка.

Вопли, несущиеся с парусника, превратились в сплошной вой, как будто глотки всех матросов объединились в одну. Осторожно, как соринку из глаза, чудовище сковырнуло с палубы человека, подержало его на весу, затем опустило в воду, снова вытащило, а потом щупальце, резко изогнувшись, отправило жертву куда-то вниз, под брюхо монстра.

Послышался оглушительный свист, сменившийся кошмарным звуком, напоминавшим тяжелое дыхание сотен усталых людей. Вода вокруг неведомого зверя забурлила, и все опять погрузилось в темноту.

— Спаси нас Митра, — пробормотал Атран. — Я даже не слышал никогда ни о чем подобном. Что же это было? И куда оно делось?

Никто не мог ответить ни на один из его вопросов, и только Конан вспомнил, как когда-то давно, еще будучи зеленым юнцом, он после неудачной попытки ограбить Неджеса, тогдашнего советника Апарата, был сослан на Обглоданный остров, где обитали старые и больные мастафы, единственной пищей которых были ссыльные преступники. Пропала бы тогда его голова, не появившись вовремя Шеймис, дух из найденного Конаном кувшина, старый и бестолковый, но бесконечно преданный своему хозяину. С великим трудом, чуть не лопнув от натуги, Шеймис тогда сумел создать довольно приличный плот, на котором они с варваром и покинули остров. Но управлять стихиями несчастный дух, конечно же, не умел, а вместо этого вызвал откуда-то из морской бездны неведомое чудовище, которое и дотолкало плот почти до шандаратской гавани. Хилый и не очень-то умный дух ни за что бы не справился с силой, которую сумел вытащить на белый свет, не помоги ему Фарал, воин Митры, который вовремя распознал, где находится приглянувшийся ему Конан и что с ним происходит. Но даже Шеймис представлял, какую жуткую гадину привлек на помощь. Теперь, глядя на то, что происходило возле парусника, киммериец вспомнил тот леденящий ужас, который вызывала морская тварь, хотя тогда он ее и не видел. Похоже, она опять вылезла на поверхность, только на сей раз по собственной воле.

Море снова забурлило, и в предрассветных сумерках все увидели, как из воды медленно поднимается громадная туша. Теперь она возникла за кораблем, но по-прежнему была отлично видна с берега. Чудовище снова засветилось, но теперь оно горело не голубым светом. По мокрой блестящей шкуре волнами пробегал то синий, то зеленый, то ярко-желтый огонь, сменяясь так быстро, как настроение каприз-

ной женщины. Монстр в очередной раз выкинул вверх щупальце и опять начал раскачивать «Длань Митры», скорее всего, намереваясь снять его с рифа, на котором парусник сидел довольно прочно.

Корабль трещал, как под ударами топора, от его бортов отлетали доски, и насмерть перепуганные люди бросались в воду, хватаясь за них, чтобы попытаться достичь берега. Однако это не удавалось никому, ибо чудовище, время от времени издавая резкий свист, ловило щупальцами несчастных и погружало их в воду. Когда уродливые конечности, усеянные присосками, опять поднимались над поверхностью моря, людей на них не было.

Непрекращающийся крик летел над морем, волны, поднятые резвившейся тварью, били в искореженный корпус судна, хлестали через него, достигали берега и даже погасили костер, возле которого стояли Конан и Амарис. На скулах киммерийца ходили желваки, его ярко-синие глаза горели ненавистью, на кулаках, сжатых до хруста, побелели костяшки пальцев. Но что он мог сделать против порождения мрака, которое размерами превышало солидный парусник? Даже одно щупальце, с силой выброшенное вперед, могло сокрушить гору. Что уж говорить о человеке, возможности которого безграничны? Варвар прекрасно понимал все это, но чувства, бушевавшие в его душе, были сильнее доводов рассудка. Он обещал этим людям свободу и щедрое вознаграждение, а они, доверившись ему, нашли страшную смерть в объятиях немыслимой гадины, которую могло породить лишь болезненное воображение кого-то из Темных Богов.

Морское чудовище тем временем забавлялось со своей новой игрушкой. Держа двумя щупальцами корабль, оно вдруг резко выпрямило остальные восемь конечностей и поднялось на них, зависнув над «Дланью Митры», как огромный купол. Из овальной туши, которая приобрела нежно-розовый оттенок, вылетел длинный ярко-синий язык, усеянный мелкими зубами. Развеселившаяся гадина поболтала им, как ребенок, который дразнит приятеля, и, выбрав жертву, слизнула одного из пиратов. Тот пронзительно завизжал, но его крик прервало громкое чмоканье, тварь

свистнула и плюхнулась в воду, обдав парусник фонтаном соленой воды.

Нельзя сказать, чтобы оставшиеся в живых безропотно принимали смерть. Все, кто еще хоть как-то мог сопротивляться, отважно бросались на монстра, нанося по щупальцам удары мечами и кинжалами, но чудище лишь посвистывало и похрюкивало, как будто получало невыразимое удовольствие от легких уколов. Видимо, для того чтобы пробить его кожу или хотя бы расцарапать ее, потребовались бы увесистый таран и общая сила нескольких десятков человек.

Люди на берегу застыли, словно каменные изваяния, и лишь время от времени воздух оглашали страшные ругательства и проклятия, да глухо рычали псы, замершие в боевой стойке. Они выстроились перед Амарис, готовые броситься на защиту своей хозяйки. Однако ни люди, ни собаки были не в состоянии справиться с морским чудовищем, которое, по всей вероятности, даже и не замечало их.

Наконец монстру надоела его игра. Он снова приподнялся над кораблем, крепко обхватил «Длань Митры» щупальцами и сильным рывком сдернул парусник с рифа. Подержав его перед собой, чудище разинуло бездонную пасть, усеянную тремя рядами зубов разной длины, самый большой из которых был не менее трех локтей, и со смаком откусило корму. Громкий свист, от которого закладывало уши, заглушил треск перемалываемых досок и крики умирающих. Затем гадина снова открыла рот и аккуратно опустила в него то, что осталось от корабля. Блестящая шкура приобрела темно-красный оттенок, потом по ней побежали синие и зеленые полосы, щупальца погрузились в воду, а вслед за ними и весь разноцветный овал ушел на дно. В том месте, где всего несколько мгновений назад стоял парусник, образовалась огромная воронка с кипящими краями. В чудовищном водовороте кружились обломки досок и камней, видимо, от сломанного рифа.

Вдруг какая-то неведомая сила как будто вывернула водоворот наизнанку, и над морем поднялась громадная волна. Она зависла на миг, с бешеной скоростью помчалась к берегу

и со страшным грохотом обрушилась на него. Удар был таким мощным, что никто не сумел удержаться на ногах, однако, к счастью, отступившая волна не унесла с собой никого.

Все кончилось. Поднявшееся из-за горизонта солнце осветило ровную морскую поверхность, тихую и спокойную, словно разыгравшаяся тут трагедия привиделась Конану и его спутникам в кошмарном сне.

Киммериец медленно опустился на землю. Еще никогда в жизни не чувствовал он себя таким усталым и опустошенным, как будто он не смотрел, как кровожадная тварь пожирает корабль, а выдержал битву с ней. Впервые ему привелось встретиться с врагом, против которого он оказался бессильным. Монстр не только погубил людей. Варвару казалось, что морская гадина уничтожила его, Конана, за один миг дважды заставив нарушить слово: он не доставил дань, предназначавшуюся Илдизу Туранскому, и не спас доверившихся ему людей. Да и те, кто остался в живых, — что он может дать им?

Из оцепенения киммерийца вывел громкий крик, прозвучавший у него за спиной.

— Это все ты, дрянь! — Один из пиратов шел к Амарис с обнаженным мечом. — Не вытаскивай мы твоих псов, может, помогли бы кому-нибудь из наших друзей добраться до берега!

— Эй! — крикнул Конан, делая шаг вперед. — Ни один волос не упадет с головы этой женщины, пока я жив!

— Тогда сдохни! — Пират бросился к варвару.

Словно две ослепительные молнии, сверкнули в солнечных лучах скрестившиеся клинки и тут же отскочили друг от друга. Противники закружили в безмолвном смертельном танце, выбирая миг для решительного выпада. Пират прыгнул, но его меч рассек пустоту: киммериец успел увернуться, полоснув острием клинка по открытому боку противника. На задубевшей под морскими солеными ветрами коже проступила яркая красная полоса. Пират выругался и снова ринулся в атаку.

Конан дрался, как разъяренная пантера. Его душили злость, ярость, ненависть ко всему миру и обида. Не будь

его противник столь ловким и опытным бойцом, его душа давно бы уже шагала по Серым Равнинам. На плече и бедре киммерийца зияли глубокие раны, но и пират, так упорно сопротивлявшийся, потерял немало крови и, похоже, начинал сдаваться. Наконец варвару удалось, невероятным образом извернувшись, всадить меч по самую рукоять в приоткрывшуюся на миг грудь нападавшего.

Уперевшись ногой в еще теплого мертвеца, Конан выдернул клинок, обер его о штаны поверженного и выпрямился.

— Кто еще жаждет моей смерти? — грозно спросил он, окидывая всех холодным взглядом.

— Зря ты так, — слышался чей-то голос. — Ни одна баба не стоит...

— Я сказал, — рыкнул киммериец, — ни один волос не упадет с головы этой женщины! Если кто-то жаждет крови, я с удовольствием пушу ее!

С отчаянными криками на него бросились сразу двое: Атран и Бакдул. Прижавшись спиной к скале, Конан отразил первый удар, но два свежих человека против одного изрядно уставшего — это серьезно, и варвар приготовился к нелегкому бою. Окинув быстрым взглядом поле битвы, он мгновенно оценил обстановку. Его противники наступали с двух сторон, но каждый собирался драться самостоятельно, даже не оглядываясь на товарища. Амарис, что-то сказав собакам, отошла в сторону и внимательно следила за исходом поединка. Не вмешивались пока и остальные пираты, видимо, решив дожидаться, чем окончится бой. Такой расклад вполне устраивал варвара, ибо ему не раз приходилось противостоять гораздо большему числу врагов.

Зажав в правой руке меч, а в левой длинный кинжал, киммериец бросился в атаку, не давая Атрану и Бакдулу опомниться. Удар — и Бакдул перекинул клинок в левую руку, ибо правая, залитая кровью, перестала ему повиноваться. Однако пират прекрасно владел обеими руками, и в левой его меч не становился менее грозным. Атран сделал резкий выпад, но напоролся на ловко подставленный кинжал и вскрикнул, когда холодная сталь, прорвав одежду,

нарисовала на его животе багровую полосу. Конан усмехнулся и снова ударил, на сей раз выбив меч из рук Бакдула. Серебристый клинок, прочертив в воздухе дугу, отлетел далеко в сторону, и пирату пришлось довольствоваться широким кривым ножом, который он тут же выхватил из-за пояса.

Драка затягивалась, и киммериец уже начал чувствовать, что устает, когда один из нападавших, сделав неверный шаг, получил смертельную рану и, рухнув у ног Конана, затих. Теперь варвар остался один на один с Атраном. Мечи сверкали, выбивая снопы искр, в воздухе висел непрерывный звон, ко силы противников были равны, и ни один не уступал другому ни на йоту. Снова встретились клинки, но на сей раз вместо звона послышался громкий треск, и оба меча, обломившись у самых рукояток, полетели в разные стороны. Кинув на землю обломок, варвар крепче сжал рукоять кинжала.

Расставив руки, слегка нагнувшись вперед, Конан и Атран закружились по истоптанному, залитому кровью песку. Каждый следил за действиями соперника, выжидая, когда тот сделает неверный шаг, но ни один не нападал первым. Вдруг туранец резко нагнулся, набрал горсть песка и швырнул его в лицо Конану. Резкая боль полоснула по глазам, и на мгновение киммериец ослеп. Глухая ярость ударила ему в голову и, издав боевой клич своей далекой родины, от которого цепенели даже самые лихие вояки, варвар кинулся на врага. В синих глазах полыхнуло обжигающее пламя, тонкие губы искривились в злобном, почти зверином оскале. В этот миг он походил на саму Смерть, принявшую ненадолго человеческий облик.

Атран ожидал совсем другой реакции и замер, увидев, что Конан не валяется на песке, вопя от боли, а движется на него. Эта заминка и погубила туранца. Не успел он даже поднять руку с кинжалом, как клинок варвара вонзился ему в шею. Киммериец резко дернул рукой вправо, и почти отделившаяся от туловища голова Атрана повисла за его плечами, как капюшон. Пошатываясь от усталости, Конан побрел к морю, зачерпнул полные пригоршни воды

и опустил в них лицо, чтобы вымыть из глаз песок, причинявший нестерпимую боль.

Когда он вновь обрел способность нормально видеть, к нему тихо подошла Амарис.

— Ты настоящий мужчина, киммериец. — В глазах женщины горел восторг. — Это было незабываемое зрелище.

— Где остальные? — хмуро поинтересовался Конан.

— Вон там, — усмехнулась Амарис и показала рукой на скалу, по которой, цепляясь изо всех сил, быстро карабкались оставшиеся пираты. — Они начали улепетывать, когда Атран напоролся на твой клинок.

— К Нергалу под хвост этих дурней! — злобно прорычал киммериец. — Какая муха их укусила? Как будто это я сожрал несчастный парусник вместе с их приятелями.

— Они ничего не имели против тебя, — виновато опустила глаза Амарис.

— Пока я жив, ни один мерзавец не посмеет обидеть женщину! — воскликнул варвар.

— Любую? — внимательно взглянула на него Амарис.

— Любую! — отрубил Конан.

Она тяжело вздохнула и перевела разговор на другую тему:

— Ты весь в крови. Позволь мне заняться твоими ранами.

Разорвав на широкие полосы рубашки убитых пиратов, Амарис сначала омыла, а потом забинтовала плечо и бок киммерийца, наиболее пострадавшие в недавней схватке. У нее были мягкие и умелые руки и, казалось, вместе с грязью и подсохшей кровью она смывает и боль. Хлопоча возле киммерийца, она все время что-то бормотала, не то уговаривая его потерпеть немного, не то молясь Светлым Богам, не то творя излечивающие заклинания. Так или иначе, но когда Амарис закрепила последнюю полосу материи, Конану неудержимо захотелось спать и он, опустив отяжелевшую голову на колени прекрасной целительницы, мгновенно провалился в глубокий сон.

Сны, посетившие его, были светлыми и радостными. Ему привиделась родная Киммерия, где он так давно уже не

был, ее суровые горы, покрытые ослепительно белыми снегами, высокие леса и быстрые реки. Родители, молодые, крепкие, красивые, радостно улыбались своему повзрослевшему сыну, но не просили остаться, а благословляли избранный им путь, и только отец слегка досадовал на то, что прервалось на Конане его чудесное ремесло и не будет больше в их роду кузнецов.

— Иди, сынок, тебя ждут великие дела, — сказала ему мать.

— Будь счастлив, сын. Никогда не изменяй себе, — напутствовал его отец.

— Куда ты теперь? Куда?.. Куда?.. Куда?.. — эхом разнесся мучивший киммерийца вопрос, и он пробудился.

Амарис пристально разглядывала его, не произнося ни слова, но на ее лице читалась тревога, а в глазах застыл тот же вопрос, который заставил Конана проснуться. Он сел, с хрустом потянулся и огляделся по сторонам. Если ему не изменяла память, а такого с ним еще ни разу не случалось, до Султанапура от бухты, куда занесла их судьба, оставалось не более дня пути. Амарис ни за что не согласится бросить тут своих питомцев, а значит, ему нужно добраться до города и прислать за ней людей, которые помогут женщине доставить ее необычный груз. В конце концов, из всех пливших на «Длани Митры» только ей посчастливилось и выжить самой, и сохранить почти все, что она везла. Так не терять же все это сейчас!

— Отсюда рукой подать до Султанапура, — сказал киммериец. — Я могу дойти туда примерно за день, и может, и быстрее. Если ты не боишься оставаться одна, подожди здесь. Я пришлю подмогу. Но расплачиваться с этими людьми придется тебе. У меня не осталось ничего, даже меча. — Он горько усмехнулся.

— Я ничего не боюсь, — спокойно ответила Амарис. — Но ты... Ты вернешься за мной?

— Вряд ли, — пожал плечами Конан. — Мне надо в Аграпур. А что со мной будет в столице, этого и сам Митра не знает. Но думаю, торжественная встреча не намечается.

— Ну зачем так мрачно? — улыбнулась Амарис. — Ты жив. Ты по-прежнему силен и ловок. Или у Илдиза так много блестящих воинов, что он откажется от твоих услуг только потому, что парусник, на котором ты плыл, потерпел крушение?

— Все гораздо серьезнее. — Конан умолк, задумавшись, может ли он открыть этой женщине тайну, доверенную ему Апаратом. Но ведь корабля нет, а вместе с ним в бездонной утробе морского чудовища сгинул и жемчуг, так что какая теперь разница, узнает о нем еще кто-нибудь или нет. Решительно тряхнув головой, словно отгоняя последние сомнения, варвар продолжил: — Видишь ли, накануне отплытия Апарат сообщил мне, что «Длань Митры» повезет дань с Жемчужных островов. Я должен был сопровождать ее до Аграпура, чтобы доказать Илдизу, что такой способ перевозки жемчуга — самый надежный.

— И что? — На лице Амарис мелькнула лукавая улыбка, но Конан не обратил на это внимания.

— Как что? — мрачно буркнул он. — В Аграпуре меня ждут с ларцом, полным отборных перлов, а я явлюсь с голым задом! Вместо несметных богатств могу предложить лишь невероятную сказку о светящейся твари, которая сожрала корабль и даже не подавилась!

— Пусть это будет самой большой неприятностью в твоей жизни, — рассмеялась Амарис и подозвала одного из псов: — Корди, ко мне!

Послушный зверь мгновенно подбежал к хозяйке и сел у ее ног, слегка повиливая хвостом. Амарис положила руку на массивный ошейник, плотно охватывавший могучую шею пса, пробежалась по нему пальцами, нажимая на шипы в определенном порядке, и ошейник сначала расстегнулся, а потом распался на две половины, открыв самый надежный тайник, какой только мог представить человеческий разум. В тайнике, к непередаваемому изумлению Конана, мерцали, переливаясь всевозможными красками, крупные, отборные жемчужины.

— Так это ты... — задохнулся киммериец. — Так значит... О Боги! Ты невероятная женщина!

— Самая обыкновенная, — улыбнулась Амарис, хотя ее глаза говорили обратное. — А вот ты... Как жаль, что мы не сможем быть вместе, — вздохнула она.

— А ты скормила бы меня своим псам? — расхохотался Конан, к которому вернулось прекрасное настроение.

— Не знаю... — задумчиво протянула Амарис, и взгляд ее стал серьезным. — Но, — наклонила она набок голову, — соблазн был бы очень велик...

Эпилог

Хаккан надолго умолк, глядя на безбрежную лазурь, которая когда-то давно, полжизни назад, унесла жизни многих его приятелей. Боль от потерь давно затихла в его душе, да и сам он неузнаваемо изменился с тех пор. Сейчас, когда старик по доброй воле разбудил те давние воспоминания, ему казалось, что это не он, а кто-то другой плавал на лихой галере, отчаянно дрался, гулял в портовых кабаках, любил женщин, но так и не встретил ни одной, что смогла бы затмить в его сердце образ прекрасной Амарис, единственной на свете, которая до сих пор являлась в его сумасшедших снах. И хоть тогда ему уже давно миновало тридцать, это была его первая настоящая любовь. Он помнил каждую черточку ее лица, каждую прядь роскошных каштановых волос. И еще Хаккан помнил, какими были желто-зеленые глаза, когда красавица смотрела на Конана. Ему ли, обычному бродяге, искателю приключений было тягаться с могучим киммерийцем!

Сейчас, сидя в плавно покачивавшейся лодке, старик снова вспоминал тот далекий день, когда, поддавшись общей панике, бежал от меча разъяренного варвара. Но он не последовал за остальными, а, укрывшись за скалой, долго ждал, всей душой желая вернуться и предложить блестящему воину свою дружбу, готовый отдать жизнь за его рукопожатие. И когда Конан, оставив свою отважную спутницу на песчаном пляже крошечной бухты, направился в Султанapur, Хаккан робко окликнул его.

— А ты откуда взялся? — с удивлением спросил киммериец.

— Я не пошел со всеми, — ответил Хаккан.

— Ну что ж, — улыбнулся Конан. — Я обещал вам награду и теперь могу сдержать слово. Пойдешь со мной?

А дальше была целая жизнь. Но сколько ни носила Хаккана судьба по свету, в конце концов боги указали ему на Жемчужные острова. Он бредил морем, ему безумно хотелось хоть раз в жизни опуститься на дно и одним глазком взглянуть на подводное царство, а потом вернуться к солнцу и зеленой траве. Собрав то немногое, что сумел накопить, Хаккан навсегда поселился на одном из островов Архипелага и с тех пор никогда не покидал его.

Старик знал, что мечта Конана сбылась, и теперь воинственный киммериец — король Аквилонии, мощного и прекрасного государства. Собственно, он никогда не сомневался, что варвара ждет великое будущее, и в душе гордился, что ему выпало счастье, пусть недолгое, быть спутником этого человека, который еще при жизни стал легендой. Правда, Хаккан редко рассказывал об этом, не желая прослыть хвастуном и, чего таить, опасаясь лишний раз бередить свою сердечную рану. Он ничего не знал об Амарис, да и не хотел знать, ибо она стала для него светлой сказкой, глубинной тайной, о которой старик не говорил никому.

— Ну ладно, разговоры разговорами, а ты не забыла, зачем мы вышли в море? — повернулся он к Аделле, которая тоже притихла и задумалась о чем-то своем. — Морские божества дали тебе знак, и к этому надо отнестись серьезно.

— Скажи, Хаккан, — начала девушка, — а тебе никогда не хотелось...

— Хватит болтать! — резко оборвал ее старик. — Я и так сегодня разговаривался сверх меры. Старею, видать, язык длинным становится.

Очаровательная аки печально вздохнула, но не стала больше приставать к своему спутнику с расспросами. Она поднялась, с удовольствием потянулась и начала готовиться к следующему прыжку...

Солнце уже погрузило свои лучи в голубые воды, когда их лодка подошла к берегу.

— Хороший был день,— сказала Аделла.— Теперь я могу позволить себе немного отдохнуть. Две жемчужины — тебе, две — сборщикам дани, а остальных мне хватит надолго. Ты какие перлы возьмешь?

— Все равно,— пожал плечами Хаккан.— Мне одному и малого достаточно. Вот сборщикам, боюсь, придется отдать черные или синие. А вон и они,— показал он рукой на берег, где стояли трое в цветастых шелках. И подумал: «Кто-то опять повезет жемчуг в Туран, и, как знать, может, это круто повернет его судьбу».

БИТВА БЕССМЕРТНЫХ

Пролог

Вспыхнул факел, осветив небольшую квадратную комнату мертвым красным светом, и всполохи его задрожали на гладком камне стен, на меди чана с водой, стоявшего посередине, на железе панцирей трех юных мужей, что преклонили колена и головы перед высоким седовласым старцем в широком черном балахоне до пят. Он кивнул им, таким образом выразив одобрение только что произошедшему действию, прошел по комнате и задул свечи во всех четырех углах, затем водрузил факел в бронзовую подставку на стене.

— Встань, Воин Медведь, — тихим ровным голосом приказал старец, не отрывая глаз от пламени. — Встань и возьми огонь в свое сердце.

Один из трех — могучий рослый муж с длинными, торчащими из-под шлема рыжими волосами — поднялся, сделал шаг к факелу. Без промедления схватил он тяжелой дланью своей мертвое пламя, от его прикосновения ставшее вдруг ослепительно ярким; оторвав верхнюю часть, он зажал огонек в кулаке и сунул его под панцирь. В мгновение вся фигура гиганта высветилась изнутри, открыв глазам посвященных твердый красный комок сердца, обьятого золотым свечением и трепещущего под левой ключицей. Когда свет погас, старец едва заметно улыбнулся бледными сухими губами — сие был знак высшего расположения — и Воин Медведь гордо вскинул твердый подбородок: обряд завершен, и теперь ему осталось только принять свой меч

из рук наставника, а потом уйти отсюда навсегда в тот далекий край, где великая мощь его и чистое сердце необходимы...

Тонкие руки старца легко подъяли массивный двуручный меч, бывший пока без ножен, и передали его в широкие крепкие лапы Медведя. Ни единого слова напутствия или благословения не сказал наставник, но, видимо, никто этого и не ждал. В полном молчании, сжатом стенами с четырех сторон, воин занял свое место.

Пламя, оборванное почти до половины, продолжало гореть ярко, яростно. Старец долго смотрел на него, словно впитывая в себя силу и жизнь стихии. Под этим светом седые волосы его казались желты, а бледное, покрытое сетью морщин лицо свежо.

— Встань, Воин Лев! — сказал он наконец. — Встань и возьми огонь в свое сердце!

Едва он договорил, как русоволосый юноша, мускулистый и стройный, быстро встал, в два шага подошел к факелу и, примерившись, забрал большую часть оставшегося пламени. Точно так, как до него Медведь, он сунул бьющийся в кулаке красный язычок под панцирь, открыв на миг свое сердце, похожее на огромный рубин. Желтые глаза его полыхнули диким, хотя и укрощенным пока, огнем и потухли одновременно с сиянием сердца. Юный воин позел плечом, словно сожалел о завершении ритуала, повернулся к наставнику.

Меч у него уже был, так что старец вручил ему щит — самый обычный прямоугольный щит, обитый бронзовыми полосами, но Лев при виде его побледнел и с трудом сумел скрыть радость, приличную скорее мальчику, нежели мужу. Заняв прежнее место, он вперил невидящий взор в пламя факела, мысленно пребывая уже в том героическом будущем, что ждет его за стенами замка сего не далее как через день...

— Встань и ты, Воин Белка. Встань и возьми огонь в свое сердце, — проговорил наставник, обращаясь к третьему юноше.

Тряхнув копной светлых волос, тот вскочил, тенью метнулся к факелу, у основания коего теперь горел низкий, но

все еще ослепительно яркий голубовато-красный огонек, и одним точным движением снял его весь. В комнате сразу стало темно — на несколько мгновений только ее снова осветило сияние сердца Белки — тусклый лунный луч из крошечного оконца под потолком едва проявлял четыре облаченные в темное фигуры. Однако же все и так знали, что сейчас происходит: последний воин получает от наставника свой талисман, призванный охранять его в трудные времена; потом будет рассвет, а потом — они уйдут отсюда навсегда, но не вместе, и одному лишь Митре известно, пересекутся ли когда-нибудь еще их пути...

Наставник надел шлем на голову Белки, легко коснулся пальцами его холодной твердой щеки. Этот был самый младший и самый любимый — тем тяжелее расставаться с ним без надежды свидеться в этой жизни... Морщинистые веки старца дрогнули. «Прощай», — произнес он одними губами, одновременно отталкивая от себя юношу...

— Прощайте, — сказал юноша вслух бесстрастным негромким голосом, затем повернулся и вышел вон.

Глава первая

Багровый шар краем уже коснулся горизонта, окрасив легкие облачка в нежный розовый цвет, а крыши дворцовых пристроек в красный. Чайки носились в голубой выси, сверкая белоснежным опереньем; меж и под ними кругами летали черные тушки ворон, коих в последнее время развелось в Аграпуре великое множество; ниже порхали прочие птицы — голуби, воробьи, стрижи — и все они оглашали воздух пронзительным сварливым карканьем, так что даже сами вороны, казалось, были весьма удивлены.

Такое разноцветье Кумбар Простак наблюдал из своего окна каждый день, по-стариковски умиляясь буйному течению общей жизни. Наблюдал и теперь, но — выцветшие редкие брови его, вопреки обыкновению, сурово топорщились, а маленькие черные глазки излучали неизбывную грусть. Прихлебывая из золотого кубка чудесное белое вино, привезенное лично для него из самого Аргоса, он часто и глубоко вздыхал, как бы весь охваченный ужасным страданием, которое навсегда лишило его всякого покоя.

Покосившись на свое отображение в оконном стекле, Кумбар сморщился: высокие чувства никоим образом не подходили к его красной свинячьей физиономии с коротким пяточком вместо носа и вислыми жирными щеками. Недаром придворная мелочь издевательски хрюкала за его спиной, скоро забыв и грозный взор, и тяжелый кулак старого солдата. Увы — власть, капризная, как девица, и

столь же непостоянная, ныне принадлежала уж не ему. Цирюльник Гухул, давно пустивший корни у самого императорского трона, владел ею теперь: именно его тощей волосатой рукою третью луну подряд подписывались все законы и указы; именно его синюшными, как у покойника, устами говорил с подданными великий Илдиз Туранский. Все же бывшие фавориты повелителя вылетели из дворца в пару дней, и только Кумбар еще остался — видно, в память о прежних его заслугах.

Сам он, правда, предпочел бы вернуться в войско, где некогда служил в небольшом чине сайгада, но — снова увы: бледная поганка Гухул в ответ на нижайшую просьбу старого солдата фыркнул и заявил, что в казарме мест нет, чему свидетелем является не кто иной, как Эрлик. Почему-то более его отказа Кумбара возмутило то обстоятельство, что коварный цирюльник припел к своим гнусностям Эрлика, у коего и без того хватало дел, хотя сказать об этом не посмел, а ограничился робким плевком на серебряную вязь двери приемного зала...

...Наконец, когда солнце уже наполовину осело за полосу горизонта, старый солдат очнулся, прогнал прочь невеселые воспоминания, потом задернул тяжелую темно-красную занавесь, отчего роскошные покои его погрузились в сплошной полумрак, и всем массивным телом своим развернулся к собеседнику.

— Вот так и вышло, Конан, что я... Хей, парень, никак ты спишь?

Он действительно спал, разметав по вытертому бархату кресла длинные волосы цвета воронова крыла, вытянув ножищи в добротных армейских сапогах и свесив до пола тяжелые мускулистые руки, загорелые до черноты под палящим солнцем Пунта. За восемь лет киммериец мало изменился — та же уверенность в движениях и жестах, та же суровость рубленых черт лица — разве что шрамов поприбавилось, да в густой синеве глаз сквозило странное нечто, доселе Кумбару незнакомое. Впрочем, судя по дворцовой швали, в глазах коей вообще не наблюдалось никаких чувств, кроме чувства голода, то было присущее всем

странникам живое знание («... если ты не уверен, что это белое — обложи его черным...» — так говорилось в «Бламантине»). Но в чем заключалось сие знание, старый солдат еще не выяснил, ибо с самого момента нынешней встречи и до сих пор болтал без умолку, описывая свои несчастья, а гость его лишь слушал и пил вино, мешая белое аргосское с красным туранским...

В досаде Кумбар хватил себя кулаком в грудь, да так сильно, что чуть было не вывалился в окно. Дурены! Истинно выживший из ума дурены! За добрую половину дня не удосужился спросить друга, где и как прошли для него эти восемь лет!

Красная физиономия его налилась кровью до цвета розы с любимого куста императора, а крошечные тусклые глазки гневно блеснули. «Дурены! — шепотом повторил он, опять ударяя себя в грудь, но на сей раз осторожнее. — Истинно дурены!» Горестно нахмурившись, он вновь обратил взор на улицу, на птиц, что порхали в потемневших небесах, на грязно-желтый диск луны, сиротливо повисший между серых облаков, и тут вдруг вспомнил, что в запасе у него осталась по крайней мере дюжина бутылей аргосского и пара туранского, а вспомнив — развеселился, как ребенок.

Да, к счастью, нервы старого солдата, закаленного в боях и интригах, были крепки — мгновением позже приступ раскаяния прошел без следа. Живое подскочив к потайному шкафчику, вделанному в стену за тахтой, Кумбар отворил дверцу и выудил из черного пыльного чрева пузатую бутылку матового стекла. С искренней любовью всмотрелся он в ярко-красную муть, в коей плавали блики того жалкого лунного луча, что попадал в окно: вот где правда жизни и смысл ее! Надо только вытащить пробку, чтобы познать высокое назначение божьего в мире сем! Черные глазки Кумбара наполнились слезами восторга; он нежно прижал к своей могучей, поросшей слоями жира груди прохладный сосуд, погладил его по крутому боку, поцеловал узкое горлышко.

— Конан, проснись! — воззвал он, готовый поделиться радостью с другом. — Выпей еще туранского!

Огромная фигура, замершая в кресле, пошевелилась.

— Чего ж только туранского? — пробормотал гость низким, хриплым со сна голосом. — Можно и аргосского тоже...

Он поднял голову, отчего на лицо его сразу упало желтое лунное пятно, с усмешкой поглядел на темную в полумраке обширную тушу царедворца.

— А ты все такой же, сайгад. Разве жирнее стал, рыхлее... — С бульканьем винные остатки из кубка низверглись в бездонную глотку. — Клянусь Кромом, дикари в Зембабве за тебя лодку до верху самоцветами бы набили — такое мясо у них ценится.

— Где рыхлее? — обиделся Кумбар, ощупывая свои мягкие жиры. — Это все мышцы, Конан, ты в темноте не разобрал. Сейчас, погоди, я запалю жаровню...

Но, когда спустя несколько мгновений в треноге заплесало яркое пламя, старый солдат неожиданно смутился и не пожелал более возвращаться к обсуждению особенностей своей фигуры. Вместо этого он предложил другу иную тему, а именно:

— Гухул, собака!

— Нет, — решительно отказался киммериец. — Это дерьмо я уже слышал.

— Ты слышал о том, как он выкинул меня из Собрания Советников, — терпеливо пояснил сайгад, разливая вино из новой бутылки по кубкам. — И еще о том, как он обрюхатил четвертую супругу Великого и Несравненного. А также о том, как он объявил себя пророком Эрлика — наравне с Таримом, и о том...

— Проклятие! — Конан в раздражении сплюнул на дорожку ковер Кумбара. — Нергал меня дернул уйти из «Маленькой плутовки»...

— О, варвар! Неужто в кабаке тебе веселее, чем со старым другом? Ну, погоди чуть — в своем повествовании я спешу к сути, как мать спешит к оставленному дома дитя, как...

— Еще слово — и ты будешь спешить к сути в одиночестве, — мрачно предрек киммериец.

Кумбар сердито засопел, но смолк. В полной тишине он употребил еще два кубка красного туранского, растрawляя свою обиду и наслаждаясь ею, отчего маленькие глазки его снова наполнились слезами — пьяными и сладкими, затем принялся за белое аргосское. Уже почти опустошив бутылку, он пришел к выводу, что гость его все же был прав, и надо срочно переходить к сути дела, потому как времени оставалось совсем немного и тратить сию драгоценность зря он не мог. Сейчас в нем проснулся тот самый старый солдат, который некогда славился в Аграпуре твердым, даже жестким нравом, удачно прикрытым маскою добродушия и беспечности. Всяк, кому пришлось испытать на себе вспышку его гнева или — еще того хуже — обыкновенную неприязнь, избавиться от коей вообще не представлялось возможным ни Кумбару, ни его жертве, потом проклинал и судьбу свою, и всех богов, начиная с Эрлика и кончая самым Нергалом.

Но — так бывало прежде. Ныне сайгад не находил в себе сил справиться не то что с сильным врагом вроде Гухула, но и с мелочью вроде повара, виночерпия и подметальщика дорожек в императорском саду... При мысли о наглom цирюльнике старому солдату снова стало дурно и гадостно на душе. Он резко повернулся к киммерийцу — при этом жирные обвисшие щеки его всколыхнулись — и, для пущей убедительности прижав к грудям толстые руки, сказал:

— Гухул, собака!

Конан пожал могучими плечами, встал и направился к двери.

— погоди! — выкрикнул Кумбар в отчаянье. — Я же и говорю суть! Гухул, собака, замышляет ужасное преступление!

Конан остановился.

— Выпей еще туранского, варвар, — пролепетал облегченно сайгад, видя, что он таки возбудил интерес в этом суровом муже. — Выпей и послушай одну историю.

Вернувшись на свое место, киммериец вновь обратился к кубку с вином и приготовился внимать, ибо точно знал:

теперь старый солдат выложит именно то, что надо. До полусмерти напуганный чем-то, а сейчас еще и перспективой остаться с этим самым чем-то наедине, он жаждал тайну свою разделить с другом и — подозревал Конан — в конечном итоге намеревался переложить ответственность на него же.

— Ты должен мне помочь, — немедленно подтвердил Кумбар подозрения сии. — Без тебя и я пропаду и... владыка Илдиз, и весь Туран, наверное...

— А Замора и Шем?

— Что Замора и Шем? — не понял сайгад.

— Они не пропадут без меня?

— О, нет, нет, — заверил друга старый солдат, не примешивая иронии в хриплом голосе его. — О них не беспокойся, варвар. Не стоят они твоего многоценного внимания, — льстиво добавил он по гнусной дворцовой привычке сластить любую просьбу. — Но — тороплюсь начать мою печальную повесть, поскольку не люблю терять время зря — уж ты-то об этом знаешь!

Кумбар напыжился и мгновение молчал, то ли ожидая признания заслуги этой, то ли сам осмысливая возможность ее наличия в своем характере. Не придя к какому-либо определенному выводу, он вздохнул, потом отпил славного аргосского и приступил к рассказу.

— Дошли до меня сведения, о варвар, что обозначенный мною собакой Гухул замыслил черное дело... Прости меня, но с этого момента я буду говорить очень тихо, ибо стены тут не то что имеют уши, а и вовсе из них сделаны. Для достижения этой цели я придвинусь к тебе поближе и горячо надеюсь, что ты не воспримешь сие как посягательство на честь твою (варвар одарил собеседника злобным взглядом, с трудом заставив себя смолчать). Вот так... Ну, слушай.

Дружок мой поваренок, мальчишка пятнадцати лет, однажды умудрился из корней горькой травы каиссы сварить чудеснейший напиток, по вкусу весьма похожий на пиво, но не пиво. Горячит кровь он не хуже самого крепкого вендийского вина, голову не просто дурманит, а наве-

вает в нее приятные мысли, ну и... Как бы выразиться... В общем, немощного старца делает снова мужчиной — правда, только на время. Ну, скажем, на вечер.

Гухул же с этим делом давно имеет большие проблемы — об этом я узнал уже из другого источника... Ах, ладно, не стану лукавить с тобой. То четвертая супруга венценосного Илдиза поведала мне: дитя было зачато ею от Гухула, но перед тем он совершил по крайней мере десяток неудачных попыток с нею и со служанкой ее... Ты понимаешь, о чем я...

Так вот, поваренок... Признаюсь честно, он — мой единственный здесь друг. Как-то я защитил его от страстной любви начальника здешней охраны, и теперь мальчик предан мне как родному отцу... Хм-м... Вот сказал — и сомневаюсь. Тьфу! Проклятая жизнь!

Кумбар понурился. Только в последние годы он начал понимать, как был глуп и самонадеян, меняя службу в армии на служение императору. В казарме отношения были суровы и незатейливы и никак не предполагали ни подлости, ни сплетен, ни чего-либо в том же роде. А во дворце все вышеперечисленные радости присутствовали в полной мере, и даже с лихвой — сайгад неоднократно ловил себя на малоприятной мысли о том, что каждый его шаг моментально становится известен всей придворной шухере, которая не чает отправить его в подвал к палачу или, на худой конец, просто изгнать из дворца.

Он мешал тут многим — начиная от ублюдочного Гухула и кончая садовником, как-то раз в бессильной злобе нагавившим под его любимое кресло, уютно расположенное в тени развесистой яблони. Но ни один из них прежде не решался играть против него в открытую, зная о той благосклонности, что питал к старому солдату повелитель. Да и сам Кумбар тогда был в силе и уме. Увы — теперь Великий и Несравненный поверял нехитрые думы свои об устройении государства мерзкому цирюльничке, отродью Нергала, бычьему хвосту, а сайгад потерял не только силу, но и ум. Нет, конечно, кое-что еще осталось и от того и от другого, но мало... Так мало!

— Ну? — Интонация Конана была верна и сразу привела к нужному результату: Кумбар очнулся и поторопился продолжить.

— Поваренок Мишлик... Его дар готовить всевозможные напитки давно привлек внимание недоноска Гухула, а когда он на себе испытал поистине волшебные свойства того пива... О-о-о! Этот подлец ни за что не упустит своего! Он тут же положил мальчику небольшое жалованье (а ты знаешь, варвар, что низшая прислуга во дворце вовсе ничего не получает, кроме жратвы да побоев); он назначил его помощником самого главного повара; он повелел ему прислуживать за его личным столом! Последнее весьма порадовало меня тогда, ибо ублюдок не знал о моей дружбе с поваренком, а сие значило, что теперь у меня будут сведения обо всех его кознях — или почти обо всех.

Так и вышло. Мишлик докладывал мне в подробностях то, что слышал во время трапезы нергальей отрыжки Гухула. Поначалу я не очень-то был доволен: тупица цирюльник не умел сказать чего-либо умного или важного — все нес сплошную дребедень. Но потом... Потом...

В волнении Кумбар схватил бутылку и в несколько глотков ополовинил ее. Решив быть с Конаном откровенным и уже не раз за день воздав хвалу Эрлику за то, что варвар появился вдруг в Агрануре, сайгад все же почувствовал странную слабость в членах, лишь только подойдя к тому моменту, когда надо было уже выкладывать суть. Но иного выхода он вообще себе не представлял. Он ничуть не лукавил, когда утверждал, что один киммериец сможет спасти и его и весь Туран. Так это было или нет — пока не определялось, но сам Кумбар считал именно так.

— Тьфу, хвост вонючей ящерицы... Представь, Конан, совсем я стал стар. Прежде не наблюдал в себе такого страха... Ну вот... Поваренок пришел ко мне как-то печальный и странно молчаливый. «Что с тобой нынче, мальчик?» — спросил я его ласково. «Знаешь, господин, — отвечал он в задумчивости, — я никак не могу понять...» Тут он замолчал, замер, глядя в одну точку... Вот в эту! — Сайгад вскочил и показал варвару на дыру в занавеси.

— Ну?

— И я его спросил так же: «Ну?» Тогда он посмотрел на меня и сказал: «Кажется, Гухул хочет отравить нашего повелителя...» Вот и я поднял брови, как ты сейчас. Конечно, злобная собака сия способна на многие пакости, я всегда это знал. Но убить Илдиза... «С чего ты взял, мой юный дружок? — сурово осведомился я. — Неужто проклятый червь так откровенничает в твоём присутствии?» Мишлик виновато улыбнулся: «Что ты, господин! Дело проще: он пьян, как последний бродяга!»

До меня и прежде доходили слухи о том, что мерзкая тварь обожает нажраться до полусмерти лучшим туранским вином (именно туранским — таким образом он доказывает свой патриотизм), а потом валяться вонючей тряпкой на роскошном ложе, покрытом лучшими туранскими коврами. Теперь же я убедился в этом окончательно. «Он и раньше пил?» — спросил я у Мишлика. «Только тогда, когда Светлейший проводил утро у луноликих супруг своих, — засмеялся мальчик. — Потому что тогда у него было время напудриться...»

Тут и я расхохотался, представив покрытую слоем розовой пудры рожу старого гнусного недоноска. Вот почему я встречал его то румяным, то бледным — в первом случае он был с похмелья, а во втором бодр и трезв. Но суть моего рассказа, ясно, не в слабости собаки Гухула, а в его страшном замысле. Из его пьяного бормотания Мишлик разобрал лишь то, что подлец намерен подсыпать яд в кушанье владыки не позднее четвертой луны от первого весеннего дня. Поваренок, пока не успевший вникнуть во все тонкости дворцовой жизни, понятия не имел, почему — а я имел не только понятие, но и убежденность в своей правоте. Дело в том, Конан, что в эту самую луну император переписывает наследную грамоту, в коей содержится имя того, кто заменит его на престоле в случае безвременной смерти. Теперь ты понимаешь замысел дерзкого цирюльнишки?

— Вздор! — недоверчиво покачал головой варвар. — Есть прямые наследники или хотя бы кровные. С чего вдруг императорский трон займет безродный?

— Ну что ты! Конечно же не займет! Назначенный повелителем наследник лишь временный — он будет править в течение всего половины луны, то есть до тех пор, пока настоящий правитель (этот самый кровный родственничек императора) не разберется в делах государства. Таков закон... Хотя, конечно, не слишком-то сие умно... Пусть за ним и присматривает дюжина наблюдателей, но все-таки даже за короткий срок правления временщик может натворить столько худых и жутких дел!.. Например, отправить на Серые Равнины истинного наследника... Кажется, недоносек так и собирается сделать...

Конан помолчал. Все, поведенное сейчас Кумбаром, представлялось ему чем-то вроде бреда. Цирюльник, вздумавший отравить императора и занять престол Турана? Это настолько невероятно, что попросту не может быть осуществлено. А впрочем — он неожиданно понял для себя — вся эта история его вовсе не волнует. Ему наплевать и на собаку Гухула, и на Илдиза Туранского, и даже на Кумбара Простака. Его жизнь иная и в ином; путь его нигде не пересекается с их путем, а идет точно параллельно — так что пусть они сами варят свою кашу... Таковое соображение киммериец немедленно высказал сайгаду.

— Так тебе безразлична и моя участь? — спросил Кумбар с печалью в голосе. — Прости... Я не знал...

Высокая трагедия, заявленная его тоном и видом, раздражила варвара безмерно. Он отлично помнил, как впервые имел счастье узреть сайгада в таверне «Слезы бедняжки Манхи» восемь лет назад. Тогда тот тоже плакал и жаловался, не умея выбрать из двенадцати прекрасных дев шестерых наипрекраснейших, предназначенных в супруги самому императору. Каждая казалась ему верхом совершенства, а потому необходимость выбора пугала царедворца чрезвычайно. Он потерял не только расположение повелителя, не только сон и покой, но и всякое желание видеть женщин, говорить с ними, иметь их. Прежде никогда не испытывал он подобного кошмара...

По Аграпуру уже поползли гадкие слухи о том, что Кумбар Простак был соблазнен однажды красивым маль-

чиком из свиты Илдиза, так что теперь не переносит другого пола совершенно (в самом деле, не мог же нормальный мужчина громко рыгать от ужаса и отвращения при виде местных пышнотелых красоток), но, конечно, истины в сем не было и на мелкую медную монету. Просто в один момент наступило вдруг пресыщение — так обжора устраивает себе разгрузочный день, потому что накануне объелся...

Благодарение Эрлику, в самый пик отчаяния Кумбар встретил в таверне «Слезы бедняжки Манхи» Конана, который тогда служил в туранской армии, и поведал ему обо всем, что с ним произошло. Киммериец не проявил печали по поводу несчастного положения сайгада, зато дал совет — простой и мудрый: чем бесконечно всматриваться в равно прекрасные лица, выискивая в каждом нечто особенное, лучше взять да и отобрать необходимую шестерку для императора наобум. Кумбар так и сделал, и в результате довольны остались все, кроме отвергнутых красавиц. Правда, потом половину невест поубивали, но зато оставшиеся с удвоенной силой любили Светлейшего и спустя год-другой принесли ему хилое, но многочисленное потомство.

— О своей участи позаботься сам, — отрезал варвар, швыряя пустую бутылку в угол комнаты. — Клянусь бородой Крома, ты и пальцем не шевельнул для того, чтобы зарыть этот кусок дерьма поглубже в землю...

— Какой кусок дерьма? — снова проявил несообразительность сайгад.

— Гухула. — Киммериец, на которого долгие беседы навевали сон, широко зевнул. — Что он, бессмертный?

— Вроде нет... Почему ты так думаешь? — встревожился Кумбар.

— Прах и пепел! Я так не думаю! Но ты — ты думаешь именно так! Какого Нергала ты тут разнылся? Пойди да удави его, вот и все дела!

— Как я его удавлю? — Сайгад недоуменно поднял редкие брови.

— Руками!

Конан рывком поднялся, сделал круг по комнате. Он отлично понимал причину всех бед старого солдата, но оформить свои ясные мысли не умел. Он вспомнил вдруг, как восемь лет назад обнаружил в маленьких глазках Кумбара Простака, коего он до тех пор считал нытиком и занудой, насмешливый холодный огонек, свойственный, по его мнению, лишь бывалому воину. Сайгад и был таков; только круто замешанная на подлости и коварстве дворцовая жизнь заставила его нацепить дурацкий шутовской колпак, дабы не прогневать высокомерных лизоблюдов Илдиза. А они — сие знал даже последний служка — имели власть едва ли не большую, чем сам император, и при случае могли расправиться с любым неугодным. Конан-то относился к ним и прочим обитателям дворца с презрением, но он и не зависел от них. Золотая клетка вовсе не прельщала его — ни в молодости, ни теперь. А сайгад, по всей видимости, уже не мог от нее отказаться...

— Ты заменил простое сложным, приятель, — наконец сказал киммериец, останавливаясь перед Кумбаром. — Наплюй на интригу, скажи Илдизу прямо о том, что замыслил ублюдок. Я знаю точно — любой твари можно заткнуть пасть, вот ты и сделай это. Или ты не держал в руках меча? Или ты не свернул шею ни одному врагу?

— Так было, Конан, — уныло согласился сайгад. — А ныне все стало иначе, поверь. Я и сам думал одно время, что стоит мне только захотеть, и Гухул вместе с остальной сволочью вылетит из дворца, как бродяга из дорогого кабака, но... Ах, как противно было осознать однажды тщету и иллюзию... Тем не менее я осознал, и вот — ты видишь перед собой не воина, а старца без ума и силы... Я смирился...

— Ну и болван, — спокойно заметил Конан, снова усаживаясь в удобное глубокое кресло. — Зато вино у тебя хорошее.

По последней реплике Кумбар понял, что друг его предлагает завершить эту тему и перейти к другой.

— О, варвар... — пробормотал он, снова впадая в полутранс. — Ну, пойду я к Илдизу... А в общем, я уж год его

не видел. Мне не дозволяется... Написать записку? Так первым всю почту читает этот гад... Знаешь, друг, что я скажу тебе? Нелегко мне признаться, но Гухул — лишь одно несчастье Турана. Дворец забит дерьмом по крышу. Никто не делает своего дела без взятки, а со взяткой делает, но плохо; честь не в чести, и ум в изгнании; суд вершится несправедливый, жестокий... Я часто вспоминал тебя — ты заставил меня освободить невинного, хотя он был всего лишь ничтожным грязным евнухом. Ты, привыкший рубить головы на поле брани, не захотел осквернить душу свою убийством... Да, именно убийством, потому что война — это все же что-то другое... Помоги мне, Конан, прошу тебя...

— Хм-м... Ну, что ты от меня хочешь? Чтобы я прирезал цирюльника?

— Нет... Этого мне будет мало...

— Прах и пепел! — почти весело воскликнул Конан. — Да аппетит у тебя растет с каждым вздохом! Ладно, скажи, кто еще на очереди? Может быть, сам Илдиз?

— Эрлик свидетель, вовсе нет. Я... — Кумбар замялся, выискивая нужные слова, но, так и не найдя их, обратился к единственно верному способу смягчить варвара. — Выпей еще вина. Вон у меня его сколько!

— Выпью, — одобрил предложение Конан, — а ты не рассусоливай. Говори, что тебе надо?

— Шлем Воина Белки!

Глава вторая

Шлем Воина Белки! — выдохнул сайгад, сам испугался своей наглости и втянул голову в плечи. — Это еще что такое?

— Шлем.

— Я понял, что шлем, а не кувшин с ослиной мочой! — рывкнул варвар. — Какой шлем? Кто этот Белка? Говори все толком, а не то я уйду — только теперь ты уже не вернешь меня нытьем и слезами.

— Я скажу, скажу, конечно... История недолгая, ты успеешь выпить пару кубков — а я уже подойду к концу ее... Но с чего бы начать?

— С начала. — Киммериец взял в руку кубок и доверху наполнил его аргосским, как бы намереваясь проверить обещание Кумбара.

— Я лучше начну с середины. — Сайгад ухнул, передавая вздохом сим тяжелый труд рассказчика, но глазки его блеснули предовольно: варвар согласился выслушать его, а это значило, что половина дела завершена. — Итак — слышал ли ты об Ордене Бессмертных, иначе именуемом Орденом Воинов? Нет? Я так и думал. Он состоит всего-то из четырех человек, трое из которых — юные воины — меняются каждые двенадцать лет. Четвертый — старец Исидор, их наставник, не покидает пределы замка никогда. Правда ли, нет ли, но я слышал сам от известного тебе Мишпрака, что достойный муж сей в далеком прошлом был знаменитым на весь мир бойцом-манниганом и...

— Постой,— Конан едва не поперхнулся аргосским, чем обидел бы хозяина смертельно.— Манниганы — это те самые парни, что владеют всеми боевыми искусствами? Это их еще кличут Бессмертными? Тогда ты врешь, приятель. Они жили в то время, когда и дед твой еще не родился. Бродили по свету, дрались, пили пиво, но на одном месте не задерживались, а потому и потомства не оставили... Так что этот Исидор никак не может быть манниганом.

— Да, все они давно на Серых Равнинах,— подтвердил Кумбар, нисколько не смутившись.— Боги никогда не были благосклонны к ним, ибо те слишком дерзки и горды... Ты знаешь, конечно, о колдунах Белой Руки, отвратительных тварях, которые проживают в Гиперборее? Вот — первейшие враги манниганов. Они уничтожали их последовательно и изощренно — пока не перебили всех. Война эта получила название Битвы Бессмертных...

В общем, старец Исидор — единственный оставшийся ныне манниган. Уж не знаю, каким образом, но он живет на земле едва не триста лет; он всегда печален, молчалив, даже скорбен, ибо... гм-м-м... легко ли нести на плечах своих, пусть и весьма еще крепких, силу всех тех воинов, чьи души бродят давно по Серым Равнинам... Конечно, он силу эту передает другим: раз в двенадцать лет берет мальчиков-пятилеток в свой замок Дамира-Ланга, который находится далеко за морем Запада, в маленькой и нищей стране Саул.

Он обучает их всему, что знает сам; их мощь, равная, наверное, только мощи вымуштрованной армии, растет вместе со стихией огня — сие есть символ и талисман Ордена Воинов; перед тем как Исидор отправляет их в мир, они берут этот огонь в свое сердце, и тогда-то становятся непобедимыми... Так должно быть. Но — это не так.

Ты помнишь, что злейшими врагами манниганов всегда были колдуны из шайки, именующей себя Белой Рукой? Поскольку ученики старца Исидора в какой-то степени и есть манниганы, они также погибают — никто, кроме их

наставника да еще самих колдунов, не знает, как именно и где; ясно одно: ни разу причиной их смерти не был огонь. Но прочие стихии, по всей видимости, участвуют в их гибели в полной мере... Какой-то злой рок преследует несчастных...

Первая тройка воинов — Олень, Сова и Гепард — исчезли с лица земли на следующий же день после того, как покинули замок Исидора и пошли в мир с тем, чтобы вернуть славные дела, помогая нуждающимся, защищая их... Вторая тройка — Рысь, Орел и Вепрь — продержались немногим больше и погибли — один спустя луну, второй через половину года после него, а третий через год после второго. К счастью, двое последних успели-таки истребить банду жутких разбойников — истинных монстров, что вырезали целые деревни вблизи иранистанского города Хамри, а еще кхитайского змея из озера Тай-Фо и зембабвейского шамана Бдхаамбайа, жестокосердного полусумасшедшего убийцу.

Третья тройка — Медведь, Лев и Белка — погибли всего год тому назад. Ладно, не стану утомлять тебя подробностями. Перейду к главному. Дело в том, что старец Исидор в первый же день знакомства с учениками даровал каждому какой-либо воинский атрибут. Например, Медведю достался меч, Льву — щит, а Белке — шлем. По мере того, как мальчики росли и мужали, их личная вещь наполнялась тем же духом огня и тою же силой и в конце концов становилась для них отличной защитой от любого посягательства на их жизнь. Увы, любого человеческого... На колдовство сие не распространялось...

Так вот что я поведаю тебе, Конан. Твари из Белой Руки жаждут присвоить себе сии талисманы. Думаю, что за меч Медведя они отдали бы несметные богатства... Но — с гибелью воина его атрибут мгновенно превращается в ничтожный и никому не нужный прах — это единственное, чем Исидор сумел защитить мир от страшного оружия в руках проклятых чудовищ. А оставить воина в живых колдуны тоже не могут — тогда он рано или поздно (а скорее всего именно рано) вырвется из плена и перебьет врагов своих. Так что члены Белой Руки жертвуют свое

желание обладать талисманом за другое желание, видимо, более сильное — уничтожить Орден Воинов.

А сейчас я начну шептать. Напряги слух, не пропусти ни одного слова! Дело в том, что Воин Белка все-таки не погиб. Вот уже две луны он лежит, придавленный каменной плитой, в пятистах шагах от южного берега моря Вилайет. Там находятся Хальские пещеры — лабиринт глубоких нор, в которых можно заплутать даже в светлое время. К тому же они окружены зыбучими песками, вязкими и топкими, как болото. Никто не рискует гулять в этих местах. А ты — рискнешь!

— Еще чего! — Конан метко плюнул в пустую бутылку, стоящую возле стола.

— Дело стоит того! Я получу шлем, ты — золото. Я отдам тебе все, что у меня есть. Вижу, в Пунте ты порядком поизносился, так что пара кошель, набитых монетами, тебе не помешает.

— Не помешает, — задумчиво согласился киммериец. — А зачем тебе шлем?

— О-о-о... Шлем Воина Белки — очень полезная штука. Коротко: он возвращает силу молодости, то есть именно то, чего мне сейчас не хватает. Я не стану, конечно, юным и красивым, как много лет назад, но энергия, воля, живость ума — все ко мне вернется. Румянец стыда вот-вот окрасит мои щеки, но я признаюсь тебе... Я ничего не хочу больше — только изгнать собаку Гухула из дворца, а заодно и вычистить отсюда всю дрянь... Знал бы ты... Да тут во всех углах одни подонки! Тьфу!

— А что будет с Белкой?

— Ничего. — Царедворец проникновенно посмотрел в синие, неподвижные сейчас глаза варвара. — Пусть остается под плитой. Он должен быть живой, чтобы его шлем мог действовать, но и выпускать парня оттуда не в наших интересах.

— Не в твоих, — уточнил Конан. — А по мне так лучше помочь воину, чем толстому, старому и подлому верблюду.

— Это ты про меня? Это я верблюд? — опешил сайгад, бледнея.

— Толстый, старый и подлый, — напомнил киммериец. — Цель твоя ясна. Ты возмечтал снова занять свое теплое место у императорских коленей, вот и все. Не думал я, что ты, приятель, за восемь лет всего из человека превратишься в...

— Нет! — старый солдат протестующе поднял обе руки. — Нет, Конан! Эрликом клянусь, пророком Таримом клянусь — нет! Хочешь, я вовсе уйду из дворца? Позволь только сначала выкинуть цирюльничку и его прихлебателей, и я сам вернусь к Белке, освобожу его и отдам ему шлем!

— Вздор. За всю твою байку я не дам и глотка кислого пива — один только вздор поведал ты мне, сайгад. И если б я не знал тебя прежде, то не медлил бы и вздоха: снес бы твою дурную башку с плеч долой...

Киммериец говорил медленно, словно лениво, но за этим спокойным тоном его Кумбар чувствовал раздражение и злость. Пожалуй, Конан и впрямь готов был отправить старого приятеля на Серые Равнины; синие глаза его потемнели и тускло мерцали в свете пламени фиолетовым и красным; взгляд их вовсе не перемещался в течение последнего времени, а был уставлен в одну только точку на стене над головой сайгада — так, будто малейшее движение зрачков могло выпустить на волю яростную волну первобытных дремучих чувств, способную затопить всю комнату и старого солдата тоже. Кумбар поежился. Он и раньше, восемь лет назад, имея всю возможную в Аграпуре власть, опасался разозлить этого парня — тогда простого наемника; теперь же и вовсе не знал, чего от него ожидать. То ли он по прошествии времени научился обуздывать свой горячий нрав, то ли наоборот, разогревал его до предела... Сайгад откашлялся и попробовал все же объясниться.

— Конан... Долго был я скорбен телесно...

— Что? — Взгляд варвара наконец сдвинулся с той мертвой точки и обнаружил Кумбара.

— Болел я долго, — пояснил сайгад. — Головою и душой одновременно. И за срок сей понял твердо: Туран — моя родина. Я хочу, чтоб здесь мог дышать и нобиль и простолюдин. А Гухул, собака...

— Не продолжай,— махнул рукой киммериец.— Я согласен пойти за этим шлемом. Но... Но!

Кумбар мелко закивал, в восторге от благополучного исхода столь тяжелой беседы.

— Но с одним условием.

— Опять условие?

Старый солдат сразу сник, припомнив, что и в первый раз, восемь лет назад, варвар также помог ему с условием. Слава Эрлику, тогда ему пришлось всего лишь ублажить грудастую красотку Кику, а что Конан потребует на сей раз...

— На сей раз все будет еще проще.— Киммериец словно прочел в глазах Кумбара его мысли.— Ты отправишься со мной. И там — там я посмотрю, как ты возьмешь шлем и оставишь парня подыхать, как пса...

— О, варвар...— простонал сайгад, ужасаясь условию. Для него не могло быть испытания страшнее. Он-то рассчитывал, что возьмет шлем и оставит Белку под плитой как раз таки Конан, но хитроумный киммериец и тут угадал его тайные мысли.— Я не смогу, право, я не смогу...

Он жалобно уставился в холодные синие глаза старого приятеля, но — напрасно. Ухмыляясь, тот попивал остатки аргосского, вполне, кажется, удовлетворенный собственной справедливостью. Тогда Кумбар вздохнул тяжело, преисполненный печали и страха, и обреченно кивнул. Будь что будет. Он пойдет с Конаном.

— Будь что будет...— пискнул он, отводя взгляд от Конановых глаз.— Я пойду с тобой, Конан...

* * *

— А мои кошель с золотыми? — сурово спросил варвар, оглядывая все снаряжение сайгада.— Или забыл, свинская рожа?

— О-о-о-о... Как можно... Вот они! — Кумбар поднял над головой два туго набитых кошель.— Договор наш остается в силе. Найдем Белку — они твои.

— И не найдем — тоже мои.— Конан запахал в дорожный мешок большой кувшин с пивом.— Ты платишь мне

не за Белку, а за совместный путь. Клянусь Кромом, и целого мешка золота мало за такой труд.

— Я буду тих и печален,— поспешил успокоить приятеля сайгад.— Ты и слова лишнего от меня не услышишь.

Конан хмыкнул, но ничего не ответил. Близился рассвет — самое прекрасное время в жарком Туране, когда розовело черное небо, свежий воздух паром поднимался от остывшей за ночь земли, а ночная угрюмая тишина становилась нежной и внимательной к любому, едва рожденному звуку.

Птицы чирикнули несколько раз и затихли, словно проверяли голос перед утренним пением; Кумбар мечтательно посмотрел в окно, в ту даль, что вскоре станет его дорогой; там пока было темно, хотя уже возрастал общий для всей земли свет — тот самый розовый, воспетый неоднократно и поэтом и просто романтиком. Старый солдат, конечно, не был ни тем ни другим, но его душа, в последнее время ослабшая, ежемоментно готовая к слезам и участию во всем происходящем, сразу откликнулась. Забыв о суровом варваре, Кумбар прислонился лбом к стеклу и тихонько запел, соединяясь сейчас с природой в одно целое. Тонкий и довольно противный голос его постепенно набирал силу и вот-вот зазвенел бы на весь дворец, если б разъяренный киммериец не хватил приятеля огромным кулаком по толстой мягкой спине. Сайгад вякнул и заткнулся.

— Прах и пепел! Что ты воешь, как голодная собака!

— Пора в путь? — деловито осведомился Кумбар, оправляясь от только что пережитого шока так же легко, как ящерица переживает потерю хвоста.

— Давно пора!

Конан сердито отвернулся от сайгада, проклиная свою уступчивость. Он ни за что не согласился бы участвовать в этом странном походе, если б не одно обстоятельство: его приятель, иранистанец Гассан, будучи в Пунте проводником варвара, умудрился крепко повздорить с деревенским шаманом, так что теперь ему приходилось спасаться бегством от преследований его посланников, вызванных магией из царства мрака. То же и Конан: приняв участие в

первой длительной схватке, он невольно взял на себя добрую половину новых врагов Гассана, кои оказались не столько агрессивны, сколько назойливы и упрямы. И днем и ночью они с тоскливыми вздохами толклись где-нибудь поблизости, выжидая удобного момента, дабы впитаться в полные сил и крови тела и переправить их туда, откуда явились сами.

Немногие в Пунте, да и в Кешане, и в Зембабве, умели использовать в качестве собственного войска мертвецов. Шаман обладал натуральными колдовскими способностями и порою достигал настоящего мастерства. Так, в соседнем племени он истребил весь скот (причем не из мести или по заказу, а просто из вредности), не видя в глаза ни единой овцы. На расстоянии же уничтожил он и вождя со всем его семейством, а также постепенно все мужское население, словно в насмешку оставив в живых только древнего старика да безногого юношу, на коего сейчас же свалились обязанности общего мужа, отчего он в скором времени благополучно скончался.

Издавляя наблюдая за такими безобразиями, Гассан решил поправить положение несчастных дикарей, что не жалели для него и его приятеля, синеглазого киммерийца, фигурок из слоновой кости и золотых слитков. Держа в одной руке иранистанскую саблю, а в другой веревку, он пришел к хижине шамана, выудил оттуда хозяина, связал ему ноги, и, закрепив клинок прямо у шеи его, удалился. Теперь, стоило несчастному дернуться или даже открыть рот, чтобы позвать на помощь, и сабля тотчас рассекла бы его артерию. А поскольку колдуну знала и безумно боялась вся округа, то почти луну никто не посещал его — он так бы и отошел в мир иной, если б не случайность: заболел единственный сын вождя его племени, и тот срочно послал за шаманом.

Тогда-то киммерийцу и Гассану и пришлось испытать на себе гнев чернокожего колдуна. Два дня и две ночи они отбивались от зомби, что восстали из земли с одной только целью: отправить на Серые Равнины чужестранцев; затем, когда силы уже были на исходе, они предпочли скрыться

из Пунта вообще, зная, что на чужой территории эти бездушные и безмозглые твари ориентируются много хуже, чем на родине предков.

Так пришел Конан в Туран, по дороге растеряв все, что успел взять у щедрых дикарей. Один мешок со слоновой костью у него похитила дева из кабака на окраине Кутхемеса, другой — с золотом — он отдал сам: давняя его подруга из Самарры по злой воле местного нобиля безвинно попала в темницу, и, не имея времени заняться ее освобождением, Конан просто заплатил за нее всю сумму тюремщикам, и те выпустили бедную женщину на волю тайно, ночью. Сам же варвар снова двинулся в путь, освобожденный от богатства, но отягощенный заботой, ибо зомби и вне Пунта, хотя и не так активно, продолжали его преследовать.

Он чувствовал их присутствие даже сейчас, несмотря на то, что только накануне прибыл в Аграпур. Отличить оживленного колдуном мертвеца от обычного человека было непросто, особенно в темноте; меч и всякое другое оружие для них опасности не представляли; двигались они бесшумно и быстро — все эти обстоятельства делали почти невозможным избавление от преследования зомби, так что Конан ощущал не то что постоянную уже усталость, но и нечто похожее на обреченность. Правда, последнее чувство посещало его все больше в ночное время — во сне и перед ним. Вzbешенный, варвар просыпался, клял всех богов, начиная всегда со своего Крома, а заканчивая мелочью вроде Бела и Золотого Павлина Сабатеи, проверял наличие и неразрывность черного круга из просмоленной веревки (только это средство могло остановить зомби), в коем теперь всегда спал, и вновь погружался в тяжелый, полубоморошный бредовый сон.

Кумбару знать о том было вовсе не обязательно, тем более что мертвецы двигались целенаправленно — за одним Конаном (а вторая их часть за одним Гассаном, который шел в Вендию), не трогая по пути никого. Пока киммериец, раздраженный более нелепостью этой погони, чем действительной опасностью, не представлял себе, ка-

ким образом можно избавиться от посланцев тьмы; с другой стороны, особенно они его не беспокоили — агрессивность их возрастала только тогда, когда Конан оставался один, а в остальное время они только крутились поблизости да тяжело вздыхали — вот как Кумбар сейчас.

— Сколько лет не оставлял я скромной обители своей! — навздыхавшись, воскликнул он, рукою обводя роскошные хоромы, заваленные дорогими коврами, изящными вазами кхитайского тонкого стекла, золотыми и серебряными кубками, изукрашенными самоцветами, горами богатого платья. — О, как привык я горевать в этих стенах в полном одиночестве, брошенный и друзьями и неверными девицами, что клялись в любви, но...

— Не скули! — грубо оборвал его варвар, вскидывая мешок на спину.

— Не буду, — тотчас согласился Кумбар. И он поднял мешок, бывший чуть ли не вдвое тяжелее Конанова, взвалил его на плечи, потом лишь прицепил к поясу меч и кинжал, кои взял в руки впервые лет за пять.

Устав страдать, сайгад подмигнул киммерийцу, сумрачно глядевшему на него, и ударом ноги распахнул дверь. Обленившаяся душа его наконец воспряла и приготовилась к дальней дороге; дрожь, охватившая сейчас тучное тело, была непонятного свойства: то ли старый солдат слишком оброс жирами и теперь они тряслись при энергичных движениях, то ли и в самом деле сердце, принимая токи пробудившейся души, сообщало волнение всем членам царедворца.

— В путь! — громко и визгливо сказал он, уже шагая по длинному коридору дворца. — В путь, мой верный друг!

Конан сплюнул. Кажется, в их походе сайгад собрался руководить... Что ж, посмотрим... Варвар еще раз сплюнул и не спеша, большими шагами, двинулся следом за Кумбаром.

* * *

Белка застонал и попробовал повернуться набок. Благодарение Митре, великому светлому богу, что в голове у

воина до сих пор было пусто и темно, иначе ужас непременно сковал бы его сердце, обратил в камень, источил душу... Без еды и воды он мог продержаться очень долго: плем его был с ним, и за это тоже следовало бы благодарить благого Митру — следовало бы, если б Белка понимал, что происходит. Словно окутанный туманом, мозг его улавливал самую малость в нынешней жизни: боль — тупую, ноющую, а с ней странные воспоминания, больше похожие на сон или бред.

Тонкое лицо, иссеченное морщинами, твердый пристальный взгляд, крепкие, хотя и худые руки — наставник... Затем огромный рыжий парень — брат или друг — и второй, русоволосый, мускулистый, стройный — тоже брат. Или друг... Вот негасимый огонь в треноге, что стоит посередине его комнаты. Наставник зажег его в тот день, когда Белка, тогда еще пятилетний мальчик по имени Гинфано, пришел в замок. Потом, двенадцать лет спустя, он соединил его огонь с огнем Медведя и огнем Льва, потом... Что было потом, он помнил плохо...

Виски Белки снова сдавила боль. Так бывало всегда, когда в голове начинало появляться что-то кроме привычной уже пустоты... Он вздохнул глубоко, медленно, стараясь распределить поступление воздуха в легкие таким образом, чтобы не резало грудь, и снова попытался повернуться набок.

Как будто тысячи крошечных игл вонзились во все его тело, затекшее за то время, что он лежал здесь. Каменная плита, рухнувшая на него две луны назад, не сдвинулась и на волос. Проклятие колдунов... Отчего вышло так, что он остался жив?.. Не память, но тело его помнило еще, как трещали кости и рвалась плоть под страшной тяжестью камня, а мозг дышал — дышал и жил, пусть вяло и почти бессмысленно, но жил... Белка открыл рот, выдыхая нечто темное, чужое, поглотившее половину его существа, всхлипнул... Отчего вышло так, что он остался жив?..

Только мелькнув, эта мысль сразу растворилась в теплой волне забвения; черты знакомых лиц расплылись и стерлись, прекрасная пустота заполнила пространство, пред-

назначенное Создателем для накопления знаний и образов; Белка скривил в улыбке тонкие губы и провалился в спальный сон... Проклятие колдунов? Что это?

* * *

Половина солнца, ослепительно яркого, желтого, еще совсем не горячего, показалась из-за горизонта, одним только светом согревая землю. Легкий теплый ветерок носился где-то меж верхушек деревьев, играя с листьями, время от времени падал вниз и снова взмывал в голубую высь, к равнодушно скользящим по небу облачкам, пухлым и белым, словно раскормленные северянки.

Кумбар ликовал. Первый раз за много лет выехал он за пределы Аграпура и теперь вовсю наслаждался буйной природой родной страны, удивляясь ей неустанно, восхищаясь и гордясь. Конечно, в Киммерии не было, да и не могло быть, так зелено и пышно, но Конану его горы, сопки, болота и серое влажное небо нравились ничуть не меньше, чем сайгаду его отечество-сад. Поначалу, когда царедворец в экстазе попытался привлечь и его к любованию красотой природы, он огрызнулся, но затем отвлекся своими мыслями и более уже приятеля не слушал. Иногда, правда, восторженные вопли, издаваемые сайгадом, сбивали его с толку, но браниться со старым, выжившим из ума солдатом по этому поводу он не желал — бесполезно. Если бы тот мог замолчать, то давно бы уже замолчал...

«Хо! Ха! Ого-го! У-у-у!» Бурные чувства Кумбара так и рвались на волю. Оглядываясь на варвара, что, угрюмо хмурясь, ехал на полшага позади, он искренне жалел его, чья родина знала лишь дожди да туман, полагая, что только из упрямства Конан не желает признать великоление Турана. «Хо-хо-хо! Р-р-ра! Ух!» Сайгад вертелся на своей буланой крепкой кобылке так активно, словно его поджаривали снизу. И то сказать, он впервые увидел родные края, а сие всегда приятно...

— Посмотри, о варвар, впереди горы Ильбарс — олицетворение могущества моей державы! — выпренно заявил царедворец, махая пухлой дланью перед лицом Конана,

который любые горы — и Ильбарс в том числе — считал всего лишь досадной ошибкой богов, что при сотворении мира забыли разровнять некоторые земляные насыпи. — Перед ними стройные ряды дерев, словно суровые стражи выстроились в караул! А еще раньше... О, какая прелесть, ты посмотри, — Кумбар вытер слезу умиления, — кучка добрых землепашцев! Они бороздят чернозем своей родины для того, чтоб я и другие могли есть хлеб и рис и...

— Это не землепашцы, — пробурчал Конан, вытягивая из ножен меч и критически осматривая два дня нечищенный клинок. — Это разбойники.

— Нет, не разбойники, — сварливо ответил сайгад. — Видишь, в их натруженных руках блестят мотыги...

— Мотыги не блестят. — Киммериец раздраженно сплюнул на воспетый Кумбаром чернозем. — А это — мечи или сабли, я отсюда не могу разглядеть. Клянусь бородой Крома, старый ты дурень, они заметили нас прежде, чем ты их, и сейчас наверняка собираются покрошить нас прямо у подножия твоих вонючих гор!

— О-о-о... О, варвар, как ты недоверчив... Разбойники, говоришь? Ну-ка, поглядим!

И он понесся вперед так резво, что Конан не успел и моргнуть, как широкая, закрывавшая ему дорогу фигура старого приятеля превратилась в жирную точку, что размазывала руками, привлекая к себе внимание бандитов.

Фальшивые землепашцы, кои и впрямь деловито копошились у самого строя деревьев, заметив отважного царедворца, насторожились, замерли, но — только на миг. Сразу затем они пришли в движение, поняв, что из засады ничего не выйдет, и туша, несущаяся на буланой и издающая пронзительные визги, направляется именно к ним — непонятно, правда, с какой целью...

Выругавшись, киммериец пустил вороного вскачь, в надежде если не догнать Кумбара, то хотя бы грозным видом своим отпугнуть от него бандитов — в том, что это были все-таки бандиты, Конан не сомневался.

Он мчался по равнине во весь опор, на ходу выхватив из ножен меч и держа его чуть в стороне, так, что лезвие

сверкало на новорожденном солнце и слепило глаза. Твердые губы его напряглись и сжались в узкую полоску, брови сдвинулись у переносицы, а в зрачках вспыхнул злобный и радостный огонь. Варвар никогда не был против хорошей драки, особенно если чувствовал себя вполне правым, а эта драка обещала быть жаркой — разбойников он насчитал с десяток, и вроде бы за деревьями мелькали еще чьи-то тени, числом пока неизвестные... Он рыкнул — негромко, дабы не выпустить из себя пыл, который уже согрел сердце и погнался по жилам кровь, и сильнее вонзил пятки в лошадиные горячие бока. Вороной всхрапнул, длинные ноги начали резче рассекать воздух, и...

В этот момент душераздирающий вопль словно стрелой пронзил грудь варвара.

Глава третья

К улем свалился сайгад с буланой кобылки, что по инерции пробежала еще несколько шагов и только потом в растерянности остановилась, оглянувшись на незадачливого седока своего.

Туша царедворца недвижимо лежала на шелковом травяном ковре, и к ней, с гиканьем и радостными криками, спешили уже бандиты. Расстояние от них до Кумбара было несколько меньше, чем от варвара до него же, но они перебирали своими ногами, а за Конана этим занимался могучий вороной, так что к бездыханному телу старого приятеля он прибыл первый.

Соскочив на землю, киммериец кинул быстрый взгляд на рану сайгада, из которой торчала стрела, определил ее как незначительную или смертельную — ибо крови видно не было, но и признаков жизни тоже, усмехнулся зло и двинулся навстречу разбойникам. Меч в его полусогнутой руке сверкал уже не весело и свободно, как пару мгновений назад, а угрожающе, яростно — как обычно в последний миг перед битвой. Первобытные дикие чувства, клокотавшие в мощной груди варвара, словно передавались мечу и мутными всполохами пробегали по синеватому гладкому лезвию; смерть — он ощущал это кожей — трепетала на самом кончике клинка в ожидании первой жертвы, и Конан знал: ей не придется ждать слишком долго.

Через несколько шагов выяснилось, что бандитов не десяток, а почти вдвое больше. Часть их выползла из-за

деревьев, с удовлетворением обнаружив, что противник один, а с досадой — что он вряд ли везет в своем дорожном мешке что-либо ценное, так как вид его был хотя и грозен, но не богат. Заросшие щетиной, озлобленные и голодные, они медленно, молча шли к киммерийцу, по дороге рассеиваясь так, чтобы взять его в круг. Сине-зеленые куртки их — явно дезертиров из малочисленного войска туранского города Шангары — цветом и впрямь напоминали одеяние здешних землепашцев, зато кинжалы, мечи и сабли, зажатые в крепких руках, ничуть не походили на мотыги или лопаты.

Им исход битвы представлялся яснее ясного: этот огромный синеглазый варвар с обветренным смуглым лицом, конечно, славный воин, но против них ему никак не устоять. Привыкшие добывать себе хлеб оружием, они были уверены в себе и своей удаче — так же, как и он был уверен в своей. Уверенность их все же была разного свойства. За двадцать девять лет жизни Конану многожды доводилось участвовать в схватках и посерьезнее, чем предстоящая сейчас, но всякий раз — он отлично это понимал — могла стать последней.

Так и ныне: даже юнец, впервые взявший в руки меч, знает, что порою один воин может одолеть сотню, хоть чаще случается наоборот, и — тот же воин может погибнуть от случайного укола копья, или пасть жертвой обмана, или... Да мало ли в мире этом причин для переселения на Серые Равнины!.. Поэтому варвар, хотя и ценил свою силу и ловкость достаточно высоко, допускал возможность поражения, а главное — был к нему готов.

Видел ли сейчас суровый Кром сына своего, нет ли — Конан надеялся, что все-таки видел, — но первый удар сразу попал в цель. Здоровенный детина, примерно одних лет с киммерийцем, едва подняв свой меч, рухнул на землю с разрубленной до шеи головой.

Разбойники взревели. Звон оружия — привычная музыка и для них и для их противника — заглушил все мирные дневные звуки. Заблестели в солнечных лучах клинки, засверкали злобой и жаждой крови глаза, и в яростной

битве сошлись наконец две силы, как штормовая волна сходит с берегом, а молния с землей.

Меч киммерийца рубил, сек и колот без перерыва. На каждый его вздох приходилось по несколько взмахов; клинок, уже окрашенный в алый цвет, вонзался в плоть с хрустом и чавканьем, и пьяный запах крови всасывался в поры, разогревая ненависть...

Пока Конану удавалось отбивать атаку за атакой. Трое противников его уже валялись на политой кровью земле без жизни, четверо раненых со стонами пытались отползти от круга битвы, но их же взбудораженные, охмелевшие от ярости, от безумного стремления разорвать врага на части собратья, толкаясь, топтали их. Рой серебряных лезвий вился над варваром; глухое рычанье, перемешанное с воплями отчаяния и гневными выкриками, оглушало; смерть была со всех сторон. До сих пор ни один клинок не коснулся тела Конана, не взрезал его одежды, его железных мышц, и все-таки пришло то мгновение, которое рано или поздно обязательно должно было прийти: в очередной раз разворачиваясь вокруг своей оси, киммериец спиной задел сразу с полдюжины остро наточенных кинжалов. Туника его, заправленная в штаны, тут же намокла и прилипла к коже, горячие струи крови потекли по ногам, наполняя сапоги.

Еще яростнее засвистел в воздухе меч варвара. И он был опьянен этой внезапной дикой схваткой, а сейчас еще опасался потерять силы от ран — тогда точно он нашел бы здесь свое последнее пристанище. В один момент выхватил он из-за пояса кинжал, сжал рукоять его в левой руке и сам кинулся на противников, стремясь поразить их не только умением своим, не только ловкостью, но еще и напором. Мощь его могучего крупного тела вмиг смела четверых бандитов, по которым он прошел еще пару шагов вперед, вырываясь из замкнутого круга. Отчаянный вопль был доказательством того, что он принял верное решение.

Оказавшись лицом к лицу с бандитами и с полной пустотой позади, Конан снова, не теряя и вдоха, бросился в атаку. Против него осталось лишь пять человек. Остальные — убитые или раненые — лежали в стороне от поля

боя; некоторые из последних делали попытки поднять лук и выпустить в киммерийца стрелу, но не имели сил даже прицелиться.

Те, что еще были живы и бодры, кидались на Конана подобно бешеным псам, рвущимся с цепи. Ненависть и ярость в их глазах потускнели, почти закрылись ужасом, недоумением, обидой. Один воин — пусть сильный и умелый, но один — разбил всю их шайку в открытом бою! Смерть всегда бродила где-то рядом с ними, порой подходя совсем близко, порой даже касаясь их холодными пальцами, но никогда прежде она не брала за горло. А как весело казалось им убивать самим: видеть странные, совсем непонятные чувства в глазах жертв, слышать мольбы о пощаде, упиваться властью, обещать жизнь и — убивать... Видимо, ныне пришел их черед идти на Серые Равнины...

В отчаянии бандиты все рядом, плечом к плечу, двинулись на варвара, но он их маневр принял с молчаливым презрением, он только раз взмахнул мечом — две головы с глухим стуком упали наземь. Вторым ударом он скосил еще одного. Осталась пара бандитов — не самых, наверное, крепких, но обреченность придала им сил. С воем кинувшись на врага, они задели-таки его кинжалами с двух сторон. Кровь брызнула из рук киммерийца, а в следующее мгновение оба рухнули на тела своих братьев, и головы их теперь походили на чаши — во всяком случае, от них осталась только нижняя половина — та, что с подбородком.

Конан остановился. Прерывистое дыхание его, тяжелое и трудное, с присвистом вырывалось из глотки. Алая жидкость хлестала из предплечий и спины. Пот, смешанный с кровью, заливал глаза, склеивал длинные густые ресницы, затекал в рот, и варвар привычно глотал солоноватую влагу, не задумываясь о том и на миг.

Убедившись в том, что нет ни одного живого противника, он нашел сухую траву, тщательно вытер об нее меч и кинжал, потом направился к бездыханному телу сайгада.

Тот возлежал огромным животом вверх, раскинув руки и ноги настолько, насколько позволяли наросты жира на

боках и ляжках. Подойдя ближе, киммериец убедился, что Кумбар вовсе не бездыханен — напротив: грудь его равномерно вздымалась, так, будто он спал, и от этих движений стрела в груди покачивалась из стороны в сторону. Глаза его тем не менее были закрыты, и вообще, кроме дыхания, никаких признаков жизни Конан в приятеле не заметил.

Он отцепил от седла свой мешок, извлек оттуда кувшин с пивом и, усевшись на землю рядом с тупей поверженного царедворца, надолго присосался к открытому словно для поцелуя глиняному рту. Ароматное, чуть горьковатое пиво с каждым глотком возвращало варвару силы. С трудом оторвавшись от горлышка, он брызнул немного прохладной влаги на раненые руки свои, с наслаждением ощутив, как утихает боль в ранах и воспаленной коже. Затем он скинул окровавленную тунуку, выудил из мешка новую, прихваченную в покоях Кумбара, и снова принялся вливать в глотку чудесный напиток, всерьез полагая, что тем самым лечит себя.

Немая природа вокруг него равнодушно взирала на залитые кровью трупы людей. Боль и смерть не могли взволновать ни ее, ни богов, что ее сотворили. Таково было устройство мира, и киммериец, которому не раз приходилось думать о справедливости и равновесии в жизни, считал сие единственно верным.

Даже боги — эти крамольные мысли в последнее время все чаще посещали его — не могут быть судьями. Определить, кто прав, а кто виноват, порою трудно, даже невозможно. Не то что «у каждого своя правда» (здесь имелся свой смысл, но Конан почему-то не любил эту сентенцию, презирал ее и в конечном итоге отвергал), а просто правды иногда вовсе нет. Вот есть дерево, и вот есть холм, и вот ручей вьется по равнине, а правда... Кто знает, что такое эта самая правда. Варвар, не умея оформлять свои мысли, обладал иной, может быть, более ценной способностью, чем умение думать: умением чувствовать. Он и чувствовал сейчас (и прежде тоже), что правда, и тем паче истина, не является материей, а лишь чем-то неуловимым, вроде как духом или даже вздохом, из чего следует, что обозначить ее

определенно, точно — нельзя. При этом сам он обычно был вполне уверен в собственной правоте и только по прошествии какого-то времени вдруг возвращался к прошлому — не за тем, чтобы проанализировать свои и чужие поступки, а всего лишь чувствуя — опять чувствуя — нечто трудно понимаемое и, значит, трудно объяснимое.

Потом, конечно, он забывал об этом, ибо жизнь шла своим чередом, менялись дни и события, но внутри его все равно копилось то самое нечто, образуя в конце концов достаточно объемистый багаж, который искушенный царедворец Кумбар определил в начале их нынешней встречи как «живое знание» и от которого зависело направление пути Конана, а также смысл его действий, участие или неучастие в происходящем, а после — и оценка минувшего.

Варвар никак сие не называл — в нем все было естественно, все просто. О «живом знании», что носил он в себе, он не догадывался вовсе, и если б сайгад вздумал поведать ему о том, поднял бы его на смех и выкинул такую глупость из головы. Но Кумбар был прав — как ни трактовать понятие правды, в этом случае ошибиться было невозможно, потому что любой, и не замешанный в интригах, человек может отличить того, кто знает и ощущает жизнь, от того, кто существует в ней гостем, — Конан явно обладал живым знанием.

...Когда кувшин опустел, муть, вопреки закону, не сгустилась, а исчезла из синих глаз киммерийца. Он усмехнулся, тихо, но от всей души радуясь вновь обретенной жизни, затем вспомнил вдруг о несчастном царедворце, повернулся к нему. Станный звук расслышал он сквозь шум дыхания приятеля, слабые стоны умирающих и пение птиц. Гр-р-р... Хрр-р-р... Ужасная догадка осенила его в один лишь миг, и ярость, никогда не отходившая от души его слишком далеко, тут же вернулась в тело, дабы сразу волною выплеснуться наружу.

Кумбар спал! Быстро осмотрев то место, куда вонзилась стрела, варвар с отвращением увидел, что наконецник вовсе не коснулся кожи, а застрял в многочисленных рубашках,

туниках и куртках, в кои сайгад облачился перед дальней дорогой, боясь простудиться и умереть на голой земле, а не в своей теплой и уютной кровати. Значит, он просто потерял сознание от страха, а потом... Или он вообще не терял сознания, а притворился мертвым?

— Вставай, козлиная шкура! Жирное Нергалово отродье! Вставай!

К чести Кумбара надо сказать, что сон его не был крепок, как обычно бывает у лежебок. Получив хороший удар ногой в зад, он приоткрыл глаза и укоризненно посмотрел на Конана.

— Вставай, недоносок!

Рыча, киммериец пнул обширную рыхлую задницу еще раз, на что сайгад, опечаленный подобным обращением, горько вздохнул и снова опустил короткие ресницы, видимо собираясь продолжить сон.

— Убью! — Конан схватил меч, недавно обогранный кровью действительных врагов, и направил его в то место, где болталась застрявшая стрела. — Убью, старая подметка! Шакалье дерьмо!

Кумбар удивленно приоткрыл один глаз.

— Что ты, варвар? Отчего ты сердишься? Что-нибудь случилось?

В ярости киммериец рубанул мечом воздух, сплюнул и пошел к своему вороному, что спокойно ципал траву в двадцати шагах от поля битвы.

— Ты куда? — встрепенулся сайгад. — Хей, Конан! Куда это ты?

— К Эрлику и пророку его Тариму, — злобно рыкнул варвар, не оборачиваясь. — Договорюсь с ними, пусть подвесят тебя вниз головой на дворце Илдиза! Трусливая вонючая жаба!

— Вот еще!

Старый солдат проворно вскочил, несколько не напуганный угрозой киммерийца, ибо знал, что и Эрлику и пророку его Тариму глубоко наплевать на позорное поведение их поклонника. Опасался он другого: Конан вполне мог уехать отсюда без него, а, хотя они находились всего в четверти

дня пути от Аграпура, сайгад не был уверен, что найдет дорогу назад самостоятельно. Все же он очень давно не покидал пределы города.

— Подожди, о варвар! Душа моя рвется за тобою, но тело не поспевает!

— Душа твоя такая же жирная, как и тело! — огрызнулся варвар, так и не удостоив Кумбара взглядом.

Вороной с неохотой оторвался от трапезы, но покорно принял седока. Миг спустя Конан уже несся по равнине — не к Аграпуру и не к югу, а куда-то к западу, что совсем не входило в первоначальные планы.

— Проклятие! — рассердился сайгад. — Ну и уснул, и что? Подожди же, говорю!

Он выдернул из платья стрелу и бросил ее на землю, затем ловко запрыгнул в седло, поерзал, устраивая зад так, чтоб он не свисал по бокам лошади, и помчался вслед за киммерийцем, шепотом проклиная взрывную варварскую натуру. «Ну и уснул... Ну и что... Ну и уснул...»

Вскоре он догнал приятеля и поскакал с ним рядом, дипломатично не заговаривая вообще ни о чем. Молча они проехали до самой Самарры, затем так же молча повернули все-таки на юг. Кумбар казался удовлетворенным, но в душе недоумевал: именно вороной Конана, а не его буланая, вдруг остановился, постоял несколько мгновений и пошел назад — то есть туда, куда сайгаду и было нужно. Неужели деньги причиной тому? Но Кумбар — и варвару должно быть это известно — поделился бы казной со старым другом и безо всякой корысти.

Он не мог знать о том, что на самом деле волновало ныне Конана. Он не мог даже догадываться о том, что его рассказ о Воине Белке произвел на киммерийца сильное впечатление. Юноша, придавленный каменной плитой, — а Конан отлично представлял себе такую тяжесть — возник перед глазами его беспрестанно. Ему казалось, что каждый вздох, каждый миг промедления убивает Белку. Что шлем, что горы золота, когда смерть зовет человека на Серые Равнины. Вот оно — то живое знание, которым обладал варвар; вот причина, повлекшая его к югу, к зыбу-

чим пескам; вот его правда, не ожидающая одобрения небожителей.

Конан тряхнул головой, отгоняя сложные и мало понятные ему самому мысли, и пустил вороного вскачь, позабыв уже о провинившемся сайгаде, о разбитой шайке бандитов и о собственных преследователях.

* * *

К вечеру, когда багровый, уже остывающий шар краем коснулся синей полосы горизонта, спутники подъехали к северным — весьма и весьма скромным — воротам Шангары.

Эта часть города вообще оказалась довольно пустынной и мрачной, как будто необитаемой, хотя Конан помнил по прежним временам, что в здешних тупцобах народу обитало едва ли не больше, чем во всем пышном и богатом центре.

Сейчас им навстречу попались лишь двое мужчин и один старик — все смотрели на чужаков с опаской и неприязнью. Женщин вовсе не было видно, но уже у самого входа в дешевую таверну они заметили обернутую в несколько слоев ткани, с накидкой, закрывавшей все лицо и волосы, женскую фигуру. Она торопливо перебирала ножками по неровному камню, явно спеша по каким-то нехитрым своим делам. Конан свистнул ей, но не остановил, а наоборот, подогнал. Она вздрогнула всем телом и припустила бегом, так что в момент исчезла в узком и грязном переулке.

— Вот образец приличия! — объявил Кумбар свое мнение, полностью противоположное мнению варвара. — Ничего не разберешь — где там зад, где перед...

— Тебе это нравится? — мрачно поинтересовался Конан, привязывая вороного к железному кольцу в стене.

— Как тебе сказать... Как принцип — да, нравится. Но, в общем-то, хотелось бы ее... раздеть, что ли...

— То-то.

Войдя в вонючий маленький зал размером чуть больше Кумбаровой комнаты во дворце, спутники нашли свободное

место за центральным столом, прямо под огромным закопченным светильником, пристроили дорожные мешки между ножками лавок и потребовали у хозяина, вертевшегося здесь же, баранины и пива на двоих.

Для такого захоластья новые посетители таверны были кем-то вроде принцев в медвежьей берлоге. Хозяин прытко понесся на кухню исполнять заказ, а прочие усталились на варвара и сайгада как на диких зверей. Кумбар реагировал на эти взгляды так, как и полагалось знаменитому на весь Туран (он до сих пор был в этом уверен) царедворцу — горделиво выпятив брюхо, он изобразил на своей свинячьей физиономии скуку, свойственную богатому и умному нобилю, подбавив еще толику высокой печали, и устремил взор маленьких черных глазок в обшарпанный потолок — то есть точно по «Бламантине», его любимой книге, описывающей (кроме всевозможных премудростей) характер, манеры и внешний вид каждого сословия.

Конан же, в самом деле привыкший к всеобщему вниманию, словно ничего не заметил. Угрюмо глядя в трещины крышки стола, он снова думал о Белке, воображая себе его страдания так живо, как если бы сам находился сейчас в плену зыбучих песков. Будь этот парень не воином, а, скажем, купцом или ремесленником, он вряд ли думал о нем так же, но для варвара тема силы и воли, подавленных хитростью и колдовством, была слишком близка. Он и сам не раз испытывал подобное на себе. Но, как ни был киммериец занят размышлениями о борьбе добра и зла, пристальный взгляд соседа по столу все-таки достал его.

— Ну? — спросил он сурово, одним тоном своим повергая нахала в полубоморочное состояние.

— Мр-р... мр-р... — еле сумел ответить тот.

Конан презрительно хмыкнул и отвернулся. Тут принесли баранину, и оба путешественника с энтузиазмом принялись набивать ею свои пустые желудки.

В отличие от прекрасного, только что приготовленного мяса, пиво оказалось несвежим, но Конан, про себя отметив сие прискорбное обстоятельство, долго задумываться о том не стал. Он, бывалый бродяга, на основе своего опыта знал,

что, когда в глотке сухо и шершаво, любая жидкость хороша, пусть даже набранная из болота.

Сайгад отнесся к пиву не так доброжелательно. Скривившись, он позвал хозяина и плеснул в его синюшную морду остаток из своей кружки. Слов он при этом вообще не произносил, но хозяин, облитый и униженный, все понял и так. Кивнув, он вытерся, снова устремился на кухню и вскоре вернулся, таща огромный, в пол своего роста, кувшин с новой брагой.

— Другое дело, — милостиво принял замену Кумбар, а попробовав, запросил еще, ибо это пиво было превосходным.

Конан, в задумчивости попивая то свежую бражку, то старую и не находя между ними большой разницы (вернее, и не ища ее), просчитывал путь отсюда до южного берега моря Вилайет. Прикончив последний кусок баранины, он принял решение: ехать прямо.

Конечно, можно было и берегом, минуя и череду гор, и нежелательную встречу с охраной города Хоарезма, пару лет назад почему-то возжелавшую изловить его, Конана, и отправить в темницу. Кроме того, он подозревал, что сайгад, счастливо уверенный в знаменитости своей персоны, решит посетить дворцы и в Шангаре и в Хоарезме с целью разведать обстановку вне родного Аграпура и вызнать, как здесь относятся к собаке Гухулу. Но берегом они потеряли бы день, а то и два, чего киммериец допустить никак не мог.

Белка, придавленный каменной плитой, все стоял перед его глазами не то что немым укором, а просто наказанием. Вряд ли сам Кром смог бы придумать для сына своего кару ужаснее, чем спокойное наблюдение за муками брата-воина. Конану казалось, что край плиты совсем рядом, а он не может поднять руки и освободить парня. Все это было похоже на бред — а если учитывать гонку с преследованиями зомби, так оно и было.

— Глянь-ка, шут! Шут из балагана! Ха! А ну, попляши!

Гнусавый голос соседа справа, резкий, пронзительный, пробирающий до печени, в момент вывел киммерийца из состояния хрупкого, но равновесия. Так же и общая тишина.

на, до того прерываемая лишь чавканьем да иканием: вздрогнув, зашипела разбуженной змеей. Головы посетителей повернулись, но не с тем, чтоб осуждающими взглядами остановить сие развязное выступление, а с тем, чтоб обнаружить этого самого шута. На лицах проявилось любопытство — презируемое варваром всегда — и жажда зрелища.

— Э-ге-гей! Попляши! — Тощий крестьянин с физиономией удивленного козла, с бородищей до колен, с сальными длинными волосами, приняв всего-то третью кружку кислоты, явно был настроен воинственно. — Ты что, не понял? Пляши, сказал я тебе!

Мрачно посмотрев на него, Конан проследил за направлением его взгляда и... чуть не захлебнулся глотком браги. Человек, к которому обращал крестьянин свой наглый выпад, вовсе не был шутком из балагана. Пожалуй, даже напротив, он являлся единственным здесь приличным человеком (если не считать, конечно, высокопоставленного Кумбара).

Аккуратно расчесанные темные волосы, заправленные за маленькие уши, высокий чистый лоб, карие глубокие глаза, излучавшие покой и силу, ровные и крепкие длинные руки с коленными ногтями — все это даже не намекало, а откровенно говорило о том, что этот парень отнюдь не простого происхождения. С замирающим сердцем вглядывался варвар в отметину на его виске у правого уха — три вытатуированных широких и коротких, сомкнутых между собой полосы разного цвета. Верхняя — желтая, средняя — зеленая и нижняя — красная. Вот почему тупица крестьянин принял его за шута — отметина эта и впрямь бросалась в глаза не только ярким цветом, но и расположением своим: начиналась она от середины щеки, то есть лишь слепой не увидел бы. На самом деле то был знак шамана высшей касты. Поживший в Пунте Конан отлично разобрался теперь в таких несложных вещах.

Высшая каста не имела в числе своем чернокожих, а только белых и знатного рода. Строгие правила не позволяли им применять свои знания и умения всюду и в любое время — только в случае самой что ни на есть крайней необходимости

и только для пользы кого-либо еще, а не своей лично. В этом была и красота, и, может быть, даже отрицаемая варваром правда, но и ужасная ошибка тоже, ибо большинство шаманов высшей касты погибало именно вследствие запрета защищаться. Их число — и без того совсем небольшое (в Пунте и прочих Черных Королевствах не так уж много людей знатных и белых — обычно там болтаются в поисках наживы только вторые) — становилось все меньше и меньше; дикари смелели и нападали на них среди дня ради одного лишь развлечения — вот как сейчас этот козел; не имея возможности жить одним кланом, они разбредались по свету, строго соблюдая свои правила, и, плохо приспособленные к простой жизни, тоже погибали.

Конан считал себя в долгу перед шаманами высшей касты. Не потому, что уважал их суровый и чистый закон, а потому, что однажды на его глазах произошло убийство такого человека, а он не успел вмешаться и помочь ему. В момент разорванный дикарями в клочья светловолосый красавец, способный одним словом всего обратить их всех в бамбуковую рощу, до сих пор иногда снился варвару, и в этих снах Конан всегда успевал на помощь. В глубине души он все же слегка презирал подобное смирение, признаваемое всеми почти богами за основную добродетель человека, но при этом не считал себя вправе осуждать чужие законы.

— Пляши! Пляши! Пляши! — завелся козел. В гнусавом голосе его появились истеричные нотки, и киммериец, сидевший рядом с ним, поморщился.

Шаман молчал. На его худом бледном лице с чертами благородными и приятными не отразилось ни единого чувства, словно он и не слышал оскорбления. Продолжая потягивать из кружки свое пиво, он спокойно смотрел туда же, куда, видимо, смотрел и до того — в окно. Народ между тем постепенно приходил в возбуждение. Подогреваемые брагой и соседями, простолюдины уже выкрикивали в адрес шамана новые грязные ругательства, соревнуясь и похваляясь друг перед другом. Скоро шум превратился в гам, а затем — в крик. Самые нетерпеливые подсакивали к из-

бранной козлом жертве, толкали его или щипали и с радостным визгом возвращались на место.

— Вот ублюдки,— просипел обжеванный Кумбар, с трудом поворачивая к Конану голову.— Пойдем отсюда, что ли?

— Подожди,— сквозь зубы процедил варвар.

Он понимал, что сейчас начнется даже не драка, а самое настоящее побоище. Шаман тем не менее сохранял то же каменное спокойствие, чем вызвал искреннее восхищение киммерийца: не всякий может быть столь хладнокровен перед жаждущей крови орущей толпой. Вот один уже не стал отскакивать в сторону, а, ударив жертву в грудь, гордо поглядел на остальных, потом повернулся и ударил еще раз... Вот и второй, не желая отставать, плюнул в кружку парня... Вся пьянь ликовала.

— Ну и ублюдки...— В голосе Кумбара послышалась растерянность.— Чего им надо от него?

Зло усмехнувшись в ответ, Конан встал. Его массивная фигура для многих задних заслонила зрелище. Послышались возмущенные крики, улюлюканье, свист.

Не опуская взгляда, варвар взял за шиворот зачинщика-козла, легко поднял его вверх, так что тощие ноги недоноска зависли над столом, и негромко сказал, перекрывая зычным голосом своим общий крик и его визг:

— Что, Нергалово отродье? Повеселиться захотелось?

Глава четвертая

Медленно, очень медленно силы возвращались к Белке. Пока он не мог еще даже чуть сдвинуть с себя камень, но чувствовал, как кровь, до того застывшая в жилах, похолодевшая, снова начинает разогреваться, а из головы постепенно уходит жуткая пустота, и воспоминания все меньше похожи на бред...

Теперь он отлично помнил и названных братьев своих Медведя и Льва, с которыми рядом провел двенадцать лет жизни, и старца Исидора, что был для них троих более отцом и другом, нежели учителем, и... Нет, больше никого. Настоящих родителей Белка представлял себе смутно. Виделись ему порой какие-то красивые светлые лица, но были ли то отец и мать или некие чужие, или просто воображение помогло создать образы родных заново — он не знал.

Ясно помнил он и первый день своего появления в замке Дамира-Ланга, что означает «длинный дом». Наставник берет его за руку и отводит в большой, освещенный чуть ли не тысячью свечей зал. Там уже стоят два мальчика, таких же, как он, настороженных, но не испуганных. Один, рыжий толстый увалень, пыхтит, плечом пытаясь сдвинуть с места второго, русоволосого крепыша. Тот не глядит на него; упрямо сжав губы, он еле удерживается на ногах, потому что рыжий силен, как маленький медвежонок, потом все же оборачивается к нему и резко толкает...

От неожиданности толстяк падает, но тут же с сердитым ревом встает...

«Это Медведь...— ласково говорит наставник, подводя Гинфано к рыжему.— Посмотри ему в глаза. Отныне он будет твоим братом...» Медведь почти на голову выше его, поэтому приседает и долго смотрит своими зелеными глазами в голубые ясные глаза мальчика. Гинфано хочет сделать шаг назад — он не любит, когда к нему подходят так близко, но тут Медведь расплывается в улыбке, такой добродушной, что и сам он начинает улыбаться...

«А это Лев. Он тоже будет твоим братом...» Наставник поворачивает его за плечо ко второму мальчику. Тонкий и гибкий Гинфано одного с ним роста, только Лев шире в плечах и явно крепче. Желтые глаза его, встречаясь с голубыми нового брата, теплеют. Он топаёт ногой — скорее от смущения, чем от недовольства,— потом отворачивается и берет наставника за руку. «У меня нет братьев»,— упрямо заявляет он старцу Исидору. «Есть,— спокойно отвечает тот.— Вот они...»

Двенадцать лет прошло с тех пор. Ныне ему семнадцать... Как ждал он того мига, когда огонь загорится в его сердце... Вряд ли он мог бы жить сейчас, если б не этот огонь, возвращенный наставником... Он питает и его душу, и его кровь, он... А впрочем, жизни нет. Есть нелепое и позорное существование в зыбучих песках, куда не ступит нога человека никогда...

Белка чуть повернул голову, коснулся щекой внутренней стороны шлема, нагретой его собственным теплом. И все-таки он жив. Пока есть его воинский шлем, пока огонь горит в его сердце, пока он помнит братьев, погибших, кажется, только вчера...

Горячая слеза обожгла его висок; скатившись к уху, намочила волосы. Он заставил себя вновь вернуться в оставленную было пустоту — затем, чтобы сохранить возрождающуюся силу, и тут же почувствовал ее ток в левой стороне груди. «Встань, Воин Белка...— услышал он, уже проваливаясь в забытие.— Встань и возьми огонь в свое сердце...»

* * *

— Что, Нергалово отродье? Повеселиться захотелось?

Низкий, чуть хрипловатый голос варвара легко перекрыл общий крик и визг того козла, что затеял всю эту возню. На мгновение чернь захлопнула рты, пораженная столь неожиданным препятствием к их веселью в виде огромного северянина с синими колючими глазами. Но — только на одно короткое мгновение. Их было много больше, три, а то и четыре десятка, так что даже этот гигант, пусть и в союзе с хлипким шутом, не одолеет их сплоченного на время войска. Они задавят его массой. Масса всегда сильнее любого одиночки.

Угрожающий рык пьяной швали, набирающий обороты, привел Кумбара в шок. Пот струился по его лбу, шее, спине и, что было особенно противно, животу. Дрожащей рукою вытер он лицо, потом нащупал на поясе кинжал, скорее бывший декоративным, чем боевым.

— Ко-онан...— умоляюще прошептал он, желая уйти отсюда как можно быстрее.— Не надо, Конан...

Но киммериец уже не слышал его. Отшвырнув захлебнувшегося собственным воплем козла в сторону, он коленом поддел крышку стола и опрокинул его, кивнул шаману на выход, понимая, что тот не будет участвовать в сражении по принципам высшей касты, и принял первый удар.

Маленькой злобной собачонкой на него кинулся низкий и широкий, как табурет, ублюдок, метя в глаз варвару багряной костью. В тот же момент эта кость оказалась в его глотке, и толпа, ахнув, кинулась на врага с диким воем, охваченная жаждой мести.

Обиженный козел, тряся бородицей и клацая черными редкими зубами, попытался впиться Конану в руку. Короткий точный удар надолго лишил его сознания и привлекательности: вместо носа между щек у него вырос огромный то ли хобот, то ли рог — цвета ярко-красного, очень красивого, но не очень уместного на лице.

Одновременно с козлом сознание потеряли еще двое нападавших, и эти, кажется, уже навсегда. Во всяком слу-

чае, мертвенная бледность, покрывшая их обветренные лица, а также неестественно вывернутые шеи о том ясно свидетельствовали.

Разъяренную чернь, однако, остановить было уже нельзя. Круша по пути столы и лавки, оскорбленные в лучших чувствах ублюдки кинулись на варвара, гроздьями повисли на его могучих плечах и руках. Глухо рыча, он скидывал их с себя, швырял в следующие ряды, из которых к нему тянулся лес рук со скрюченными пальцами, ногами отбрасывал тех, кто пытался подобраться к нему снизу.

Краем глаза он увидел, что шаман и не подумал уйти из таверны. Презрев свои законы, он молча и яростно вступил в драку, действуя как обычный боец, а не обученный всяким премудростям колдун. Небольшие крепкие кулаки его крушили врагов с такой силой, что вскоре круг, в коем он вертелся, раздавая удары, стал овалом, потом квадратом, а потом пунктирным треугольником. Сам он при этом пока не получил ни одной раны, хотя и к нему тянулись руки, и в некоторых даже были зажаты ножи.

Такой нож полоснул сейчас по руке варвара, задев едва затянувшиеся рубцы от кинжалов разбойников. Кровь сразу намочила его рубаху и штаны, но боли в пылу драки он не чувствовал. Зато Кумбар, узрев красные свежие пятна на одеянии приятеля, чуть не умер от ужаса. Все то время, пока продолжался бой, он сидел в полной прострации на своем прежнем месте и глядел куда-то вдаль. Но когда на лицо его попали брызги Конановой крови, очнулся и теперь дрожал, изо всех сил стараясь стать невидимым, и жалобно попискивал. Видели бы его воины туранской армии, где когда-то он служил в небольшом чине сайгада! Отвращение и стыд поразили бы их сердца! Если б сейчас Кумбар мог соображать, то понял бы, конечно, что от былой его удали не то что не осталось следа, а просто невозможно было поверить, что прежде он ею обладал.

Между тем намерения швали задавить противника массой начинали осуществляться. По полшага всего, но Конан постепенно отступал под их бешеным натиском. В ход шли не только ножи, не только кулаки и ногти, а и

глиняные кружки, блюда, бутылки, бараньи кости. Киммериец не имел времени уворачиваться от этого оружия, со всех сторон летящего ему в голову, поэтому просто поднял одного из нападавших вверх и прикрывлся им, заодно используя худосочное тело его как таран.

В кухне печально визжал хозяин, приходя в страшное уныние от одной мысли об убытках; слуга — единственный в этом убогом заведении — сидел в углу и наблюдал за ходом сражения, видимо не решив еще, чью сторону ему принять.

Шаман продвигался к Конану. Он оказался неплохим бойцом: вокруг него грудami лежали поверженные противники и громко стонали то ли от боли, то ли от огорчения. Его платье было сплошь покрыто пятнами крови, но чужой. Темные глаза парня оставались по-прежнему спокойны, даже бесстрастны, словно он не бился с чернью, желавшей разорвать его на куски, а разбирал письма на древнем пергаменте. Вот он сделал рывок по направлению к киммерийцу, потом сразу еще один.

Конан, не столько видя, сколько ощущая его поддержку, тоже рванулся вперед, смазав длинными черными прядями своими по глазам врагов и метнув брыкающегося в его железных руках крестьянина в кучу, разделявшую его и шамана. Еще миг — и они оказались в двух шагах друг от друга.

— К выходу! — рявкнул варвар больше Кумбару, чем шаману.

В тесном пространстве зала он не надеялся одержать победу. Здесь он не мог достать меч, опасаясь задеть обоих своих союзников, и активного и пассивного, да и понимал, что в рукопашном бою меч был бы лишь помехой, а не подмогой. Поэтому он продвигался к двери, следя за тем, чтоб одуревший от страха царедворец сумел пройти ему за спину — путь для него был уже расчищен.

На ватных ногах Кумбар проковылял по залу, брезгливо обходя побитых посетителей, повернул за варвара и попытался юркнуть в проем двери, но застрел там намертво. Вырутавшись, Конан с силой пнул старого приятеля в бедро,

так что тот вылетел на улицу и кубарем покатился к противоположной стороне.

— Уходи! — крикнул он шаману, отшвыривая очередного нападающего.

Парень кивнул и быстро выскочил за дверь.

Теперь киммериец мог действовать во всю свою мощь. Схватив лавку, он закрылся ею и бросился на плотно сомкнутый ряд противников, повалив их всех на грязный, заплеванный и забрызганный кровью пол. После этого маневра он отскочил назад, выхватил меч — сейчас расстояние между ним и чернью было достаточно велико для работы оружием — и взмахнул им...

Первая же слетевшая с плеч голова заставила остальных отшатнуться в священном ужасе. Ни один из них наверняка никогда не держал в руках не то что меча, но даже копья или лука, они медленно отступали, спотыкаясь и падая, потом снова поднимаясь и снова отходя назад.

Бой был окончен. Варвар наклонился, вытер лезвие о полу куртки обезглавленного тела. Никто из оставшегося десятка и не подумал продолжить драку, так что Конан спокойно повернулся к ним спиной и, оставляя за собой полную тишину, изредка прерываемую стонами раненых, вышел на улицу.

Шаман, прислонившись к стене, ждал его. Ростом он был невысок — чуть выше Конанова плеча, — но гибок и строен. Возраст его определить оказалось трудно, даже при ближайшем рассмотрении, ибо, несмотря на гладкую нежную кожу, глубокая продольная морщина уже прорезала чистый лоб, а под глазами набухли мешки. И все же ему вряд ли было больше тридцати.

При виде своего заступника парень улыбнулся, сделал шаг навстречу.

— Парминагал, — представился он голосом негромким, но звучным и глубоким.

— Конан, — буркнул в ответ варвар. — Из Киммерии.

— Не приходилось бывать. Но, думаю, в Киммерии умеют воспитывать настоящих воинов.

— Брахид или хамвид? — спросил Конан, не реагируя на лесть.

В темных глазах шамана мелькнуло удивление: он явно не предполагал, что его принадлежность к высшей касте шаманов так легко определить.

— Брахид, — тем не менее ответил он. — Ты был в Кешане или Зембабве?

— В Пунте, — уточнил киммериец.

— Ну наконец-то! — пыхтя, к ним вразвалку приближался сайгад. — О, варвар, как ты беспокоил меня!

— Пшел! — Конан вскочил на вороного и показал шаману на кобылку Кумбара. — Садись!

— У меня есть лошадь, — вежливо отказался тот. — Здесь, за углом. Если позволишь, я возьму ее, а потом покажу тебе и твоему другу место, где можно спокойно переночевать.

Сайгад притворным кашлем скрыл облегченный вздох, начал торопливо карабкаться на свою буланую.

— Клянусь Кромом, неплохая идея, — повеселел варвар, не обращая внимания на умильные взоры старого солдата. — Если б там еще нашлось вино покрепче, чтобы залить мои царапины...

— Найдется, — Парминагал внимательно посмотрел на его пропитанную кровью тунику. — И ты его выпьешь. А царапины подлечу я.

Услышав это обещание, Конан довольно ухмыльнулся: вторая драка за день — это слишком даже для него. К тому же раны, кои он так небрежно назвал царапинами, нестерпимо болели. Исполосованные разбойничьими кинжалами спина и руки, синяки и порезы от схватки в таверне горели как в огне, и киммерийцу стоило немалого труда спокойно сидеть в седле и ждать, когда шаман сходит за своей лошадью.

Но тот вернулся быстро. Его серая в яблоках кобыла, ценою, наверное, вдвое выше, чем вороной Конана и буланая Кумбара вместе взятые, гарцевала под ним на длинных тонких ногах, словно разминаясь перед предстоящей гонкой. Махнув рукой Конану, Парминагал направил ее в ближайший переулок, и спустя несколько мгновений все

трое уже ехали цепочкой меж двух рядов низких каменных домов, что стояли не более чем в десяти шагах друг от друга. Из переулка спутники повернули на широкую улицу, а с нее — снова в переулок, где и находилось то самое, обещанное шаманом место.

— Берут недорого, — сообщил Парминагал, легко соскакивая с лошади. — И народ спокойный — все больше проезжие.

— Так это постоялый двор? — подобострастная улыбка не сходила с уст Кумбара.

— Обычный кабак. — Шаман повернулся к Конану, который привязывал своего вороного под символическим навесом, сколоченным из дырявых досок. — Но комнаты приличные.

— Наплевать на комнаты, — буркнул варвар. — Вина хочу.

— Будет и вино.

Он похлопал по холке свою серую в яблоках и похозяйски распахнул дверь. Сайгад суетливо задергался у входа, пропуская вперед Конана, а потом и нового знакомого. В душе он безумно страдал, подозревая, что варвар теперь, после такого позора, прогонит его прочь, что было бы только справедливо, и уже готовил ответное выступление, обильно украшенное тонкой лестью и клятвами в дальнейшем вести себя более мужественно. Но пока Конан молчал и лишь отворачивал взгляд от старого приятеля, будто стыдясь его перед таким отважным человеком, как этот невесть откуда взявшийся на их головы Парминагал.

Обстановка внутри кабака несколько успокоила распатанные нервы Кумбара. Здесь оказалось тихо, тепло и уютно. Довольно большой зал разделялся на шесть одинаковых квадратов, каждый из которых был обставлен почти по-королевски: низкие круглые столы, удобные глубокие кресла, серебряные кадилницы, благоухающие чудесными ароматами, и — в качестве подарка дорогим гостям огромные бутылки с заключенным в них вином цвета пурпура. Бутылки выдавали у входа в зал слуги в белых передниках.

Посетители действительно выглядели вполне прилично, скромно. Конан пересчитал их на случай драки — для этого ему хватило пальцев на одной руке, — затем прошел к свободному столику в дальнем углу зала. Отсюда отлично просматривалось все помещение, а также вход в кухню и лестница на второй этаж. Усевшись спиной к стене, киммериец вытянул ноги, кивком подозвал слугу. Кумбар и шаман сели по обе стороны от него.

— Еще вина, — коротко приказал Конан подбежавшему парнишке. — И побольше!

— Самого лучшего! — Опальный сайгад широким жестом бросил на стол туго набитый кошель.

— Побереги свои деньги, — улыбнулся Парминагал. — Вы будете моими гостями.

— Пойдет. — Конан откупорил подарочную бутылку и с шумом выхлебал сразу четверть.

— Займемся твоим исцелением? — спросил шаман, отрывая свою бутылку.

— Позже.

— Как ты догадался, что я брахид?

Пожалуй, этот вопрос серьезно его интересовал.

— Брахид или хамвид — я в этом не разбираюсь. Но этот знак, — он указал на три полосы на щеке Парминагала, — видал не раз.

— У хамвидов такие же, только другого цвета.

— Мне без надобности.

— Давно ли из Пунта? — продолжал светскую беседу новый знакомый.

— И трети луны не прошло. Да Нергал с ним, с Пунтом. Скажи мне лучше, с чего ты вдруг стал драться? Я слышал, шаманам высшей касты запрещено защищать себя.

— Я уже не принадлежу к высшей касте, — помрачнел Парминагал. — Меня изгнали два года назад...

— И за что же? — строго спросил Кумбар, заглядывая в лицо шаману.

— А ты помолчи, — приказал Конан. — Тебя все это никак не касается.

— Тоже за драку,— все же счел нужным пояснить Парминагал.— Так уж получилось — не имею терпения в достатке. От природы ли, от воспитания ли... А дикари, сам знаешь, Конан, шаманов высшей касты не выносят. Они для них вроде как чужаки. В общем-то, так оно и есть... Ну а чужаки всегда раздражают. Вот хотя бы нынешний случай.

— Да уж...— опять встрял сайгад.— Такова жизнь...

Кумбар и без того действовал на варвара как шаман высшей касты на дикаря, а сие глубокомысленное замечание и вовсе разрушило призрачный мир. Рыкнув, он повернулся к опозоренному царедворцу всем телом, намереваясь прогнать его наконец обратно в Аграпур, но тут голос снова подал шаман:

— Будь спокоен, Конан. Перед моим лечением вся суть твоя должна быть свободна от дурного.

— Заживет и без твоего лечения,— небрежно махнул рукой киммериец.

— Раны — да, конечно, заживут.— Парминагал вдруг замолчал, поднял бутыл, разглядывая на свет содержимое ее.— Дело тут совсем в ином.

— И в чем же? — подозрительно нахмурился Конан.

— Те, кто следуют за тобой из Пунта. Они беспокоят тебя...

Конан поперхнулся очередным глотком вина.

— А тебе откуда сие известно?

— Это просто. Вокруг тебя я вижу черный овал — значит, душа твоя скована чужой волей. Овал очерчен не сплошной линией, а пунктиром, то есть разорван — значит, ты осведомлен о преследовании и пытаешься скрыться. Ну, а кто гонители... Поверь, шаману высшей касты о том догадаться легко.

— Хм-м-м... Клянусь Кромом, приятель, ты не ошибся... И что же мне делать? — С губ варвара не сходила усмешка, но сердце его тяжело бухало в груди в ожидании ответа. Он и сам себе не хотел признаваться в том, как измучило его в последние дни постоянное напряжение. Всегда готовый сразиться в одиночку хоть с целым войс-

ком, если потребуется, перед темными силами он испытывал нечто вроде суеверного ужаса. Он чувствовал себя загнанным зверем, который устал убегать: рыча от ярости и смертельного страха, он останавливается, разворачивается к врагу своему так, чтоб видеть глаза его, и...

— Я расскажу тебе. Потом.

Парминагал подозвал хозяина и велел ему приготовить комнаты для его гостей. В голосе его (таком ровном, спокойном, что Конан снова взбеленился — этот парень будто испытывает его терпение, заставляя ждать, в то время как душа варвара сжимается перед наступлением всякой ночи) было нечто странное. Он словно задумался о чем-то очень серьезно; карие глаза потемнели до черного; морщина, прорезавшая лоб, стала еще глубже; черты лица заострились.

Ничего не понимая, но зато отлично чуя все, что хоть немного не похоже на обычное, киммериец тоже старательно задумался. Проще было спросить шамана, в чем дело, но в присутствии Кумбара он не желал показывать свой страх и свою надежду на избавление от преследователей — тем более что сайгад ни сном ни духом не ведал, что на деле с его старым приятелем произошло.

Угодливый хозяин с миллионом улыбок на пухлом лице, кланяясь, проводил их на второй этаж, показал две комнаты в конце коридора. Кумбар, быстро сунув нос в каждую, выбрал себе ту, что была чуть больше, и, не прощаясь, хлопнул дверь перед носом варвара и шамана. Сразу вслед за тем они услышали лязг засова, громкий, с визгом, зевок и стук большого тела царедворца о жесткую тахту.

— Зайди ко мне.— Голос Парминагала был все тот же, ровный, спокойный, но в нем Конан расслышал и некоторое напряжение.

Комната нового знакомого — а он явно уже провел в ней не одну ночь, судя по разбросанным на тахте вещам, — была мала, с крохотным грязным оконцем почти под самым потолком. Продавленное кресло и стол на трех ногах (четвертая валялась тут же) — вот и вся мебель, предложенная хозяином дорогому гостю.

Конан попытался сесть в кресло, но оно тут же жалобно затрещало под его тяжестью, так что ему пришлось устроиться на полу. В кресло сел Парминагал.

— Закрой глаза и не разговаривай. Я все-таки залечу твои раны.

Киммериец фыркнул, но повеление шамана исполнил. Некоторое время в комнате было совсем тихо, потом послышалось далекое жужжание, будто муха кружила за окном; глубокие порезы на спине и руках Конана вдруг загорелись и нестерпимо зачесались. Стиснув зубы, он не дрогнул ни одним мускулом.

— Хорошо, Конан... — тихо произнес Парминагал.

Еще несколько мгновений варвар терпел жар и зуд, но вскоре уже почувствовал облегчение. С каждым вздохом боль уходила, и это было почти осязаемо.

— Все.

С удивлением киммериец осмотрел себя. Раны его, сочащиеся сукровицей, затянулись и теперь были похожи на зажившие царапины.

— Шаман... — со смешанным чувством восхищения и неприязни пробурчал он.

— Выпей еще вина, мой спаситель, и послушай меня внимательно. Сейчас я попробую избавить тебя от твоих преследователей. Это нетрудно, но ты должен мне помочь: поверить в то, что я скажу. Итак, здесь — твой дом.

— Нет у меня дома, и этот не мой, — быстро сказал Конан, желая не тратить время на пустые разговоры, а сразу перейти к делу.

— Здесь — твой дом, — терпеливо повторил шаман. — Не отвечай мне, Конан. Просто слушай. Зомби, идущие за тобой, безмозглы; душ у них нет, есть только черная пустота внутри; они ведомы не своей, а чужой волей. Их призывали из царства мрака за тем, чтоб найти тебя и уничтожить. Так вот я говорю тебе: здесь — твой дом, Конан. Я зову их сюда. Я зову их...

Парминагал вздрогнул и замолчал. Глаза его закатились так, что стали видны одни только белки; дрожь прошла по всему телу раз, другой; губы посинели — казалось, душа вы-

летела из тела шамана, и, подозревал варвар, так оно и было. С отвращением, но и надеждой он смотрел на нового знакомого, не столько понимая умом, сколько чувствуя сердцем, что сейчас тот вызывает сюда зомби, посланных за его жизнью. Волосы на затылке Конана приподнялись, как у зверя, чующего опасность. Он затравленно оглянулся, уже ожидая увидеть за спиной пустоглазых монстров, но пока в комнате все оставалось по-прежнему. Огарки свечей тянули к потолку тощие язычки пламени, отбрасывая на темные стены тусклые желто-красные блики, которые человек с богатым воображением непременно принял бы за этих самых зомби, но на варвара они никакого впечатления не произвели. Он верил только тому, что видели его глаза, а сейчас, кроме бликов, они ничего не видели.

— Уже близко... — прошептал шаман осипшим голосом. — Уже совсем близко...

Тут он вдруг тряхнул головой, выходя из отстраненного состояния в обычную жизнь, и посмотрел на киммерийца.

— Они уже близко, — сказал он спокойно. — Теперь ты уходи, Конан.

— А ты? — растерянно спросил Конан, поднимаясь.

— А я встречу их вместо тебя. На короткое время sie была твоя, а не моя обитель, так что они придут именно сюда. Им все равно теперь, кто здесь, — я забрал из твоей души ту часть, которую они предназначили для себя и которая уже отравляла твое существование, так что для них я — это ты... А ты... А ты не представляешь никакого интереса. Я запутал тебя?

Парминагал весело глядел на варвара, забавляясь его растерянностью.

— Слушай, приятель, — Конан снова уселся на пол. — Они разорвут тебя, будь ты хоть трижды колдуном. Я не могу оставить тебя.

Улыбка сошла с губ шамана.

— Уходи, прошу. Со мной они ничего не сделают, но если ты останешься здесь — ты погибнешь!

— К Нергалу! Не уйду, я сказал! — упрямо заявил киммериец. Он понимал, что сейчас противоречил сам себе.

Искренно надеясь на помощь и в итоге получив ее, он вдруг решил от нее отказаться. Подобная непоследовательность не была свойственна ему. Мало того: собственный поступок раздражал Конана неимоверно, но — увы, ничего с собой поделать он не мог. Эта впитанная с молоком матери киммерийская гордость, когда решение всех своих проблем должно быть непременно самостоятельно, не позволяла ему оставить чужого человека наедине с его врагами. Более себе, чем Парминагалу, Конан повторил: — Не уйду!

Шаман побледнел.

— Если ты останешься, — медленно, дабы этот упрямец понял, сказал он, — я не сумею защитить тебя.

— Обойдусь!

— О, благостный Митра! — потерял терпение Парминагал. — Дал силу, но не дал ума! Направь же сына твоего, Конана из Киммерии, на путь истины!

И в этот момент в коридоре послышался шорох, скрип половиц. Конан вытянул из ножен меч, дважды за день побывавший в бою, и настороженно уставился на дверь. Весь пережитый за последнее время страх пропал, оставив вместо себя злость и раздражение, готовые со всей варварской дикой силой обрушиться на врагов.

Шаман встал.

— Вот и первый гость!

Дверь распахнулась. На пороге стоял Кумбар.

Глава пятая

Через семь лет наставник назвал их Воинами. Они освоили все боевые искусства, так что теперь оставалось только совершенствоваться. Каждую ночь, возвращаясь в свою тесную темную келью, Белка подолгу смотрел на негасимый огонь в треноге, пока еще тусклый, слабый, и мечтал о том, как он выйдет из замка в мир. Он воображал себя героем, призванным богами очистить землю от скверны, но старец Исидор не раз повторял им: «Боги забыли о вас, и не стоит им напоминать». Что же, Белка и не желал напоминать. Он представлял свой ратный подвиг как деяние одиночки — тем значительнее, выше казалось ему собственное предназначение. Кто и для чего его предназначал, он не думал. Вполне достаточно было того, что воинами его и братьев воспитывал сам старец Исидор, а его они приравнивали к божеству.

«Почему он — Медведь? А он — Лев. Почему я — Белка?» — порой спрашивал он наставника, обиженный именем своим. «Он велик и силен, поэтому Медведь. А этот — вынослив и напорист, поэтому Лев. Ты же хитроумен, ловок и быстр. В тебе, милый, главное не столько сила, хотя и ею ты не обделен, сколько гармоничное сочетание всех воинских достоинств...»

Так отвечал ему старец Исидор. Он веселел, ободрялся, но спустя некоторое время снова возвращал наставника к этому вопросу — не для того, чтоб услышать похвалу из его уст. Белка страдал неизлечимой болезнью под назва-

нием «сомнение». Особенность сей болезни заключалась в том, что с годами она не проходила, а наоборот, развивалась. Он беспрестанно сомневался в себе, в своей силе и выносливости, в своей воле, в своем проворстве и уме. Ему мнилось, что братья гораздо более него заслуживают прозываться манниганами; что их учение проходит более успешно; что они счастливы и спокойны, а он — нет; наконец, что их дальнейший путь совершенно ясен, а его — расплывчат.

Старец Исидор без слов понимал, что именно мучает младшего ученика. Прежде, очень много лет назад, он и сам был таким. Наверное, в нем и ныне сохранилось — уже не качеством, но памятью — то рвущее душу чувство сомнения. Зато он умел слышать других, ощущать их настроение и даже мгновенную мысль. «Почему я — Белка?» «Потому что ты — это я...» И совсем необязательно было произносить слова, ибо тот, так похожий на него в юности, и по глазам, и по жестам мог легко догадаться об ответе.

...Белка тяжело вздохнул. С каждым днем его тело обретало силу, а огонь в сердце разгорался все сильнее. С каждым мигом заполнялась пустота внутри него, но — заполнялась отчаянием. Пока он не помнил всего, что произошло с ним и его братьями, существование его было бессмысленным, болезненным, но простым. Теперь же он стал бояться безумия. Он, который всегда считал Медведя и Льва истинными воинами, а себя — лишь подобием, жив. Они — нет. Все, о чем их предупреждал наставник, случилось... Только один Белка сумел избежать мгновенной смерти. Не для того ли, чтоб умереть медленно?

Он застонал, чувствуя, как тоска давит грудь его больнее каменной плиты. «Встань, Воин Белка, — опять слышался голос наставника. — Встань и возьми огонь в свое сердце...» Эхом последние слова старца Исидора звучали в ушах его, и чудился воину укор такой нелепой жизни, сомнению и желанию умереть.

Он стиснул зубы, напрягся и — камень медленно сдвинулся с его груди. Лишь на палец, но и это была победа.

— Прах и пепел! А тебе чего надо здесь?

Со смешанным чувством злости и облегчения Конан смотрел на тушу старого приятеля своего. Кумбар, потупившись, стоял в проеме двери, не решаясь войти, и на красной физиономии его было ясно написано отчаяние.

— О, варвар... — пробормотал он, толстыми короткими пальцами теребя полы щегольской бархатной куртки, уже покрытой слоем пыли за время пути. — Прости меня. Мое мужество... Оно... Оно подло изменило мне... Я не могу уснуть, поелику стыд мешает...

— Тьфу! — в сердцах сплюнул киммериец — из вежливости в самый угол комнаты. — Иди к себе, сайгад. Здесь ты лишний.

— Совсем? — Маленькие глазки Кумбара налились притворными слезами.

— Да!

Конан и на миг не подумал поверить царедворцу. После его наглой выходки у гор Ильбарс, где трусливый пес притворился убитым, после драки в таверне у северных врат Шангары, где тот же самый пес сиднем сидел на лавке вместо того, чтобы помочь спутнику. Поэтому сейчас он одарил его презрительным взглядом и, не желая больше тратить на такое дерьмо и мига своего времени, повернулся к Парминагалу.

— Скоро?

Шаман искоса поглядел на Кумбара. Выгнать варвара из комнаты ему не удалось, а теперь сюда еще явился его робкий приятель и тоже, кажется, намеревается остаться...

— Скоро. Я думаю, вам обоим лучше уйти.

— Проклятие! Я же сказал — не уйду!

— Не стоит спорить. — Парминагал снова обрел спокойствие, хотя внутри его все так и тряслось от ужаса.

Он нисколько не лукавил, когда говорил, что не сможет защитить Конана от преследующих его мертвецов. Если б только он мог представить, что варвар окажется таким упрямым и не пожелает удалиться в самый опасный момент, то, спасая его, пошел бы другим, более долгим, зато более

надежным путем: свершил бы обряд, известный только шаманам высшей касты, обратил бы всех зомби в черных птиц и отправил обратно в Пунт, но, конечно, с другим адресом — их жертвой стал бы тот чернокожий колдунщик, что послал их на варвара.

Теперь было уже поздно. Он всего лишь заменил в их пустых башках образ Конана на свой — поменял ориентир и призвал к себе, будучи в полной уверенности, что сам с ними справится легко. Но для этого бывшая намеченная жертва должна была убраться восвояси, чего она делать не собиралась. Тут еще этот царедворец...

— А что случилось? — невинно спросил Кумбар, глядя поочередно то на киммерийца, то на шамана.

— Не твое дело, — огрызнулся Конан.

— Вам пора уходить! — Парминагал едва удерживался, чтоб не сорваться и не выкинуть отсюда обоих хотя бы магией, если не понимают слов. Но — ему понравился огромный синеглазый северянин, без доли сомнения вступивший за него в таверне. Он хотел стать его другом, ибо за годы странствий и одиночества научился ценить отвагу и честь. К разочарованию его, сии качества встречались в мире чрезвычайно редко, хотя он и не решился бы это утверждать: он сам всегда был склонен к уединению и товарища нарочно не искал. Но вот Конан нашелся сам, и Парминагал был этому рад. Увы, видно, удача не любила его — первого же в своей жизни друга ему приходилось сразу терять...

Он призвал на помощь всю свою волю, надеясь все-таки удалить из комнаты варвара (Кумбар и сам ушел бы за ним следом), но тут вдруг сердце его замерло, а кожа на кончиках пальцев начала зудеть... Это были верные признаки...

— Поздно, — хриплым шепотом сказал он, не поворачивая головы. — Теперь уже поздно...

— Что поздно? — Кумбар совсем освоился в комнате шамана и даже попытался сесть в его единственное кресло, правда, тут же провалился и, нимало тем не смутясь, перешел на тахту.

— Все... — прошептал Парминагал, зажигая маленький светильник и вставая между дверью и гостями.

* * *

Ночь была на исходе. Уже догорели и без того бывшие крошечными огарки свеч, а лунный свет почти не проникал сквозь заляпанное оконное стекло, так что шаман зажег лампу вовремя. Унылые желтые блики ее рассыпались по стенам и потолку, по лицам людей. В полной тишине прошло еще несколько длинных, как сама ночь, мгновений. Потом что-то брякнуло снаружи, и сразу затем дикий вопль потряс кабак, проникая во все его дыры и закоулки.

Один сайгад ничего не понял. Конан же и Парминагал одновременно вздрогнули, представляя, как разрывают зомби здешнего хозяина, что вздумал не пропустить их.

— Тш-ш-ш... — ответил на безмолвный вопрос Кумбара шаман. При этом головы он так и не повернул — спиной почувствовал страх и недоумение гостя.

Медленные размеренные шаги по коридору приближались. После того, как смолк крик хозяина, опять наступила тишина, и в ней каждый звук был подобен раскату землетрясения. Так и шаги: гулкие и тяжелые, они пускали эхо по этажам, а отголоски даже внутрь стен. Сначала Конану показалось, что преследователей двое, но потом он догадался, что гораздо больше — просто шли они в ногу, как солдаты на марше.

Он посмотрел на шамана, чеканный профиль которого в отблесках тусклого света казался вылепленным из желтой глины. Тот стоял, не двигаясь, и на вопросительный взгляд варвара лишь повел плечом, показывая, что понял его, но не может ответить.

Тогда Конан приготовился к бою. Подойдя к Парминагалу, он встал с ним рядом. В глотке у него пересохло, как после трех дней хождения по пустыне, а рукоять меча — наверное, бесполезного сейчас, но иного оружия он не ведал — была скользкой от пота. Расставив широко ножищи, выдвинув подбородок, варвар угрюмо взирал на дверь, ожидая непрошенных гостей. И гости явились.

Чернокожий гигант ростом с киммерийца возник в дверном проеме как привидение (впрочем, с некоторой натяжкой он и был привидением). Белая полотняная одежда, вся в потеках и пыли, висела на нем мешком.

Большие выкаченные глаза, глубокие, но совершенно пустые, слепо пошарили по комнате, не останавливаясь ни на окаменевшем от ужаса царедворце, ни на Конане; затем обнаружили шамана, что стоял ближе всех. Тупая и при жизни физиономия монстра пришла в движение. Нижняя губа его, отвисшая до подбородка, подтянулась к верхней, и вдвоем они изобразили радостную улыбку. Приплюснутый нос зашевелился, словно принюхиваясь. Зубы клацнули, а обвисшие, как у старого пса, щеки затряслись.

Протянув к шее Парминагала тощие длинные руки, местами уже проеденные могильным червем, зомби хрюкнул, предвкушая сладость убийства, но — вдруг рожа его перекосилась, да так, что хрустнули кости. Он удивленно вздохнул и начал стремительно чернеть.

Конан в суеверном страхе смотрел на это. Он никогда не видал прежде, чтоб и так очень черное становилось еще чернее. Монстр на глазах превращался в обугленную головешку, которая тлела, издавая отвратительное шипение и запах, и трескалась. Через мгновение всего от зомби осталась только кучка грязных тряпок.

Не успел Конан опустить меч, так и не пригодившийся ему, как на пороге возникла еще парочка красавцев. Эти когда-то явно умерли не своей смертью: у одного по локоть не было руки, а вместо правого глаза зияла огромная черная дыра. Второй как-то обходился без верхней части головы, но зато остальное имел в полном порядке.

Киммериец снова поднял меч, готовый рубить, но Парминагал шагнул в сторону, загородив от него монстров. Он не сказал ни единого слова и не сделал ни единого жеста, так что Конан так и не понял, почему его преследователи, едва появившись в поле зрения шамана, моментально начинают распадаться на куски. Зрелище было омерзительное. Варвар хотел было отвернуться, но не смог — смотрел как завороченный.

Труха сыпалась на пол, обнажая потемневшие от времени скелеты, и запах сгнившего мяса распространялся по всей комнате, от чего сайгада, судя по звукам за спинами Конана и Парминагала, уже тошнило.

Следующая тройка действовала уже энергичнее. Они не стояли на пороге, а сразу ввалились в комнату, чуть не сбив с ног шамана. Ему пришлось посторониться. Скаля редкие черные зубы, монстры завертели башками в поисках требуемого объекта. Мутные пустые глаза их равнодушно скользили по тупе царедворца, восседавшего на тахте изваянием, с милой улыбкой, застывшей на бледных устах, потом переместились на варвара. В ответ он снова занес меч и, молча и быстро, рубанул своих гонителей.

Тела их были сухи и хрупки, поэтому удар киммерийца легко удвоил их количество: из трех целых зомби Конан имел теперь шесть половинок, которые дергались на полу, пытаясь соединиться. Ногой варвар раскидал их по комнате, а Парминагал тут же испепелил. Но вслед за ними уже рвались другие.

Шаман взмок от напряжения. Гурьбой вламываясь в его комнату, монстры сразу рассеивались, с завидным проворством перебегали от стены к стене, так что он не успевал уследить за всеми. Меч варвара летал в воздухе, круша врагов с такой силой, что они отлетали от него, валя с ног собратьев, но их способность мгновенно срастаться была воистину невероятной — едва меч поднимался снова, они уже вскакивали на ноги целы и невредимы.

Наконец вторжение прекратилось. Оставалось только избавиться от тех, кто шнырял по комнате, не обращая ни малейшего внимания на сверкающий в первых солнечных лучах, уже заглянувших в окно, клинок.

— Встань у двери! — крикнул Конан шаману, который крутился на самой середине, с остервенением уворачиваясь от костистых рук зомби и сжигая одного за другим.

Тот рванулся к выходу, загородил собой дверной проем. Отсюда он мог видеть всех. Собрав остаток сил, Парминагал устремил смертоносный взор свой на копошащиеся в комнате чернокожие тела. Без звука превращались монстры в

уголь, затем распадаясь на опметки и кости и сразу истлевая. Кумбару не повезло: один из них рассыпался прямо ему на колени, и бедолага царедворец тихо и грустно лишился сознания.

— Все! — наконец выдохнул шаман.

Конан опустил меч, оглядел поле боя. Тут и там чернели кучки праха, валялись обожженные тряпки, обломки костей. Вонь была настолько сильна, что материализовалась в серые клубы, похожие на облака. Если б сайгад не валялся сейчас без чувств, он, наверное, заплакал бы от поэтического восторга и умиления...

— Все... — повторил Парминагал и весело посмотрел на варвара. — Ну, Конан, теперь ты можешь спать спокойно — ни одного не осталось.

— Нергало во отродье, — пробормотал киммериец. Его то и дело передергивало от отвращения, а горький ком, застрявший в горле, грозил вот-вот вырваться наружу вместе с тем, что бурлило сейчас в желудке.

Сплюнув, Конан сунул меч обратно в ножны и торопливо вышел из комнаты. Пройдя по коридору до лестницы, он увидел внизу марша хозяина, вернее, одну его голову. Остекленевшие глаза уставились в потолок, рот скошен, все измазано кровью... Даже варвара, который в своей жизни насмотрелся всякого, а уж трупов вообще бесчисленное множество, едва не стошнило прямо в мертвое лицо.

Перешагнув через голову несчастного, он быстро спустился вниз. Чистый пол в пустом зале пересекала двойная цепочка черных следов, протянувшаяся от входа к лестнице. Конан прошел к двери, стараясь не наступать на эти отпечатки босых ног зомби, и вышел на улицу.

* * *

Он с наслаждением вдыхал свежий воздух, чувствуя, как освобождается грудь, как уходит из его нутра нечто темное и чужое. К счастью, его душевное устройство было так незамысловато, что злой воле безумного шамана из Пунта оказалось просто не за что зацепиться. С переселе-

нием зомби из этого мира обратно в тот Конан снова стал самим собой. Только сейчас он понял, какую тяжесть скинул сегодня со своих плеч. Выплюнув на землю горечь, скопившуюся во рту, он вдруг вспомнил, что в комнате нового знакомого еще осталось немало вина, и тотчас поспешил назад, боясь, что Кумбар, очнувшись, с горя выпьет все один. Но едва он повернулся к двери, как она распахнулась, и на улицу ступил Парминагал.

Он был бледен, в черноту кругов под глазами добавилась синь, а на лбу появилась еще одна, не слишком пока глубокая морщина. Тем не менее лицо его сияло — видимо, и он чувствовал ту свободу, которую подарил нынче киммерийцу.

— Хей, Конан! Должен огорчить тебя: твой робкий приятель очнулся и с горя выдул все наше вино.

— Тьфу! — разозлился варвар. — Я так и думал. Жрать и пить он большой мастер! А вот...

Но тут он решил, что хоть Кумбар и трусливый шакал, наглая жирная красномордая свинья и безмозглый каплун, все-таки некогда он считал его другом, а посему негоже перед первым встречным клеймить его позором.

— Ничего, — Парминагал словно прочел его мысли, — я знаю одно местечко неподалеку... Там подают отличное красное, и всего по медяку кружка.

— Идем. — Конан решительно двинулся вверх по улице, ибо тоже знал это самое местечко. Ему приходилось бывать в Шангаре, и, как и во многих других городах, он успевал за время своего пребывания посетить если не половину, то треть питейных заведений точно.

Шангара его раздражала. Ему не нравилось тут все: назойливая стража, пугливые девицы, скупые на ласки, но жадные до денег, тупые рожи простолюдинов и слои пыли на улицах (стоило пройти из одного кабака в другой, и вся одежда оказывалась покрыта серой вонючей пылью, от коей Конан беспрестанно чихал и потом ее очень трудно было счистить, ибо она прилипла намертво). Единственное достоинство этого городишки заключалось в том, что и вино и пиво стоили здесь много дешевле, чем, например, в том же Аграпуре...

— Ты бывал в Шангаре? — продолжал читать мысли новый знакомый.

— Ну, — кивнул Конан. — Еле ноги унес.

— И я, — засмеялся Парминагал, стараясь попадать в шаг варвара.

— Как это?

— Тогда я еще не был шаманом высшей касты. Да и вообще шаманом не был. Я родился здесь...

— В этой дыре? — На суровом лице Конана выразилось глубочайшее неодобрение, словно сам он родился не в дождливой холодной Киммерии, а в королевских покоях где-нибудь в богатом и теплом Аргосе или, на худой конец, в Офире.

— Так уж получилось, — смиренно отвечивал Парминагал. — Мой отец был здешним властителем.

— Прах и пепел! — Конан остановился. — Ты, что ли, принц?

— Ну вот еще... Я — одиннадцатый сын. Если уж даже второму ничего не полагается — ни титула, ни наследства, — то что может получить одиннадцатый... Что ты встал, Конан? Идем.

— Значит, сейчас в Шангаре правит твой брат?

— Нет... Его убили...

— А другие братья?

— Всех убили, душа моя... Один я остался... Идем же!

— Ты... наследник?

— Теперь уж все равно. Мой дядька управляет Шангарой, а я... Впрочем, думаю, он заслужил этот трон. Бедняга так трудился, избавляясь от соперников...

— Твоих братьев?

— Да... Вот мы и пришли.

Парминагал с облегчением прервал неприятный для него разговор, вошел в трактир. Конан последовал за ним.

Первые посетители — бравая четверка низкорослых и толстых молодых солдат — уже сидели за длинным прямоугольным столом и потягивали из больших кружек что-то очень вкусное: на их физиономиях было написано такое блаженство, что киммериец невольно сглотнул слюну.

— Красного! — приказал шаман, усаживаясь за стол у двери.

Пока слуга бегал за кувшином красного вина, Конан истребовал у нового знакомого продолжения его истории.

— Да что рассказывать... Когда убили моего последнего брата, я бежал из Шангары на юг. Пару лет мотался по всем Черным Королевствам, потом осел в Зембабве.

— Наплевать на Зембабве. Я хочу знать, почему ты бежал? Дядьки испугался?

— Еще как. Если б ты видел моих братьев... Все рослые, сильные, да и умом не обижены. Но Мангал (это дядька) их всех за одну луну только истребил. А я всегда был самый дохлый, так что не по силам мне было с ним тягаться... Не смотри на меня так, душа моя. Ныне я уж не таков, и думаю иначе.

— Так верни себе трон! — На звучный рык Конана солдаты удивленно оглянулись.

— Тш-ш-ш... Какой трон... Какой трон? Я ж сказал тебе, что права боле не имею.

— Врешь! — убежденно сказал киммериец. — Право кровного наследования нельзя утратить. Ты трус, вот и все дела.

— Может, и трус, — задумчиво согласился шаман. — А может, просто не хочу быть властителем...

— Все хотят, а ты нет? — не поверил Конан. — Опять врешь, приятель.

Парминагал вздохнул. Отличное красное вино вернуло румянец на его щеки, промочило пересохшее горло, но испортило настроение, такое радужное после победы над монстрами.

— Гр-м-м... Помнишь того козла, который привязался ко мне в таверне Хаддуллы?

— Кром! Я неплохо потрепал его!

— Неплохо... Так вот, он — слуга моего дядьки. Конечно, он узнал меня... Гнусная скотина! Он не решился даже втихую воткнуть мне кинжал в спину!

Конан хмыкнул. По его мнению, для того, чтобы втихую воткнуть кинжал в спину, большого мужества не требова-

лось. Если б он своими глазами не видел этого парня в деле, то решил бы, что у него довольно странные представления о достоинствах истинного мужа.

— За три дня,— продолжал тот,— меня трижды пытались прикончить. Конечно, с моей стороны неразумно было возвращаться в Шангару, но... сердце влекло, что ж поделаешь...

Парминагал смущенно улыбнулся: пожалуй, впервые за много лет он позволил себе быть столь откровенным перед малознакомым человеком.

— Мне нравится бродить по свету, Конан, видеть жизнь — не ту, что во дворцах, а ту, что в поле и в лесу, в городских кабаках и деревенских постоянных дворах, на базарах и даже в притонах... Так что пусть наместником в Шангаре остается мой дядька, а я пойду...

Он неожиданно погрузился, отвернул лицо от киммерийца. Оба погруженные в свои думы, в молчании они допили вино. Парминагал вспоминал юность, замок отца, своих веселых братьев, а Конан — далекую Киммерию, чьи холмы и тучи до сих пор иногда снились ему... Сколько лет прошло с того дня, когда он покинул родной край... И как краток казался теперь этот путь — словно только вчера он закинул за плечи полупустой дорожный мешок, перевязал тесемкой длинные черные волосы, которые не стриг со дня смерти матери, и снова отправился искать свое собственное счастье, которое наверняка где-то ждало его, потому что просто не могло быть иначе...

Так он ушел из Киммерии второй раз... Память его хранила столько событий, что сейчас невозможно было вспомнить хотя бы малую часть из них. Вот погоня по снежной пустыне за дочерью Имира — Ледяного Гиганта; вот битва с монстром Гринсвельдом за вечнозеленую ветвь маттенсаи, символ жизни маленькой северной страны Ландхааген; вот драка на старом галеоне с бандитом Дебом Абдаррахом; вот путешествие вдоль вонючих вод Хорота с рыжим талисманом Висканьо; вот плавание на быстрой «Тигрице» со смуглой темноглазой красавицей Белит и ее черными пиратами...

Лицо Белит вдруг стало перед Конаном так ясно, что он скрипнул зубами от внезапной боли под сердцем. Душа ее теперь бродила по Серым Равнинам, неутеплая, ибо слишком недолга была их любовь...

— Я пойду с тобой...— сумрачно произнес Парминагал, уткнувшись в кружку с вином.

— Куда? — с трудом очнулся от воспоминаний варвар.

— Все равно... Только подальше от этого города... Знаешь, Конан, когда я жил в Зембабве...

— О-хо-хо! — прогремел на весь кабак знакомый голос.— Наконец я вас отыскал!

Довольный, как свинья, обожравшаяся каштанов, на пороге стоял Кумбар.

Глава шестая

Большое тело царедворца протиснулось в дверной проем, застыв солнце, и потрясло к столу Конана и шамана.

— Хозяин! Вина! — громогласно потребовал он, усаживаясь.

— Как ты нас нашел? — поинтересовался Парминагал, пряча улыбку.

— Только благодаря Эрлику. — Сайгад подвинул к себе Конанову бутылку с вином и быстро отпил несколько больших глотков. — Когда вы оба так стремительно исчезли, оставив меня одного в этой ужасной комнате, полной пепла, я обратился к моему богу с такими словами... — Он откашлялся, готовясь в точности изложить свою мольбу, закатил глаза и заунывно начал: — О, Эрлик! Великий и могущественный! Обрати взор свой на грешную землю нашу! Отыщи на ней самого несчастного из рабов твоих! Нашел? Нет, в цепях — это кто-то другой. И в гладиаторской казарме тоже... Куда ж ты смотришь? Самый несчастный беседует сейчас с тобой! Это я, Кумбар.

Парминагал закрылся кружкой и трясся от смеха. Будь даже Эрлик не суровым и мрачным божеством, а благодушным слезливым старцем, и то красная, толстая, пышущая здоровьем физиономия царедворца не ввела бы его в заблуждение.

— Одинокий и всеми забытый, — печально вещал самый несчастный из Эрликовых рабов, — я плачу, сидя в

грязном трактире, весь в пепле и дерьме, как обгаженный воронами орел...

— Чем от тебя воняет? — рыкнул варвар, поводя носом и отодвигаясь от старого приятеля подальше.

— Горем, мой молодой друг, чем же еще... — Стянув с себя облеваный камзол, Кумбар швырнул его на пол и с воодушевлением продолжил: — Так вот. Молю тебя, о Эрлик, укажи дорогу к жестокосердым спутникам моим, что бросили бездыханное тело мое в проклятом богами гадюшнике!

— И указал? — серьезно спросил Парминагал.

— А как же!

Закончив рассказ, сайгад повеселел. Присосавшись к огромной кружке с красным вином, он долго и смачно булькал, пока не утолил жажду. Потом подозвал хозяина и велел принести мяса и еще вина — на всех.

— Лучше б Эрлик отослал тебя обратно в Аграпур, — пробурчал Конан.

— Ты же сам просил меня сопровождать тебя! О-о-о, варвар... — Кумбар укоризненно покачал головой. — О-о-о...

— Не просил. — Киммериец схватил огромный кусок говядины с блюда и вцепился в него крепкими белыми зубами. — Я б скорее отправился в путь с ядовитой змеей за пазухой, чем с жирным трусливым кабаном...

— Я не кабан, — отказался сайгад.

— Кабан...

— Не кабан...

От смеха у Парминагала выступили слезы на глазах. С одной стороны, он был полностью согласен с варваром, что Кумбар как раз таки кабан, но с другой стороны, спорить о том считал занятием, пристойным разве что для мальчишек.

— А ты... Ты... Киммерийский бык! — выпалил оскорбленный сайгад и повернулся к спутникам спиной.

— Ну и что? — На удивление невозмутимый, Конан уплетал мясо, низко склонив голову над блюдом, так что концы его длинных волос то и дело опускались в жир.

— Ха! Ха! Ха! — саркастически сказал Кумбар.

В синих глазах варвара сверкнул злой огонек. Шаман поспешил исправить положение, опасаясь драки.

— А не пора ли нам в путь, друзья? — бодро спросил он, водружая на стол пустую бутылку.

— Давно пора, — кивнул сайгад. — Да, Конан?

Но если обида Кумбара была скоротечна, то киммериец, памятуя обо всех прегрешениях старого приятеля, более ничего ему прощать не собирался.

— Убирайся в Аграпур, — злобно буркнул он в ответ.

Парминагал вздохнул. Да, примирить его новых знакомых оказалось делом непростым. Он открыл рот, намереваясь произнести нечто вроде стольной речи, но тут царедворец, пораженный в самое большое сердце свое жестокими словами варвара, всполошенно запричитал.

— Как это? Как это? Почему это в Аграпур? Не хочу!

— Р-р-р...

— Да почему же в Аграпур? В «Бламантине» говорится: «Не возвращайся туда, откуда только ушел...» А ты говоришь, в Аграпур!

— Г-р-р-р...

— А еще в «Бламантине» говорится: «Чти спутника своего, как себя самого чтишь»!

Варвар медленно распрямил плечи, устремил опасно безучастный взгляд на сайгада.

— Смотри-ка, Конан! — обрадовался вдруг шаман. — Тот козел!

Теперь он мог быть спокоен. Ссоры между старыми друзьями не будет, ибо для сурового киммерийца появился другой объект для вымещения раздражения: почесывая бородищу, в кабак вошел козел, который в таверне Хаддулы призывал на голову опального наследника гнев толпы.

Расквашенный нос ублюдка был так красен, что мог бы освещать улицу в темное время — вместо фонаря; одна рука висела на белой шелковой перевязи, другая нервно подергивалась; вдобавок ко всему козел еще и прихрамывал на левую ногу, а правую, ставя на пол, неестественно выворачивал. Все эти признаки вчерашней драки друзья отметили с искренним удовлетворением.

Козел их не заметил. Вихляя бедрами, он прошел к столу, за которым сидели солдаты, и, похлопав одного по плечу, радостно заблеял. Парень посмотрел на него удивленно, потом перевел взгляд на товарищей и снова на козла. Через мгновение наглец уже летел обратно к двери, отчаянно визжа и суча ногами.

Настроение Конана моментально исправилось. Он закинул голову и захохотал. А в следующий миг смеялись уже все — и шаман, и сайгад, и солдаты, и два новых посетителя, и даже сам хозяин.

Приземлившись, козел лежал немного молча, видимо, соображая, что с ним такое произошло, потом вскочил и, потрясая кулачком здоровой руки, кинулся к обидчику.

— Я — Камаль! Я — Камаль! — заверещал он так пронзительно, что у Конана заложил уши. — Как посмел ты, червь, ударить в мое лицо!

— Иди ты... к Нергалу со своим лицом... — ошетинился солдат.

— Уа-а-ау! — В злобе козел не смог найти подходящих этому случаю слов и вздумал просто орать как недорезанный. Слюна брызгала с его губ прямо на куртку парня, который снова посмотрел на товарищей, как бы испрашивая совета — что делать с таким ублюдком? — потом без размаха ткнул прилипалу в глаз вторично.

Под громовой хохот всех присутствующих козел совершил еще один полет к двери. Парминагал, за нынешний день навеселившийся, наверное, на всю жизнь, вдруг дернул Конана за рукав.

— Я же говорил тебе, этот недоумок служит у моего венценосного дядьки! За два удара по его гнусной роже солдат головы лишится!

Киммериец перестал смеяться. Он отлично понял, о чем толковал ему шаман. В самом деле: парень, по всей видимости, не узнал слугу наместника, как не понял и добрых намерений его пообщаться с простыми солдатами, и за это нынче же поплатится. В общем веселии мысль сия показалась варвару тем более неприятной.

Он встал во весь свой огромный рост, холодными синими глазами сверля бьющегося в припадке злости козла. Набывшись, вынул из ножен меч, за последние дни уже не раз обогранный кровью ублюдков, и неторопливо вышел на середину зала.

— Хей, козлиная, — негромко позвал он, но смех тотчас прекратился. Все с удивлением и восхищением смотрели на черноволосого гиганта, что, поигрывая тяжелым мечом, стоял в пяти шагах от наглеца. Грубые рубленые черты его обветренного лица были почти неподвижны: чуть выдвинутый вперед подбородок и сдвинутые к переносице брови — это видели все — были его природной особенностью, а не сиюминутным проявлением чувств.

— Я — Камалы! — тонко выкрикнул козел, отползая к двери. — Ты понял, северянин? Я — Камалы!

Он явно узнал вчерашнего врага своего. Ужас плеснулся в туповатых глазках; слюна струйкой потекла по бородинце, капая на одежду.

— Я — Камаль...

Тут он обреченно опустил голову и вдруг, рванувшись за порог, дико заорал: «Стража! Стража! Стража!»

Конан живо наклонился, ухватил его за шиворот и втащил обратно в кабак. Но — было уже поздно. Едва он бросил его на пол, как дверь с треском распахнулась и в зал ворвались стражники.

* * *

— Я — Камалы! Убейте их! Всех! Всех! — захлебываясь слюной, завизжал козел, проворно вскакивая на ноги и отбегая к стене. — А кабак — сжечь!

— Ах ты... подлюга... Нергалово отродье, — сквозь зубы процедил варвар. Подняв меч, он со свистом рассек им воздух и опустил на голову зарвавшегося служки. Кровь хлынула из разрубленного темени. Наконец заткнувшись — теперь уже навеки — козел мешком повалился меж скамеек.

Мигом позже на киммерийца с двух сторон кинулись стражники. Их было пятеро, и все — вооруженные до зу-

бов. В левой руке каждый сжимал внушительного размера дубину, а в правой — длинный обоюдоострый иранистанский кинжал, больше смахивающий на меч. Эти псы, обученные убивать, действовали молча и решительно. Если б Конан промедлил хотя бы краткий вздох, с ним было бы уже покончено. Но в последний перед смертоносными ударами момент он успел отскочить на полшага назад, так что кинжалы рубанули вхолостую.

За спиной варвара солдаты — обыкновенные армейцы — уже приготовились к бою. Достав свои дешевые, плохо заточенные клинки, они встали рядом с Конаном, признав его своим командиром. Схватка была недолгой и ожесточенной. Звон стали о сталь заглушил причитания несчастного хозяина, коему при любом исходе этой драки грозил штраф и даже, может быть, запрет на продажу вина и пива.

Первым погиб тот солдат, из-за которого варвар и ввязался в свару с козлом. Потом упал с расколотой головой другой. Два оставшихся бились плечом к плечу с Конаном, как молодые львы. Одному удалось серьезно ранить самого здорового стражника, и он, воодушевленный первой в своей жизни победой, радостно взвизгнув, с удвоенной энергией кинулся в бой. Это была его ошибка. Первый же выпад его противник встретил острым, как зуб акулы, кинжалом, насадив на него парня по самую рукоять.

Теперь у варвара оставался только один союзник. Сайгада и шамана он заранее в расчет не принимал. Первого — потому что уже имел случай убедиться в его заячьей трусости, второго — потому что у него не было никакого оружия, а выступать против натасканных на нарушителей спокойствия стражей порядка с голыми руками было бы безумием.

Но вот рыжебородый верзила напоролся на Конанов клинок и рухнул на пол, хрипя и пуская кровавые пузыри. За ним и другой, прозевав удар, принял его под кадык.

Парминагал, с восхищением и без доли страха наблюдая за киммерийцем, все ожидал, когда он взъярится по-настоящему и раскрошит стражников своим верным мечом. Но

Конан, казалось, не торопился — он словно наслаждался боем с умелыми противниками. Когда их осталось двое на двою и схватка перестала быть похожей на свалку, его клинок легко отразил град ударов и перешел в наступление.

Постепенно варвар, загородив собой солдата, теснил врагов к стене. Их лица, уже не злобные и насмешливые, как вначале, а растерянные, побледнели; в синих глазах чужестранца они видели смерть, а его меч обжигал, даже не касаясь. Когда один, мощным ударом разрубленный по поясу, упал, последний в панике повернулся, чтобы убежать, но и его настиг клинок Конана. В этот миг раненый с пола попробовал зацепить солдата дубиной; парень отпрыгнул и, яростно ухнув, добил его. Все было кончено.

Хозяин с тремя слугами немедленно принялся убирать помещение. На всякий случай заперев кабак, трупы через заднюю дверь выкинули в выгребную яму, а кровь замыли и сверху еще полили пивом, дабы заглушить ее запах.

— Недурной боишко, Конан, недурной, — важно заметил сайгад, снова принимаясь за полкубившееся ему здешнее красное вино.

— Боишко? — удивился Парминагал. — Да самый настоящий бой! Не слушай его, душа моя. Ты был великолепен!

Конан довольно усмехнулся. Восхищенные взгляды шамана и молодого солдата, единственного из всей четверки оставшегося в живых, тешили его сердце. Хотя он и сам знал, что был великолепен. После того как Парминагал освободил его от преследователей, природная сила его словно утроилась. Он даже немного сожалел о том, что стражников было только пятеро, а не десяток или дюжина...

— Господин, — хозяин робко подергал его за рукав, — тебе надо уходить отсюда, и поскорей...

— Эти ребята шли к северным воротам, — пояснил молодой солдат, — чтобы сменить ночной караул...

— Их будут искать, — закончил хозяин.

— И то верно, Конан. — Шаман критически оглядел варвара с ног до головы. — У тебя вся одежда в крови.

— Пошли отсюда. — Когда приходила пора удирать, сайгад соображал очень быстро. Вскочив, он забрал со стола недопитую бутылку и понесся к выходу с такой скоростью, что нечего было даже и думать о том, чтоб его догнать.

Когда Конан с Парминагалом выходили из кабака, в конце улицы они еще успели заметить широкую спину улепетывающего со всех ног царедворца. Миг спустя улица уже была пуста.

— Ты так и не ответил мне... — тихо сказал шаман.

— А ты ничего и не спрашивал.

— Спрашивал.

— Что?

— Можно мне пойти с тобой?

— Кром! А мне что за дело! Дорога не моя — иди, коли приспичило.

Парминагал помолчал, взвешивая про себя, стоит ли ему спорить с варваром по поводу такого сомнительного разрешения, и пришел к заключению, что не стоит.

— Тогда заберем лошадей и — в путь?

Конан кивнул. Хорошее настроение его понемногу улетучивалось, а причины тому были разные: во-первых, он клял себя за то, что потащил с собой сайгада — от такого спутника только безногий не убежит, да еще он, варвар, для которого старая дружба кое-что значит; во-вторых, ему совсем не хотелось продолжать путь в компании Парминагала — хотя тот и помог ему, но он все же был шаманом, что сродни разного рода магам и колдунам, которых Конан всегда не выносил; и в-третьих, он не мог себе простить, что отвлекся на драки и позабыл о Белке. Всем сердцем он чувствовал сейчас страдания юного воина. Мысленно обращая к суровому Крому просьбу (больше похожую на требование) покарать его за это, он, согласно расчетливой натуре своей, уже прикидывал, как пройти по зыбучим пескам и не увязнуть в них и как не заблудиться в Хальских пещерах.

Так ничего и не придумав, Конан тем не менее несколько отвлекся от неприятных мыслей. Парминагал прав: надо торопиться.

— Заберем лошадей и — в путь? — осторожно повторил вопрос шаман.

— Лошадей и сайгада, — после долгой паузы мрачно ответил варвар.

* * *

Небо над ним было ровным и чистым, цвета его глаз — ярко-голубого. Белка смотрел в него не моргая, пока слезы не замочили ресниц. Вдруг ему стали чудиться там, вверху, лица братьев — вернее, их черты, еле различимые, бледные... Медведь улыбался; рыжие лохмы, как бывало обычно, падали ему на глаза. Лев был сумрачен и на младшего брата глядел недовольно, как бы осуждая его за бессмысленное существование.

И тут волной на Белку нахлынули воспоминания. Его короткая жизнь пронеслась перед ним в одно мгновение всего, потом память вернула к самому началу... Старец Исидор приходит за ним, малышом Гинфано, в дом... Что это был за дом? Белый мрамор, толстые пушистые ковры, выложенные мозаикой стены его комнаты, цветные витражи в окнах... Пожалуй, более он ничего не помнил. Разве что чьи-то руки. Большие, сильные руки, которые поднимают его вверх и несут через огромный, блистающий зеркалами зал. Он смеется: так весело быть выше всех!..

Затем происходит что-то странное. Руки ставят его на пол и легонько подталкивают вперед. Он недоуменно оглядывается; губы его дрожат от обиды, потому что он уже рассчитывал на праздник, а его вернули в этот обычный, совсем неинтересный мир. «Иди ко мне...» Ласковый тихий голос седовласого старца с добрыми глазами останавливает вот-вот готовые пролиться слезы. Гинфано шмыгает носом и идет к нему.

Его руки не такие большие, но тоже сильные. Они тоже поднимают его вверх, так что лицо его оказывается на одном уровне с лицом старика. Насупившись, Гинфано долго глядит в его светлые серые глаза и вдруг видит там свое отражение. Многократно уменьшенное, такое смешное... Он

ахает и разражается залиvistым серебристым смехом, который, кажется, очень веселит старика... Вместе они смеются, потом старик замолкает, прижимает его к своей груди... Гинфано слышит — нет, чувствует, — как стучит его сердце...

...Белка и сейчас чувствовал, как стучит сердце наставника. Если он жив, он тоже чувствует, как стучит сердце Белки, как горит в нем негасимый огонь, возвращенный в чертогах древнего замка Дамира-Ланга... Юный воин улыбнулся, с гордостью ощущая связь между собой и старцем Исидором, явственную даже на таком огромном расстоянии, и вдруг, неожиданно для самого себя, коротко всхлипнул и заплакал — горько, отчаянно, как ребенок, которого обманули в любимой, долго лелеемой надежде. Луч солнца, упавший ему на лицо, живо согрел его слезы, а свежий и слабый ветерок остудил.

Устыдившись внезапной слабости своей, Белка замолчал. Рыдания еще kloкотали в его груди, больно трогая переломанные камнем ребра, когда новая мысль пришла ему в голову: он выберется отсюда! Если уж боги оставили его в живых, то значит, они должны были предполагать, что сила маннигана достаточно велика для того, чтобы рано ли, поздно ли, но освободиться (в этот момент он забыл, как еще день назад готовился к медленной смерти). Слезы мгновенно высохли в его глазах, и он снова улыбнулся, предвкушая встречу со старцем Исидором.

Да, по правилу Воина он, покинув замок, не может более видеть наставника, но — обстоятельства вынуждают его нарушить правило! Ведь братья его погибли! Он остался один, и теперь путь его необходимо определить заново!

Огонь, дремлющий в сердце Белки, затрепетал, передавая энергию телу. Изящные нежные руки юного воина напряглись; вены на мальчишеской тонкой шее вздулись (он знал, что вид его был обманчив — старец Исидор часто говорил ему об этом несомненном в жестоком мире достоинстве). Токи силы, волнами пробежав под кожей, встряхнули его раз, другой...

— Встань, Воин Белка...— прошептал он сухими губами.— Встань...

Каменная плита шевельнулась и на два пальца съехала с его груди.

* * *

Хоарезм спутники покинули поздней ночью. Кумбар, ворча, требовал подождать до утра, но киммериец наотрез отказался терять время. Все чаще перед глазами его вставал Воин Белка, коего он никогда в жизни не видал, но коего отлично себе представлял. Мысленно он сдвигал каменную плиту с его груди многожды, потом подавал руку, помогая подняться... Сейчас ему казалось, что ни одно из прошлых его жутких, страшных и порою странных приключений не имело такого определенного стоящего смысла. Власть, богатство, слава — все это ничтожно по сравнению с простым и важным делом: спасением воина от медленной мучительной смерти.

— Я хочу спать,— мрачно ныл царедворец, тем не менее подгоняя свою буланую, дабы не отстать от варвара.— Спать хочу!

— На Серых Равнинах выспишься,— так же мрачно отвечал ему Конан.

Терпение его, удивлявшее и шамана, и сайгада, и даже его самого, уже было на исходе. Никто еще не выматывал его так, как этот толстый и трусливый индюк. Но, учитывая его преклонный возраст (все-таки сайгад был лет на двадцать старше Конана), а также старую дружбу и рассказ о Белке, он сдерживал ярость, копившуюся в его мощной груди, хотя бы до конца путешествия. Правда, терпеть становилось все труднее, ибо Кумбар как нарочно приставал к нему с нытьем и восторгами по поводу окружающей среды чуть не каждый вздох. Варвар отвечал через раз, а еще через раз стискивал зубы и приказывал себе хранить спокойствие.

— Вот еще! На Серых Равнинах!

Ночь была теплой и звездной. Белый круг луны светил так ярко, что вся дорога впереди просматривалась отлично.

Сначала ехали по равнине, потом вдоль лесной полосы, и наконец вдаль показалась череда приморских холмов. К этому времени небо уже просветлело — близился рассвет, в этих краях обычно ранний.

— Там,— Парминагал указал на круглые головы холмов,— раньше была небольшая деревушка. Может, остановимся ненадолго?

— Времени нет,— проворчал Конан, в глубине души совершенно согласный с шаманом: они не спали две ночи — эту и прошлую, проведенную в лучшем кабаке Хоарезма. Там их не только попотчевали хорошо прожаренной говяжьей печенкой и искристым белым вином, но и ублажили телесно.

Конан выбрал чернооую красотку с длинными, ниже колен, волосами, а Кумбару досталась сама матрона, на чьей могучей груди, по мнению рачительного царедворца, запросто можно было разместить на постой отряд пехотинцев, а на обширном пухлом заду — кавалеристов. Вот только оборонительных сооружений у нее не наблюдалось, вследствие чего Кумбар легко завладел сим стратегическим объектом.

Парминагал от услуг хоарезмских див отказался, предпочтя им доброе вино да неспешную беседу с умным слугой.

— Спать хочу,— капризно заявил сайгад, измученный матроной.— Ты слышишь, о варвар? Давай остановимся в этой вонючей деревушке и хоть до полудня поспим.

— Деревушка приличная,— заступился шаман.— Я был там лет так пятнадцать назад. Люди приветливые, гостеприимные...

— За пару золотых и последний ублюдок перед гостями расстелется,— фыркнул Кумбар.

— Ладно,— прервал Конан содержательную беседу своих спутников,— я и сам спать хочу. Где там твоя деревушка, шаман?

— Вон!

Парминагал привстал в стременах и протянул руку. Приглядевшись, киммериец и в самом деле увидел несколько

тускло сверкающих под лунным светом пятнышек — по всей видимости, крыш домов. И если до того у него еще оставались сомнения, то сейчас он твердо решил доехать до деревни и выспаться как следует.

— Ну? — нетерпеливо обратился к нему Кумбар. — Мы едем или стоим?

— Едем... — ответил за варвара шаман.

Они прищипорили лошадей и вскоре уже выехали на узкую, утоптанную башмаками и копытами тропу, что вилась меж холмов и вела как раз к деревне.

Когда они поворачивали в очередной раз, Парминагал вдруг коротко вскрикнул и остановился. По инерции проскакав еще с десятков шагов, его спутники тоже осадили лошадей.

— Ну, что еще! — раздраженно крикнул Конан, разворачивая вороного. Терпение никогда не входило в число его достоинств, а последнее время он, кажется, использовал весь его запас.

— Туда нельзя, — выдохнул шаман.

— Почему?! — От злости Кумбар вовсе потерял голос и сейчас уже не говорил, а пищал.

— Я не знаю... Но чувствую — туда нельзя... Конан, прошу тебя, давай остановимся здесь или там, у кустов...

— Кром! Ты сам хотел ехать в деревню! Ты сам говорил, что...

— Да, говорил. — Парминагал смотрел ему прямо в глаза. — А сейчас говорю — туда нельзя.

— Оставайся!

Конан резко дернул повод, опять разворачивая вороного, и помчался вперед, не оглядываясь. Кумбар, одарив шамана презрительным взглядом, пропустил за ним.

Глава седьмая

Конан подъехал к деревне в тот самый миг, когда первый луч солнца озарил землю робким еще, но быстро набирающим силу светом. Пара ветхих заброшенных развалюх, однако, не вызвали у него желания остановиться, поэтому он поскакал дальше, по пустынной холмистой местности, про себя удивляясь такому странному расположению селения — за много сотен локтей ни одного жилого дома он еще не увидел.

Спутники его — он слышал это, хотя не поворачивал головы, — спешили за ним, причем сайгад неустанно ворчал и жаловался. За время пути он совсем разуздался: обращался к Эрлику с разными идиотскими просьбами и предложениями, громко охал, пел фальцетом, заставляя птиц смолкать от ужаса, а однажды, совершенно обнаглев, попытался даже всплакнуть, горюя о несчастной своей судьбине. Он так и сказал — «судьбина», от какового слова, годного лишь для употребления в кругу старых дев, варвар долго отплевывался.

Парминагал, вопреки опасениям, вел себя вполне прилично. В разумении варвара это значило мало говорить, не стонать, изредка — в случае необходимости — ругаться, а также пить много вина и не особенно от него хмелеть. Вот только с женщинами он явно не желал иметь дела. Поначалу Конана это несколько удивило и, естественно, вызвало некоторое подозрение, но потом, коротко поговорив с ним при выезде из Хоарезма, он понял, что шаман так устроен:

он ждал свою единственную любовь и до той поры предполагал сохранить свою чистоту в целостности и возможной сохранности.

Конечно, киммериец до конца так и не смог уяснить, зачем мужчине нужно сохранять чистоту. Он тоже намеревался когда-нибудь (в далеком будущем) одарить любовью красивую, умную и добрую девушку, которая будет ему верна и родит для него сына, или двух, или трех. Он, Конан, быть может, тоже будет ей верен. Но сейчас-то он с ней вовсе не знаком! Зачем же ей его верность?

На эти соображения Парминагал ничего вразумительного сказать не смог — только пожал плечами и улыбнулся. И тогда Конан сказал сам: «Живи как думаешь, парень. Но если тебе вдруг захочется хорошенькую девчонку — скажи мне. У меня есть одна подружка...» (тут он немного слукавил, ибо подружек у него в каждом городе, где ему пришлось побывать, было с десятков). Шаман и на это ничего не ответил, да варвар ответа и не ждал.

Так, размышляя на непривычную для себя тему — ответственность и порочность, — Конан достиг наконец деревянных ворот, кои стояли в самом узком месте тропы, между двух пышных холмов, похожих на грудь Кумбаровой матроны, и обозначали въезд в селение.

— Постой! — почему-то шепотом крикнул ему Парминагал.

Он остановился, дождался шамана.

— Прошу тебя, Конан...

— Вадор! — Не дослушав, киммериец снова пустил коня вскачь.

В ворота он влетел вихрем и так же промчался по небольшому полю, что серебрилось в утреннем нежном свете. Сзади он слышал опять причитания утомленного дорогой царедворца — эти омерзительные звуки только подгоняли его. Инстинктивно он стремился оторваться от спутников, чтобы не слышать, как хнычет старый толстый кабан.

За полем Конан обнаружил перелесок, а уже за ним виднелись и крыши домов. Только здесь он почувствовал близость моря: ветер, свежий, налитый запахом соли и

рыбы, стал сильнее и гнал по небу длинные белые перья облаков.

Десять лет назад он так же стремил коня к морю Вилайет. Там, на Острове Железных Идолов, находился замок отвратительного колдуна, похитившего дочь у доброго хона Буллы, который отнесся к юному варвару как к собственному сыну. В ответ Конан решил освободить его Адвенту, для чего и отправился на поиски злодея. Сопровождал его в путешествии сем Майло, полуоборотень-получеловек. Хон Булла взял его к себе еще младенцем, и — увы, на горе, а не на радость, ибо колдун, не удовольствовавшись тем, что мальчишка с каждым годом становится все более зверем, определил еще и срок его жизни — в двадцать пять Майло должен был умереть.

Киммериец усмехнулся, припоминая подробности этого похода. Особенно развеселило его сейчас то, отчего тогда он пришел в неописуемый ужас, хотя и не признался в том: в зале Железных Идолов Майло, который до тех пор был сварлив, но зато добр и внешне весьма красив, превратился в настоящего монстра. Слава Митре, душа у него осталась прежняя — с ней колдун ничего не смог сотворить. Правду сказать, если б не приемный сын хона Буллы, то Конан сейчас вряд ли ехал бы спасать Воина Белку — Майло заслонил его собой от смертоносного взора колдуна, он же с ним и сразился... Жаль только, девчонка к тому времени была уже мертва...

Вдруг Конану захотелось повидать старых друзей. Хон Булла, наверное, давно уж переселился на Серые Равнины — ему и тогда, десять лет назад, было почти что восемьдесят, а вот его парень, должно быть, жив, женат и многодетен... Какой он сейчас? Помнит ли юного варвара и их совместный поход к морю Вилайет, на Остров Железных Идолов? Конан был уверен, что помнит. Разве можно такое забыть?

— Ко-о-она-а-ан!

Голос сайгада разнесся по полю и рассыпался в перелеске. «Ан-ан...» Киммериец сплюнул на лету и остановил вороного. Запыхавшись, словно это он, а не его лошадь,

скакал всю ночь от самого Хоарезма, Кумбар подъехал к спутнику.

— Шаман говорит, там черная зона, — сказал он, махнув толстой рукой в сторону деревни. — Он сам это видел.

— Проклятие! — В ярости Конан дернул повод так резко, что вместе с конем крутанулся на месте. — Когда он это видел? Он же говорил, что был там лет пятнадцать назад!

— Лет пятнадцать назад там все было в порядке, — спокойно заметил Парминагал, приближаясь. — А сейчас над этим местом сплошная чернота.

Несмотря на невозмутимый вид шамана, Конан заметил в карих глазах его тщательно скрываемую тревогу и даже страх. Он и на миг не усомнился, что тот действительно видит — а скорее чувствует — некую черную зону, но это только раззадорило его. Отступать перед мраком он не желал (напрочь забыв сейчас свое бегство из Пунта от зомби) — во всяком случае, так определял он для себя намерение все же поехать в деревню. Но истинная причина тому была все же в ином: варвар был голоден и очень хотел спать.

Во хмелю собираясь отъезжать из Хоарезма, ни один из них не подумал о провианте, так что теперь в их дорожных мешках не имелось даже куска хлеба. В желудке у Конана тоже было пусто, и дума о жареном барашке не оставляла его давно, с самой середины ночи.

— Вздор! — упрямо заявил он, разворачивая вороного, который нежно и удивленно обнюхивал морду серой в яблоках кобылы Парминагала. — Я еду!

— А я — нет! — запальчиво выкрикнул сайгад.

— Я с тобой, Конан, — хмуро произнес шаман, трогаясь с места.

— Ну и я тогда... — Кумбар надулся как индюк, но направил буланую следом за спутниками.

Втроем они въехали в деревню.

Здесь уже и Конан уловил звериным чутьем своим нечто странное, чужое. Ни одного человека поблизости видно не было. Полная тишина царила в этом прекрасном месте. На пятачке между низких и широких холмов стояли уютные деревянные домишки, обнесенные изгородями из спле-

тенных ветвей. Блики солнечных лучей сверкали в маленьких окнах, переливаясь всеми цветами радуги. Картина была чудесная, и будь Кумбар сейчас настроен более мирно и поэтично, он непременно отметил бы величие деревенской простоты, но — он был обижен, а чувство сие не располагает к созерцанию. Поэтому он только фыркал и вздыхал, надеясь, что спутники внемлют его страданиям и все-таки повернут обратно. Увы, ни варвар, ни шаман, похоже, не обращали никакого внимания на несчастнейшего из Эрликовых рабов. Они просто ехали впереди него, не оборачивались и вообще молчали.

У одного из домов Конан спешился, жестом велел товарищам ждать его здесь и вошел в маленький аккуратный дворик. Заглянув через окно внутрь, он оглядел комнату, пытаясь найти хоть какие-то признаки человека, но ничего подобного не увидел. Тогда он толкнул тяжелую дверь, которая оказалась незаперта, и ступил в короткий и темный коридор.

И здесь он услышал одну только тишину, причем не живую, наполненную дыханием, а совершенно мертвую. Все звуки умерли в доме; скрип двери был чем-то вроде взрыва вулкана на необитаемом острове — даже варвар вздрогнул от него.

Конечно, в комнате никого не было. Мало того: даже следов пребывания человека Конан не обнаружил. Правда, на середине стоял стол, под ним табурет, а у окна лежанка, но все это — покрытое пылью и обвитое чуть не столетней паутиной — создавало тем более неприятное ощущение небытия. Только рваные сапоги, торчащие из-под лежанки, сообщали надежду на жизнь, и ту — призрачную.

Так ничего и не поняв, киммериец позвал товарищей. Кумбар вежливо пропустил вперед шамана, сам вошел следом, озираясь по сторонам.

— Никого? — хмуро бросил Парминагал, не глядя на варвара.

— Сам видишь, — отозвался тот. Он уже сдул с лежанки пыль и уселся на нее, давая понять спутникам, что это его место для сна.

— А пожрать? — задал сайгад главный вопрос.
— Тоже нет...
— Тогда поищем в другом доме?
— В другом то же самое... — Парминагал по примеру Конана сдул пыль с табурета, потом еще протер его полой куртки и лишь потом сел. — Здесь уже давно никто не живет.

— А тебе сие откуда известно? — подозрительно спросил Кумбар, оставшийся без места.

— Нет запаха... жизни...

— Запах жизни! Ха! Ха! Ха! — саркастически сказал царедворец. — Ну, дружище, коли тебе надобен для счастья запах жизни, то мне, простому человеку, достаточно и запаха еды. Барашка там жареного, или почек в крестьянском масле, или петушка на вертеле...

— Тихо! — Шаман вдруг резко побледнел и покачнулся, чуть не упав с табурета.

— Чего еще? — Конан насторожился. Во всем, что касалось темных сил, он верил новому знакомому безоговорочно. Сейчас по виду его, по глазам, потемневшим до наичернейшего, он уверился в том, что здесь действительно если не «черная зона», то обиталище зла точно.

Вместо ответа Парминагал поднял руку, еще раз призывая к молчанию. Несколько мгновений все слушали тишину — чужую, враждебную. Варвар узнал ее сразу, а узнав, положил руку на эфес меча и так замер.

Кумбар, мысленно вознося мольбы Эрлику, обреченно закрыл глаза. Он уже почти смирился с тем, что путешествие его, предпринятое им так опрометчиво, добром не закончится. Между тем картины прошлого все последнее время беспрестанно возникали перед его глазами. Он, как выяснилось, уже плохо помнил те годы, что прослужил в туранской армии. Красномордый парень с наглыми глазами и диким нравом, первый и на дружеской пирушке и на поле брани, был ему знаком весьма смутно. Если б тогда он только на один миг мог себе представить, во что превратится спустя всего-то лет тридцать, то сам бы напоролся на вражеский клинок. «Что спите, ребята! — как во сне слы-

шал он свой собственный голос, веселый и злой. — А ну, вперед! За мной! Руби!» Кумбара даже передернуло от смешанного чувства гордости за себя в молодости и стыда за себя сейчас. Каким образом и когда произошли в нем эти ужасные изменения? Неужели сладкая и сонная жизнь во дворце сотворила из бесшабашного солдата эту жирную курицу, дрожащую от страха при одной только мысли об опасности? Тьфу! В отчаянии сайгад сплюнул на покрытый ковром из пыли пол и повернулся к шаману.

— Ну вот что, парень, — громко сказал он. — Кто бы ни был тот ублюдок, что пожрал всю деревню, я не желаю ждать его молча. Я бу...

Дверь скрипнула. Оборвав себя на полуслове, Кумбар медленно повернулся.

* * *

Тон, каким старый солдат сделал свое заявление, поразили не столько шамана, сколько варвара. Он уже привык к тому, что толстяк скулит по всякому поводу и без повода вовсе. Сейчас ему показалось, что он слышит и видит совсем другого человека — впрочем, показалось лишь на мгновение, ибо дверь-то все же скрипнула, а потом и открылась. На пороге стоял... Или стояло... Скорее, наверное, стояло.

Невысокое существо, пола ни женского и ни мужеского, а какого-то среднего, взирало на спутников как будто бы благосклонно, но варвар, поймавший самый первый его взгляд, готов был поклясться хоть Кромом, хоть Митрой и прочими богами, что в нем сверкнула ненависть, причем такая мощная, что в груди Конана сразу поднялась ответная волна. Он сдвинул брови и на два пальца вытащил из ножен меч.

В полном молчании пришелец и гости рассматривали друг друга. Что там особенного он мог найти в них, так и осталось загадкой, а он явно был чем-то весьма удивлен. Они же видели перед собой нечто косматое, тощее и горбатое. Безобразное плоское лицо с острыми и мелкими чертами, обрамленное всклокоченной бородой, на щеках

имело яркий лихорадочный румянец, а в общем отличалось, наоборот, ужасной бледностью. Мышиные глазки беспокойно перебегали с огромного варвара на толстого сайгада, а с него на ничем не примечательного с виду шамана (тем не менее именно шаман удостоился взгляда долгого и тревожного). Вот и все, что было в прищельце человеческого. Остальное могло принадлежать только монстру из царства Нергала — так решил варвар, обозревая странное тело существа.

Руки его, покрытые густым черным волосом, с длинными желтыми ногтями, походили на обезьяньи лапки — только ладони розовели гладкой кожей; босые ноги были коротки, кривы, тоже волосаты и — трехпалы. Между этих пальцев Конан с отвращением заметил пупырчатые перепонки, измазанные в какой-то дряни, смахивающей на болотную тину. Туловище его, гораздо длиннее ног, поросло большими — с кулак — шишками, которые торчали из прорех в грязной тунике.

Наконец монстр завершил осмотр гостей и, откашлявшись, сказал первые слова приветствия.

— Что вам надо здесь, чужестранцы?

Голос урода оказался не менее противным, чем внешность: скрипучий и гнусавый, с нотками страждущего любви кота. Длинные передние клыки, далеко заходящие за нижнюю губу, явно мешали ему говорить.

— А тебе что? — ответил расхрабренный сайгад.

— Моя деревня, — коротко пояснил тот.

Кумбар открыл рот, дабы продолжить столь увлекательную беседу, но его перебил Парминагал.

— Не скажешь ли, достопочтенный (при этом слове варвар и сайгад в унисон хмыкнули), куда подевался народ? Помнится, здесь когда-то жили люди...

— Теперь не живут.

— Это я уже понял. Я спрашиваю, где они?

— Где-то там. — Монстр описал лапой полукруг, так что невозможно было уяснить, где же все-таки люди.

— Где люди, старая коряга?! — рыкнул киммериец, жалея время на болтовню с этим ублюдком.

От его голоса монстру стало дурно. Закатив глаза, он прислонился горбом к стене и часто задышал.

Царедворец совсем осмелел. Он подошел к самозваному хозяину деревни так близко, что чуть не касался его животом, потряс перед его носом толстым пальцем и, ласково улыбаясь, сказал:

— Я тебя сейчас укушу.

— А? — удивился монстр, приходя в себя.

— А потом съем.

То, что произошло сразу за этим обещанием, на миг повергло в шок и Конана и шамана. Урод вдруг открыл пасть так широко, что в нее запросто могла бы втиснуться голова Кумбара — она и втиснулась, по самую шею. Несчастный сайгад заверещал пронзительно, уперся руками в грудь обидчика и попытался вырваться. Напрасно. Он только оцарапал себе затылок об его острые зубы. Кровь брызнула на Парминагала, который был на два шага ближе к обоим, чем варвар.

Эти красные мелкие капли привели в чувство товарищей бедняги Кумбара. В тот момент, когда монстр начал смыкать челюсти — с омерзительным хрустом, наслаждаясь, медленно, — Конан вскочил, молнией рванулся к нему и кулаком со всей силой треснул его по темени. Удар этот был настолько силен, что звук от него эхом разнесся по комнате.

Пришла очередь урода погрузиться в прострацию. Замерев с головой сайгада в пасти, он снова закатил глаза; слюна, вонючая даже на расстоянии, струями потекла по бороде, склеивая волосы.

— Конан! — предостерегающе крикнул Парминагал.

Но было уже поздно. Едва киммериец выхватил из ножен меч, дабы завершить казнь монстра, как черная волосатая рука протянулась к нему, железными пальцами вцепилась в лодыжку и дернула. Потеряв равновесие, Конан грохнулся на пол. Урод при этом так и стоял с отрешенной физиономией и с закаченными к потолку глазами.

В ужасе Парминагал увидел, что поверженный варвар не двигается. Что с его сознанием? Надолго ли покинуло оно

его? Эти вопросы промелькнули в голове шамана за краткую долю мига. Затем он вытянул из потайного мешочка на поясе под курткой тонкую иглу и метнул ее в монстра.

Страшный визг потряс дом. Откуда в узкой впалой груди было столько силы, чтобы орать так громко и так долго, шаман понять не мог. Звук рос, крепчал; вот уже трещины побежали по стенам, лопнуло толстое стекло в окне, а потом визг вылетел на улицу и там превратился в ветер. Он выдергивал из земли тонкие молодые деревца и шатал из стороны в сторону старые, срывал листья, сносил крыши с домов; он становился уже настоящим вихрем.

С удивлением отметил про себя шаман два обстоятельства, сопутствующие происшествию. Первое — счастливое: расширив пасть для визга, монстр волей-неволей выпустил голову Кумбара, и тот, от ужаса и последующего за тем шума лишившись чувств, теперь лежал у ног ублюдка. Второе — странное: только в первые несколько мгновений монстр действительно визжал, а потом ни звука не вылетало из его открытой пасти — его визг ожил и начал существовать уже отдельно от него.

Игла Парминагала — самая что ни на есть обыкновенная стрела, какими пользуются дикари Зембабве, но пропитанная особым составом, известным только шаманам высшей касты, — поблескивала меж кустиков бровей урода. На человека она действовала в течение трех-четырех вдохов. Сначала каменели все члены, с ног и до плеч, а потом лицо покрывалось тонкой, с одной стороны прозрачной маской, через которую несчастный ничего не видел, но мог дышать сколь угодно долго. Прежде Парминагал никогда не пользовался этим жутким оружием, предпочитая нормальную драку или, в крайнем случае, малую толику магии. Но сей случай нельзя было даже назвать крайним. Он был вообще бескрайний. Два товарища, одного из которых шаман был бы счастлив назвать другом, валялись на пыльном полу без признаков жизни, и он, Парминагал, что вызвался сопровождать их (а это значит взять на себя часть тех трудностей, каковые неизбежны в пути), пока ничем не может им помочь.

На монстра отравленная стрела действовала весьма медленно. Да, его отвратительные члены, кажется, окаменели, как и положено, а вот маска на роже проявилась какими-то клочками — немного на лбу и на щеках. Глаза заворочались, разыскивая того, кто сотворил с ним такую пакость, а найдя, уставились с уже нескрываемой ненавистью. Будь сейчас на месте Парминагала царедворец, он от такого взгляда пришел бы в неопишемый ужас. Но он заплатил за нектати проявленную смелость и теперь возлежал у ног монстра, а шаману на все чувства грязного чудовища было глубоко наплевать. Напротив, он даже вздохнул с облегчением, ибо мог по глазам узнать очень многое.

Так, он сразу понял, куда все же подевались жители этой деревни. Все они умерли, отравившись водой из единственного в округе ручья. Затем Парминагал увидел отряд всадников, скачущих по той же тропе, по какой прибыли сюда и они. Когда до деревни оставалось примерно двести локтей, вдруг поднялся страшный ураган, в воронку коего и попали всадники. Их крутило над землей вместе с лошадьми довольно долго; шаман слышал их страшные крики, видел мелькающие руки, ноги, головы. Воронка, похожая на черную руку, взметнулась вверх, к самым облакам, и оттуда с размаху грохнулась наземь... Парминагал сморщился: и люди и лошади превратились в одно сплошное кровавое месиво, которое тут же втянула в себя земля — ни следа не осталось.

Потом... А потом он узрел и себя со спутниками, но эта картинка лишь мелькнула и исчезла, ничего интересного в ней не было.

То, что шаман увидел в следующий миг, заставило сердце его застучать отчаянно.словно с высоты птичьего полета посмотрел он на пятачок меж холмами, где прежде находилась деревня. Черные пятна просвечивали сквозь траву повсюду; приглядевшись, он понял, что они как будто бы живые — они бурлили и клокотали, как лава в кратере очнувшегося вулкана. Парминагал вытер мгновенно взмокший лоб и закрыл глаза.

Видения тут же пропали. Но в памяти его они запечатлелись прочно. Монстр, вращая глазами, стоял перед ним, и маска постепенно обволакивала его гнусную рожу. Шаман, отвернувшись от него, сел на табурет и погрузился в мало-приятные думы.

Как он и предчувствовал, здесь была черная зона. Конан тогда не понял, что сие значит, и вряд ли поймет позже — некому будет объяснить. Для белого шамана высшей касты — а Парминагал был именно белым — черная зона являлась основным местом испытания, по сути, конечной целью всего земного пути. Все обучение его сводилось тоже к этому: следовало уничтожить все пятна и при этом, скорее всего, погибнуть.

Жизнь, как ни старался Парминагал убедить себя в обратном, вполне устраивала его. У него был выбор — он мог уйти и мог остаться. Он больше не состоял в высшей касте и по правилам считался теперь обычным человеком, которому вовсе не обязательно связываться с таким дерьмом, как силы зла. Так что сейчас ему следовало решить для себя, обычный он человек или нет, что делать и делать ли что-нибудь вообще. Всем сердцем он стремился уехать отсюда вместе со спутниками и всем же сердцем желал остаться.

Он посмотрел на Конана, уже подававшего признаки жизни. Вот тот, кто мог бы стать для него братом. Сын самой природы, он был естествен; его сила, ясность ума и отвага — редкостные достоинства, особенно в гармоничном сочетании — для Парминагала значили милость богов. Он точно знал, что боги отметили этого сурового и грубого варвара, что ему они предназначили путь долгий, а судьбу непростую и счастливую. Хорошо бы пройти с ним рядом хотя бы малую часть этого пути...

А черная зона... Шаман пожал плечами. Какое ему дело до этой черной зоны и всех прочих черных зон? Пусть ими занимаются другие — он не единственный брахид на свете...

Но одно дело — так подумать, и совсем иное дело — так и поступить. Парминагал даже застонал от неспособности

(или неумения) разрешить вопрос быстро и без сомнений. Насколько проще было отказаться от борьбы за власть и покинуть Шангару!

Вскочив, шаман сделал несколько кругов по комнате, вздымая сандалиями пыль. Время от времени ему приходилось перешагивать через ноги Конана и чуть не откушенную голову Кумбара, но он того вовсе не замечал. Тяжкий груз давил ему на плечи, мысли путались, а сердце билось в груди тяжело и медленно, словно уставший смертельно коваль лупит по наковальне молотом, отдыхая каждый вздох...

Некоторое время спустя он знал уже совершенно точно: день битвы с черной зоной будет последним днем в его жизни. Конечно, по правилам брахидов он не должен был утверждать еще не изведенное, ибо в правиле сказано: «Не скажи — я знаю, скажи — я думаю; не скажи — да, скажи — может быть...» Ему всегда нравилась больше вторая часть того же правила: «...но если знаешь и если да, не говори — я думаю; не говори — может быть». Так что он именно знал...

И вдруг он принял решение. Это произошло короткую долю мига, неожиданно и для него, будто боги узрели его муки и послали Озарение. Парминагал остановился, улыбнулся отстраненно. После того, как он ощутил, что сердце успокоилось и легче стало дышать, он вновь вернулся в свое обычное состояние — обычного человека. Он решил.

Теперь нужно было осуществлять задуманное, а для этого — нужно отправить отсюда Конана и его приятеля.

Шаман присел на корточки перед варваром, приложил ладонь к его щеке, почувствовал тепло... «Все, душа моя... — прошептал он, передавая силу огромному, неподвижному пока телу. — Ты можешь встать. Ну? Встань же, Конан...»

Глава восьмая

Сила уже ощутимо разогревала кровь. Ее живой поток струился по жилам весело, как воды горной речушки, журча, текут меж камней, то взмывая вверх, то снова падая вниз. А еще сюда вернулись птицы, и они тоже принесли с собой жизнь. Они заливались трелями, свистели, чирикали и просто громко, бранчливо кричали, видимо не поделив рыбешку. Белка завертел головой, пытаясь увидеть их, но только быстрые узкие тени мелькали над ним в воздухе или где-то сбоку, да шум крыльев слышался совсем рядом.

Огонь в сердце, разгораясь так медленно, уже пылал, в скором времени обещая истинную свою мощь. Он смешивался со свежим морским воздухом, с землею, на коей лежал Белка, и с водой — четыре стихии, дополняя одна другую, питали кровь человека и его душу.

Теперь он был спокоен, ибо знал, что будет жить. И он собирался жить — за себя и за братьев. Он получил неплохое наследство: все, что предназначалось свершить в мире сем Медведю и Льву, переходило к нему. Он был рад. Наверное, он был рад — пока он и сам не мог определить свои чувства. Терпеливо ожидая, когда сила вернется к нему, пропитает все его существо, он вел мысленные беседы с братьями и наставником, предлагая им свои ощущения жизни и живо интересуясь их ощущениями. Они гордились им — он читал это в их глазах, и сам он тоже гордился собой. Он остался жить, но главное его достоинство

состояло все же в ином: лишь только память вернулась к нему, он перестал желать смерти. Наставник говорил (Белка помнил его слова отчетливо), что воин никогда не хочет умирать, а особенно тогда, когда мрак Серых Равнин уже входит в его душу. Он непременно сопротивляется смерти, хотя не отворачивается от нее и страха в глазах нет. Итак, Белка не хотел умирать.

Он повернул голову чуть вбок, как уже привык делать — чтобы почувствовать виском и затылком тепло шлема. И, как раньше, звякнул о железо камешек, так тихо, что в птичьем клекоте он не расслышал звука, хотя знал, что звук был. Он вообще сейчас много знал, может быть, гораздо больше, чем в тот день, когда покинул замок Дамира-Ланга. Он знал жизнь природы и понимал, чем она отличается от его жизни; он раскрыл тайну равновесия земного — а несмотря на то что наставник часто объяснял ему такую простую вещь, он не мог постичь главного, того, что равновесие и есть основа всего сущего; он собственным телом ощутил дыхание самой земли и вдруг сделал открытие — она тоже звезда, такая, каких много в небе, пусть и видны они только ночью.

Знание сделало его свободным. Пока — лишь духом, но скоро он был намерен освободиться полностью. Это чувство — будущей свободы — охватывало его всего, стоило мельком вспомнить о ней, и было настолько сильным, что он даже начинал опасаться, как бы та легкость, что обретет он, поднявшись на ноги, не унесла его в высь — как птицу уносит резкий ветер. Впрочем, он с удовольствием полетал бы над Землей, посмотрел бы на нее сверху, хотя бы затем, чтоб убедиться: Земля — Звезда и форму имеет все-таки объемную. Ему говорил об этом наставник, но в то время Белка сомневался во всем, а уж в форме Земли тем более.

...Солнечный луч отыскал его лицо и принялся светить так яростно, словно считал юного воина своим личным врагом. Белка прикрыл глаза, приготовившись терпеливо ждать полудня, когда яркий огненный шар, который люди называют оком светлого бога Митры, перейдет на сотню локтей вперед и край каменной плиты, нависший над под-

бородком, загородит его. Тогда уже не будет так жарко, а будет тепло, а после — холодно, особенно ночью, но и к этому чередованию Белка уже успел привыкнуть.

Какая-то мысль, очень, очень важная, завертелась в голове. Она была совсем близко, но он никак не мог уловить ее смысл. Он попробовал напрячься, потом расслабиться — все оказалось напрасно. Тогда он придумал новый ход — поиск ассоциаций. От желания жить он перешел к равновесию, от равновесия к будущей свободе, от будущей свободы к форме Земли и вдруг по закону коловращения начал думать в обратном порядке, то есть от формы Земли к будущей свободе и так далее.

Белка усмехнулся. Поиск ассоциаций привел не к ожидаемому результату, а к совершенно противоположному: если до того важная мысль все же вилась где-то рядом, то теперь она исчезла вовсе. Он даже не мог припомнить, какого свойства она была и к чему примерно относилась.

Не открывая глаз, Белка начал играть с солнцем. Он отталкивал от себя его назойливый луч, затем снова ловил его и снова посылал вверх. Но вот солнце зажарило в полную мощь, и уже не один луч, а целый сноп направило ему в лицо. В ярком пятне он разглядел снова черты своих братьев, не нашел в них ни мысли, ни чувства и предался занятию, по его мнению, постыдному для воина: мечтанию. Всякий мужчина — Белка был в этом уверен — может мечтать только об одном: о ратном подвиге. Медведь и Лев ничего иного вообще не держали в голове, отчего были всегда спокойны и ждали своего будущего с достоинством. Он же смел мечтать о многом, в частности о любви.

Он так и не признался в пороке сем наставнику. Порой ему казалось, что тот и без слов понимает все, но надо было все же сказать слова, ибо честность есть вторая воинская доблесть (первая — честь). Он не понимал пока, что в мечтаниях его ничего зазорного нет, потому как он и понятия не имел о сопутствующих прелестях любви возвышенной, любви духа, любви-любования. Само чувство он представлял себе так, как его подают поэты, коих он, втайне от братьев и даже наставника, прочел великое множество. Не

все нравилось ему в их одах и балладах, не всему он мог поверить, и бывало, что он, чувствуя фальшь, на многие луны оставлял чтение. Но сердце (тогда в нем еще не было негасимого огня) продолжало работу над мечтой.

И сейчас он, даже наедине с собой слегка покраснев от сознания собственной неполноценности, все-таки принялся мечтать о любви — такой, какой он ее себе представлял. Сам того не зная, он открыл некоторые истины, до него открытые лишь мудрецами и философами (не всегда два эти звания совпадали). Например, он понял однажды — сие было озарение — основную составляющую любви: любящее сердце видит человека таким, каким его придумали боги. Он не удивился этой идее, ибо выяснилось, что его сердце прежде мозга догадалось о том.

...Белка вздрогнул. Та мысль, кою он потерял только что, проявилась вдруг ясно, пойманная опять же сначала сердцем. Он подождал немного, думая, что вот сейчас она будет осознана им, — так и вышло. Да, это точно была очень, очень важная мысль... По коже юного воина войском муравьев пробежали мурашки. Не теряя и мига, он приготовился, вошел в ритм своего сердца, ощутил жар негасимого огня, потом ток, исходящий из шлема, и наконец саму силу.

— Встань, Воин Белка, — сказал он себе вслух, твердо. — Встань и иди.

Он рванулся. Камень слетел с его груди, рухнул в песок и рассыпался в прах.

* * *

— Встань, Конан, — громко произнес шаман, отнимая ладонь от щеки варвара. — Встань и иди!

Ресницы гиганта дрогнули, веки медленно приоткрылись. На Парминагала плеснулась тусклая синь, пока неживая, но с появлением мысли и чувства обещавшая стать яркой и яростной.

Долго ждать не пришлось. С пару мгновений бездумно посмотрев в карие глаза спутника, Конан вдруг нахмурился, отвернулся, потом рыкнул — тихо, словно проверяя голос,

но все равно так звучно, что шаман пальцем шутливо поскреб в ухе, — и рывком встал.

— Что со мной? — угрюмо обратился он к Парминагалу, избегая глядеть ему в глаза.

— Ничего особенного, — небрежно ответил тот. — Уродина шмякнула тебя об пол, а так все хорошо.

— Какая уродина? — Похоже было, что киммериец, с силой треснувшись затылком о дерево, забыл все, что тут происходило.

— Вон та.

Конан с недоумением воззрился на окаменевшего монстра. Маска все же залепила его угрюмую рожу, и теперь он, пытаясь скинуть ее, строил гримасу за гримасой, одну страшнее другой, не понимая, что с той стороны его отлично видно. А в общем, он и без гримас был достаточно безобразен, так что особенно удивить и испугать никого не мог.

— Где сайгад?

— О, я забыл про него...

Парминагал присел возле туши царедворца и начал быстро шептать странные слова на незнакомом варвару наречии — каком-то дикарском, судя по отрывистым лающим звукам. Заклинание тут же почти заставило Кумбара открыть глаза (но первым делом он громко и отчаянно застонал) и начать подниматься.

— Где я? — слабым голосом спросил он, тоже забыв обо всем, что было.

— Теперь на земле, — весело ответил Парминагал.

— Почему теперь?

— Потому что до этого ты гулял по Серым Равнинам, — бестактно заметил варвар.

— О-о-о... — начал было ныть сайгад, но вдруг вспомнил, что он снова стал смел и решителен. — О!

Закончив этим бодрым «О!» нытьем, он принужденно оживился и завертел головой, оглядывая незнакомое помещение. И конечно, взор его натолкнулся на монстра, что застыл у дверей.

— Кто это? — с удивлением и отвращением воскликнул он.

— Да так... — Шаман улыбнулся. — Забрел тут один...

Конан хмыкнул. К этому времени он отлично вспомнил все, до единого мига, и теперь едва удерживался, чтобы не расхохотаться при воспоминании о том, как монстр кусал голову царедворцу. Впрочем, натура его не предполагала выдержки в подобных ситуациях, так что он все-таки расхохотался.

— О, варвар... — укоризненно сказал сайгад. Он не понял, что так рассмешило приятеля, но зато понял, что он сыграл в этом не последнюю роль. — О, варвар!

Парминагал улыбался — уже отстраненно. Мысленно пока пребывая с Конаном и сайгадом, душой он был в предстоящей в скором времени битве, и сие хотя и не выводило его из равновесия, но сообщало грусть — слава Митре, светлую. Ведомый странным человеческим инстинктом жить, он тянул время, не желая разлучаться с товарищами, но умом того не осознавал. Когда же осознал — испугался. Того, что сила духа оставит его, и тогда он изменит себе, своему сердцу; того, что, еще чуть промедлив, уже не сможет заставить себя остаться здесь. Он на миг стиснул зубы, призывая себя к мужеству (коего, кстати, от природы не имел в достатке), и приступил к главному — к прощанию.

— Вот что... — как мог беспечно сказал он. — Вам пора уже в путь, друзья...

— Нам? — удивился Конан. — А ты?

— Я передумал. Я не пойду с вами.

Эти слова дались шаману с трудом, но, сказав их, он почувствовал неимоверное облегчение. Первый шаг, сделать который, казалось ему, практически невозможно, сделан. Дальше будет много проще.

— И куда ж ты теперь? — с грустью в голосе поинтересовался Кумбар.

— Обратно, в Шангару.

— Что ж, — сказал киммериец, убежденный, что Парминагал решил вернуть себе наследное владение, — клянусь Кромом, я всегда считал, что мужчина должен отвоевывать свое. Ступай, парень, и дядьке своему каждого брата припомни.

— Хорошо, — послушно кивнул шаман, отворачиваясь.

Он не хотел сейчас говорить о том, что меньше всего его волнует власть; что власть — ничтожна, особенно по сравнению с жизнью, с любовью и честью. То же и месть за братьев: никогда прежде он не был так от этого далек. Может быть, днем раньше он и чувствовал в себе необходимую для мести злость и обиду, но — не теперь. Нергал с ним, с жестокосердым и хитроумным дядькой... Избавить мир хотя бы от одной черной зоны — вот что действительно важно...

— Тогда прощай! — Грусть бесследно исчезла из голоса Кумбара. Он был уже готов к дальнейшему путешествию, но, по дворцовой привычке любому оставляя о себе приятное впечатление, подскочив к Парминагалу, залихватски потрепал его по плечу и лишь тогда с чувством выполненного долга вышел за дверь.

Конан же только кивнул товарищу. Потом поднял свой пустой дорожный мешок, взятый в дом с целью доверху набить его провизией, и, сунув его за пазуху, вышел вслед за сайгадом. Впрочем, на пороге он обернулся.

Во взгляде его шаман прочитал желание сказать еще какие-то слова — увы, с грустью заметил он, видимо, эти слова не находились. Варвар хмуро взирал на него сверху вниз своими синими, как предзакатное небо, глазами и молчал.

— Я буду помнить тебя, Конан, — помог ему уйти Парминагал.

— Вот что... — Кажется, слова все-таки нашлись. — Сдается мне, твои братья сейчас видят тебя и...

— И гордятся мной? — улыбнулся шаман.

— Да, и гордятся.

На этом киммериец наконец повернулся и вышел совсем. Когда дверь за ним захлопнулась, Парминагал постоял немного — ни о чем не думая и ни о чем не вспоминая, а уж тем более ни о чем не жалея — и начал готовиться к битве.

* * *

— Надо торопиться! — на скаку выкрикнул Кумбар, еще прищипывая и без того уж загнанную лошадь.

Конан посмотрел на него удивленно: прежде царедворец не выказывал особой прыти, нынче же, с того самого

момента, как они покинули пустую деревню, гнал буланую во весь опор, молодецки присвистывая и явно чувствуя себя полководцем.

Сайгад понял его взгляд. Стараясь переорать ветер, он, срываясь на визг, пояснил:

— Зыбучие пески! Один раз! В день! Скоро!

Тут и Конан прищипорил своего вороного. Кумбар был прав — раз в день зыбучие пески у южного берега моря Вилайет замирают, и по ним можно пройти как по твердой земле, не опасаясь провалиться.

Вихрем пролетели они последнюю череду холмов и едва успели остановить лошадей — прямо перед ними было море. Но не синего цвета, не зеленого и не ярко-голубого, а желтого. В первый миг киммериец даже не понял, что это и есть зыбучие пески. Такие же, как в настоящем море, волны, перебегающие одна за одной к берегу, а потом откатывающиеся обратно, такой же простор, такое же спокойное, истинно императорское величие.

Конан покосился на Кумбара, думая, что вот сейчас он опять начнет визжать от восторга и приступа умиления, но красная физиономия старого солдата была сумрачно-неподвижна, словно он погрузился вдруг в некую очень важную думу, против которой красота природы была мелка и ничтожна, как собака Гухул перед умным Кумбаром... Такое сравнение, пришедшее в голову киммерийца неожиданно, насмешило его. За время пути он совсем забыл о пресловутом цирюльнике, к тому же и сам сайгад ни разу не упоминал о нем. Но сейчас, когда цель их уже почти достигнута, приходится вспоминать и о движущем мотиве... Спасение Турана от нечисти — благородно, но странно. Так, по крайней мере, показалось сейчас Конану...

Они простояли у края зыбучих песков недолго — может быть, варвар успел бы выпить кружку-другую пива. Но пива у них не было, и хорошо еще, что запасливый сайгад взял с собой из хоарезмского кабака фляжку с простой водой, не то наверняка они оба сейчас измучились бы от жажды...

Легкая волна, подбегая к берегу, вздыбилась, на миг поднялась и швырнула в путешественников горсть колюче-

го песка. И сразу после улеглась спокойно, выровнялась, как и все желтое море...

— Идем! — Кумбар спустил свое грузное тело с буланой и, не дожидаясь товарища, пошел по песку к темнеющим вдали темным точкам.

За ним и Конан, у коего настроение вдруг резко упало, спрыгнул с вороного, снял сапоги, бросил их в траву и двинулся следом за сайгадом. Босые ступни его обжигал горячий песок, но это было ничуть не больно, а только приятно.

Почему-то варвар все вспоминал шамана. Нельзя сказать, что поведение его показалось ему странным — напротив, он действительно считал не столько привилегией, сколько обязанностью мужчины отвоевывать свое. Женщину, деньги, родину — все, что принадлежит ему по праву, он и может и обязан защищать. Посему Парминагал, по его мнению, принял совершенно верное решение. Наместником в Шангаре должен быть он, а не его хитрый и жестокосердый дядька. Конан подумал: а что он стал бы делать, если б у него были братья и всех их убили? И тут же перестал об этом думать, ибо рукоять верного меча словно сама собой легла ему в ладонь.

И все-таки с Парминагалом было что-то не то (это самое «не то» отличалось от Кумбарова «не того», хотя и непонятно чем). Варвар с его природным, от земли и воздуха, чутьем ощущал это и на расстоянии от шамана...

Темные точки постепенно превращались в зияющие пастбища. Их было так много, что издали они казались роем пчел, приземлившимся на песок, чтобы отдохнуть от долгого полета.

— Хальские пещеры? — уточнил Конан, рукой указывая вперед.

— Они...

Сайгад, видимо хорошо знавший дорогу (что удивляло варвара, ибо он знал, что тот не покидал не то что пределов Аграпура, а и дворца уже много лет), вышагивал впереди. Перемена, произошедшая с ним так внезапно, еще день назад, поразила бы Конана несказанно. Ныне он будто ступил в иной мир — и Кумбар тоже — в мир, где просто не

могло не меняться все. И он, суровый киммериец, чувствовал в себе нечто малознакомое, странное, но не чужое. Словно сейчас открылась та сторона его сути, которая была в нем всегда, но не всегда проявлялась. Он думал. Весь этот день он думал. О Воине Белке, о шамане, о себе и о жизни вообще. Он вряд ли смог бы пересказать свои мысли вслух, но внутри очень хорошо понимал их и в них разбирался.

Так и сайгад. Сбросив с себя шелуху, стряхнув сор, словом, полностью почти очистившись, он стал самим собой — спокойным и молчаливым, мужчиной, человеком. Наверное, он был таким в молодости. Конан не мог судить — не только потому, что молодость Кумбара приходилась на его раннее детство, а еще и потому, что тогда он его вовсе не знал...

— Есть... — тихо сказал сайгад, останавливаясь.

Варвар поднял голову. Прямо перед ними, шагах в пятидесяти, чернела дыра грота.

Это была самая большая из всех Хальских пещер, что они здесь видели. Более Кумбар не промедлил и мига. Подойдя к дыре, которая высотой оказалась чуть больше его роста, он зашел внутрь и тут же там исчез, даже не оглянувшись на спутника. По всей видимости, он был ему больше не нужен...

Но Конан о том задумываться не стал. Он тоже подошел к пещере, сразу почувствовав сырой запах моря, застоявшийся там, и тоже, не медля, вошел. Тьма, снаружи казавшаяся ему непроглядной, была на самом деле только в начале грота. Потом она светлела, а вдали вообще сияла ярко, словно туда светил заблудившийся солнечный луч.

Все свои мысли Конан оставил в забвении песках. Сейчас он продвигался вперед не с мыслью, а с целью, заменившей остальное — как все менялось в этот день. Может быть — усмехнулся он — день сей чем-то важен богам? Но тут же он опять вернулся к цели, а про богов забыл.

В темноте, а тем более не в черной, а серой, он видел, как кошка. В отличие от Кумбара он ни разу не споткнулся, а продвигался меж выступов и камней быстро, уверенно. Так, на короткий вскрик сайгада он отреагировал спокойно,

за полмига до того узрел толстый пятнистый хвост некоего чудовища, а сразу после и башку его с круглыми открытыми глазами цвета протухшей зелени.

На губах киммерийца промелькнула горделивая улыбка: он понял, что перед тем, как принять на себя страшную тяжесть камня, Воин Белка успел расправиться с громадным змеем, который, вероятно, обитал в Хальских пещерах, сюда же затаскивая зазевавшихся и застрявших в зыбучих песках людей... Лабиринты, где можно заблудиться? Нет. Змей, караулящий жертву в извилинах нор, вырытых его собственным длинным и гибким, сильным телом...

Неожиданно яркий свет ударил Конану в лицо. С трудом оторвавшись от самопогружения, он поднял глаза и увидел, что вышел снова к зыбучим пескам, только, видимо, с другой стороны, и солнечные лучи действительно всюду светят сюда, как и вообще на всякое открытое место на земле. А в следующий миг он увидел и цель...

* * *

Рядом с ним уже стоял Кумбар и, ничего не говоря, рассматривал его как какую-то диковину. Он заходил и справа, и слева и отклонялся назад, дабы не пропустить ни единой черты, а может, почувствовать что-то. Красная физиономия его была при этом сосредоточена и спокойна совершенно, так, как если бы он выполнил некую трудную задачу и теперь мог быть свободен душой.

Если бы приятель его был женщиной, киммериец понял бы такое внимание к юноше без слов, потому что Воин Белка был поразительно красив. Ростом чуть ниже сайгада, стройный и гибкий, с копной густых светлых волос, торчащих из-под искомого шлема, с тонкими четкими чертами нежного белого лица, с яркими голубыми глазами, ясными и мудрыми.

Да, эту мудрость сразу отметил варвар, не удивившись, а приняв ее как должное, хотя в иное время, наверное, не поверил бы глазам своим. Откуда она в семнадцатилетнем мальчишке? Почему-то Конан сразу решил, что знать то — дело богов, а не простых смертных.

Вопреки ожиданиям, юноша не был придавлен каменной плитой. Он стоял, спиной прислонившись к стене, и улыбкой отвечал на интерес к себе сайгада. В улыбке Конан не заметил ни недоумения, ни вопроса, ни тем более гнева. Казалось, он привык к тому, что на него обращают внимание, хотя, судя по рассказу Кумбара о жизни в замке Дамира-Ланга и строгом воспитании старца Исидора, такого просто не могло быть.

— Ты свободен, мальчик? — спросил Кумбар голосом тихим и таким нежным, что вот тут уже варвар удивился.

— Да, — ответил ему юноша с улыбкой. — Я скинул ее. Скинул сам! — добавил он с мальчишеской гордостью. — Ты знаешь, дядя, я ведь Воин!

— Дядя? — Конан строго посмотрел на сайгада.

— Ну да, — смущенно потупился он. — Это Гинфано, сын моего младшего брата... который умер двенадцать лет назад... Прости меня, Конан... Я... Поначалу я хотел, чтобы именно ты помог ему. Ты сильный, ты можешь все, я знаю. Но потом... Да, наверное, сие был напрасный путь для тебя... Прости.

Конан задумался на миг и — простил.

— А как же шлем?

— Какой шлем? А, шлем... Вот он. Покажи, мальчик.

Белка снял с головы простой солдатский шлем и протянул варвару.

— Не надо, — отказался тот. — Все свое держи при себе.

— В нем и правда большая сила, — сказал Кумбар. — Но ни тебе, ни мне она ни к чему. Только Воин чувствует ее и владеет ею.

— А что ты там толковал о спасении Турана? — Киммериец вдруг развеселился, припомнив пространное и не в меру горячее повествование товарища.

— А ну его к Нергалу, Туран... — с улыбкой отмахнулся сайгад. — Я теперь вовсе туда не вернусь. Пойду в Аргос, там остался дом брата. Займусь каким-нибудь делом... А ты, Гинфано?

— Я иду к наставнику. Мои братья... Медведь и Лев... Они погибли. Теперь я должен все сделать один... — Чистый звонкий голос юноши дрогнул, но мигом позже снова окреп. — И я сделаю все, дядя, ты веришь?

— Ну конечно, мой мальчик...

— А ты?

Чистые голубые глаза поднялись на Конана, и в сердце сурового варвара дрогнуло нечто теплое, давно позабытое с детства, с материнских жестких и в то же время нежных рук. Он улыбнулся мальчику и сказал:

— Тебе — верю.

Юный воин кивнул, словно и не ожидал иного ответа, повернулся к выходу...

Потом они смотрели, как уходит Белка...

* * *

...А потом шли по песку обратно. Они торопились, потому что скоро уже волны снова побегут по нему, ища жертву, шелестя и швыряя в ветер колючие горсти.

Сайгад был сумрачен, но таким он нравился Конану много больше. В конце концов, всякий мужчина должен стать мужчиной — рано или поздно. А то черная зона захватит и затянет, вот как эти зыбучие пески, и тогда уже не выбраться на волю, в свет, никогда... Черная зона... Где-то он слышал нынче нечто похожее... Черная зона!

Сердце варвара дрогнуло, пронзенное сильной, но мгновенной болью. Он понял. Он понял, почему шаман отказался ехать с ними дальше...

— Ты в Аргос? — спросил он спутника, садясь в седло.

— Да. А ты?

— А я нет.

— Может, нам по дороге?

— Не думаю.

— А все же? — Кумбар смотрел на него с улыбкой, и впервые варвар хмуро, но все-таки улыбнулся ему в ответ.

— Посмотрим!

Конан прищиприл вороного и стремглав помчался по зеленому травяному ковру, боясь только одного — не успеть. Когда, поворачивая за холм, он обернулся, то увидел: сайгад спешил за ним.

«Что ж, — подумал варвар мельком, — вдвоем всегда проще...»

ЗМЕИНЫЙ ЭЛИКСИР

Город жил своей жизнью, похожей и не похожей на жизнь других городов. Ведь это был Шадизар, черная жемчужина Заморы, город воров и убийц, продажных девок и шарлатанов всех мастей, город торговцев и развращенной знати.

Богатые дома, дворцы и роскошные сады соседствовали с кривыми улочками мастеровых, кварталами воров и скупщиков краденого, грязными харчевнями и постоялыми дворами. Все это не могло существовать одно без другого, и невозможно было с уверенностью сказать, кого считать истинными хозяевами города — пресыщенных богачей, надменных купцов, дерзких грабителей или колдунов, в ночной тиши вершивших свои черные дела. Город был живым организмом, все части которого находились в завидном равновесии, и, как всякий организм, он имел сердце.

Базар, сердце Шадизара, поражал воображение своим великолепием и пестротой. Здесь продавалось и покупалось все, не было никаких запретов и ограничений — добро и зло теряли свое значение, отступая перед блеском золота. А солнце заливало город щедрым светом, и даже то, что в иной день могло бы показаться отвратительным, невольно радовало глаз...

Юноша, пробивавшийся через базарную толпу, вряд ли смог бы выразить это словами, и даже мысли о красоте бурлящей толпы, старых стен и ослепительного неба не возникали в его мозгу, но молодая радость жизни кипела в крови, сияла в глазах, требовала от тела немедленных и немыслимых подвигов или хотя бы громкого смеха.

Конан — так звали юношу — любил Шадизар, ему были по душе здешние нравы, беспашапная разгульная жизнь. Опасности, подстерегавшие на каждом шагу, будоражили кровь, — но и он сам был опасен. Высокий, черноволосый, синеглазый, он выделялся в любой толпе спокойной силой и звериной грацией гибкого тела. Изысканные одежды не волновали его: простая туника, кожаные сандалии, широкий ремень — все, что нужно для той жизни, которую он вел. И конечно, самое главное — острый меч и верный кинжал. Остальное — вино, женщины, деньги — он брал от жизни силой и хитростью.

Конан врезался в толпу возбужденных зевак в самом центре базара. Это было излюбленное место городских представлений. Акробаты, жонглеры, борцы, фокусники, пожиратели огня... кого только не увидишь там! Вот и сейчас юноша заулыбался, предвкушая увлекательное зрелище, и еще активнее заработал локтями, протискиваясь поближе.

На небольшой площадке, ощерившись как волчата, дрались два юнца. Уличная драка — любимое развлечение шадизарцев, поэтому их и не пытались разнять, а, наоборот, подзадоривали, глумясь над каждым неудачным броском или выпадом. Неудачникам и недотепам нечего здесь делать — лишь сила, ловкость, хитрость и удачливость ценились в Шадизаре. Мальчишки злобно насакивали друг на друга, ножи звеня высекали искры...

Вдруг в толпе взвизгнула женщина, раздались проклятия, люди поспешно стали расступаться — несколько воинов с мечами в руках прокладывали дорогу богатым носилкам. Четыре дюжих негра несли на плечах легкое сооружение, в котором, возвышаясь над толпой, сидела прекрасная женщина.

Конан обернулся на нее — и внезапно желание, точно огнем, обожгло его. Это было подобно удару молнии... Он не видел ни зеленого платья с богатой золотой каймой, ни сверкающего убора в волосах — только сладостные линии ее гибкого тела, только манящий взгляд и насмешливую улыбку. Она смотрела прямо на него, не мигая и улыбаясь

все так же дерзко и загадочно. Носилки уже скрылись за поворотом, когда Конан пришел в себя. Не раздумывая, схватил за шиворот щеголеватого горожанина.

— Кто эта женщина? Ты знаешь ее?

Тот попытался вырваться, злобно сверкнул на Конана глазами, потом вдруг ехидно ухмыльнулся.

— А ты не знаешь? Да где тебе, оборванцу! Ведь это Деянира! Она не всякому вельможе по карману. Купить ночь ее любви может лишь очень богатый человек. Может, хочешь попробовать? — И он снова ухмыльнулся.

Глупец тут же понял свою ошибку, но было уже поздно: от пинка Конана он перелетел через улицу и врезался в жаровню с мясной похлебкой. Вопль обожженного и смех толпы слились и потонули в шуме базара.

Конан бесцельно побрел между шумных торговых рядов, ни к чему не прицениваясь, ни на что не обращая внимания. Образ женщины с каштановыми волосами, ее лукавый дразнящий взгляд стоял перед глазами. Сейчас он даже не мог вспомнить ее лица, но узнал бы в любой толпе.

Среди женщин его родной Киммерии было много красавиц, черноволосых и голубоглазых. Их любовь была прекрасна, как битва, и пьянила, как вино. Многих женщин встречал Конан, но ни одна из них не взволновала его так, как Деянира — истинная дочь Шадизара, где расы смешивались, даря миру либо грубое уродство, либо совершенную красоту.

Неожиданно раздавшийся рядом тихий смех привел Конана в чувство. Он снова увидел толпу, базар, услышал шум, крики, брань и хохот, и этот тихий смех, раздававшийся, казалось, из-под самых ног.

Опустив глаза, он заметил старика, сидевшего на корточках в нише стены. Чистая одежда из дорогой тонкой материи, сандалии из искусно выделанной кожи с драгоценными застежками, седые волосы, волной лежащие на плечах, — все говорило, что это не простолюдин. Но лицо, гладкое, почти без морщин, приветливое и веселое, было совсем не похоже на спесивые лица богатых торговцев.

Рядом со стариком на блестящем подносе лежало несколько странных плодов — и больше ничего. У других зеленщиков лотки ломились от товара и полные тележки фруктов и овощей стояли неподалеку, а этот старик сидел у своей жалкой горстки плодов и еще смеялся, глядя на Конана сияющими черными глазами:

— Покупай, киммериец! Тебе это скоро понадобится! Можешь мне верить... — Голос старика, мягкий и глубокий, странным образом располагал и внушал доверие.

— А что это у тебя? И зачем они мне нужны, твои полосатые ягоды?

Ярко-красные, с желтыми полосками плоды и правда были не крупнее слив. Они сморщились, подвялившись на солнце, но старика это нисколько не заботило.

— Слышал про мисахи, киммериец?

— Мисахи? Так это и есть мисахи? Плоды, удесятеряющие силы и заживляющие раны?!

— Да, сынок, и не только это. Кто имеет мисахи, того не коснется никакое предательство. Покупай.

Конан усмехнулся, потряс кошельком, висящим на поясе — там звякнули мелкие монетки, которых не хватило бы и на самый скромный ужин и ночлег. Но старик лишь упрямо покачал головой.

— И все же они тебе скоро понадобятся.

Конан был не прочь еще поговорить со странным торговцем, но тут между ними протиснулся толстый крикливый купец, на чем свет честивший нерадивого слугу, тащившегося сзади... Когда они прошли, Конан хотел узнать цену мисахи — но ниша в стене уже была пуста.

Незаметно подкрались сумерки, и вот уже глубокая ночь раскинула над Шадизаром алмазную сетку звезд. Одни прохожие торопились домой, чтобы за тяжелыми засовами и высокими стенами дожидаться утра, для других же наступало время настоящей жизни. Ночь была полна шорохов, тихих голосов, приглушенного смеха, из постоянных дворов доносились пьяные выкрики и хриплое пение. Изредка по улицам проходили группы вооруженных людей

с факелами — городская стража. Тогда ночные голоса ненадолго затихали, а потом все начиналось с прежней силой.

Конан не спеша шел к постоялому двору. В темноте он видел, как кошка. Факелы, телохранители — роскошь изнеженных богачей, которые, сидя в своих дворцах, не видят в ночи ничего, кроме мрака и опасности.

Ему вдруг захотелось пройти мимо дома Деяниры — ему ничего не стоило узнать у проницательных мальчишек, где тот находится. Зачем — он не знал и сам. Ему не на что было купить не то что любовь куртизанки, но хотя бы единственный поцелуй... и все же память об этой женщине не давала варвару покоя.

Небольшая круглая площадь, на которую выходили ворота нескольких домов, была совершенно пуста. Конан уже прикидывал, не перебраться ли ему через стену, а там будь что будет. Как вдруг бесшумно отворились ворота — ее ворота! — и на площадь вышли два телохранителя в латах и с факелами. За их спинами пугливо жался богато одетый юнец.

Прислонившись к стене неподалеку от ворот, Конан бросил взгляд на юношу. Так вот кто был с Деянирой этой ночью! Этот сопляк ласкал ее прекрасное тело... Ему она отдавалась сегодня...

Дикая страсть молодого животного, не терпящего рядом с собой соперника, переполнила варвара, ярость горячей волной разлилась по телу, напрягла живот, сжала в кулаки руки. Ноги сами напружинились для прыжка, — и вот он уже стоит перед стражниками, обнажив меч и яростно сверкая глазами. Вид разъяренного киммерийца был настолько страшен, что даже издававшие виды стражники в первый момент растерялись. Конану этого оказалось достаточно, чтобы двумя взмахами меча перерубить факелы — и вот они уже с шипением гаснут, отброшенные в сторону...

Маленькая площадь огласилась звуками боя. Хриплые выкрики, звон стали, стоны — все это было привычно, и горожане затаились, думая лишь о своей безопасности.

Но длилось это недолго, И вот уже Конан, тяжело дыша, смотрел на то, что осталось от двоих дюжих стражников — разбросанные обломки доспехов, мечи, изрубленные тела... Его взгляд различил у стены шевельнувшуюся тень. Гнев вспыхнул в нем с новой силой.

Конан подскочил к стене и за плащ выволок на середине площади дрожащую фигуру. Луна, выглянувшая из-за облака, осветила бледным светом молодое, искаженное ужасом и ненавистью лицо, богато изукрашенную одежду. Гнев и презрение смешались в душе варвара. Этот сопляк не стоил того, чтобы марать об него клинок!.. Но внезапно тот, опомнившись, выхватил меч — и бой закипел с новой силой.

Хоть Конан и думал с презрением, что богачи в своих дворцах не имеют понятия о настоящих битвах, теперь ему пришлось убедиться в обратном. Его противник, легкий и гибкий, молниеносно парировал удары, нападал ловко и уверенно, его меч нанес Конану несколько чувствительных царапин. Такой противник внушал уважение, такой бой приносил наслаждение, и Конан, забыв о Деянире, весь отдался битве, ничего другого не видя и не слыша.

Постепенно юноша, более хрупкий и изнеженный, стал уставать, его удары сделались менее точны. И вот последний вскрик — и меч торчит в его груди... Конан выдернул клинок, вытер его об одежды противника, убрал в ножны и собрался было уносить ноги. Но тут его взгляд упал на богато расшитый кошель на поясе убитого. Вот и добыча, можно будет повеселиться, ночь еще только началась!.. Неслышными шагами Конан двинулся прочь, держась в тени стен.

На постоялом дворе, как обычно, шла разгульная жизнь. Хозяин только успевал поворачиваться. В воздухе висела плотная завеса дыма, тянувшегося от жаровни, пахло горелым мясом, кислым вином, разгоряченными телами — но никто этого не замечал. Кто играл в кости, кто тянул вино, кто рассказывал о своих похождениях, вызывая взрывы хохота и одобрительные возгласы. Возле самых удачливых увивались девушки — это был их промысел, их работа.

Конан вошел в харчевню и осмотрелся в поисках свободного угла. Несколько приятелей подняли головы от кружек, и, увидев его порванную одежду, запачканную кровью, заулыбались:

— Ого, наш северянин опять угодил в переделку! Ну как, есть добыча?

Конан потряс кошельком, и хозяин немедленно бросился расчищать столы, спихивая на пол самых пьяных постояльцев. Киммериец, довольный, опустился на скамью, девушки с двух сторон повисли у него на шее, и гулянка началась с новой силой.

Почти до рассвета гудел постоялый двор. Но вот гуляки расплылись кто куда, зал потихоньку опустел. А Конан все еще сидел, пил вино и вспоминал недавний поединок. Руки еще помнили напряжение схватки, глаза угрожающе щурились... Ничто не доставляло варвару такого наслаждения, как хорошая драка, ощущение опасности и риска!

Вдруг кто-то потянул его сзади за тунику. Ткань прилипла к ране, ощущение было не из приятных, и Конан резко повернулся, чтобы как следует проучить наглеца. Но кулак, занесенный для удара, застыл в воздухе. За спиной у него стоял карлик, ненамного выше половины человеческого роста. Его одежда — туника, сандалии, пояс, на котором висели меч и кинжал — выглядела нелепо на столь несуразном существе... однако смех застрял в горле у Конана, когда он внимательнее разглядел незнакомца.

Квадратное короткое туловище карлика напоминало кряжистый пенек. Руки, непомерно длинные, и ноги, слишком короткие для взрослого человека, играли буграми мышц, выдавая огромную силу. Голова сидела прямо на плечах, космы волос непонятного цвета свисали на грудь. Лицо же, крупное, с орлиным носом, твердыми губами, лохматыми бровями над маленькими живыми глазами, было лицом воина и невольно внушало почтение.

— Ты — Конан-киммериец? Меня зовут Зурр-аль-Асар. Мне говорили, ты берешься за самые рискованные дела и всегда выполняешь то, что обещал. Такой человек мне

и нужен. Как ты смотришь на то, чтобы провернуть вместе со мной одно дельце? Внакладе не останешься, обещаю.

Конан с сомнением хмыкнул, глядя на коротышку. Что-то насторожило его в речи и манерах незнакомца — но в голове гудело от выпитого, и сосредоточиться на столь смутных ощущениях было трудновато. К тому же он давно сидел на мели, ничего стоящего пока не подворачивалось. Почему бы не послушать, что ему предложат? В конце концов, уже не раз и не два самые интересные приключения начинались для него именно таким образом.

Он плеснул карлику вина из кувшина и пожал могучими плечами.

— Рассказывай.

Все тем же уверенным, не терпящим возражений тоном, что с самого начала так не понравился Конану, тот начал говорить:

— Ты поедешь со мной. Когда будем в горах, я расскажу тебе, что нам предстоит сделать. А пока...

— Постой, постой! — с громовым хохотом перебил его киммериец. — Так твое дело не в городе? И ты хочешь, чтобы я тащился с тобой невесть куда, в какие-то горы?! Да никакого золота не хватит, чтобы выманить меня из Шади-зара! Здесь у меня есть все, что мне нужно. И уезжать я никуда не собираюсь.

Коротышка выглядел обескураженным.

— Но ты даже не выслушал меня до конца! Тебя ждет богатая награда. Ты ничего не слышал о сокровищах монастыря...

— Сокровища! — Конан рассмеялся пуще прежнего. — Да у меня здесь каждую ночь свои сокровища! Ты бы лучше... — Он не успел договорить, прислушался... И вдруг схватился за меч и бросился к выступу стены за жаровней.

Несколько до зубов вооруженных стражников ворвались в харчевню, двое встали у двери, никого не выпуская, а один, в сверкающих доспехах, с богато украшенной рукояткой меча, подошел к хозяину и, схватив его за грудки, заорал:

— Ты, гнусная скотина, содержатель воровского притона, говори немедленно, кто сегодня ночью шляется по городу! Убит сын наместника, и чувствую я, что твои молодцы кое-что знают об этом! — Тут его взгляд упал на стол, за которым только что сидели Конан и карлик, стражник вскрикнул и отшвырнул хозяина. Шагнув в сторону, он схватил богато расшитый кошелек, уже почти пустой.

— Кошелек с гербом наместника! Ты, покрыватель убийц и воров, ответишь головой, если не скажешь, кто платил тебе этими деньгами! — И он занес меч над скорчившимся в углу хозяином. Тот дрожащей рукой указал в угол, где прятался Конан. Понимая, что пора уносить ноги, Конан изо всех сил надавил плечом выступающий камень за спиной. Часть стены плавно отодвинулась в сторону, и открылся узкий темный ход. Юноша давно знал о нем, но пользовался им впервые. Вдруг Конан услышал за спиной чье-то хриплое дыхание, схватился за меч — и в эту минуту камень встал на место, оставив их в полной темноте.

— Убери меч, это я, Зурр-аль-Асар! Мне тоже незачем встречаться со стражниками. Пойдем посмотрим, куда ведет эта нора!

В узком коридоре было темно, хоть глаз выколи, но Конан как будто кожей чувствовал, где начинаются ступеньки, где из стены торчат острые камни, где поворачивает лаз. Внезапно пол резко пошел вниз, они почти скатились на маленькую площадку и увидели, что где-то впереди пробивается тусклый свет, вселивший в беглецов надежду, что там может быть отверстие. Подойдя ближе и убедившись, что это и есть выход, правда основательно заросший колючими кустами, Конан раздвинул жесткие ветки и выглянул наружу. Никого. Кругом тишина. Неяркий свет утренней зари освещал овраг, куда горожане сбрасывали мусор. Спустившись по склону, Конан и карлик двинулись вперед, с хрустом давя черепки и увязая в отбросах.

Как раз к оврагу выходили задняя стена и крепкий забор небольшого дома. За стеной слышалось тихое ржание и нетерпеливое постукивание конских копыт.

Конан и карлик, не сговариваясь, поднялись по откосу и осторожно выглянули из-за стены.

— Вот это удача, клянусь Кромом! — Конан толкнул карлика локтем в бок, они переглянулись, без слов понимая друг друга.

Во дворе у коновязи стояли два оседланных коня. Как видно, их хозяевам предстоял долгий путь — к седлам были приторочены большие кожаные фляги с водой, мешки со снедью, шерстяные одеяла. Хозяева могли появиться в любой момент — свежее и прохладное раннее утро — лучшее время для начала пути.

— Я открою ворота, а ты бери лошадей, — сказал карлик.

Конан кивнул, и они легкими тенями перемахнули через стену и спрыгнули во двор. Лошади испуганно зафыркали, но Конан уже стоял рядом, поглаживая их по мордам, заглядывая в глаза, шепча что-то, понятное только ему и лошадям. Это был его дар — умение разговаривать с лошадьми. Он и сам не знал, как это у него получается, но любая лошадь тут же чувствовала в нем хозяина и сразу покорялась.

Карлик тем временем отодвинул засов и неслышно распахнул ворота. Конан отвязал лошадей и медленно повел их на улицу. Казалось, они шли по воздуху — ни один камешек не покатился из-под копыт, ни одна уздечка не звякнула. Отойдя от ворот подальше, Конан и его случайный попутчик вскочили на лошадей и помчались по дороге, ведущей на север, в сторону Кезанкийских гор.

* * *

Замора со своим жарким, засушливым климатом давно бы превратилась в мертвую пустыню, если бы не многочисленные речки и ручьи, текущие с гор, обступавших ее с двух сторон, не питали своей живой влагой жаждущие земли долины. Поэтому голые, каменистые участки, расстрескавшиеся от зноя, неожиданно сменялись зелеными пастбищами и рощицами невысоких деревьев. Там, где земля орошалась речками и ручьями, она в изобилии одаривала

людей своими плодами. Заросли орешника, всевозможные ягодные кустарники, плодоносящие деревья и сочные пастбища окружали поселения заморийцев.

Кое-где на холмах росли огромные деревья, настоящие великаны. Видные издалека, они манили густолиственной кроной и прохладной тенью. Под таким вот деревом и отдыхали Конан и его спутник. Лошади, освобожденные от поклажи, пощипывали траву, тихонько позвякивая удилами.

— Теперь мне нельзя показываться в Шадизаре, пока все не уляжется, — сказал Конан. — Так что давай рассказывай про свою историю.

Киммериец лежал на траве, дожевывая лепешку, глядя вверх на причудливое сплетение веток, в которых пересвистывались птицы. Он не заметил, каким странным, тяжелым взглядом посмотрел на него Зурр-аль-Асар, как маска прямодушная сменилась коварной улыбкой, искажившей его лицо. Но тут же, как облако, меняющее на глазах свои очертания, лицо его вновь обрело прежнее выражение, глаза опять смотрели спокойно и дружески.

— Знай, Конан, что я — единственный, кому известна тайна сокровищ монастыря Шрипур-Аим. Этот монастырь находится в Кезанкийских горах. Ему уже не одна тысяча лет, он хранит страшные тайны неведомых божеств и несметные богатства. Монахи оставляли у себя всякого, кто приближался к монастырю, поэтому дороги туда не знает никто. Только я. Мне удалось бежать, и я стал свидетелем гибели монастыря и всех его монахов. Я — искусный охотник, и монахи посылали меня добывать дичь. Они думали, что я никуда не сбегу, ведь они опаивали всех пленников дурманящим соком ситтха и после этого уверяли несчастных, что те всю жизнь живут в монастыре и что другого мира не существует. Но я-то знаю ситтх! Его запах ни с чем не спутаешь. Я вылил питье на землю и притворился, что и в самом деле все забыл. Делал, что мне приказывали коварные отшельники, и осматривался вокруг. Монахи не таились от пленников, поскольку они были послушны и безопасны, как овцы. И вот я решил бежать. Спрятал в

камнях неподалеку флягу с водой и вяленое мясо и стал ждать своего часа. Когда меня послали на охоту, я отошел от монастыря, а потом потихоньку вернулся за своими припасами. И вдруг началось такое, от чего волосы мои встали дыбом, во рту пересохло, руки и ноги онемели.

Из огромного колодца перед главной пещерой, возле которого монахи совершали жертвоприношения, вдруг забил фонтан огня, полетели вверх камни, поползла через край смрадная черная пена. Над огнем и пеной поднялись две ослепительно красные змеиные головы, а затем на землю через колодезный сруб заскользили их безобразно-толстые огненные тела. Открытые пасти тварей зияли чернотой, глаза излучали нестерпимый белый свет. Монахи, стоявшие рядом, тут же превратились в угли, остальные бросились в пещеры.

Удавы стали медленно заползать в пещеры — а они расположены там в несколько ярусов, — и скоро последний крик замер наверху. Повисла зловещая тишина. Только трещали горящие кусты вокруг колодца. Почувствовав, что руки и ноги мои могут шевелиться, я схватил свои припасы и на четвереньках пополз прочь от проклятого места. Как я добрался до города — долго рассказывать. Но окрестности монастыря я изучил хорошо и дорогу найду легко. Мне нужен товарищ, чтобы добыть сокровища. Ведь победить удавов можно только вдвоем. Они погибнут, если отрубить им головы одновременно. Мне кажется, ты — именно тот, кому, как и мне, это по силам.

Багровое вечернее солнце скрылось за холмами, и почти сразу же стемнело. Дневная жара сменилась приятной прохладой, но Конан и его спутник знали, что к утру станет холодно и выпадет ледяная роса. Завернувшись поплотнее в одеяла, доставшиеся им вместе с лошадьми, и положив рядом мечи, Конан и Зурр-аль-Асар уснули.

Конан проснулся внезапно, полагая, что уже утро. Но темнота и мертвая тишина говорили, что до рассвета еще далеко. Привыкнув доверять своим чувствам и ощущениям, он прислушался, стараясь понять причину беспокойства. Так и есть — вот он, этот звук, похожий на скрип,

доносящийся откуда-то сверху, из ветвей дерева. Как будто кто-то хрипло жалуется, постанывая от боли.

Пристально всмотревшись, Конан различил на одной из нижних ветвей крупную птицу. Она беспокойно переступала лапами, помахивала крыльями и издавала эти жалобные, напоминающие легкий скрежет звуки. Немного погодя птица замолчала, неслышно скользнула вниз, расправила крылья и улетела.

— Тьфу ты, да это ворон! Никогда не думал, что он может так скрипеть.

Конан глянул на карлика, но тот спал как убитый.

— Тоже мне, охотник, такого любой зверь во сне задрет. Посмотрим, однако, каков он будет в деле.

Подвинув поближе меч, Конан прислонился к стволу, закутался в одеяло и задремал.

Утро еще только разгоралось на востоке неярким светом зари, а путники уже были на ногах, приторачивая к седлам фляги и одеяла. Отдохнувшие кони пританцовывали на месте, словно изъявляя желание скорее помчаться вперед. Всадники разделяли их нетерпение. И вот уже пыль клубится из-под копыт, необъятная даль зовет и манит, прошлого не существует, есть только этот миг бешеной скачки!

Дорога, еще недавно окаймленная кустарниками, запетляла вдруг вдоль русла давно пересохшей реки. Деревья, когда-то густо зеленевшие, стыдливо прикрывали свои голые стволы редкими засохшими ветвями, напоминая, что все в жизни меняется, все имеет начало и конец. Жара давала о себе знать, лошади уже не рвались вперед, как утром, и путники ехали шагом, негромко переговариваясь.

Зурр-аль-Асар был лишь чуть постарше Конана, но тоже успел повидать всякого и много где побывал. Рассказы о разных городах, о всевозможных приключениях и стычках сыпались из него как из рога изобилия. Конану не хотелось отставать, и он тоже вспомнил кое-какие из своих походов. Они провели в разговорах целый день, но киммериец так и не понял, откуда его спутник родом и какая нелегкая занесла его в Кезанкийские горы.

Ближе к вечеру местность оживилась островками зеленой травы, низкими кустиками и даже весьма живописными рощицами. Дорога резко повернула вправо, и вскоре взору путников открылась зеленая равнина с пасущимися на ней овцами. Вдали виднелись сады и крыши домов.

Коня, почувствовав близкий отдых, заржали и пошли рысцой, но всадники, привыкшие к осторожности и готовые к любым неожиданностям, продолжали внимательно всматриваться в придорожные заросли, не зная, как их тут могут встретить.

Жители деревень, боясь разбойников, которых в Заморе было немало, нередко выставляли вооруженную стражу. Охраняли деревню все мужчины по очереди.

Вдруг из кустов навстречу путникам вышли четверо мужчин и два подростка, в кольчугах, вооруженные мечами, луками и кинжалами. Конан, отлично разбиравшийся в оружии, сразу отметил необычный изгиб и богатую отделку луков. Кольчуги при первом же взгляде на них поражали тонкостью работы и густотой колец.

Старший из мужчин, седой могучий воин с суровым лицом, подошел ближе и спросил:

— Кто вы, путники, и что вам здесь нужно?

— Наш путь лежит далеко, лошади очень устали, и мы хотели найти ночлег в вашей деревне. К тому же вода и припасы тоже кончаются.

Воин внимательно посмотрел в глаза Конану, потом перевел взгляд на карлика, на запыленных, измученных лошадей и сказал:

— Поезжайте вон к тому дому, где у ворот растет большое дерево, — там вас устроят на ночлег.

Конан и Зурр-аль-Асар тихонько тронули поводья. Следом за ними пошел седой стражник, а остальные исчезли в кустах.

Деревня оказалась довольно большой, с площадью посередине и несколькими улочками, застроенными домами из необтесанного камня. Перед одним из домов стражник остановился и, открыв ворота и войдя во двор, что-то крикнул. Тут же выбежала немолодая женщина, за ней — двое

мальчишек. Всадники спешили, мальчишки взяли коней, привязали их в углу двора, а сами схватили кожаные ведра и побежали за ворота.

— Входите, путники, отдыхайте, сейчас хозяйка вас накормит, — сказал воин, снял пояс с мечом и кинжалом, положил его на лавку.

Конан и карлик последовали его примеру.

— Это мой дом, и сегодня вы — мои гости.

Хозяин стал их расспрашивать, откуда они и куда едут. Конан не успел даже рта раскрыть, а Зурр-аль-Асар уже начал плести всякие небылицы, да так складно, что киммерийцу и самому было впору в них поверить. Варвар тоже был мастак приврать и нередко пользовался этим, но такого пройдоху встречал впервые. Он как-то по-новому взглянул на своего дорожного товарища, всем нутром почувствовав, что особо доверять ему нельзя. Судьба случайно свела их, направила по одной дороге, но ухо с ним надо держать востро.

Между тем хозяин, выслушав байки Зурр-аль-Асара, стал рассказывать о себе и своей деревне. Конан, занятый обильным угощением, не особенно вслушивался в его речь, но вдруг краем уха уловил, что в деревне живет искусный оружейник, и насторожился.

— И вот завтра его дочь выходит замуж, — неторопливо повествовал хозяин. — Но для нас каждая свадьба чревата горем. Хоть совсем не выдавай девушек замуж. Уже несколько лет, как здесь объявился оборотень — огромный медный волк. Он появляется на свадьбах и утаскивает невест. И никто их потом не может найти. Поначалу наш деревенский колдун отваживал волка своими заклинаниями, но он, к сожалению, постарел, и его колдовство стало терять силу. Тогда он ушел из деревни — колдун всегда уходит, когда силы его идут на убыль, — и его место занял старший сын. Обычно ему удается отогнать оборотня, но иногда его волшебство оказывается бессильно. И вот завтра самая красивая девушка нашей деревни, Юста, дочь оружейника, выходит замуж за сына вдовы Арги. Уже целую неделю колдун ходит в лес и приносит жертвы в тайном

месте, где собираются духи наших предков. Завтра он совершит главное колдовство, и оборотень либо не появится, либо унесет невесту...

Хозяйка, сидя на лавке и слушая рассказ своего мужа, сокрушенно кивала, и слезы текли по ее морщинистым щекам. Мальчишки перешептывались в углу и угрожающе размахивали кулаками, как бы отгоняя страшного зверя.

Время было уже позднее, и путников отвели на ночлег. В небольшой комнатухе, где им предстояло провести ночь, на полу лежали охапки сена и несколько бараньих шкур. Этого было более чем достаточно, чтобы хорошенько отдохнуть. Кони, напоенные и накормленные, стояли во дворе под навесом, в маленькое оконце заглядывала луна. Колдуны и оборотни не очень пугали Конана, спутник его тоже, по-видимому, не думал об этом. Положив мечи рядом с собой, они завернулись в шкуры и провалились в глубокий сон.

Утром их разбудило звяканье колокольчиков и блеяние коз. Мальчишки, сыновья хозяина, выгоняли животных за ворота, негромко переговариваясь. Кони под навесом нетерпеливо постукивали копытами, где-то невдалеке перекликались женщины, лаяли собаки. Начинался обычный день.

Волк-оборотень — это было первое, что вспомнил Конан, окончательно проснувшись. Он как живой стоял перед глазами, ощерив клыки и вздыбив на загривке красноватую шерсть. Конан тоже почувствовал себя зверем, ему показалось, что и у него на загривке шерсть встала дыбом. Предвкушение схватки было таким острым, что он невольно засмеялся. Карлик приподнялся на локте, удивленно посмотрел на него:

— Ты чего? Красотку во сне видел или мешок с золотом?

— Ни то, ни другое. Решил погулять на свадьбе. Торопиться некуда, а невеста, говорят, красавица. Надо посмотреть, какие тут девушки.

Зурр-аль-Асар покачал головой, потом улыбнулся и сказал:

— Верно, спешить нам некуда. И свадьбы не каждый день бывают, да еще с оборотнями!

Теперь уже смеялись оба, предвкушая опасность и веселье.

Хозяин явно обрадовался, узнав, что гости хотят остаться на свадьбу.

Люди в деревне готовились к празднику невесело, заранее не ожидая от него ничего хорошего. Перед домом жениха стояли накрытые столы. Нарядные девушки шли по одной стороне улицы, юноши — по другой. Пожилые женщины пели тягучие свадебные песни, мужчины наигрывали на свирелях и дудках нехитрые мелодии. Жених и невеста, держась за руки, печально прошествовали вдоль всей деревни и остановились перед белоголовым старцем, склонив головы. Старец положил свои ладони поверх их соединенных рук, негромко проговорил заклинание, после которого они считались мужем и женой, и отошел в сторону. Все это время люди тревожно поглядывали на дальний конец деревни.

И вот на дороге показался человек, одетый в ветхую, клочьями висевшую одежду. На каждом клочке болтался блестящий железный шарик. Звук тихонько постукивавших друг о друга шариков был хорошо слышен в наступившей тишине. Лицо странного человека скрывали пряди волос с вплетенными в них кусочками кожи, разноцветными лоскутками и перьями. Это был деревенский колдун. В одной руке он нес кувшин, в другой — палку. Бормоча и пританцовывая, он подошел к молодым, схватил невесту за руку и вытащил ее на середину улицы.

Конан только теперь смог ее хорошенько рассмотреть. Нежное смуглое лицо, волнистые черные волосы, выбившиеся из-под свадебного убора, красиво очерченный рот, похожий на яркий цветок, и напряженные, но совсем не испуганные глаза.

Колдун, не переставая бормотать, обошел невесту кругом, поливая землю из кувшина — девушка оказалась в круге, очерченном разлитой жидкостью, красной, как кровь. Потом он ударил палкой по кувшину, и черепки разлетелись во все стороны, а сам колдун завертелся перед невестой, завывая и выкрикивая заклинания. Так, вертясь и вскрикивая, он скрылся за поворотом.

Все невольно перевели дух. Даже Конан заметил, что весь обряд простоял почти не дыша.

— О всемогущий Кром, ну и дела! — наконец с облегчением произнес он. — Ну уж теперь-то, я думаю, можно будет вволю повеселиться?

Не успел он договорить, как раздался истошный визг, вой собак, и из-за поворота дороги, ведущей к лесу, выскочил огромный волк. Его красно-бурая шерсть стояла дыбом. Оскаленные клыки и огромные когти сверкали как ножи — и немудрено, ведь они были стальными. Глаза горели нестерпимо-желтым светом, а из пасти вырывался ужасающий рев, от которого кровь леденела в жилах.

Жених, только что взявший за руку невесту, и невеста, поднявшая на него глаза, словно окаменели. И никто в толпе не шевелился — ни женщины, зажавшие от ужаса рты руками, ни мужчины, с луками наготове. Всех как будто держала в плену злая колдовская сила. Только Конан чувствовал, что не окаменел, хотя руки были очень тяжелыми, а ноги никак не хотели отрываться от земли.

Но ощущение поединка, испытанное им утром, взорвалось в нем вспышкой слепой ярости, он испустил рык, не менее страшный, чем рев волка, выхватил меч и бросился на зверя. За спиной его раздался крик, такой же дикий, как и его собственный, и киммериец догадался, что это Зурр-аль-Асар тоже пришел в себя.

Волк повернул огромную оскаленную пасть в их сторону, клыки оперились еще больше, на землю закапала пена. Но мечи, вонзившиеся в него с двух сторон, заставили его взвыть. Бешено завертевшись в попытке ухватить зубами смертоносную сталь, волк вдруг на глазах стал меняться, и несколько мгновений спустя на земле лежал колдун с мечами, торчащими в груди и боку, а вместо рук и ног у него были волчьи лапы с железными когтями.

Стон ужаса прошел по толпе, люди медленно придвигались поближе, чтобы рассмотреть чудовище, мучившее их столько лет.

Колдун, вредящий не врагам, а своей собственной деревне, должен быть уничтожен вместе со всей семьей. Таков

закон. И вот уже мужчины, вооруженные луками и мечами, побежали к его дому, выволокли оттуда дряхлую старуху и тощего мальчишку и потащили в лес. Остальные воины, с опаской подходя к колдуну и убедившись, что он мертв — Конан на всякий случай еще пару раз проткнул его мечом и отрубил лапы, — завернули то, что осталось от оборотня, в шкуры, и углубились в лес. Через некоторое время вдалеке поднялся густой столб дыма.

Люди, забыв о свадьбе, потихоньку расходились по домам. Кушанья так и остались нетронутыми. Только жених и невеста, взявшись за руки, улыбались друг другу.

Вечером в дом, где остановился Конан с товарищем, набилось порядочно народу. Все старались хоть чем-то их отблагодарить за столь долгожданное избавление, и дом просто завалили флягами с вином, свежими лепешками, козьим сыром. Припасов хватило бы на целый отряд, но это никого не смущало — гости сами возьмут сколько им нужно.

Конан и Зурр-аль-Асар с восторгом рассматривали луки удивительной работы и легкие острые стрелы — подарок отца невесты. Кольчуги из мелких стальных чешуек уже были надеты поверх рубашек из тонкого полотна, как будто недавним избавителям снова предстояла нелегкая битва. Но ожидал их не бой, а настоящий свадебный пир, пир до утра.

* * *

Сразу за деревней дорога (или то, что можно было назвать дорогой) кончилась, перейдя в узкую тропу, которая тоже вскоре заглохла. Кругом расстилалась равнина, сплошь усыпанная валунами и галькой. Впереди неясно маячили холмы. Кони осторожно пробирались между камнями, копыта с трудом находили надежную опору. Всадникам пришлось идти пешком, ведя коней в поводу.

Направление оба чувствовали безошибочно, поэтому у них и мысли не возникало, что они могут заблудиться. Человек, являвшийся частицей этой дикой природы, не избалованный и не изнеженный городской жизнью, мог быть

уверен, что всегда без проводников попадет в нужное ему место. Чуть раньше или чуть позже — это уже не имело значения. Время, не разделенное на часы и минуты, было послушно людям, не убегало, а текло медленной, спокойной рекой.

Уже три дня двигались путники по суровой каменистой местности. Если бы не попадавшиеся кое-где клочки чахлой травы и невесть откуда взявшиеся жалкие ручейки, им бы пришлось совсем туго. К концу третьего дня кони, совсем выбившиеся из сил, вдруг зафыркали, прибавили шагу, и вскоре Конан разглядел на горизонте узкую зеленую полосу.

— Смотри, Зурр, похоже, там река. О всемогущий Кром, как вовремя! Я уж думал, мы останемся без лошадей.

Карлик поднял голову, всматриваясь в даль, колеблющуюся от зноя, радостно гикнул, дав шпоры коню, и вот уже, не разбирая дороги, всадники во весь опор несутся вперед, окрыленные надеждой обрести наконец отдых и прохладу.

Река оказалась быстрой и неглубокой. Ледяная вода обжигала разгоряченные тела, но Конан и Зурр-аль-Асар как мальчишки плескались между камнями, хохоча и подпрыгивая.

Вдруг карлик стремительно выскочил на берег, подбежал к снаряжению, сложенному под деревом, быстро что-то схватил и тут же вернулся обратно. Когда Конан увидел, что он несет стрелу, ему все стало ясно. Вскоре крупная рыбаина отчаянно билась в руках Зурр-аль-Асара. Конан тоже вооружился стрелой и пошел вверх по течению. За поворотом реки, на совсем мелком месте, ему удалось пронзить стрелой трех рыб. У его спутника улов оказался не хуже. Пора было подумать об ужине.

Сложив из камней небольшой очаг, они пошли за хворостом. Надо было спешить, солнце уже стояло совсем низко, еще немного — и совсем стемнеет. Углубившись в заросли, Конан нашел засохшее дерево и стал с треском обламывать ветки, помогая себе кинжалом. Куча хвороста быстро росла, и он подумал, не пора ли остановиться. Вдруг за спиной киммерийца раздалось громкое хлопанье крыльев, и какая-

то большая птица пролетела мимо, чуть не задев его крылом. Проследив за ней глазами, Конан вдруг вскрикнул, бросил хворост и подбежал к кусту, росшему совсем рядом, в нескольких шагах от сухого дерева. На тоненьких ветках с узкими голубовато-серыми листьями он увидел ягоды — красные в желтую полосу. Ягод было всего несколько штук, и Конан, не раздумывая, быстро сорвал их и сунул в пустой кошелек, сиротливо болтавшийся на поясе. Теперь он был сказочно богат и силен.

Собрав хворост в охапку, он шел и думал, сказать ли о находке Зурр-аль-Асару. И решил, что не стоит.

Костер быстро прогорел, под углями пеклась рыба. Конан лежал, слушал, как играет река, и вспоминал Деяниру. Пройдет время, и шум в городе уляжется. Что будет дальше, он придумать не успел: рыба испеклась. Достав ее прутьями из-под углей, они жадно принялись за еду. Запив рыбу остатками вина из фляги, Конан спросил Зурр-аль-Асара:

— А что там, за рекой? Ты говорил, что знаешь дорогу. Есть там какие-нибудь селения или замки?

— Нет, люди нам здесь больше не встретятся. Разве что путники вроде нас с тобой или какой-нибудь отшельник. Хотя вряд ли. Впрочем, сам я не видел, но слышал истории о замке Танцующих Дев — он как раз где-то в этих местах. Поэтому странники обходят эти леса стороной.

— А что это за Танцующие Девы? Опять колдовство?

— Мне рассказывали, что они заманивают путников в замок, а потом колдовскими чарами заставляют танцевать до смерти. Больше я ничего не знаю. Но это самый короткий путь, и идет он вдоль реки. Мы вдвоем, и мы сильны. Неужели какие-то колдуньи вынудят нас идти в обход?

— Как бы не так! Да я лучше с дюжиной колдуний станцую, чем опять тащиться по камням. Еще немного — и от моих сандалий останутся одни ремешки. Ладно, давай спать, может, это еще и враки.

Угли вспыхнули раз-другой и погасли. Ночь опустилась на землю. Все стихло, только река, занятая своим вечным делом, шумела, перекатывая камни.

Утро, сверкая солнечными бликами на траве и прибрежных камнях, обещало ясный день. Пробираясь вдоль реки среди деревьев, путники не чувствовали той обжигающей жары, которая изнурила их вчера. Но к вечеру, когда они выехали на открытые дуга, погода вдруг изменилась. Подул резкий ветер; облака, незаметно подкрадывавшиеся целый день, сбились в плотную кучу; за их спиной уже сверкали молнии.

Путники понимали, что скоро их настигнет гроза, и гроза нешуточная. Требовалось срочно искать укрытие, но, кроме кустов и невысоких деревьев, поблизости ничего не было. Конан и Зурр-аль-Асар погнали испуганных коней вперед, прочь от настигающей их тучи, надеясь, что случай пошлет им удачу. И правда, вскоре они увидели какие-то развалины, заросшие травой и кустарником. Похоже, это был разрушенный замок, такой старый, что камни кое-где уже рассыпались в пыль. Но здесь можно было укрыться от грозы.

Найдя подходящий закуток, судя по всему, угол полуразрушенного зала, где чудом сохранившаяся крыша могла защитить их от дождя, они привязали коней и, опустившись на землю, стали выглядывать наружу, в дыры между камнями. Когда-то это были окна, но безжалостное время, не вынося ничего вечного, основательно здесь поработало. Все утратило свои привычные очертания, и развалины замка казались уже частью дикой природы, а не делом человеческих рук.

Ослепительно вспыхнула молния. Последовавший за ней удар грома заставил землю содрогнуться. И тут же хлынул ливень, плотной стеной отгородив путников от остального мира. Кони испуганно шарахались в углу, и Конану пришлось их успокаивать, чтобы они не оборвали поводья. Раскаты грома постепенно становились глуше, молнии сверкали уже где-то вдалеке, и только ливень по-прежнему неукротимо хлестал по ветхим стенам да швырял в окно фонтаны брызг.

Зурр-аль-Асар снял с лошадей поклажу, разложил одеяла:

— Ну вот, здесь и заночуем. Земля сухая, над головой крыша — прямо дворец!

Конан промолчал, но тоже стал готовиться к ночлегу. Сейчас, когда гром тихо урчал вдали, как обиженный пес, а снаружи мирно шумел дождь, киммериец наконец осмотрелся как следует. То, что он увидел, ему совсем не понравилось, но деться все равно было некуда. Стены, обветшалые и потрескавшиеся, кое-где сохранили остатки росписи — и везде это были легкие фигурки танцующих девушек с гирляндами цветов.

Стоя спиной к Зурр-аль-Асару и разглядывая рисунки, Конан бессознательно потянулся к кинжалу. Но рука его наткнулась на кошелек, набитый плодами мисахи. Не раздумывая, Конан вытащил одну ягоду, сунул в рот и быстро разжевал. На вкус ничего особенного, даже, пожалуй, слишком кислая, но то, что почувствовал киммериец, проглотив мякоть вместе с косточкой, просто ошеломило его как гром среди ясного неба.

Ему показалось, что он может одной рукой разбросать весь этот замок, раздвинуть тучи, стрелой долететь до Кезанкийских гор — и что ему какие-то там колдуньи! С трудом подавив в себе желание немедленно проверить это ощущение небывалой силы, он лег рядом с карликом, отвернулся и притворился спящим. Сквозь полуприкрытые веки он вскоре стал различать некие почти неуловимые перемены. А немного погодя зал, тускло освещенный вечерним светом, начал меняться прямо на глазах. Проломы в стенах превращались в ажурные окна, а земля с редкими пучками пожухлой травы — в блестящий мозаичный пол. Откуда-то сверху лился мягкий красноватый свет. Конану стоило больших усилий изображать из себя спящего, но волшебство мисахи делало его хитрым и предусмотрительным: он понимал, что притворяться нужно до последнего, ибо только это и может их спасти.

Вдруг послышались легкие быстрые шаги, кто-то остановился возле них, и киммериец почувствовал пряный аромат благовонного курения, одурманивающий и убаюкивающий. Странное чувство, что одна половина его спит, а другая

бодрствует, не покидало Конана. То, что он услышал, заставило его внутренние содрогнуться, но ни один мускул его не дрогнул, лицо по-прежнему оставалось безмятежным и спокойным.

— Наконец-то снова в этих краях появились люди! — произнес мелодичный женский голос. — Так давно здесь никого не было, что я забыла, жива я или нет.

— Я тоже совсем ослабела от ожидания. Зато сегодня у нас праздник! Хозяин будет доволен! Ты только посмотри, какие они молодые и сильные, их жизни хватит нам надолго, и юность наша снова расцветет!

Нарастающий гул прервал разговор колдуний, они побежали в угол залы и стали выдвигать что-то огромное, скрытое серой завесой с пробегающими по ней багровыми искрами. Сквозь ресницы Конан разглядел гибкие девичьи фигурки и лица, молодые, но угасшие, похожие на маски. То, что они выдвинули на середину, оказалось огромным зеркалом в черной раме, увитой гирляндами цветов. Цветы извивались как змеи, хищно покачивали головками и тихо гудели.

Обе колдуньи подошли к зеркалу и встали перед ним на колени. Конан чем угодно мог поклясться, что они там не отражались. Вместо них в раме зеркала возник чудовищный великан в странных богатых одеждах. Руки, грудь и лицо его покрывала клокастая шерсть, голову венчала корона, усыпанная рубинами. Однако он был так изможден, что, казалось, с трудом держался на ногах. Протянув руку в их сторону, великан приказал:

— Начинайте! Мы ждали слишком долго, и сейчас нельзя медлить. Судьба послала нам подарок — их жизнь и молодость скоро станут нашей жизнью. Но помните — сил у них должно остаться лишь на один шаг, не больше, иначе мы погибли! Один шаг в зеркало — и все! Помните! Помните!

Великан постепенно становился все прозрачнее и прозрачнее и вскоре исчез совсем.

Колдуньи подошли к столу, взяли кубки с пенящейся жидкостью и приблизились к спящим.

— Проснитесь, путники, вы наши гости, и мы хотим устроить вас поудобнее! — изрекли они и стали брызгать на них из кубков.

Зурр-аль-Асар проснулся, посмотрел на колдуний, выглядевших уже как обыкновенные девушки, и очень обрадовался. Конан, решив, что ему надо последовать его примеру, привстал и заулыбался во весь рот.

— Ну и ну! Куда это мы попали? — верещал Зурр-аль-Асар. — Помню дождь, грозу, а что дальше — не помню. Конан, где это мы?

— Может, нас оглушила молния, и они нас подобрали? — предположил Конан, догадавшись, что Зурр-аль-Асар начисто забыл о Танцующих Девах и о развалинах. Значит, и он не должен о них вспоминать.

Девушки засмеялись и побежали к столу, приглашая их за собой. Стол был уставлен богатыми яствами и винами, пряные запахи стояли в воздухе, одурманивая и в то же время возбуждая. Карлик не стесняясь набросился на угощение, и Конан решил от него не отставать. Но вина он не пил, однако все время делал вид, что наполняет кубок и подносит его к губам.

Музыка звучала все громче и настойчивее. Девушки увивались вокруг них, слегка пританцовывая. Зурр-аль-Асар, охмелев, пытался ухватить за одежды то одну, то другую, но тонкая ткань как дымка ускользала из рук. Конан, стараясь уподобиться Зурр-аль-Асару, притворился не на шутку опьяневшим. Девушки, смеясь, уворачивались от них и то и дело подбегали к зеркалу, прихорашиваясь перед ним и жеманясь. Цветы на раме выглядели вполне обычно, они не шевелились и не качали головками.

Вот девушки снова подбегали к столу. А музыка все играла и играла, и карлик, сидя с кубком в руке, начал ей в такт притопывать ногами. Конан вдруг ощутил на своем плече легкое прикосновение, тонкая рука обвилась вокруг его шеи, и к нему склонилось смеющееся женское личико — нежные щеки, свежий, как полураскрывшийся бутон, рот, огромные глаза... Глаза необыкновенной глубины, как два опасных колодца, манящие, путающие... Конан

засмеялся, грубо схватил девушку за руку, посадил рядом с собой, между делом локтем столкнув со стола кувшин с вином. Она на миг прижалась к нему, замерла, потом прошептала:

— Я хочу потанцевать с тобой... Совсем немного... Я так люблю танцевать! А потом мы долго-долго будем вместе, сколько захочешь!.. Пойдем — слышишь, музыка играет для нас!..

Зурр-аль-Асар уже кружился по залу со своей волшебницей, с трудом держась на ногах. Она смеялась, весьма довольная, и летала вокруг него, как пестрая бабочка. Конан ощущал в себе бурлящую силу, но притворялся ослабевшим и спотыкался на каждом шагу. Музыка становилась все быстрее и неистовее. Колдуньи, грациозно порхая вокруг Конана и карлика, как бы оплетали их невидимой паутиной, в которой им предстояло погибнуть. Киммериец, чувствуя, как в вихре танца они неминуемо приближаются к страшному зеркалу, тем не менее заранее знал, что делает. Еще сидя за столом и сожалея, что с ним нет его доброго меча, он заметил тяжелый мраморный шар, окованный ажурными металлическими украшениями. Шар лежал почти рядом с зеркалом, поддерживая чашу, в которой трепетал язычок пламени. Поднять этот шар смогли бы, пожалуй, несколько человек, таких же сильных, как Конан, но юноше он казался сейчас детской игрушкой.

Зеркало неумолимо надвигалось на них своей темной пастью, и вот уже они видят в нем свое отражение. Девы-колдуньи мелькают в зеркале прозрачными тенями. Зато там, за их спинами, стоит огромное чудовище в сияющей короне, его губы дергаются от нетерпения, обнажая огромные клыки.

Конан понял, что последний миг настал. Он оттолкнул прильнувшую к нему колдунью, метнулся к шару, схватил его, даже не ощутив тяжести, и изо всех сил швырнул в зеркало. Оно со звоном разлетелось на куски. Ужасающий грохот и вой сотрясли весь зал, стены стали покрываться трещинами, очертания их размывались. Лишь рама зеркала стояла посередине, и все, что было вокруг, рассыпалось прямо

на глазах и втягивалось туда, как в воронку. Вот мелькнули девы, растерзанные и окровавленные, и огромная голова в рубиновой короне... Вихрь уже подтаскивал к раме распростертое тело Зурр-аль-Асара, но Конан схватил карлика, взвалил на плечи и кинулся прочь, продираясь сквозь воющий туман, несущийся ему навстречу. Даже его сил, удесятеренных волшебной ягодой, едва хватило, чтобы противостоять этому смертоносному вихрю. Вконец обессилив, киммериец рухнул на землю, прикрыв карлика своим телом.

Конан очнулся, почувствовав, что карлик, ругаясь и постанывая, пытается выбраться из-под него. Собравшись с силами, варвар встал и, пошатываясь на дрожащих ногах, огляделся. Неподалеку стояли их кони, привязанные к какому-то корявому дереву. Вокруг были разбросаны флаги, одеяла, мечи и кинжалы. Ни следа дворца, ни следа развалин. Трава, мокрая от дождя, блестела на утреннем солнце.

Зурр-аль-Асар сидел на земле, обхватив голову руками, покачивался и причитал:

— Ох, что это было? Нергал сбросил на нас свой трезубец или камни падали с неба? Хотя нет, камней не видно... Вроде была гроза... Ну да, вон и трава мокрая. Но как кружится голова и болит, прямо раскалывается. Ох, кости мои, косточки, что же это было?..

Он с трудом поднялся и пьяной походкой пошел к реке. Встав на колени, он долго пил, плескал водой в лицо, отфыркивался, потом, так же пошатываясь, вернулся и сел на одеяло:

— Надо потихоньку ехать, пока не жарко. Главное теперь — не наткнуться на замок Танцующих Дев. Мне рассказывали, что они затанцовывают путников до смерти...

Конан с изумлением обнаружил, что товарищ его ничего не помнит: все, что произошло с ними ночью, исчезло из его памяти, осталось только тяжелое похмелье от колдовского вина. Еще раз с благодарностью ощупав кошелек с мисахи, Конан собрал разбросанное снаряжение, оседлал

лошадей, посадил Зурр-аль-Асара, и они поехали дальше, один — ругаясь и отплевываясь, другой — радуясь утру, солнцу, удаче.

Прохладный утренний ветер приятно щекотал шею, ласкал плечи, трепал волосы. Подставляя ему лицо, Конан с удовольствием думал о нескольких днях пути, оставшихся до Кезанкийских гор — пути, таящего, быть может, новые приключения, встречи, опасности.

Конечно, жизнь в большом городе тоже полна приключений и неожиданностей, и опасности встречаются там на каждом шагу. Но дорога... Нет, с дорогой ничто не может сравниться! Дорога — это сама жизнь, переменчивая и прекрасная. Сегодня одно, завтра другое... Такие разные страны, такие разные попутчики — то верные, то коварные. Все это наполняло жизнь смыслом, подпитывало силы, дарило ощущение дикой свободы. И где еще человеку дано так полно понять и проявить себя?

Сам того не сознавая, Конан любил эти резкие переходы от оседлости к путешествию, пусть даже вынужденному. Молодой, отважный и сильный, прошедший суровый путь детства и юности, он везде чувствовал себя как дома, ни к чему не прикипая сердцем. И жизнь вела его своими дорогами как любимого сына, помогая и подсказывая. Конан ехал, ослабив поводья и рассеянно посматривая по сторонам. Но взгляд его тем не менее подмечал каждую деталь, и никакая опасность не могла подкрасться незамеченной.

Сейчас все было спокойно. Ровная благодатная местность то манила лесной прохладой, то радовала глаз просторами сочных лугов. Зурр-аль-Асар, уже пришедший в себя, снова обрел способность разговаривать. Приподнявшись в стременах, он внимательно глядел вперед, словно что-то припоминая, потом обрадованно вскрикнул:

— Ну точно, это здесь! Вон видишь, за полем темнеет лес? Отличный лес, просто прекрасный лес, кабанов там — пропасть! Слово Зурр-аль-Асара, сегодня у нас будет царский ужин!

Они пустили коней в галоп, и вскоре лес укрыл их своей тенью, свежей, как глоток ключевой воды. Углубив-

шись в чащу, они привязали коней под высоким дубом. Кабаны здесь действительно водились, судя по многочисленным следам, оставленным животными на лесной тропе; да и под самым деревом земля была порядком изрыта и истоптана.

Конану предстояло загонять дичь, а Зурр-аль-Асар спрятался в засаде. Вооружившись луком и стрелами, Конан неслышными шагами двинулся по большому кругу, прислушиваясь к каждому шороху, всматриваясь в каждый трепещущий лист. По пути он подобрал две толстые палки, чтобы, когда обнаружит свиней, произвести как можно больше шума. Тихо, как дикая кошка, пробираясь по лесу, Конан вскоре услышал хруст веток и похрюкивание. Целое семейство пировало в орешнике, не ожидая никакой опасности. Ведь кабаны были полноправными хозяевами этого леса. Люди забредали сюда так редко, что звери жили и плодились, не ведая страха.

Осторожно подкрадываясь к свиньям, стараясь, чтобы ветерок, пусть едва заметный, дул ему в лицо, не донося до них тревожащего запаха, Конан подобрался к стаду довольно близко. Свиньи, скрытые листвой низких кустарников, беззаботно чавкали и похрюкивали, не чуя беды.

Конан распрямился и, прикинув направление, в котором погонит свиней, вдруг засмеялся во весь голос, потом заорал и бросился вперед, ломая кусты и громко стуча палками. Звери на мгновение замерли, ошеломленные криком, потом с треском рванулись вперед, преследуемые этим вопящим и громыхающим чудовищем. Конан бежал быстро, как олень, не давая стаду свернуть в сторону, и вскоре раздался один предсмертный визг, затем второй. Остальные свиньи, охваченные страхом и паникой, бросились врассыпную.

Выскочив на небольшую полянку, Конан увидел огромного мертвого кабана со стрелой во лбу, а рядом — здоровую свинью, тоже сраженную наповал. Из-за дерева вышел Зурр-аль-Асар, лицо его расплылось в торжествующей улыбке. Ткнув свинью ногой в живот, он сказал:

— Ну, что я тебе говорил?! Здесь такие места, только пошевеливайся — без дичи не останешься.

— Да, места богатые. И стрелок ты что надо! Две свиньи с одного гона — это редкий охотник так может!

Зурр-аль-Асар, довольный и гордый, связал свинье ноги и взвалил ее на плечи. Конан занялся кабаном. Вскоре они уже готовили ужин под своим дубом. Жареное мясо аппетитно пахло, жир, капая на угли, вспыхивал оранжевыми искрами.

Наевшись и нажарив мяса впрок, они еще немного посидели у костра, посудачили об охоте и отправились на боковую. Ночь была тихая, лунный свет едва пробивался сквозь густую листву дуба. Конану не спалось. Страшная ночь в замке Танцующих Дев казалась ему чем-то вроде далекого сна, из которого припоминаются только отдельные куски, но никак не сложить целого. Конан пытался вспомнить все по порядку, но однако ему это не удавалось. В конце концов он разозлился и сразу уснул.

...Сияющий день, крутая горная тропа, он сам, идущий по ней вверх — нет, это не могло быть сном, и все же Конан сознавал, что спит. Камешки с порохом осыпались из-под ног, птицы перекликались в кустах, ящерицы, гревшиеся на камнях, при его появлении тут же куда-то прятались. Он уверенно шел вперед, как будто уже много раз ходил этой тропой. Ни меча, ни кинжала при нем не было, но он знал, что здесь, в этих горах, опасность ему не грозит.

Тропа уводила его все дальше, все выше в гору. Внизу осталась долина, где текла, теряясь в пышных кустах, быстрая речка. Постепенно склоны, местами покрытые пожухлой зеленью, перешли в голые скалы. Лишь кое-где из трещин торчали корявые деревца, уцепившиеся корнями за мертвый камень. Тропинка была совсем узкой, но Конан шел, не глядя под ноги и не ощущая тяжести своего тела. Он был уверен, что не упадет. Понемногу расширяясь, петляя между огромными острыми камнями, тропинка незаметно пошла вниз.

Пройдя еще чуть-чуть, Конан оказался на площадке, почти круглой, с трех сторон окруженной отвесными скалами. В скалах правильными рядами зияли огромные пещеры, вырыть которые было под силу разве что гигантским

насекомым. Посреди площадки, окруженный ухоженными кустами, высился огромный колодец из необтесанных камней. Сбоку от него возвышалась небольшая башенка с крутой лестницей. На нижней ступеньке сидел человек. Увидев Конана, он приветственно махнул рукой, поднялся и пошел ему навстречу. Конан узнал его сразу. Тот самый старик, что предлагал ему купить мисахи! Что он здесь делает, в этих диких горах? И потом, это странное место... Пещеры, колодец... Конану на мгновение почудилось, что он уже где-то это видел или же слышал о чем-то похожем...

Старик, улыбаясь, подошел к Конану, слегка коснулся его руки своей узкой ладонью и сказал:

— Ну что, сынок, понадобились тебе мисахи? Береги их, они тебя еще не раз спасут от смерти.

— Где я? Тебя, старик, я сразу узнал. Но почему мне так знакомо это место? Я что, бывал здесь когда-то? Не помню...

— погоди, сынок, отдохни. Ты многое должен узнать, прежде чем на самом деле попадешь сюда.

Они сели на лестницу у подножия башни, и старик заговорил:

— Это — Кезанкийские горы. Здесь, в самом их сердце, уже несколько сотен поколений мудрецов хранят тайну Сердца Земли. Этот колодец — Шрипур-Аим, что значит: Путь Силы. Он ведет прямо туда, к Сердцу Земли. И от нас, мудрецов, охраняющих этот колодец, зависит, что выйдет оттуда — добро или зло, жизнь или смерть. Злые силы уже давно пытались вырваться наружу, но до сих пор нам удавалось удерживать их там, в горячем чреве Земли.

Однако недавно здесь совершилось предательство, и Зло одержало победу. Теперь два огромных огненных удава стерегут колодец, намереваясь выпустить всех остальных страшных тварей, порожденных подземными богами. Земля, чистая и светлая, будет сожжена и истерзана, и люди или исчезнут совсем, или эти мерзкие чудовища будут охотиться на них как на дичь.

— А что случилось? Почему ваша мудрость не удержала змей в колодце? Постой, постой, старик, я вроде припоминаю... Зурр-аль-Асар рассказывал совсем другую исто-

рию. Теперь я понял, почему мне знакомо это место. Он говорил, что вы опаиваете путников каким-то зельем, чтобы они не раскрыли тайны вашего монастыря...

Старик, похлопав Конана по колену, засмеялся,:

— Подумай сам, какие здесь путники? Сюда только птицы да горные козлы заглядывают. Все пути лежат в стороне от монастыря. К нам приходят либо посвященные, либо... — Старик не договорил и нахмурился.

— Значит, это Зурр-аль-Асар вызвал змей из колодца? — догадался Конан. — А зачем он тогда меня потащил в эти горы? Он сказал, что никого из монахов не осталось и что змеи стерегут сокровища.

— Ты думаешь, ему нужны сокровища? Нет, ему нужно это. — Старик взмахнул рукой, и они оказались у входа в пещеру самого верхнего яруса. Отсюда колодец казался большим круглым глазом, в глубине которого что-то переливалось, вспыхивая изумрудным, голубоватым или багровым светом.

Старик вошел в пещеру, и она сразу осветилась множеством разноцветных огоньков. У самого входа пол был выложен диким камнем, а дальше — мозаикой из драгоценных пород. По роскоши пещера напоминала царский дворец. В дальнем углу зала возвышался огромный черный камень, огранный, как бриллиант. Грани его были пугающе бездонны. На самом верху, как на столе, лежал золотой жезл, украшенный мелкими черными камешками.

Старик подошел к алтарю, протянул руку и сказал:

— Этот жезл — ключ к Сердцу Земли. Кто им обладает, тот властен над силами подземного мира. Много тысяч лет, совершая магические обряды и жертвоприношения, мы держали колодец на замке. Но во время последнего жертвоприношения была пролита человеческая кровь — Зурр-аль-Асар очень меткий стрелок, ты ведь знаешь. Но он не ожидал, что за этим последует. Змеи тут же вырвались на свободу, а сам он еле унес ноги. Но не все наши братья погибли. Мы ждем своего часа, и час этот скоро настанет. Если в ближайшее полнолуние змеи не будут уничтожены, страшно даже подумать, что произойдет. Я вопрошал звез-

ды, и они мне сказали, что победить удавов может смелый юноша, не жаждущий власти над миром и добивающийся всего лишь своей силой и храбростью. И это — ты, Конан!

Он замолчал, повернулся и покинул пещеру. Выйдя вслед за ним, Конан еще раз с высоты заглянул в колодец, но, не выдержав сияния его черной глубины, отвернулся.

Так же незаметно, как и поднялись, они опустились вниз. Старик шел впереди легкими мелкими шагами, но Конан, как ни старался, не мог его догнать. Наконец старик обогнул выступ скалы, и они очутились на маленькой площадке, не просматривавшейся от колодца. Часть стены, у которой они стояли, была отполирована и напоминала дверь. Старик нагнул голову и снял с шеи тоненький шнурок с болтавшимся на нем треугольным камешком. Он приложил камешек к красному пятну в центре плиты, и она медленно поползла вверх. За плитой оказалась неглубокая ниша. Там висели лук и колчан со стрелами.

— Запомни это место и эту дверь. Когда доберетесь до монастыря, непременно приди сюда, открой пещеру и помени свой лук и стрелы на эти — лишь они способны умертвить удавов. Карлик этого не знает, он надеется на твою силу и свою меткость, а в случае удачи тебя ожидает гибель в колодце... Пойдем, мне надо тебе еще кое-что рассказать.

Дверь пещеры плавно опустилась. Старик повесил камешек Конану на шею. Они вернулись к колодцу. Конан, почувствовав усталость, лег в тени, а старик сел рядом и еще долго-долго что-то говорил. Его речь текла плавно, убаюкивая, как журчание ручья... Обеспокоенный, что не может разобрать слов, Конан открыл глаза.

Утро еще только разгоралось, шум реки, хорошо слышимый в рассветной тишине, сразу напомнил Конану и охоту на кабанов, и вечер, когда он ворочался с боку на бок, стараясь уснуть.

Кажется, ему что-то снилось. Что-то очень важное. Надо бы вспомнить... Он встал, потянулся всем телом, потер шею, слегка затекшую во время сна. Его рука вдруг наткнулась на что-то твердое, и он с удивлением ощущал маленький треугольный камешек на плетеном шнурке. Все виденное

во сне сразу же явственно встало перед глазами, и зазвучал голос старика: «Мне надо тебе еще кое-что рассказать...»

Сидя на камне и задумчиво рассматривая талисман, Конан краем глаза поглядывал в сторону Зурр-аль-Асара. словно почувствовав его взгляд, карлик поднял голову, встряхнулся, прогоняя остатки сна, бодро поднялся и направился к лошадям.

И вот уже снова кони шаг за шагом отмеряют дорогу, незаметно приближая путников к цели. Конан, внешне не изменивший своего отношения к карлику, смотрел на него, однако, совсем другими глазами. И то, что раньше лишь настораживало, сейчас обретало совершенно иной смысл. Рядом с ним ехал не такой же искатель приключений, как он сам, а человек, желавший обрести власть над миром, обрести страшной ценой.

Конана охватил гнев, когда он понял, что едва не попался в ловушку. Выполнить грязную работу и исчезнуть?! Ну уж нет, не на того напали! Посмотрим, что ты запоешь на месте, когда эти твари полезут на тебя!

Так думал Конан, покачиваясь в седле и стараясь не встречаться взглядом с карликом. Немного поостыв, он сообразил, кто теперь хозяин положения. Зная, как победить удавов и чего ждать от карлика, Конан чувствовал себя не менее могучим, чем любой властелин мира.

Так они ехали, скрывая друг от друга свои мысли и планы, притворяясь добрыми товарищами, соединенными одной целью.

* * *

Через несколько дней вдаль обозначились смутные очертания гор. Отсюда они казались сказочно-красивыми, живописно окаймляя горизонт сине-сиреневыми грядками. Зурр-аль-Асар уверенно погонял коня, словно он всю свою жизнь только и делал, что ездил в монастырь и обратно. Лошади, не слишком утомленные дорогой, легко поднимались по горной тропе. Но скоро всадникам пришлось с ними расстаться — тропинка стала такой узкой, что по ней можно было пройти только пешему.

Стреножив коней на небольшой поляне, они взяли все необходимое и двинулись вперед. Внизу, в долине, неслась река среди зеленых кустов, подножия гор устилала сочная зеленая трава.

Конан снова шел знакомой тропой, но на этот раз путь его был трудным. Ноги скользили, оружие и кольчуга стесняли движения, едкий пот струился по лицу. Часто приходилось отдыхать, выбирая какую-нибудь крохотную площадку. Во время одной из таких остановок Конан вспомнил прошлую ночь, когда он долго лежал на спине, глядя, как луна просвечивает сквозь жидкие облака. Луна... Луна?! Да ведь сегодня — полнолуние! Старик говорил, что удавов можно убить только в полнолуние, во время их любовной пляски. Надо спешить. Он встал и, не обращая внимания на карлика, едва поспевающего за ним, полез дальше, забыв про усталость и ободренные руки.

Вот тропинка стала шире, теперь можно идти, не цепляясь за скалы. Еще немного — и она пойдет под уклон, а там уже и колодец с удавами... Конан остановился, раздумывая, что делать дальше. Карлик прошел вперед, но через несколько шагов оглянулся и поманил его за собой. Перед ними зияла узкая расщелина, в которую с трудом мог протиснуться человек. Зурр-аль-Асар смело полез в темноту, и Конан, не задумываясь, последовал за ним.

— Осторожно, здесь лестница! — прошептал карлик, но Конан уже нащупал ногой ступени.

Лестница была такой узкой, что двое на ней точно бы не разошлись. Вскоре сверху стал пробиваться свет, и немного погодя они оказались в крошечной пещерке, грубо вырубленной в скале. Небольшое отверстие в стене выходило, как догадался Конан, на площадку с колодцем.

Карлик подполз к отверстию и осторожно выглянул, готовый тут же спрятаться. Но вот он махнул рукой, подзывая Конана. Помня мирную картину из своего сна, киммериец выглянул и чуть не вскрикнул от изумления. Площадка вся была выжжена нездешним огнем — камни колодца почернели и оплавившись. От башни не осталось и следа. Из пещер валил густой едкий дым, застилавший

солнце. Сам колодец был окружен шевелящейся красной стеной, все время менявшей свои очертания. Это были свившиеся тела двух огромных удавов. То один, то другой поднимали головы, оглядывая окрестности, и огромные глаза их, излучавшие нестерпимый белый свет, казалось, могли испепелить все живое и неживое.

Конан и Зурр-аль-Асар сели на пол.

Помолчав, Конан спросил:

— Ну и что дальше? Как их можно убить одновременно? Отсюда никакая стрела не долетит, да они, похоже, могут спалить ее на лету. Ты, когда меня звал, знал ведь, что надо делать. Так говори! — Конан усмехнулся и, разглядывая свои ободренные руки, добавил: — Не любоваться же на них мы сюда лезли!

— Надо ждать, — отвечал карлик. — Наступает полнолуние, только в эту ночь и можно их одолеть.

Конан слушал карлика и думал, что Зурр-аль-Асар действительно много знает, не зря же он тут терся среди монахов. Наверное, притворялся своим, выведывал, подслушивал — а все же не успел завладеть жезлом, и вот теперь привел его, Конана, как барана...

— Танцуя в полнолуние свой любовный танец, удавы становятся обыкновенными змеями. Только глаза их мечут молнии. Но от молний можно увернуться. Мы вдвоем победим подлых тварей — или не победит никто! — хвастливо продолжал карлик. — Ты, с твоей ловкостью и быстротой, отвлечешь их, а я подкрадусь ближе. Когда один удав заслонит другого — я не промахнусь, будь уверен! Моя стрела пронзит их насквозь, если ты раньше не срубишь им головы одним ударом, а, Конан?! — И карлик, смеясь, хлопал его по плечу.

Конан встал, подошел к отверстию и снова осторожно выглянул. Потом повернулся и медленно направился к лестнице.

— Ты куда? — подался было за ним карлик.

— Оставайся здесь, я выйду осмотрюсь. Ты тут бывал, а я хочу сам все увидеть. Не бойся, они меня не заметят.

Карлик успокоился и снова уселся на пол.

Конан осторожно спустился по лестнице, вылез из расщелины и, не производя ни малейшего шума, скрылся между камнями. Некоторое время он наблюдал за щелью. Убедившись, что карлик за ним не следит, обогнул выступ скалы и оказался на знакомой узкой тропинке. Вот и площадка с гладкой плитой, и красное пятно посередине. Конан вытащил из-под туники кожаный мешочек с талисманом, достал его и приложил к пятну. Плита поднялась, открывая нишу с висящим в ней луком. Сняв с себя лук и колчан, Конан поразился их сходству с теми, волшебными: все узоры отделки в точности повторяли друг друга, только волшебный лук был чуть побольше, а стрелы — потолще. Быстро поменяв их местами, Конан отошел в сторону. Ниша тихо закрылась, и красное пятно засверкало мелкими искорками в лучах заходящего солнца.

Тени, прозрачно-синие днем, к вечеру сгустились, все краски стали ярче, горы как бы вспыхивали, прежде чем погрузиться в черноту ночи.

Стоя на площадке, Конан вспоминал слова старика. Лук у него в руках. Что дальше? Мисахи, теперь надо съесть мисахи! Конан развязал кошелек и даже застонал от досады: вместо плодов в кошельке была липкая жижа — ягоды раздавились, когда он лез по скалам. Конан всей пятерней зачерпнул то, что осталось от ягод, и жадно съел, надеясь на чудо. Но если в первый раз он почувствовал небывалую силу, то сейчас ничего не произошло. Его охватило жестокое разочарование, и он в отчаянии ударил кулаком, измазанным в липком сиропе, по обломку скалы. Камень с треском рассыпался в песок, а Конан стоял и удивленно разглядывал свою руку.

Быстро наступившие сумерки напомнили, что пора действовать. Конан осторожно выглянул из-за уступа и крадучись подошел к расщелине. Негромко свистнув, он услышал ответный свист и быстрые шаги. Зурр-аль-Асар выглянул наружу, протиснулся в щель, и вот они уже стоят, слившись со скалой, готовые к схватке.

Опустилась ночь. Луна, прячась за скалами, почти не осветила площадку с колодцем. Пригибаясь, они неслышно

перебегали с места на место, приближаясь к площадке. Конан спрятался за камнями слева, а Зурр-аль-Асар растворился в темноте справа от колодца.

Изредка в небо с шипением вздымался столб упругого голубого пламени и тут же опадал, уходя в недра земли. Удавы то и дело высывались из колодца, сверкая огромными глазами. Они словно ожидали чего-то. Почва под ногами тихонько подрагивала, как будто снизу ее хотела разорвать чудовищная сила. Конан догадался, что это подземные твари рвутся наверх, и почувствовал, что он — именно он! — может их остановить.

Между тем луна сияющим краем выглянула из-за скал, и змеи высоко задрали головы, покачиваясь над колодцем, как два огромных живых цветка. Толчки стали ощутимее, снопы искрящегося пламени вырывались из-под земли все чаще. Удавы, раскачиваясь, поднимались все выше и выше, и вот они соединились над колодцем в огромный колеблющийся жгут с двумя головами. Жуткое шипение, от которого у Конана заложило уши, смешалось с гудением подземного пламени. В этот момент луна полностью вышла из-за уступа, осветив площадку. Сразу погасло пламя в колодце, стихли толчки. Только змей, переплетаясь телами, медленно раскачивались из стороны в сторону, и в наступившей тишине было слышно, как шуршит их чешуя.

Глядя из засады на чудовищ, достававших головами до верхних ярусов пещер, Конан удивлялся и Зурр-аль-Асару, безумно уверенному в победе, и себе, оказавшемуся здесь, на краю бездны, рядом с логовом Зла, грозящего выплеснуться на землю.

А из глубины колодца уже безмолвно выплывали прозрачные фигуры, менявшие очертания в серебристом свете луны. Они медленно кружились над колодцем, ожидая дня, чтобы обрести плоть.

Конан стряхнул с себя оцепенение, понимая, что пора действовать. Сила, до сих пор дремавшая в нем, вдруг забурилась. Камень, лежавший рядом, показался подходящим, и Конан не раздумывая метнул его в колодец. Быстро отбежав в сторону и укрывшись за какими-то обломками, он

ждал, что будет дальше. На площадке все мгновенно замерло. Бесплотные фигуры, остановив свой танец, метнулись обратно в колодец. Змеи, пытаясь расплести тела, рухнули на землю, свистя и шипя. Из их сверкающих глаз вырвались молнии и ударили как раз в то место, где только что прятался Конан.

Колодец словно ожил. Из клочущей глубины вылетали узкие пучки огня, окутанные клубами едкого черного дыма. Дым быстро заволакивал все вокруг, и вскоре лунный свет померк за его пеленой.

Конан изо всех сил обрушил меч на камень, высекая искры, и опять метнулся в сторону. Камень тут же был испепелен четырьмя молниями. В этот момент Конан заметил стрелу, вонзившуюся в шею одного из удавов. Змеи, в ярости колотя хвостами, клубком покатались по площадке. Стоял такой треск и грохот, что казалось, будто началось землетрясение. Мелькнула вторая стрела, третья... Ни одна из них не могла пробить тела чудовища, они торчали из шеи удава, как соломинки. Конан натянул лук, выжидая момента, когда один удав заслонит другого. В бешенстве, пытаясь расплестись, твари колыхались перед глазами, то пропадая в клубах дыма, то показываясь вновь. Но вот на мгновение их головы соприкоснулись. Конан пустил стрелу. Он был уверен, что не промахнулся, но багровые столбы огня и зловонный густой дым скрыли от его глаз и змей, и колодец. Он стоял, прижавшись спиной к скале, и пристально всматривался в бушующее пламя. А сверху градом сыпались камни, но Конан не замечал их.

Сколько времени это продолжалось, он не знал, но, когда дым стал рассеиваться и камнепад прекратился, утро уже окрасило вершины далеких гор розовым светом зари. Конан размял затекшие от напряжения ноги и опасно двинулся вперед, готовый к любым неожиданностям. Кровь из рассеченного лба стекала по лицу, он хотел ее вытереть, но руки тоже были все в крови и грязи. Конан все же кое-как отодрал от раны слипшиеся волосы и осторожно направился к площадке. Вернее, туда, что еще вчера было площадкой, а сегодня являло собой пространство, сплошь завален-

ное огромными камнями. Трудно даже было найти место, чтобы поставить ногу. Конан добрался до разрушенного колодца и заглянул в бесформенный дымящийся провал, в страшной глубине которого что-то изредка вспыхивало.

Он долго заворуженно смотрел вниз, но вдруг его чуткий, как у зверя, слух различил за спиной легкие крадущиеся шаги. Выхватив меч, Конан резко обернулся и едва успел избежать удара.

Зурр-аль-Асар, обозленный неудачей, снова бросился на него, ловко орудуя мечом и в ярости выкрикивая:

— Ты, воровское отродье! Киммерийский бык! Ты пришел сюда за сокровищем?! Нет, ты останешься здесь, в колодце, а я обрету все! Теперь я — господин над миром, и ты — моя первая жертва Подземным Богам!

Карлик, сверкая безумными от злобы глазами, теснил Конана к краю провала. Мечи высекали искры, камни сыпались из-под ног. Вдруг Конан почувствовал, что теряет опору. Огромная глыба, на которой он стоял, покатилась в пропасть. Отразив мощный удар карлика, Конан не удержался на краю и тоже полетел вниз. Чудом ему удалось зацепиться руками за острый выступ. Он повис над бездной. Сверху на него обрушился град камней. С трудом найдя опору для ног, Конан вжался в стену. Он задыхался от дыма, снова повалившего из колодца. Надо было скорее выбираться отсюда. Никакие волшебные силы мисахи не помогут, если снизу его начнет поджаривать подземный огонь. Осторожно ощупывая каждый выступ, Конан карабкался вверх. Наконец его нога оперлась о довольно большой камень, руки достали до края колодца, и он тихонько выглянул.

В двух шагах от него стоял Зурр-аль-Асар, что-то озабоченно высматривая между камнями. Вот он отбросил в сторону большую глыбу, присел на корточки и довольно рассмеялся. Однако в следующий миг карлик уже бился в могучих руках Конана, как крыса в когтях орла.

Бездна получила свою жертву, и последний крик эхом отозвался в ее глубине.

Отойдя от края провала, Конан встал на то самое место, где только что стоял карлик. У самых его ног лежала

огромная голова удава, вся сморщенная и растрескавшаяся. В глубоких впадинах, где еще недавно сияли смертоносные глаза, лежали две крупные, величиной с вишню, жемчужины, переливаясь мягким лунным светом и вспыхивая острыми огоньками. Конан вынул их из глазниц, положил на ладонь. Ничего прекраснее он в своей жизни не видел. Полюбовавшись жемчужинами, он сунул их в потайной кармашек своего пояса и стал разбрасывать камни, отыскивая голову второго удава. Она оказалась совсем рядом. И вот уже четыре жемчужины лежат в кармашке воровского пояса, а Конан стоит среди обломков и думает: «Что дальше?»

Легкий шорох за спиной вывел его из задумчивости. Схватившись за меч, Конан резко обернулся, ожидая новой опасности, но, увидев торжественную процессию, медленно двигавшуюся ему навстречу, успокоился и отпустил рукоять меча. Впереди шел старый жрец, глядя на Конана улыбающимися просветленными глазами. За ним, веером расходясь по площадке, двигались монахи, молодые и старые. Одни несли большие кувшины, другие — корзины с плодами. Там, где проходила молчаливая процессия, камни тут же исчезали. Старик остановился возле Конана, а монахи стали медленно обходить их по кругу. Вскоре площадка очистилась от обломков, остались лишь бесформенный зияющий колодец и неподвижные тела удавов, пронзенные сверкающей стрелой.

Старик улыбнулся Конану, прикоснулся к его поясу и сказал:

— Осталось одно, последнее. Сбрось то, что осталось, в колодец — и мы снова наложим печать на это место. Зло побеждено, и можно будет совершить обряд очищения.

Монахи окружили провал, и Конан принялся сбрасывать в колодец окаменевшие куски змеиных тел. Каждый раз, когда в бездну падал чешуйчатый камень, из-под земли раздавался тягучий стон.

Старый жрец задумчиво стоял около змеиных голов с пустыми глазницами. Когда и их поглотила тьма колодца, он тяжело вздохнул и испытующе посмотрел на Конана.

Но Конан ничего не заметил — он глядел в колодец и прислушивался к подземному гулу.

Когда все было кончено, старик взял большой кувшин из рук служки, подошел к Конану и стал медленно лить воду ему на голову. Прикосновение целительных струй к обожженной и израненной коже оказалось таким блаженным, что Конан невольно зажмурился. Служки передавали старику полные кувшины, и вода все лилась и лилась на Конана, смывая усталость и боль. Когда опустел последний кувшин и Конан открыл глаза, ему показалось, что снова вернулся тот волшебный сон: колодец был аккуратно сложен из грубых камней, рядом высилась башня с лестницей, вокруг ярко зеленели подстриженные кусты... И ни следа страшной битвы. Взглянув на свои руки, Конан чуть не вскрикнул: такими руками можно было хоть сейчас биться с чудовищем или снова раскидывать камни, а ведь еще совсем недавно они были в кровь изодраны и обожжены. Кольчуга сияла новенькими звеньями, сандалии были совершенно целыми. Конан благодарно посмотрел на жреца и спросил:

— Старик, скажи, это опять сон, или все уже позади? Мы с тобой встретились совсем недавно, и уже столько всего произошло. У меня просто в голове не укладывается... Зурр-аль-Асар — он был или тоже только приснился? Постой, постой, я ведь его сбросил вниз, туда...

— Он получил свое. Теперь, очистив тебя от скверны всех смертей, мы должны совершить обряд очищения колодца. И тогда Зло снова будет заперто под землей. Оно начнет искать другие места, чтобы вырваться на свободу... Навсегда запечатать его там нельзя, иначе недра Земли не выдержат этой страшной силы, и огонь пожрет весь мир. А теперь дай мне руку, Конан, и мы пойдем наверх.

Конан ожидал, что они опять поднимутся к верхним пещерам с помощью волшебства, но перед ними появилась длинная лестница, удивительно легкая и красивая на фоне угрюмых скал. Старик и Конан шли впереди, остальные монахи поднимались на некотором расстоянии, шепча заклинания. Конану уже поднадоела вся эта торжественность, но деваться было некуда.

Поднявшись на верхний ярус, старый жрец вошел в одну из пещер и оглянулся, приглашая Конана. Пещера осветилась множеством факелов, и Конан увидел, что это не храм, а скорее пиршественный зал. Огромный стол, стоявший посередине, был накрыт словно в ожидании гостей. Дорогие кубки, изящные кувшины, золотая посуда — все это обещало богатый пир, и Конан приободрился. Старик усадил его рядом с собой в центре стола. Монахи раскладывали на блюда принесенные плоды. Появились лепешки, такие ароматные, будто их только что испекли, и жареная дичь, запах которой сразу напомнил Конану, как он голоден. Старик, улыбаясь, налил в кубки вино, пододвинул киммерийцу блюдо с дымящейся дичью. Конан впервые имел дело с монахами и не представлял, как надо держаться на таком пиру. Негромкие разговоры, безмолвные служки, подливавшие вино и менявшие блюда, да и сам старик, хоть и приветливый, но все же серьезный и величественный, быстро надоели Конану. Чувствуя, что ему уже немого, он спросил старика:

— Ты говорил, что спрашивал обо мне звезды. Скажи, мне нужно еще что-то сделать или же я могу уйти? Я хотел бы вернуться в Шадизар, там у меня... — Он умолк — Деянира стояла перед его мысленным взором как живая — и нащупал спрятанные в поясе жемчужины.

— Сегодняшнюю ночь ты проведешь здесь, а завтра сможешь отправиться в путь.

— Я думаю, наши кони наверняка испугались этого адского грохота, и вряд ли я их теперь найду. А идти пешком отсюда до Шадизара или даже до ближайшей деревни — это я опять продеру все подошвы.

Старик молча протянул руку, и вместо стены Конан увидел знакомую поляну и коней, мирно пасущихся у ручья. Постепенно картина растаяла. Конан сам наполнил кубки и сказал:

— Спасибо, отец. Теперь я спокоен. Давай еще выпьем твоего вина — до ночи ведь далеко!

Вскоре Конан перестал обращать внимание на молчаливую братию и с удовольствием пил отличное вино и насы-

щался редкими яствами. Старик расспрашивал его о пути из Шадизара, о том, что тянет юношу обратно. Конан охотно вспоминал, не жалея красок. Вино развязало ему язык, и он уже собрался было рассказать о Деянире и о том, что заставило его покинуть Шадизар, как вдруг перед глазами у него все поплыло, он склонился на стол и мгновенно уснул.

Монахи бережно подняли Конана и перенесли в смежную с залом небольшую комнату. Там с него сняли кольчугу, меч, кинжал и сандалии и уложили на богатое ложе. У порога остался молоденький служка, остальные вместе со старым жрецом скрылись за массивной дверью, ведущей внутрь горы.

До самого вечера слышалось приглушенное пение. Монахи обходили все пещеры и совершали обряд очищения. Когда стемнело, в пещерах зажглись факелы, и вся гора засияла, как царский дворец.

Жрец вошел в комнату, где спал Конан. Теперь он совсем не походил на того улыбчивого старика, который предлагал киммерийцу мисахи и рассказывал историю монастыря. Длинное красное одеяние и накинутый на плечи серебристый плащ придавали ему царственно-величественный вид. Обруч с черными камнями, поддерживающий волосы, и жезл усиливали это впечатление. Жрец прикоснулся к Конану, откинув со лба спутанную прядь волос. Конан вскочил, нащупывая меч, но тут же успокоился, узнав старика. Вбежали служки, неся воду и фрукты. Конан ополоснул лицо, напился, с косой усмешкой вытерпел процедуру одевания и, чувствуя себя удивительно отдохнувшим, ждал, что скажет жрец.

— Пойдем, сынок, скоро появится луна, — наконец произнес старик. — Надо совершить обряд, чтобы закрыть колодец и успокоить Сердце Земли.

Жрец величественно направился к выходу, и Конан поплелся за ним вслед, мечтая только об одном: чтобы все это поскорее кончилось.

Спустившись на площадку, где их ждали монахи, они остановились. Жрец снял со своей головы обруч и надел на Конана, потом протянул ему жезл и сказал:

— Когда появится луна, трижды обойди вокруг колодца и поднимайся на башню. Иди медленно. Попытайся ни о чем не думать. И не смотри вниз.

Конан кивнул, глядя в серьезные глаза жреца. Жезл, который он теперь сжимал в руке, был таким тяжелым, что стоило больших усилий его удерживать. Стараясь не думать, как же старик с легкостью носит такую тяжесть, Конан смотрел на скалу, из-за которой показалась луна. Время тянулось невыносимо медленно, тишину нарушало лишь потрескивание факелов в пещерах и стук его собственного сердца. Наконец луна выбралась из-за уступа, и киммериец почувствовал легкий толчок в спину. Не убыстряя шагов, чтобы не споткнуться, Конан три раза медленно обошел вокруг колодца. Сзади с пением двигались монахи, разбрызгивая из кувшинов воду. Неторопливо поднимаясь по ступенькам на башню, Конан заставлял себя смотреть на луну, хотя его так и тянуло хоть краем глаза взглянуть на колодец.

Жрец взял из его рук жезл и, подведя к краю башни, изрек:

— Бери то, что тебе будут подавать, и не глядя бросай вниз, ни о чем не думая.

Сначала Конан почувствовал в руках трепещущие тела связанных между собой птиц. Бросив их, он услышал доносившийся из глубины слабый вздох. Потом ему подавали плоды, кувшины с маслом, кувшины с вином и что-то еще, совсем непонятное... Он размеренно и торжественно бросал все это в бездну, с наслаждением вслушиваясь в легкие нежные вздохи. Казалось, это сама женская суть мира дышит там, внизу, благодаря его за жертвоприношение. Внезапно скалы, тускло освещенные луной, засверкали яркими разноцветными бликами. Яркий свет, брызжащий из колодца, играл и переливался, вспыхивая всеми цветами радуги.

Жрец поднял жезл и громко возвестил:

— Жертва принята! Радуйтесь, дети мои! Взгляни вниз, Конан!

Конан с опаской опустил глаза и увидел, как из глубокой, бездонной черноты вырываются ослепительно яркие снопы света.

— Вот он, Шрипур-Аим, Путь Силы, не оскверненный кровью и предательством! Сегодня тебе была дарована великая честь принести искупительную жертву. Возможно, тебе еще не раз предстоит ее приносить.

Жрец снял с головы Конана обруч и снова надел на себя. Спустившись по лестнице, он повел его в одну из нижних пещер, приказав монахам удалиться.

Эта пещера больше походила на обычное жилище, нежели те, где Конан побывал раньше. Ни намека на роскошь, простое ложе, стол, несколько стульев, звериные шкуры на полу и стенах. Только в углу, на возвышении, сиял ограненный как алмаз черный камень, испуская из глубины трепещущие искры. Жрец, преклонив колени, положил на него жезл и обруч. Теперь он снова стал похож на того, прежнего старика. Конан, все еще находясь во власти увиденного, в изнеможении опустился на стул. Нежные вздохи бездны до сих пор волновали его кровь, желание слышать их снова и снова не проходило. Старик посмотрел на него с понимающей улыбкой, потом принес кувшин и два кубка, наполнил, и они выпили какого-то легкого искристого вина, сразу прогнавшего наваждение. Все стало на свои места. Конан сидел и ждал, что скажет старик. А тот не торопился, внимательно глядя Конану в глаза и лишь изредка переводя взгляд на его мощные руки, спокойно лежавшие на столе.

Наконец Конан не вытерпел:

— Ты что-то хотел мне сказать? Рассвет уже близко, я сделал все, что ты хотел, и теперь мне надо уехать.

— А ты уверен, что хочешь уехать? Разве ты не почувствовал, что Шрипур-Аим зовет тебя? Разве ты не ощутил нежности и любви Сердца Земли?

Видя, что Конан в сомнении и не знает, что ответить, старик продолжал:

— Я вопрошал о тебе звезды, ты знаешь. И у тебя, как у каждого человека, есть два пути. Один путь — остаться здесь, постичь нашу мудрость и служить Сердцу Земли. Если ты останешься, в будущем тебя ждет жезл Главного Жреца. Второй путь... — Старик замолчал, испытующе глядя на Конана.

— Ну и какой же он, второй путь? Договаривай, я все хочу знать.

— Второй путь — это жизнь в скитаниях, жизнь, полная сражений и побед, которые чаще оказываются поражениями. Это погоня за призраками, не приносящая истинной радости, а лишь усталость в конце жизненного пути...

Пока старик говорил, Конан представлял себя в таком же серебристо-красном, как у жреца, одеянии, с сияющим обручем на голове... Охранять мир от Зла? Служить Сердцу Земли?.. Остаться?.. Или — вернуться в Шадизар?.. Глаза женщин сияют ярче, чем драгоценные камни, а вздохи их в ночи любви ничем не хуже вздохов колодца... Что выбрать? Конан молчал, не зная, что ответить. Старик понимающе смотрел на него — ведь и его путь был во многом похож на путь этого барбара, и он в свое время сделал свой выбор...

А Конан вспоминал постоянные дворы Шадизара, игру в кости, ночные вылазки, опасные путешествия, и все это казалось ему более желанным, чем вздохи колодца и тихое пение. Решение его окрепло. Выбор сделан. Он встал, подошел к алтарю, на котором лежал жезл, последний раз посмотрел на то, к чему так стремился Зурр-аль-Асар, вернулся к старику и сказал:

— Я выбираю второй путь. Прощай, я еду в Шадизар. В последний раз мне, к сожалению, пришлось уносить отсюда ноги, но сейчас я, пожалуй, уже могу вернуться. — Конан с улыбкой похлопал рукой по поясу, где лежали жемчужины. Правда, кошелек, сморщившийся и слипшийся от сока мисахи, был по-прежнему пуст.

Старый жрец вздохнул, грустно посмотрел на киммерийца и сказал:

— Я знаю, что у тебя спрятано в поясе. Это тоже твой выбор, но знай: в жемчужинах заключена такая сила, что они меняют местами добро и зло, юность и старость, свет и тьму. Берегись, ведь это жемчуг Подземного мира!

Он встал, подошел к Конану, положил ладони ему на плечи и, заглянув в глаза, твердым голосом произнес:

— Ну что ж, иди. Монахи тебя проводят. Твой путь — служить игрушкой для исполнения своих и чужих желаний. Будь осторожен, Конан. И прощай.

Солнце еще поднялось не очень высоко, когда Конан вышел на поляну со стреноженными лошадьми. Он с удивлением обнаружил притороченные к седлам фляги с водой и вином и полные мешки снеди. Вскочив на коня, он почувствовал на бедре непривычную тяжесть. Это оказался новенький кошелек с золотыми монетами. Гикнув, Конан постил коней вскачь.

Дорога разматывалась в обратную сторону. Уже много дней и ночей ехал Конан, а не встречал на пути ни селений, ни странников. Но вот однажды вечером он увидел вдали костер, и вскоре уже присоединился к торговцам, направлявшимся из Шадизара в Заминди. Из их разговоров Конан узнал, что в Шадизаре до сих пор ищут убийцу сына наместника, перетряхивая все притоны и харчевни.

Торговцы, коротая ночь, пили вино и играли в кости. Конан, соскучившись по привычным развлечениям, с радостью сел с ними играть. Ночь прошла весело, но наутро он еле проснулся. Солнце уже порядком припекало, мухи щекотали лицо. Конан сел, плохо соображая, где он. Смутно вспомнилась игра в кости, проигрыш за проигрышем: сначала кошелек, потом кони, потом кольчуга... Да, а где же караван? Кругом пусто и тихо. Лишь птицы перекликались как ни в чем не бывало да шумел ручей. Конан, фыркая, умылся, вытер лицо полой плаща и задумался. Что у него осталось? Меч, кинжал... А жемчужины?! Ага, вот они, в потайных кармашках. Целы. Ну что же, значит, Шадизар подождет. В Заминди тоже есть красивые женщины.

* * *

В Заминди время летело незаметно: то неожиданные встречи со старыми приятелями, то выгодные авантюры, то нешуточные опасности, добавившие ему, кстати, несколько новых шрамов.

Конан не раз, оказавшись на мели, готов был расстаться с жемчужинами, но подворачивалось дельце, сулящее хорошую

добычу, и жемчужины так и оставались в его поясе. Изредка он доставал их и любовался мерцающим блеском, похожим на свет луны.

Наступила весна, и Конана потянуло в Шадизар. Он покинул Заминди с легким сердцем и тяжелым кошельком, прихватив заодно на постоялом дворе прекрасного да к тому же при полной сбруе коня. Теперь в Заминди будут рассказывать легенды о его похождениях и гадать, куда он скрылся.

Незаметно промелькнули несколько дней пути, и вот уже вдалеке Конан различил темные стены Шадизара. Он почувствовал, как ему все эти месяцы не хватало пестрой сутолоки центрального базара, веселых гулянок со старыми друзьями. И что-то еще влекло его в Шадизар... Конан уже в который раз с улыбкой ощущал пояс, где лежали припрятанные жемчужины, сбереженные им во всех опасностях и приключениях.

Чуть-чуть не доезжая до города, Конан нагнал богатый караван и в шумной тесноте повозок, вьючных лошадей и торговцев, спешащих до ночи попасть в Шадизар, благополучно миновал городские ворота.

Город, омытый весенними ливнями, утопающий в зелени цветущих садов, показался Конану ослепительно прекрасным. Даже узкие улочки, разбегавшиеся от центра к нищим окраинам, радовали прохладой и свежим ароматом цветов, перебивавшим их обычную кислую вонь.

По одной из таких улочек и ехал не спеша Конан, предвкушая сытный ужин на знакомом постоялом дворе, а может, и встречу с приятелями. Здесь, у толстого Абулетеса, все было по-прежнему. Мальчишка, которого Конан знал как облупленного, принял повода. Из-за дверей доносились взрывы хохота и стук глиняных кружек. Конан вошел в харчевню, и ему показалось, что он только вчера ее покинул — те же лица, тот же чад подгорелого мяса, тот же Абулетес, красный от жара и выпитого за день вина, тот же визг девок и тот же стук костей. Он пробрался между столами к жаровне, хлопнул толстяка по спине и со смехом сказал:

— Если и есть на свете что-то вечное и неизменное, так это твоя харчевня! Налей-ка усталому путнику своей кис-

лятины да приготовить чего-нибудь, но смотри не пережарь, а не то я тебя самого изжарю!

Хозяин, узнав Конана, заулыбался, со знанием дела пощупал ткань его нового богатого плаща и засуетился вокруг вновь прибывшего:

— Глядите-ка, Конан! Да еще и с добычей! Где тебя носило, бродяга? Тут такое началось, когда ты сбежал — меня месяц трясло, думал, жив не буду! Но теперь все поутихло, мы опять веселимся, и пусть меня сожрет Нергал, если я сейчас же не выпью за твоё здоровье!

И толстяк, радуясь поводу, одним махом осушил огромную кружку вина, тут же налил кружку Конана до краев и бросился к жаровне, бормоча себе под нос:

— Не пережарь, как же! Чтобы я когда-нибудь пережарил мясо?! Нахал, мальчишка! И все-таки я его люблю! Всегда он выходит сухим из воды. Надо бы еще кружечку дерябнуть за его здоровье!

Конана между тем потащили к самому большому столу, расчистили место и с почётом усадили. Дружки наперебой рассказывали, как они целый месяц дурачили стражников, посылая их то в одно, то в другое место, где якобы появлялся Конан. Под шумок было обстреляно немало темных делишек, а постоянный двор Абулетеса прославился на весь Шадизар. Теперь в его харчевне собирался на пирушки весь городской сброд — или Веселые Братья, как они себя называли.

Наконец жаркое было готово. На этот раз Абулетес сам себя перецеголял: мясо, нежное и сочное, с румяной корочкой, посыпанное душистой зеленью, да к тому же поданное изящной девушкой с озорными глазками, вызывало двойной аппетит. Конан подвинул к себе блюдо, усадил девушку рядом и крикнул Абулетесу:

— Я вижу, кое-какие перемены у тебя все же имеются! Где ты берешь таких милашек? С ними даже твоё горелое мясо покажется свежей баранинкой!

— Девочки рождаются каждый день, друг Конан, а теперь от них просто отбою нет, — с ухмылкой ответил хозяин, ставя перед киммерийцем огромный кувшин вина. —

Вот, попробуй это, только вчера доставили, такого ты еще не пил. Быка с ног валит, но тебе, я уверен, будет нипочем! — И он налил себе еще кружку. — За твоё возвращение! И пока не расскажешь, где болтался, мы тебя отсюда не выпустим. Эй, Сорон, Коста! Пойдите у ворот, чтобы стражники сюда не совались!

Конан с удовольствием рассказывал о своих похождениях в Заминди, о стычках со стражниками и о многих удачных проделках. Слушатели беспрестанно хватались за животы, хохоча, и осушали кружку за кружкой за его здоровье.

На дворе уже стояла ночь, и харчевня постепенно пустела. Конан, допивая последнюю кружку, шептался с девушкой. Она, откровенно к нему прижавшись, тихо смеялась, склонив голову и согласно кивая.

Конан поднялся и пошел разыскивать хозяина. Тот в уголке что-то негромко приказывал своим слугам. Вскоре они выскользнули на улицу, и Абулетес позвал Конана наверх. Там он провел его в ту же комнату, где Конан останавливался в прошлый раз, пожелал ему хорошенько отдохнуть и, крихтя, пошел вниз.

Факел, тускло освещавший комнату, чадил и грозил вот-вот погаснуть. Но лунный свет, падавший на пол сквозь узкое окошко, затмевал его последние дымные вздохи, и когда он наконец потух, Конан даже с облегчением вздохнул. Разувавшись и сняв с себя жесткий пояс, он подошел к окну, с жадностью вдыхая весенний воздух. Прохладный ветер шевелил ветки цветущих деревьев, освежал разгоряченное лицо.

Конан сбросил тунику и с наслаждением подставил грудь его легким порывам. Он не обернулся, услышав скрип двери и быстрые шаги. С улыбкой глядя на луну, застывшую среди легких облаков, он ждал, что будет дальше. Стук тяжелого кувшина и звяканье кружек заставили его улыбнуться еще шире. Потом все стихло. Конан продолжал ждать, все так же глядя в окно. За спиной послышался шорох. Конан в нетерпении обернулся. Посередине комнаты стояла обнаженная девушка, тело ее серебрилось в лун-

ном свете. Пока Конан смотрел в окно, она успела надеть на себя его пояс с кинжалом и тяжелым кошельком. Киммериец восхищенно засмеялся, обнял ее за плечи и сказал:

— Когда я в следующий раз буду удирать отсюда, обязательно возьму тебя с собой. А теперь, плутовка, снимай его скорей — мне нужно кое-что достать из кошелька!

Девушка попыталась расстегнуть пряжки, но у нее ничего не получилось. Конан, поддерживая игру, стал ей помогать. И тут уже был забыт и кошелек, и кувшин с вином. На свете существовало только это молодое жаркое тело, затрепетавшее в его объятиях, эти губы, ищущие его губ, и легкие пушистые волосы...

Утром Конан проснулся от запаха горячих лепешек, открыл глаза и увидел свою подружку, накрывающую на стол. Она уже успела спуститься вниз и принести завтрак. Он поманил ее к себе, дотянулся до кошелька, пошарил в нем и достал пару золотых сережек с драгоценными камешками. Девушка в восхищении не сводила с них глаз, а когда Конан вдел их ей в уши, от радости запрыгала и закружилась по комнате.

Конан отпустил ее, когда день уже клонился к вечеру. Он лежал на ложе и с умилением вспоминал ее тоненькую фигурку с огромным кинжалом на поясе. Потом он уснул, не подозревая, что судьба опять все решила за него.

Дворец Деяниры — женщины, сводившей с ума чуть не половину Шадизара — находился недалеко от центрального базара, на тихой улице, где жили богатые горожане. Густые кроны деревьев и высокая стена почти полностью скрывали его от глаз прохожих. Четыре негра самого грозного вида охраняли ажурные кованые ворота.

В этот утренний час Деянира, вся благоухающая после купания и душистых бальзамов, которыми служанки умастили ее тело, сидела у зеркала, любуясь собой. Юные прислужницы расчесывали ее прекрасные волосы. Вдруг занавеси раздвинулись, и в комнату вошла, ласково улыбаясь, старуха в богатых одеждах. Любую молодую женщину ее роскошный наряд сделал бы еще краше, но старухе он

придавал зловеще-нелепый вид. Служанки тут же кинулись прочь, на ходу почтительно кланяясь. Старуха встала за спиной Деяниры и по-хозяйски положила руку ей на голову:

— С добрым утром, дочка. Ты куда-то собралась? Вечером у нас будет гость.

Деянира стряхнула с головы ее дряхлую, морщинистую руку и, лениво перебирая драгоценности, небрежно разбросанные на столике, сказала:

— Азимандр обещал подарить мне коня. Я хочу пойти к нему. В полдень мне выведут лучших жеребцов. Его лошади великолепы. К тому же из Вендии ему доставили новых. Я должна их посмотреть. А кого мы ждем сегодня?

— Пойдем со мной, дочка, я тебе покажу.

Старуха заковыляла к выходу. Деянира неохотно пошла следом. Несмотря на независимый и капризный тон, было видно, что он дается ей с трудом — на ее лице явно читался страх. Не она, а старуха была хозяйкой в этом доме.

Миновав анфиладу роскошно убранных комнат, старуха остановилась у небольшой дверцы в конце узкого коридора. Открыв ее, она протолкнула Деяниру вперед, вошла сама и задвинула засов.

Деянире частенько приходилось бывать в этой комнате, но каждый раз ее охватывал ужас при виде этих толстых книг, странных сосудов и бесчисленных мешочков с таинственным содержимым, развешанных по стенам. Старуха, довольно ухмыляясь, поглядывала на испуганную женщину и не спеша занималась своим делом. Она выдвинула на середину комнаты треножник с котлом, в котором плескалась темная жидкость, отсыпала из нескольких мешочков по щепотке порошка, перемешала с увядшими цветами, принесенными из сада, и, что-то бормоча, бросила все это в котел. Жидкость забурилась, потом успокоилась и посветлела. Деянира склонилась над котлом. То, что она там увидела, заставило ее рассмеяться:

— Так это — мой гость?! Да ведь он же голодранец, и плащ на нем наверняка краденый. Почему я должна его

ублажать? Или он тебе самой понравился? — И Деянира дерзко посмотрела старухе в глаза. Но на этом вся ее храбрость кончилась, и она, не выдержав змеиного взгляда старухи, покорно опустила ресницы.

— Не беспокойся, дочка, у него есть чем заплатить, и заплатит щедро. Его имя Конан, он смел и отважен, но, увидев тебя, он превратится в ягненка, как и все они, да, как и все...

— А как же Азимандр? Он осыпает меня дарами и рассчитывает на награду. Я думала, сегодня...

— Ну, его можно еще подогреть! Чем труднее ты ему достанешься, тем больше он заплатит. А теперь иди, тебе пора. Выбери себе коня. Иди, иди! — Старуха бесцеремонно вытолкала ее за дверь и снова закрылась на засов.

Деянира в порыве бессильного гнева перебила кучу изящных безделушек, порвала драгоценное покрывало, разбила прислужниц и — успокоилась. В конце концов, он был молод и хорош собой, этот Конан, и не все ли равно, кто он — вор или купец! Повеселев и думая уже только о новом коне, она приказала подавать носилки.

* * *

Когда в доме стало тихо, старуха, выйдя из потайной комнаты, подошла к зеркалу Деяниры, села и стала примерять ее уборы, жадно глядя на свое отражение. Ее глаза вспыхивали, как у кошки, лицо кривилось в радостной ухмылке:

— Наконец-то! Наконец-то исполнилось пророчество! Предсказания мага Дгирона всегда сбываются! Тогда, сто лет назад, он сказал мне, как это произойдет, как я снова смогу стать молодой! Я вырастила эту девочку и не ошиблась — ее красота опьяняет, сводит с ума... Я видела в своем котле, как этот варвар добыл жемчужины, я следила за каждым его шагом... Теперь пора. Конан вернулся, а с ним — и жемчужины подземного царства! Теперь они мои, и молодость снова возвратится ко мне! Смерть... Что такое смерть?! Ее можно запереть, спрятать, и она не посмеет явиться на порог еще долго, очень долго... Молодость — вот бесценный дар! Любить, быть любимой, наслаждаться, вызы-

вать восторг — все это я снова смогу! Четыре ночи — четыре жемчужины, и зелье будет готово. Ах как жаль, что их нельзя отнять или украсть! Четыре ночи, еще так долго... — Старуха сняла с себя драгоценности и, покачивая головой, вернулась в свою комнату.

Приманивать мужчин в дом Деяниры для такой могущественной колдуньи, как Кханда, было парой пустяков. Ее имя когда-то гремело по всему миру. Самые страшные чудеса не обходились без ее участия. Люди передавали из поколения в поколение легенды о ней... Сколько же лет она бродит по свету? И сколько еще будет бродить, смущая людей своим колдовством? Здесь, в Шадизаре, она жила уже лет пятнадцать, ожидая, пока сбудется давнее предсказание и она станет молодой и прекрасной. Уже навсегда. Деянира, которую она, похитив еще ребенком, вырастила и научила всем хитростям продажной любви, должна стать жертвой ее колдовства. Нужно только, чтобы эти жемчужины, все четыре, были отданы по доброй воле... Ну что ж, варвар, ты, пожалуй, не останешься внакладе!

Жидкость в котле колдуньи забулрилась, и так же забулрилась кровь в жилах у Конана...

Проснувшись, киммериец достал жемчужины и уже в который раз стал ими любоваться. Внезапно на него нахлынули воспоминания о Деянире. Теперь, имея чудесные жемчужины, которым цены не было, он мог купить ее любовь. Его вдруг охватило такое нетерпение, что он готов был вскочить и стремглав броситься к ее дворцу. Девчонка из харчевни была тут же забыта. Перед его внутренним взором витал дразнящий образ Деяниры. На мгновение ему даже показалось, что она здесь, в комнате, и стоит только протянуть руку, как... Конан потряс головой, прогоняя видение, спрятал жемчужины, оделся и спустился вниз. Абулетес поставил перед ним вино и блюдо с жарким. Девушка вертелась рядом, но Конан не замечал ее, погруженный в свои мысли. Без всякого аппетита он съел завтрак, выпил вино и пошел болтаться по городу.

Человек — создание нетерпеливое, и ждать чего-то ему всегда трудно, особенно если это мужчина, которому предсто-

ит свидание с женщиной. Время становится самым коварным врагом — так издевательски-медленно оно тянется. Солнце зависло над головой, как будто его навеки пригвоздили к небосводу. И даже люди, обычно такие суетливые, теперь еле передвигаются, беспрестанно путаясь под ногами.

Конан и сам не заметил, как вышел к базару. Здесь, среди знакомого шума и толкотни, ему стало легче. Торговцы надрывались, зазывая покупателей и стараясь перекрычать уличных музыкантов, которые этой весной просто наводнили город. И кого только сюда не принесло — и плясуньи, доводящих до неистовства толстых купцов, и бродячих певцов, расппевающих героические песни о славных битвах могущественных царей, и факиров со своими дудками... Конан ходил от одной толпы к другой, радуясь, что хоть так может скоротать время. Он постоял возле мальчика, наигрывающего на флейте тягучую мелодию, и старика, изрыгающего изо рта огонь, потолкался около сидачей, старательно тискавших друг друга на потеху толпы, и, наконец, остановился напротив шатра с танцовщицами. Здесь было больше всего народу — шадизарцы любили поглазеть на юных красавиц, громко обсуждая их прелести. Звенели бубны, мелькали пестрые одежды, глаза манили, звали, обещали... Конан вспомнил высказывание Абулетеса: «Девочки рождаются каждый день!», усмехнулся и побрел дальше. На утоптанной площадке, примыкающей к задней стене старого дома, шла оживленная игра в кости. Среди игроков Конан заметил худенького парнишку с плутоватым лицом, который с улыбкой махнул ему рукой. «Ого, и Гохард здесь. Значит, крупная игра, стоит посмотреть», — заключил Конан и подошел поближе.

Гохард, знаменитый жулик и пройдоха, непревзойденный игрок в кости, облапошивал новичков, как хотел. А те слишком поздно понимали, с кем имеют дело. Чаще всего Гохард благополучно уносил ноги, но случались и нештучные потасовки.

Сейчас с Гохардом играл здоровенный детина с глуповатым лицом, наверное, сынок богатого купца. Просаживать отцовские денежки на танцовщиц и проигрывать их

в кости — главное занятие таких юнцов, но себе они кажутся опытными гуляками и игроками. Гохард так раззадорил парня, то намеренно проигрывая, то отыгрывая свое назад, но постепенно повышая ставки, что тот от возбуждения покрылся красными пятнами. Он то и дело дрожащими руками доставал из толстого кошелька все новые и новые монеты, пока наконец под восторженный свист приятелей Гохарда не понял, что обобран до нитки. Несколько зевак, наблюдавших за игрой, как видно, поняли в чем дело и стали с угрозами насккивать на Гохарда.

Назревала драка. Бежать было некуда: на этот раз Гохард занимал весьма неудачную позицию — спиной к стене, да и толпа явно была настроена против него. Проигравший вцепился в его плащ, пытаясь добраться до кошелька. Стаканчик и кости полетели в сторону. Началась всеобщая свалка. Создавалось впечатление, что вся эта толпа только и ждала случая подраться: били всех подряд — кого-то, может, и за дело, а кого-то только за то, что просто попался под руку.

Конан получил увесистый удар в ухо. Ошеломленно вытаращив глаза на обидчика, который во всю глотку орал: «Вы заодно! Я сам видел, как этот ублюдок махал тебе рукой! Сейчас мы из тебя пададь сделаем!» — Конан так вломил ему, что парень кубарем покотился в пыль. Все напряжение сегодняшнего утра вложил киммериец в этот удар. И вообще давно уже он с таким удовольствием не дрался. Когда четверо дюжих мужичков навалились на него и уронили на землю, ему пришлось здорово поднапрячься, работая кулаками, зато потом, войдя в раж, он как разъяренный зверь набрасывался на противников, пинками и затрепинами разгоняя их по закоулкам. Но проигравший и его дружки тоже вошли во вкус. Краем глаза Конан заметил кинжал, сверкнувший в руке одного из них. Остальные окружали его, не скрывая намерения с ним разделаться. Гохард, как всегда, улизнул, и вся их злость обрушилась на Конана. Народ, помятый в драке, потихоньку снова собирался в кучу. Горе-бойцы потирали бока и размазывали по лицу кровь, текшую из разбитых носов. Никто не хотел пропустить самого интересного, и Конана и его

противников обступили со всех сторон, обсуждая, чем кончится драка.

Разделаться с изнеженными купеческими сынками было для Конана простой забавой. Однако раздосадованный тем обстоятельством, что в этой случайной драке его новый плащ был порван, на сандалиях лопнули пряжки, а туника, вся в крови и пыли, годилась разве только для свалки, Конан решил, что и эти субчики уйдут отсюда в таком же потрепанном виде.

Для начала киммериец полоснул кинжалом по дорожному плащу проигравшего. Треск рвущейся материи и разлетевшиеся в стороны клочья меха, которым был подбит плащ, привели его в бешенство. Он кинулся на Конана, но варвар, ловкий как пантера, моментально увернулся, и вся тяжесть удара обрушилась на его приятеля. Они сцепились и покатались по земле, вопя и ругаясь, а Конан тем временем уже отбивался от двух других, с коварной улыбкой высматривая, к какой бы еще купеческой одежке ему приложиться кинжалом. Народ, уразумев, что он задумал, с хохотом давал советы, одобренные солеными шуточками. Противники Конана вертелись вокруг него, сопя и пыхтя, но все их удары попадали в пустоту или же они лупцевали друг друга, а он, быстрый, как молния, резво наскакивал на них, чтобы пройтись кинжалом по плащу или штанам.

Тупое сидение на мягких подушках, обжорство и попойки не сделают руку твердой, тело — гибким, а глаз — точным. Одышкой, потом и дрожью в коленях приходится расплачиваться за покой и сытость. Купцы не готовили своих сыновей для суровой жизни — они учили их только считать деньги и прибыль. Однако кое-кому и эти уроки не пошли в прок — деньги уплывали от купчиков к таким мастерам своего дела, как Гохард, а ума-разума они набирались у таких бойцов, как Конан.

В толпе, окружившей дерущихся, было полно воров и мошенников, товарищей Конана по ночным вылазкам и дневному разбою. И сейчас они, свистя и улюлюкая, виртуозно срезали кошельки у богатых горожан, глазевших на

драку разинув рты. За всякое удовольствие надо платить — этот принцип соблюдался здесь свято.

Нахальные мальчишки дергали задиристых молодчиков за полы плащей, превратившихся в клочья, но те уже ничего не замечали: как взбесившиеся быки они кидались на Конана, сатанея от бессильной ярости. Наконец киммериец решил, что с них хватит. Перекинув кинжал в левую руку, он правой со всего маху врезал противнику в челюсть. Верзила тут же рухнул на землю как куль. Вскоре и остальные последовали его примеру. На земле образовалась бесформенная груда из окровавленных, истерзанных, исцарапанных тел, прикрытых жалкими лохмотьями.

Толпа ликовала. Мальчишки, деланно суетясь, помогали чуть живым забиякам подняться, не забыв позаботиться и об их кошельках. Смотреть больше было не на что. Народ потихоньку стал расходиться, Конан тоже не собирался торчать тут слишком долго и поспешил свернуть в узкую улочку. Негромкий свист заставил его обернуться. На стене, прячась в ветках цветущего дерева, сидел, ухмыляясь, Гохард и махал ему рукой. Кругом не было ни души. Конан подошел ближе.

Гохард прыгнул вниз и спросил:

— Давно в городе? А то я слышал, что ты теперь засел в Заминди. Городишко, конечно, хороший, но уж слишком там все благопристойно — не развернуться как следует!

— Да, это тебе не Шадизар, — согласился Конан. — Кстати, я видел, как ты его нагрел. А мне пришлось раздеть. Вот была потеха! Теперь бы мне надо где-нибудь приодеться и смыть с себя все это. — И Конан показал руки, до плеч измазанные кровью и грязью.

— Пойдем, я знаю местечко. Как раз совсем рядом.

Они миновали пару тихих улочек и свернули к домику, по самую крышу спрятавшегося под огромным каптаном. На свист вышла немолодая женщина. Гохард ей что-то шепнул, она кивнула, молча принесла огромный кувшин с водой и, пождав, пока Конан скинет с себя растерзанную тунику, стала поливать ему на спину, шею, руки. От ледяной воды Конан

почувствовал себя как заново родившимся. Так же молча женщина принесла вино, сыр, лепешки и исчезла в доме.

Когда вино было выпито, новости рассказаны, Гохард предупредил Конана:

— Об этом доме забудь, сам сюда не приходи, разве только со мной. Это моя мать. Когда в Шадизаре становится слишком жарко, я снова становлюсь примерным сыном, тихо живу здесь и никуда носа не показываю.

Гохард зашел в дом и вскоре вернулся, неся в руках поношенную, но отнюдь не рваную тунику.

Конан оделся, застегнул пояс и сказал:

— Спасибо, друг, выручил. Теперь пойду раздобуду себе приличную одежду.

— Если хочешь принарядиться, иди в лавку Агассия — он знает толк в нарядах и не так дерет, как остальные. — Гохард понимающе улыбнулся и махнул на прощание рукой.

Конан выскользнул из калитки, огляделся по сторонам и не спеша отправился на базар. Среди множества лавок он вскоре отыскал лавку купца Агассия и вошел, сопровождаемый почтительно кланяющимся зазывалой.

Лавки Шадизара — это поистине чудо из чудес! Описывать их можно часами, а разглядывать всевозможные удивительные вещи, которые предлагает радушный купец, — с утра до вечера.

Молодые красавицы покупали здесь дорогие ткани, украшения, благовония. Почтенные хозяйки любовались богатой посудой, ювелирной чеканки светильниками, пестрыми туранскими шальями. Шитые золотом платья и роскошные головные уборы облегчали кошельки любящих мужей, но и сами мужья не могли остаться равнодушными к плащам, отделанным мехом и искусной вышивкой, туникам, привезенным издалека и вытканным чудесными узорами. Кинжалы в серебряных ножнах, кожаные пояса с ажурным тиснением, сандалии, легкие и прочные, казалось, так и ждали юношей, славных своей молодой силой и ловкостью. Даже беззубые старухи не уходили без покупки из лавки Агассия — любезный хозяин всегда знал, кому что нужно.

Теперь он хлопотал вокруг Конана, опытным взглядом определив, что тот собирается на свидание к женщине. От бесчисленного множества туник, плащей, головных уборов у киммерийца просто глаза разбежались. Хозяин прикладывал к Конану то одно одеяние, то другое, при этом попеременно хмурился или восторгаясь. Невероятно, но Конану впервые в жизни была приятна эта кутерьма, и он позволял купцу вертеть себя и так и эдак, выслушивая то поток восхищенных возгласов, то бурю сомнений.

Купец, чувствуя его неопытность, не скупился на похвалы, превознося свой товар. По его словам выходило, что ни один король в мире еще не носил такого плаща, а туника из тончайшего полотна была привезена из Немедии специально для него, Конана. А сандалии! Боги, что за сандалии! Кожа мягкая, как щеки юной девушки. Застежки сверкают драгоценными камнями. Подошвы так крепки, что в них можно обойти весь свет. А что еще хотел бы купить славный юноша? В лавке Агассия есть все. Но если нет у него, значит, нет нигде!

Конан от души забавлялся тарактением купца и хлопотами помощников, сломя голову носившихся из лавки в кладовую и обратно. Оказывается, и в самом деле нужно совсем немного, чтобы почувствовать себя королем: горсть монет, новый наряд да побольше шуму вокруг своей особы.

* * *

Если Конан чувствовал себя в этот час королем, то Деянира, разумеется, — королевой.

Азимандр, единственный наследник умершего год назад богатого вельможи, уже давно добивался благосклонности Деяниры, но она, капризная и своенравная, прекрасно усвоив все уроки старой Кханды, играла с ним как кошка с мышью. Порой ему казалось, что он близок к цели — но тут Деянира вдруг надувала губки, придумывая несуществующую обиду, и для влюбленного начинался новый виток сладостных мучений. Кханда колдовала над своим котлом — Деянира то многообещающе улыбалась, то озабоченно хмурилась — и вот уже юноша готов отдать все свое

богатство за один только миг обладания такой ускользающей и такой переменчивой красотой.

И сейчас Азимандр рад был пожаловать ей своего лучшего жеребца, лишь бы она подарила ему улыбку и надежду.

Коня, воистину великолепные, молодые, только что обьеженные, были выведены на большую площадку возле конюшен. Для хозяина и его гостей соорудили невысокий помост, на котором стояли богато украшенные кресла. Чтобы полуденное солнце не утомляло и не слепило глаза, над помостом натянули пестротканый балдахин. Деянира и Азимандр, окруженные слугами, подававшими вино, фрукты и сладости, неторопливо обсуждали достоинства каждого жеребца.

Особенно хороши были три коня, доставленные из Вендии. Разной масти — белый, гнедой и вороной, — они и по характеру были разными. Деянире сразу понравился гнедой — игривый, капризный, как она сама, но в то же время удивительно послушный под седлом опытного наездника. Юный конюх, сидевший на нем, совсем еще безусый мальчишка, тоже был очень хорош. Деянира любовалась и конем, и всадником. Азимандр, словно почувствовав это, стал расхваливать белого жеребца, приказав остальных отвести в сторону. Надув губки, Деянира отвернулась. Но Азимандр смотрел на нее такими преданными и влюбленными глазами, так старался ей угодить, что она невольно представила, как он стоит на четвереньках рядом с Рино, ее любимой комнатной собачкой, а она, Деянира, бросает им лакомые кусочки. Картина встала перед ней так ясно, что она засмеялась. И Азимандр словно ожил, довольный, что его любимая больше не хмурится.

— Душа моя, тебе понравился гнедой? Он твой, я сейчас же прикажу отвести его к тебе.

— Мне кажется, тебе жаль с ним расставаться, ведь такие прекрасные кони встречаются реже, чем красивые женщины. — Она безмятежно смотрела на молодого конюха, улыбаясь и перебирая бусины своего ожерелья.

Азимандр, уже в который раз пойманный в ловушку, чувствовал, что лишился коня, не получив ничего взамен.

Наконец Деянира позволила себя уговорить, и коня отвели к ней в конюшню. Она покинула Азимандра, одарив

его насмешливым взглядом и словами притворной благодарности. Обманутый в своих ожиданиях, обозленный неудачей, Азимандр приказал высечь молодого конюха.

Когда, вернувшись домой, Деянира показала колдунье, какого чудного коня она получила в подарок, старуха хрипло рассмеялась, а потом сказала:

— Да, дочка, я вижу, ты и мне в хитрости не уступишь. Пользуйся, пользуйся красотой, пока молода! — Она загадочно взглянула на Деяниру и похлопала коня по холеной лоснящейся шее.

Круто повернувшись, Деянира ушла в свои покои, а старуха заковыляла на кухню, чтобы присмотреть за приготовлением блюд. В кушанья она добавила приправы и пряности, возбуждающие и поддерживающие любовное влечение, в вино подмешала одурманивающих трав из своих заветных мешочков. Сдобренный таким образом ужин должен был разжечь настоящий пожар в душе и теле молодого варвара.

Пока старуха колдовала на кухне, служанки готовили Деяниру к ночи любви. Они наполнили большой, выложенный разноцветным мрамором бассейн прозрачной водой, источающей едва ощутимый запах цветов. Деянира возлежала в бассейне, любуясь собой и наслаждаясь бархатным прикосновением воды, мягко обволакивающей и освежающей ее тело.

После купания служанки стали умачивать ее плечи, бедра, спину благовонными мазями и растертыми цветочными лепестками. Под их нежными, но крепкими руками кровь прилиwała к коже, и Деянира ощутила, как вместе с бодростью ее тело обретает удивительную легкость, почти невесомость. Прохладное прикосновение шелка приятно волновало, когда прислужницы облачали ее в платье, мягко ниспадавшее золотистыми складками. Волосы, забранные в причудливый узел, от малейшего прикосновения готовы были заструиться шелковистыми каштановыми волнами. Глаза и губы улыбались собственному отражению в зеркале — Деянира казалась себе богиней, сошедшей с небес на Землю. Служанки надевали на нее украшения, поправляли складки

платья, но она их не замечала, погруженная в созерцание своей красоты, как будто гляделась в зеркало последний раз.

В это время Конан, в своем новом наряде похожий не на искателя приключений, а по меньшей мере на молодого военачальника, не спеша прогуливался по городу. Ведомый таинственной силой старой Кханды, он, улица за улицей, неминуемо приближался к дворцу Деяниры. И вот наконец киммериец остановился на знакомой площади, где полгода назад произошла роковая схватка. Теперь все было по-другому. Солнце приближалось к закату, косые тени перерезали площадь. Ворота распахнулись, словно приглашая его войти. Черные охранники стояли неподвижно, как изваяния. Конан с любопытством посмотрел на них, проходя мимо, но они даже не шелохнулись. Ворота тихо закрылись за его спиной.

По дорожке, ведущей к парадному входу, важно шел павлин. Дойдя до ступеней, он пронзительно закричал, вскочил на невысокую мраморную колонну и, свесив свой роскошный хвост и склонив набок изящную головку, установился на незнакомца. Конан не переставал удивляться тому, что его окружало. Совсем не так он представлял, как войдет в этот дом. Вернее — совсем не представлял. Но ожидал, что это будет непросто. А тут... Тяжелая резная дверь отворилась, и две молоденькие служанки выбежали к нему, встречая его как долгожданного гостя. Конан шел за служанками, на ходу отмечая богатство отделки комнат и переходов и их поистине царскую роскошь. Наконец они вошли в большой зал, убранный намного богаче других. Ярко освещенный факелами из душистого сандалового дерева, со стенами и потолком, покрытыми затейливой позолоченной резьбой, он был похож на волшебный ларец, внутри которого хранилось бесценное сокровище — необыкновенной красоты женщина в золотистом платье, гордо, как на троне, восседавшая в кресле с высокой спинкой. Лицо ее не выражало ни удивления, ни испуга. Глядя прямо на Конана, она встала и пошла ему навстречу. Тихая музыка, доносившаяся как

будто издалека, успокаивала и завораживала. Взяв Конана за руку, Деянира подвела его к одному из кресел, села рядом и заговорила:

— Ты, наверное, удивлен, киммериец, что тебя здесь так встречают? Еще вчера и я бы удивилась, если бы мне сказали, что я буду с нетерпением ожидать у себя какого-то варвара. Но сегодня! Сегодня — это не вчера.

Она улыбнулась и хлопнула в ладоши. Тотчас вбежали прислужницы, пододвинули невысокий стол с ножками в форме крылатых существ с разинутыми пастьми. Их рубиновые глазки удивительно живо поглядывали на Конана. Ему, как совсем недавно в лавке Агассия, было приятно, что вокруг него вертится столько слуг, что молодая прекрасная женщина, которую он собирался завоевывать деньгами или силой, сама проявляет к нему интерес.

Служанки легкой стайкой упорхнули, снова оставив их одних. На столе дымился роскошный ужин, ароматы дивных кушаний и пряных вин защекотали ноздри киммерийца. Деянира с улыбкой разлила вино в кубки, отпила глоток и снова заговорила:

— Мне с детства снятся вещие сны. Снятся довольно редко, но я их очень люблю и жду с нетерпением. Сны всегда обещают мне радость — или подарок, или новую любовь, или какое-нибудь чудо. Вот и сегодня ночью мне снился молодой великан, и в руке у него светилося что-то ослепительно белое, как маленькая луна. Я спросила: «Кто ты?», и великан ответил: «Я — Конан-киммериец. Я шел к тебе издалека. Жди меня!» Я проснулась и долго лежала, стараясь удержать сон, а когда он все-таки ушел, поняла, что сегодня меня ждет большая радость. И вот ты здесь, со мной. — Она улыбалась и глядела на Конана лучистыми глазами, выражавшими, казалось, самое искреннее восхищение.

Допив вино из тяжелого золотого кубка, Конан достал одну жемчужину, покатав ее на ладони, любуясь бликами, и протянул Деянире:

— Сон и вправду вещий, — подтвердил он. — Эта жемчужина достойна твоей красоты, и я надеюсь, что остальные три тоже станут твоими.

Он пристально смотрел на нее ярко-голубыми смеющимися глазами. Старуха сказала, он будет ягненком. Ягненком?! Впервые в жизни Деянира почувствовала силу, которой могла бы не раздумывая подчиниться. Другие мужчины, хоть и платили ей за любовь, зачастую отдавая все, что имели, но все равно оставались ее рабами, ее игрушками. А этот варвар, даже выпив все вино и попробовав все колдовские кушанья старой Кханды, останется хозяином в ее дворце.

Деянира, радуясь такому повороту, взяла жемчужину с ладони Конана, с трудом оторвав взгляд от его смеющихся глаз.

— В жизни не видела ничего прекраснее... Как она горит и переливается! И все же мне как-то не по себе... — Деянира вздрогнула. — Даже сердце сжалось...

Она поднялась и отнесла жемчужину в спальню, спрятав ее в шкатулку, лишь бы больше не видеть.

* * *

Едва только она вышла, старуха как тень выскользнула из-за полога, схватила шкатулку и, прижав ее к груди, поспешила к себе. Закрывшись на засов, она дрожащими руками открыла крышку и радостно вскрикнула:

— О Подземные Боги! Вы, породившие меня, снова явили свою милость! Это она! Это она, сияющая жемчужина Сердца Земли! Молодость моя, ты возвращаешься ко мне! Я уже чувствую, как кровь закипает в моих жилах и как крепнет тело!

Старуха, смеясь, подняла вверх руки, и небольшая комната превратилась в огромный зал, украшенный изображениями змей, драконов, черных кошек. Глаза мерзких тварей ярко горели, освещая зал. Дикая музыка, звуча то быстрее, то медленнее, в такт размахивающим рукам колдуньи, казалось, могла бы заставить извиваться и каменные изваяния.

Старуха выбежала на середину зала и встала в центр круга, испещренного древними магическими знаками. Тело ее содрогалось в каком-то жутком танце, и молнии с шипением вились вокруг нее. Она кружилась без остановки и, завывая, выкрикивала в экстазе колдовские заклинания.

Молнии ударили все чаще, оплетая ее сияющим коконом. Но вот музыка стала утихать, сияние погасло, и старуха в беспмятстве осталась лежать посреди зала, истратив в порыве радости все силы своего немоющего тела.

Придя в себя, она с трудом поднялась с пола, пробормотала заклинание и снова очутилась в комнате с котлом, странными сосудами и мешочками на стенах. Взглянув еще раз на жемчужину и нежно погладив ее кончиками пальцев, колдунья подошла к зеркалу, стараясь припомнить лицо, глядевшее на нее тогда, когда она была молода. Но память не могла воскресить тот далекий образ — слишком много воды утекло с тех пор...

Кханда вздохнула, отошла от зеркала и стала готовиться к ночи любви — чужой любви. Она сбросила с себя богатый наряд и осталась во всей своей отвратительной наготе. Ее тело скорее напоминало кривой ствол дерева с потрескавшейся корой, чем тело человеческого существа. И лишь лицо, подобно маске, еще хранило черты сходства с женщиной — очень старой, но все-таки женщиной. Только сама Кханда ведала, скольких сил и стараний ей это стоило. Не превратиться в чудовище помогали ей волшебные мази, цветущие травы, кровь невинных младенцев и конечно же ее магические заклинания.

Но страсти в этом иссохшем теле бушевали нешуточные. Даже в молодости ее так не снедала жажда богатства, власти, красоты, мужчин... Золото текло к ней рекой, но чем быстрее увеличивались его запасы, тем неукротимее росло в ней желание иметь его еще больше. И еще она хотела власти. Настоящей, не призрачной. Чтобы каждый день толпы слуг и рабов ублажали ее, предупреждая каждый каприз, чтобы короли падали ниц к ее ногам, прося пощады или любви. Любви!.. Но ее, казалось бы, безграничного волшебства не хватало даже на то, чтобы хоть ненадолго, хоть на один вечер вернуть молодость. Поэтому ей приходилось красть чужую любовь.

Стены спальни Деяниры почти до самого потолка украшал лепной орнамент из пышных листьев и смеющихся масок. Одна из этих масок, как раз напротив ложа, была

потайным окном колдуньи. Даже Деянира не знала об этой ее уловке и все время удивлялась, почему старуха требует, чтобы в спальне всю ночь горел светильник. Он был намертво укреплен сбоку от ложа, и колдунья из своего укрытия каждый раз наблюдала за любовными играми, получая от этого удовольствие, смешанное со злобой и ненавистью.

Вот и сейчас она, совсем как Деянира несколько часов назад, умастила свое корявое тело благовонными мазями, распустила седые космы, вплела в них драгоценности, соорудила замысловатую прическу и, накинув на себя тончайшее шелковое покрывало, расшитое цветами и птицами, стала ждать, прислушиваясь к музыке и голосам, доносившимся из зала.

А Конан, осушая кубок за кубком, и Деянира, лакомясь засахаренными фруктами, не спешили вставать из-за стола, растягивая удовольствие первой встречи. Она требовала от Конана все новых и новых историй о его похождениях, и он без утайки рассказывал ей и о грабежах, и о погонях. Он даже признался ей в том убийстве, что случилось полгода назад, ночью, у ее ворот... Это привело Деяниру в восторг. Ей всегда хотелось, чтобы соперники сражались между собой, добиваясь ее любви. И вот уже она, своевольная красавица, сидит на коленях у Конана, перебирает пряди его смоляных волос и лукаво спрашивает:

— А дальше? Что было дальше?

И дорога снова раскручивается перед мысленным взором киммерийца, чье воображение подогрето вином и близостью женщины. Рассказ, то и дело прерываемый поцелуями, требовал довольно много времени, но Деянира непременно хотела дослушать его до конца. Битва со змеями заставила ее крепче прижаться к груди варвара. А он вспоминал все новые подробности, наслаждаясь ее восхищением и испугом.

Окончив животрепещущее повествование, Конан, держа Деяниру на руках, встал. Она слабо махнула рукой в сторону задрапированной двери и жадно прильнула к его губам.

Плечом толкнув дверь, Конан со своей драгоценной ношей вошел в спальню. Обычно Рино, маленький рыжий страж Деяниры, с отчаянным лаем кидался на гостя, чем немало забавлял хозяйку, но сейчас он забился в угол и оттуда тихонько рычал, не решаясь иначе выразить свое недовольство.

Тяжелый пояс с кинжалом упал на пол, поверх его легким облачком опустилось золотистое платье.

Кханда, подглядывая за мужчиной и женщиной из своего тайника, готова была взвыть от зависти. Она исступленно шептала, скребя стену ногтями:

— Ты будешь моим! Еще три ночи, варвар, и ты будешь моим! Я никуда тебя не отпущу, ты будешь служить мне, только мне!

Она бесновалась до самого утра, пока утомленные любовники наконец не уснули. Тогда и колдунья рухнула на пол, уставившись в потолок невидящими глазами. Лишь руки ее судорожно подергивались, как лапы хищной птицы.

Солнце, пробиваясь сквозь щели в тяжелых шторах, светило Конану прямо в лицо, но киммериец безмятежно спал, раскинувшись на подушках роскошного ложа. Деянира уже довольно давно смотрела на него, не решаясь разбудить. Хотя она и знала, что вечером снова его увидит, ей не хотелось, чтобы он уходил. Деянира встала, чтобы открыть окно, и чуть не наступила на своего маленького Рино. Наклонившись к собачке, она вдруг расхохоталась. Конан сразу проснулся и сел, глядя на нее удивленными глазами. Деянира показала рукой на пол, и Конан, захлебываясь от смеха, снова повалился на подушки. Маленькая негодница, неустанно трудившаяся, по всей видимости, всю ночь, спала, свернувшись рыжим комочком, на том, что еще вчера было новенькими сандалиями. Изгрызенные ремешки, погнутые пряжки, подошвы, похожие на надкушенные лепешки, — вот и все, что осталось от хваленной обуви купца Агассия.

Конан схватил Рино за шиворот, слегка потряс и бросил на подушки. Песик зевнул, как видно не питая уже к гостю никакой вражды, и пополз к хозяйке.

Конан поднял остатки сандалий и сказал:

— Каналья купец! Как он расхваливал их вчера! Весь свет, говорил, обойдешь! А какая-то собачонка за одну ночь оставила от них жалкие ошметки! Ну, купец, погоди! Уж я сегодня так с тобой разделаюсь! Только вот в чем я дойду до лавки?

Смех душил киммерийца, но он старался говорить сердито.

Деянира хлопнула в ладоши, и на пороге тотчас появилась служанка. Выслушав тихие приказания госпожи, она поклонилась и исчезла. Вскоре перед ними стоял столик с завтраком.

Конан оделся и с удовольствием прошелся босыми ногами по сказочно мягким коврам. Деянира гладила собачку и смотрела на него нежно и загадочно.

После завтрака в комнату вошла та же служанка с новыми сандалиями в руках.

Конан обулся и подошел к Деянире:

— Ты будешь ждать меня вечером? Я приду. Смотри, если я застаю тебя не одну, мне снова придется подраться!

Деянира потрепала его разлохмаченные волосы, поцеловала и ничего не ответила.

Прислужницы проводили киммерийца до ворот, и он пошел к себе на постоянный двор, ломая голову, как бы скоротать время.

За игрой в кости, шутками и перебранками день пролетел незаметно, и вечером Конан снова был на знакомой площади. Ворота и двери так же услужливо распахнулись перед ним, как и вчера, но теперь он шел, ничему не удивляясь и не хватаясь за кинжал в ожидании какого-нибудь подвоха.

В этот раз Деянира показалась ему еще прекраснее и желаннее. Конан и не подозревал, что она целый день металась по дворцу, как птица в клетке, и торопила солнце, не спешившее уходить с небосвода. И когда наконец она услышала легкие шаги киммерийца, вспыхнувшая радость сделала ее неотразимо прекрасной.

Как и вчера, в роскошном зале был накрыт стол, играла тихая музыка. Запах душистой смолы, капавшей с факелов, смешивался с пряными ароматами кушаний.

Как и вчера, Конан достал чудесную жемчужину и, положив на ладонь, протянул Деянире. Обрадовавшись как

ребенок, она не сводила глаз с жемчужины, любуясь ее ослепительно белым сиянием. Пока жемчужина лежала в руке Конана, Деянира не ощущала ни страха, ни тревоги. Но когда она прикоснулась к ней сама, вчерашний ужас с новой силой сжал ее сердце.

Стараясь не выдать смутения, Деянира встала и не спеша отнесла жемчужину к себе. Она знала, что Кханде нужны все четыре, но расспрашивать старуху, для чего они ей, не смела. Однако сердце подсказывало молодой женщине, что ей грозит опасность. Сейчас, когда здесь был Конан, она могла отвлечься от тревожных мыслей, но вот потом... Потом она все разузнает! Деянира тряхнула головой, отгоняя недобрые предчувствия, и вышла к Конану, с кокетливой улыбкой поправляя выбившуюся из прически прядь волос.

* * *

Но не одна Деянира в этот день металась по дворцу, не находя покоя. Старая Кханда тоже почти безвылазно просидела от рассвета до заката в своей комнате, боясь выйти наружу, чтобы от ярости и нетерпения не разнести весь дворец. И трудно сказать, чего она ждала больше — жемчужины или прихода варвара.

И вот на ее сморщенной ладони лежат уже две жемчужины, два глаза подземной твари. Ей, для которой столетия проносились как годы, а годы мелькали как дни, эти несколько часов ожидания показались такими же длинными, как сама ее жизнь. А впереди еще два дня!.. Но зато и цель близка, как никогда. Кханда захлопнула шкатулку и сбросила платье.

* * *

Сидя за столом напротив Конана, Деянира забыла обо всех своих опасениях и тревогах. Рядом с синеглазым киммерийцем, огромным, высоким и сильным, она чувствовала себя как за каменной стеной, за которой хотя бы на время можно укрыться от всего того страшного, что постоянно омрачало ее жизнь. А страшнее Кханды ничего на свете не было. С детства она привыкла думать, что Кхан-

да — самая могущественная колдунья в мире. Старуха растила ее дерзкой и своенравной, уверенная, что только такие женщины способны бесконечно покорять мужчин. С каждым годом Деянира ненавидела старуху все больше и временами просто приходила в отчаяние, не зная, как вырваться из плена. Но вот появился этот варвар, и в ее душе затеплилась смутная надежда. Может быть, с его помощью она наконец избавится от колдуньи?

Эти мысли молниеносно промелькнули в ее голове и растаяли под лучами синих глаз. Конан уже второй раз о чем-то ее спрашивал, и она невпопад ответила:

— Ну конечно. Пойдем, я покажу тебе грот с водопадом — это мое любимое место в саду...

— Нет, милая, мы сейчас пойдем в другой грот, а водопад посмотрим утром! — Он опять, как вчера, подхватил ее на руки и понес в спальню, нежно шепча ей на ушко: — А ты приготовила для меня новые сандалии?

* * *

На следующий день Конан крепко задумался, что же ему делать дальше. Осталось всего две жемчужины, а те побрякушки, которые он привез из Заминди, годились только для уличных танцовщиц. Эта женщина, о которой он помнил целых полгода, превзошла все его самые смелые ожидания, и четыре ночи ни в коей мере не могли насытить то пламя, которое она в нем разожгла. Но долго размышлять над чем-либо Конан не привык. Он решил, что жизнь сама подскажет или, еще лучше, поможет, как уже помогала не раз.

Третья ночь оставила в его душе легкую тень беспокойства. Конану все время казалось, что за ними кто-то наблюдает. Он всем своим существом чувствовал угрозу, исходящую как будто из самих стен. Под утро он забылся тяжелым сном, и ему приснилось, что над ним склоняется Деянира, прикасаясь к нему ссохшимися, сморщенными руками. Он с отвращением отталкивал эти руки, но они пытались обнять его снова и снова. Потом Деянира куда-то исчезла, но страшные руки остались. Они гладили его плечи, обвивали шею.

Конан вцепился в тощие запястья, сжал их, пытаясь переломить их, как сухие прутья, и... проснулся.

Утро играло на стенах спальни веселыми зайчиками. В мире все было прекрасно — никаких тревог и дурных снов. За окном щебетали птицы.

Деянира спала рядом, и лицо ее было как у испуганной девочки, которая вот-вот заплачет. Конан с болью в сердце смотрел на нее, и ему хотелось сразиться со всеми в мире драконами, похитителями и колдунами и уничтожить их, чтобы только она всегда была весела и беспечна.

Деянира открыла глаза и попыталась улыбнуться. Конан ощутил то же беспокойство, которое мучило его ночью, и стал расспрашивать, что случилось, но она отвечала:

— Потом... Я тебе все скажу потом...

Казалось, еще немного, и она расплачется.

На ее зов прибежала служанка и проводила Конана до ворот. Ничего не понимая, он, рассерженный, вернулся на постоянный двор, выпил добрый кувшин вина и прилег, пытаясь додуматься, что же все-таки случилось.

Разбудил его хриплый голос Абулетеса, поднимавшегося по скрипучей лестнице:

— Конан у нас теперь важная птица, но раз уж, как ты говоришь, дело спешное, то вот его комната. Если он спит, будить не советую, а то как бы он тебя не зашиб — уж больно ты хлипкий!

Дверь приоткрылась, и Абулетес просунул в щель свою хитрую рожу:

— Ну, что я говорил? Конечно спит! Как пришел рано утром, так с тех пор и дрыхнет. А солнце-то ведь давно за полдень перевалило!

Тут дверь резко распахнулась, и Абулетес пулей влетел в комнату — явно от хорошего пинка. Следом за ним не торопясь вошел мальчишка в рваном плаще и немыслимой пастушьей шапке, надвинутой на самые брови. Лицо его было все перемазано сажей. Твердым голосом, не допуская возражений, он приказал:

— Кувшин воды, кувшин вина. И что там у тебя на вертеле? Барашек? Быстро неси сюда! Да помалкивай!

Золотая монета мелькнула в воздухе, и лицо Абулетеса, побагровевшее было от ярости, расплылось в широкой улыбке:

— Сейчас принесу, молодой господин! Конан, бездельник, просыпайся скорей, к тебе приятный гость! — И, пятясь задом, он выскользнул из комнаты, аккуратно прикрыв дверь.

Конан лежал на спине, подложив руки под голову, и с любопытством разглядывал незнакомца. Во всем его облике чудилось что-то очень знакомое, но Конан мог поклясться, что не встречал его ни на базаре, ни в харчевнях. Чужой парнишка! Одет в такое рванье, какое не всякий нищий на себя напялит, а держится как господин...

Мальчишка между тем отошел к окну, стараясь не смотреть на Конана. Так они и молчали, пока Абулетес не притащил кувшины и блюдо с барашком. Он хотел было остаться и поболтать — любопытство, как-никак, было его второй натурой, — но, подталкиваемый сзади крепким коленом, поспешил убраться. Мальчишка задвинул засов, взял кувшин с водой и принялся старательно смывать с лица сажу. Когда он вытерся полой плаща и скинул грязную шапку, Конан, до сих пор с интересом глядевший на все эти приготовления, так и подскочил на ложе: перед ним стояла Деянира, бледная, измученная, но от этого еще более прекрасная. Она обессиленно склонила голову ему на руки и разрыдалась. Конан гладил ее по рассыпавшимся волосам, не представляя, что сказать в утешение.

Деянира, однако, вскоре успокоилась, вытерла слезы, кое-как подобрала волосы и попросила:

— Налей мне вина. С утра маковой росинки во рту не было, умираю от голода. Сейчас поем и все тебе расскажу.

Ее глаза лихорадочно блестели, она вся дрожала, и Конан поспешил наполнить кубок.

Несколько глотков вина и кусок ароматного жареного мяса сделали свое дело: щеки Деяниры снова окрасились румянцем. Здесь, рядом с Конаном, она чувствовала себя в безопасности.

Вдвоем они быстро покончили с барашком и допили вино. Прижавшись к широкой груди киммерийца, Деянира начала свой рассказ — издавека, с самого детства. Конан

узнал, что, когда она была маленькой девочкой, ее похитила колдунья, знаменитая Кханда. Это имя было ему знакомо, и он очень удивился:

— Постой, постой! Кханда, говоришь? Я еще совсем мальчишкой слышал истории про какую-то Кханду. Но ведь это было очень давно, когда жили деды наших отцов!

— Да, это она. Смерть обходит ее стороной, но со старостью ей никак не справиться. И вот она хочет меня... меня... — Голос ее задрожал, слезы снова потекли по щекам.

Немного успокоившись, Деянира продолжала:

— Давно, еще в детстве, она в шутку научила меня одному-единственному заклинанию, с помощью которого я превращалась в бабочку. Но она сказала — с этой своей мерзкой ухмылкой, — что бабочку может склевать любая птица, и я боялась его произносить. Потом она забыла об этом, а я помнила и все думала: вдруг оно мне когда-нибудь пригодится?.. И вот сегодня...

И Деянира, вздыхая и всхлипывая, поведала Конану, что, оставшись утром одна, стараясь преодолеть страх и беспокойство, лежала и рассматривала лепной узор на стене, который уходил почти под потолок. И вдруг она обнаружила, что одной маски, той, что прямо напротив ложа, нет, а на ее месте чернеет дыра. Там, за этой стеной, находилась комната колдуньи. Деянира вскочила и на цыпочках подбежала к стене. Из отверстия доносилось тихое бормотание, изредка прерываемое зловещим смехом. И тут Деянира решилась на отчаянный шаг. Не долго думая, она шепотом произнесла заклинание и крошечной бабочкой порхнула к отверстию. Несколько взмахов легких крыльев — и вот она уже сидит на стене старухиной комнаты, слившись с темной тканью драпировок.

Старуха стояла у высокого стола, заваленного толстыми полуистлевшими книгами, свитками, пластинками из красной глины. На середине стола, светясь, лежали три жемчужины. Это с ними беседовала старуха, взволнованно жестикулируя.

— ...И еще — корень лиморы, — говорила она. — Вот он, здесь, совсем свежий — всего годков пять, как я его выко-

пала в Карпапских горах. Лишь раз в двенадцать лет он дается в руки, и я его отыскала! О Подземные Боги! Еще одна ночь — и я снова буду молода! И тогда уже старость не посмеет коснуться меня своим иссушающим ветром! Вот сердце рыжего коня... Азимандр, простофиля, ты преподнес мне хороший подарок!.. — Старуха расхохоталась, и драпировки заколыхались, как будто в комнату ворвался ураган. — Не забыть бы только накопать цветущих трав да свежих кореньев, а остальное все есть. Да, есть. То есть будет! Конан прибежит сюда на закате и принесет мне тебя, четвертая жемчужина! А самое главное — всегда под рукой! Деянира, детка, насладись последней ночью своей молодости — и прощай! От тебя даже вдоха не останется! И твой варвар будет здесь, со мной... А потом... Потом весь мир снова заговорит обо мне, прекрасной Кханде!

Колдунья отошла от стола, расстелила на полу платок из цветной материи с переливающимися узорами, сомкнула руки над головой и вылетела в отверстие, открывшееся в потолке.

Когда все стихло, Деянира-бабочка, не в силах взмахнуть крыльями, переползла в свою спальню. Понимая, что дорог каждый миг, она произнесла заклинание и через потайную калитку выбежала на улицу. Тогда, в первый их вечер, Конан рассказывал ей о постоялом дворе, Абулетесе, своих приятелях, и теперь ей нетрудно было его отыскать. Купив у первого же бродяги его грязные лохмотья, она нашла укромный угол, переделалась и вымазала сажей лицо. Теперь ее не узнала бы даже Кханда, попадись она ей навстречу. Но колдунья, уверенная в победе над старостью, летела на своем волшебном платке к далеким горам, где росли колдовские травы, и Деянира поспешила в харчевню Абулетеса.

И теперь она глядела на него, свою последнюю надежду, не зная, что ждет ее завтра: жизнь? смерть? Или нечто хуже смерти?

Конан, не тратя времени на размышления, озабоченно спросил:

— Долго еще старуха будет собирать свои корешки?

Деянира, немного помолчав, ответила:

— Самые сильные травы собирают ночью или на закате. Раз она полетела днем, значит, явится только к вечеру. А что ты задумал?

— Ты сейчас вернешься домой и сделаешь вид, как будто никуда и не уходила. А мне покажешь потайную калитку и объяснишь, где дверь в старухину комнату. И чтобы твои служанки по дому не болтались! Вечером, как обычно, я войду через ворота. Не бойся. Нет на свете всемогущих колдунов — все они люди, и любого из них можно победить. Улыбнись, и пошли скорее. Надевай свою шапку.

Они почти бегом спустились по лестнице, чуть не сбив с ног Абулетеса с кувшином вина, растолкали подвыпивших гуляк и быстро зашагали по кривым улочкам, ведущим к центру. Деянира еле поспевала за киммерийцем, но он не замедлял шаг. Наконец они оказались на узкой улочке, куда выходили конюшни, дворовые постройки и калитки для слуг нескольких богатых домов. Обычно здесь сновали служанки и рабы, спешащие на базар и обратно. Но сейчас, в самое жаркое время дня, здесь было тихо и пусто. Деянира открыла крохотную калитку, еле заметную в заросшей плющом стене, и они проскользнули на дорожку, обсаженную высоким кустарником. Это явно была не калитка для слуг, и дорожка вела не во двор. Они подошли к запертой двери, такой же неприметной, как калитка. Деянира достала из кармана потрепанных штанов затейливый ключ. Он тихо повернулся в скважине, и дверь неслышно открылась, пропуская их в прохладную темноту коридора.

По дороге Конан успел расспросить Деяниру, где находится комната колдуньи, и теперь он мог бы отыскать ее с закрытыми глазами: воровской опыт научил его легко находить нужные двери в любых дворцах и лабиринтах. Он осторожно подтолкнул Деяниру вперед, прошептал: «Иди к себе, и помни: ты никуда не уходила!» — и исчез. Она оглянулась, но его уже нигде не было: он растаял как дым. Прижимаясь к стенам, беглянка прокралась к себе, быстро сбросила лохмотья и переделалась в платье из синего шел-

ка. Потом она лениво прошлась по комнатам, нарочно придираясь к служанкам, и велела готовить воду для купания.

Бассейн быстро наполнялся подогретой водой. Лепестки роз и жасмина грудками лежали в корзинах. Служанки испуганной стайкой летали взад и вперед, торопливо приготавливая ароматные мази, кувшины с прохладными напитками и любимые сладости госпожи. Они видели, что хозяйка не в духе. Это не сулило ничего хорошего. Деянира, которая и в обычные-то дни могла разозлиться просто так, без причины, сейчас, когда ей оставалось жить так мало — только одну ночь, готова была перебить все кувшины и горшки и в порыве гнева разорвать все покрывала и занавеси. Она велела служанкам оставить ее одну и не показываться до прихода гостя.

Когда последняя прислужница покинула купальню, Деянира сбросила платье и вошла в воду. Лежа в бассейне, слушая легкий плеск воды и вдыхая нежный аромат жасмина и роз, она пыталась представить, что сейчас делает Конан, где он прячется, что задумал. Но мысли путались, прыгали с одного на другое, ни на чем не задерживаясь. В конце концов она рассердилась, вышла из воды и, стоя перед зеркалом, сама умастила свое тело, надела светло-зеленое платье и украшения из изумрудов, подобрала волосы в изящную сетку, села в кресло и задумалась. Засахаренные фрукты смягчали горечь ее воспоминаний и бессильную ярость. Она знала, что не может убежать из этого дома: куда бы она ни выходила отсюда утром или днем, к вечеру колдовская сила неумолимо влекла ее обратно. Деянира давно поняла, что побег невозможен, но лишь теперь ей стало ясно, для чего старуха держала ее во дворце, как птицу в золотой клетке. И вот наступил конец... Или не конец? Где сейчас Конан, и кто окажется сильнее? Она представила его могучее тело, решительное лицо, твердый взгляд голубых глаз — и волнение ее улеглось. Она будет ждать его, ничем не выдавая беспокойства, и, может быть, вдвоем они одолеют колдунью...

Конан между тем неслышно пробрался по коридору к старухиной комнате. Кругом ни души — служанки, судя

по всему, сюда не заглядывают. Дверь ничем не отличалась от прочих дверей, с которыми Конану приходилось иметь дело. Разве что замок или засов могли быть заколдованы. Он подошел поближе и стал рассматривать запоры. Дверь явно была закрыта изнутри, и если тут не замешано колдовство, то такой засов — просто детская игрушка.

Колдунье, как видно, даже в голову не приходило, что у кого-то из обитателей дворца хватит смелости приблизиться к ее двери — такой ужас все испытывали, проходя мимо коридора, ведущего к ее комнате. Служанки трепетали от страха, выслушивая приказания старухи, и старались пореже попадаться ей на глаза. Поэтому запоры не заботили колдунью, и Конан без труда справился с засовом. Дверь тихонько приоткрылась, и он осторожно заглянул внутрь, держа наготове меч.

В комнате никого не было. Отвратительный запах, ударивший ему в нос, сначала ошеломил Конана, но он быстро с собой справился. Пахло пряными травами, кровью, пылью и еще чем-то противным и затхлым, наверное тысячелетней старостью. Тусклый свет едва пробивался в маленькое оконце. У одной из стен стояло ложе, устланное драгоценными покрывалами, еще более роскошное, чем у Деяниры, у другой — огромное зеркало и столик с кокетливыми флакончиками, расческами и шкатулкой, доверху наполненной драгоценностями, сиявшими даже в полумраке.

На него не произвели никакого впечатления ни книги, ни колдовские сосуды, ни мешочки со снадобьями — Конан торопливо искал, куда бы он мог спрятаться.

Стена, расположенная как раз напротив окна, была завешана темными драпировками, а на самом ее верху, почти под потолком, светлела дыра — та, о которой говорила Деянира. Пониже дыры была устроена площадка с резными перилами и небольшой лесенкой. Конан содрогнулся, вспомнив свой сон и представив колдунью, подглядывавшую за ними все три их ночи.

Но надо было искать укрытие, а не разглядывать комнату, и Конан заглянул за драпировки. Ого! Да тут мог спрятаться не один воин в доспехах и с полным вооруже-

нием — кто его знает, что там хранила колдунья, в этой пыльной темноте!

Конан задвинул засов и проскользнул за занавеси. Прodelав кинжалом дырку на уровне глаз, он прислонился к стене и замер, готовый в любой момент наброситься на старуху.

Ждать пришлось довольно долго. Уже погасли последние косые лучи солнца и за тусклым окном почти стемнело, когда в потолке вдруг раскрылось отверстие, и колдунья, стоя на волшебном платке и сжимая в руках охапку трав и кореньев, медленно опустилась на пол. Она бросила травы на стол, повязала платок вокруг бедер и отошла в угол, где стояли одна на другой чаши с причудливыми ручками. Конан взглянул на потолок, но там не осталось и следа отверстия — темное дерево, покрытое резьбой, и ничего больше.

Глядя из своего укрытия на тощую спину старухи, Конан едва сдерживался, чтобы не выскочить и не покончить с ней одним взмахом меча. Но он вспомнил слова Деяниры: «Смерть обходит ее стороной!» — и решил подождать. Ярость, еще несколько мгновений назад бешеным огнем полыхавшая в его груди, теперь, казалось, превратилась в твердый и прозрачный кусок льда, и киммериец видел себя и старуху как бы со стороны. Он чувствовал, что способен ждать очень долго, по крайней мере до тех пор, пока не узнает всего, зачем сюда пришел.

Колдунья выбрала из груди чашу с ручками в форме двух змей, и Конан живо вспомнил колодец с удавами — так похоже эти головы изогнулись над чашей. Что сказал ему старый жрец про жемчужины? «Меняют местами добро и зло, юность и старость, свет и тьму...» Тогда Конан не придавал его словам никакого значения, ибо жемчужины были его законной добычей, и ничего колдовского он в них не замечал. Что помешало ему сбыть их с рук еще в Заминди, когда купцы чуть не передрались, увидев лишь одну жемчужину из четырех? А теперь он попал в историю ничуть не лучше той, а может, и похуже. Старуха готовит свое зелье, и, похоже, ей помогают все демоны Шрипур-Аима.

Порывы обжигающего ветра проносились по комнате, колыхали занавеси. Старуха золотым ножом резала травы и бросала их в чашу, из которой тут же вырывался столб белого огня. Огромная книга сама собой раскрылась и легла на стол справа от колдуни. Она бросала в чашу все новые и новые травы, читая заклинания из древней книги, и пламя поднималось с каждым разом все выше и выше.

Конан стоял в своем убежище, крепко сжимая меч, и вслушивался в ее бормотание, стараясь хоть что-то понять. Но старуха выкрикивала свои заклинания на каком-то неизвестном языке, и ему не удавалось разобрать ни слова.

Наконец она закрыла чашу тяжелой крышкой и поставила на треножник. Внутри сосуда что-то булькало, как будто под ним горел огонь, по комнате летали полуразмытые образы детей, молодых животных, каких-то диковинных цветов... Отвратительная вонь сменилась нежным благоуханием весеннего луга. Старуха без сил опустилась в кресло, достала из шкатулки жемчужины и, перекатывая их с ладони на ладонь, заговорила:

— Вот и все, мои милые, дело сделано! Напиток готов, и только одной вашей сестрицы не хватает, чтобы придать ему силу! Но она уже близко, очень близко! Этот безумец спешит сюда, как будто ему здесь медом намазано. Иди же, варвар, спеши, неси последнюю жемчужину! — Она взмахнула рукой, и Конан почувствовал, что еще немного — и он шагнет навстречу гибели. Собрав всю свою волю, он до боли напряг тело, не давая ему подчиниться колдовским чарам. Ногти впились в ладони, мышцы, казалось, окаменели. И волшебство отступило, не в силах сдвинуть его с места.

Колдунья сняла чашу с треножника и поставила на стол. Теперь она обращалась с ней осторожно, как с новорожденным младенцем.

— О живой огонь, огонь молодости! — благоговейно произнесла старуха. — Сегодня я растворю в тебе четыре жемчужины, и они поменяют местами старость и юность! Вот кубки, из них мы выпьем это огненное вино! Но горе мне, если хоть капля напитка прольется на землю! Подземный огонь вырвется на свободу, и тогда — конец, конец...

Нет, этого не случится! Я — Кханда, и мое колдовство всегда удастся! — Она подошла к окну, за которым сгустились хмурые сумерки. — Ночь близко, и варвар наверное уже у ворот. Надо проверить, все ли в порядке. — И старуха, не переставая бормотать, проворно заковыляла к двери.

Конан выскользнул из-за тяжелых занавесей и в два прыжка очутился у дверей. Старуха не оглядываясь шла по коридору, потом свернула в сторону кухни. Из зала доносилась тихая музыка...

Немного погодя Конан уже выходил на улицу через потайную калитку, направляясь к главным воротам. Вечерняя прохлада помогла избавиться от наваждения. Так он и знал: в колдовстве старухи, как и в любом другом колдовстве, нашлось свое слабое место. Теперь главное — успеть им воспользоваться.

Но вот и ворота, и дорожка, и служанки, с приветливыми поклонами провожающие его к госпоже, и, наконец, сама Деянира, идущая ему навстречу. И ни малейшего сходства с дерзким мальчишкой, ворвавшимся сегодня в харчевню, не было в этой женщине с горделивой осанкой. Она улыбалась спокойно и светло, как в первую встречу. Конан невольно восхитился ее мужеством. Только рука ее чуть-чуть дрогнула, когда он отдал ей последнюю жемчужину. Деянира отнесла ее старухе и вернулась в зал. Служанки проворно вносили кушанья и вина, нежно наигрывали флейты и свирели.

Деянира с робкой надеждой взглянула Конану в глаза и сразу поняла, что он что-то узнал. На ее щеках вспыхнул румянец, она села за стол и попросила налить себе вина. Они сидели, молча глядя друг на друга, потом Деянира встала и поманила его за собой. Конан приказал отнести в спальню вино и кубки. Как только дверь за служанками закрылась, она прижалась к его груди, жадно обняла и прошептала:

— Мне все равно. Пусть смотрит! Люби меня, как в последний раз, а там — будь что будет...

Вихрь страсти захватил их, и Конан уже не мог понять — первая это ночь любви или действительно после-

дняя. Временами ему казалось, что он слышит стон колдуньи, но это лишь подхлестывало его желание. Их любовь, от которой они готовы были умереть, доводила старуху до безумия. Она хотела уничтожить Деяниру прямо сейчас, не дожидаясь рассвета, и в то же время не могла оторваться от своего окошка и все смотрела, смотрела, то подвывая, то от отчаяния рыча.

Теперь и Деянира расслышала старухины стенания и, содрогнувшись, замерла в объятиях Конана. Он, давно уже решив, что будет делать, схватил со столика тяжелый золотой кубок и изо всех сил запустил им в отверстие. Дикий звериный вой слился с грохотом падающего тела, а мгновение спустя яростные крики и брань подняли на ноги весь дом.

— Не бойся! Я буду рядом! — шепнул Конан окаменевшей от ужаса Деянире и, подхватив одежду, пояс и меч, тут же исчез.

Старуха, кое-как прикрывшись покрывалом, шатаясь вышла из своей комнаты и велела слугам схватить киммерийца, но того уже и след простыл.

— Сбежал! Сбежал! — завопила ведьма. — Но я тебя верну! Ты у меня посидишь на цепи, пожаришься на углях! Ищите, он не мог далеко убежать! Обшарьте весь сад!

Старуха бесновалась, кровь текла по ее разбитому лицу, глаза полыхали красным огнем. Немного успокоившись, она вошла в спальню Деяниры. Та сидела на ложе, сжавшись в комочек. Смертельный страх сковал ее тело, она не могла даже пошевелинуться.

Колдунья вытерла свое лицо изумрудно-зеленым платьем Деяниры, схватила ее за руку и потащила за собой:

— Пойдем, птичка, рассвет настает. Пора выпить прощальное вино. После такой ночи и умереть не жалко, верно, детка?

Деянира безропотно шла за старухой. Слова ее долетали до нее как во сне. Она знала, что скоро умрет, но колдовская сила словно подталкивала ее в спину.

Старуха затащила ее, обнаженную, к себе в комнату, закрыла дверь на засов и упала в кресло.

— Постой немного, — прошипела она, — дай последний раз полюбоваться на тебя — потом я, только я буду смотреть в зеркало... А варвара твоего я измучу, высосу из него все соки, он у меня превратится в сушеную ящерицу! — Колдунья смотрела на Деяниру одним сверкающим глазом — на месте второго набухал огромный кровоподтек. Рассеченные губы кривились в злорадной усмешке.

* * *

Конан стоял в своем укрытии за темными занавесями, и ярость снова застыла в груди куском льда, обостряя мысли и чувства.

Старуха не спеша, словно растягивая удовольствие, по одной опускала жемчужины в чашу. Они растворялись с легким шипением. На потолке играли блики колдовского пламени. Деянира стояла неподвижно, как мраморная статуя, не отводя взора от чаши. Наконец старуха опустила последнюю жемчужину и с торжествующим смехом разлила сияющий напиток в кубки.

Конан ждал, что будет дальше. Он готов был наброситься на старуху немедленно, но чувствовал, что еще не время.

Старуха протянула Деянире кубок:

— Возьми, детка, выпей вместе со мной. Я столько для тебя сделала!.. Настала пора благодарности. Выпей, это просто вино, обыкновенное вино!

Деянира взяла кубок, но продолжала стоять все так же неподвижно, не находя в себе мужества поднести его к губам. Но вот рука ее дрогнула и начала медленно подниматься. Старуха молча смотрела на нее, силой своего взгляда заставляя повиноваться.

Конан неслышно откинул занавеси, легко, как кошка, прыгнул вперед. Колдунья ничего не видела и не замечала вокруг, кроме кубка в руке Деяниры. Но что это?! Кубок Деяниры сжимает уже другая рука, а ей в горло упирается острие меча. Она впервые в жизни почувствовала ужас. Смерть смотрела на нее холодными голубыми глазами, переливалась жемчужным сиянием в золотом кубке.

Из горла старухи вырвался хрип, она попыталась что-то произнести, хотела взмахнуть свободной рукой — но Конан выплеснул напиток ей в лицо. Руки колдуньи разжались, и кубок упал на пол. С легким треском зазмеились белые молнии, причудливым кустом вырастая из пролитого вина. Куст мгновенно разросся от пола до потолка, грозя заполнить всю комнату. Конан подхватил Деяниру, лишившуюся сознания, плечом высадил дверь и бегом помчался прочь из дворца.

Отбежав довольно далеко, он оглянулся, ожидая увидеть за своей спиной необъятное полыхающее зарево. Но по небу по-прежнему плыли редкие тусклые облака, предвещаая близкий восход, а в зарослях орешника трепщали цикады.

Киммериец завернул бесчувственную женщину в плащ и бережно отнес к себе на постоянный двор, где она вскоре очнулась. Привстав на ложе и увидев рядом Конана, бедняжка разрыдалась. Так, всхлипывая, она в конце концов и уснула.

Пока Деянира спала, Конан решил сходить в лавку и купить ей новое платье, а на обратном пути заглянуть во дворец — проверить, что случилось с колдуньей.

Солнце уже клонилось к закату, когда он остановился перед знакомыми воротами. На этот раз его никто не встречал. Двери были открыты, кругом стояла мертвая тишина. Негры, служанки, повара, конюшие — все бесследно исчезли. Конан беспрепятственно добрался до злополучного коридора и, спрятавшись за угол, осторожно выглянул.

Дверь, сорванная с петель, валялась на полу. Сжимая меч, он тихо вошел в комнату. Похоже, подземный огонь неплохо здесь поработал, уничтожив все, что ему принадлежало. Голые стены, обугленная дыра в потолке. Ни книг, ни сосудов, ни колдовских снадобий. Только кучка зловонного пепла на полу. «Так. Надо нанять новых слуг, привести все это в порядок — и можно жить дальше, — обведя взглядом комнату подумал Конан и внезапно замер, прислушиваясь: — Клянусь Кромом, там кто-то плачет!»

Он выскочил из комнаты колдуньи и побежал в спальню Деяниры, откуда доносились жалобные звуки.

Там, на смятых подушках, лежал маленький Рино и скулил: бедолага потерял хозяйку и, видимо, решил умереть от горя, зарывшись в ее подушки.

Конан подхватил собачонку на руки и, спрятав ее за пазуху, поспешил вернуться к Деянире.

* * *

Уже ночью, лежа рядом с Конаном, успокоенная и счастливая, Деянира вдруг приподнялась на локте и долгим, внимательным взглядом посмотрела ему в глаза.

— О чем ты думаешь? — спросил Конан. — Все кончилось. Ты свободна, я рядом...

— Да, мой милый, как хорошо, что ты рядом! Я хочу быть с тобой долго, очень, очень долго... — Девушка вздохнула мечтательно, и губы ее изогнулись в ласковой улыбке. — Да, долго... Может быть, целый месяц!

СОДЕРЖАНИЕ

К. Стайл

ДАНЬ С ЖЕМЧУЖНЫХ ОСТРОВОВ

Пролог	7
Глава первая	14
Глава вторая	22
Глава третья	33
Глава четвертая	46
Глава пятая	69
Глава шестая	100
Глава седьмая	143
Глава восьмая	156
Глава девятая	197
Глава десятая	211
Глава одиннадцатая	239
Глава двенадцатая	251
Эпилог	262
 Д. Мак-Грегор. БИТВА БЕССМЕРТНЫХ	 267
Т. Доннел. ЗМЕИНЫЙ ЭЛИКСИР	377

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — “Книги по почте”.

Литературно-художественное издание

КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Главный художник *Сергей Шикин*
Художественный редактор *Екатерина Соболева*
Художник *Алексей Федоренко*
Верстка *Елена Посадова*
Технический редактор *Елена Шараева*
Корректоры *Вера Чаленко, Татьяна Мельникова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 21.11.97.
Формат 84×108¹/32. Бумага типографская. Гарнитура
«Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,36.
Тираж 18 000 экз. Заказ 2565.

Издательство “Северо-Запад”. Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197110, Санкт-Петербург, а/я 171
E-mail: sevzap @infoagro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

